САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Сборник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) студенческой научно-практической конференции с международным участием 17 апреля 2025 г.

Том 1

Санкт-Петербург
АНО ВО «СЮА»
2025

УДК 347
ББК 67
А-43

Редакционная коллегия:
О. С. Зыбина (председатель), Д. Ю. Гришин (ответственный редактор), А. А. Маркушева, А. Е. Толстова, Т. С. Тунчик

А–43 Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: сборник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) студенческой научно-практической конференции с международным участием 17 апреля 2025 г. : в 2-х томах. Т. 1. / редкол.: О. С. Зыбина (пред.), Д. Ю. Гришин (отв. ред.) [и др.] – Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2025. – 408 с.

В сборнике опубликованы научные статьи обучающихся образовательных организаций высшего образования Российской Федерации – участников Всероссийской (национальной) студенческой научно-практической конференции с международным участием, которая состоялась на базе Санкт-Петербургской юридической академии 17.04.2025.

В материалах сборника освещаются актуальные проблемы теории и истории права и государства, публичного и частного права, современное состояние и перспективы развития гражданского и уголовного права и других отраслей юридических наук.

Материалы, опубликованные в сборнике, представляют интерес для преподавателей и студентов юридических вузов и факультетов.

УДК 347
ББК 67

© АНО ВО «СЮА» (составление, оформление), 2025
© Авторы статей, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Алиуллина Е. В. Механизм осуществления наследственных прав в Российской Федерации ……..... 8

Бабаенко С. В. Понятие, признаки и правовая характеристика договора займа ……..……..…….. 13

Березина В. П. Сравнительная характеристика гражданско-правовых и трудовых договоров ……..……..…. 20

Бовзей А. С. Соотношение кондикционного обязательства и требования о возврате имущества, полученного по недействительным сделкам ……..……..…..……..……. 25

Бойцова О. В. Особенности пресекательных (преклюзивных) сроков в гражданском праве …….…….... 31

Большаков Н. В. Свобода предпринимательства и ее ограничения при осуществлении контроля ……..…….... 35

Братанова Е. Н. Актуальные вопросы государственной регистрации прав на недвижимое имущество ……..……..... 41

Бурков Е. А., Бейн А. К. Эволюция института залога от римского частного права до наших дней ……..... 46

Бурков Е. А. Исторические аспекты развития сервитутов в отечественном законодательстве: проблемы и перспективы развития ……..... 50

Веричева К. В. Актуальные вызовы и перспективы международного частного права ……..... 54

Гарипова Н. С. Наследование земельных участков на современном этапе: правовые проблемы ……...…... 57

Гарлина Э. И., Федоров В. А. Характеристика сделок с пороками воли ……...……...…... 62

Гизатулина А. А. Понятия «ограничение» и «обременение» прав на недвижимое имущество в гражданском праве Российской Федерации ……..... 68

Григорьев Е. А. Фидуциарные обязанности в корпоративном управлении: сравнительный анализ российских и зарубежных практик 74

Гриненко Н. В., Толстова А. Е. Особенности приобретения наследства при наследственной субинституции 81

Гриненко Н. В., Шевчук С. С. Особенности приобретения в порядке наследования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью 88

Гриненко Н. В. Порядок совершения нотариальных действий при принятии наследства 95

Гришков В. Ф. Понятие и признаки комплекса недвижимого имущества 101

Грудина С. А. Правовая охрана авторских прав в цифровой среде: проблемы и перспективы 107

Гусева М. С. Ипотечное кредитование и банкротство: последствия для заемщиков и возможности защиты прав, законодательные пробелы и пути их решения 112

Демин И. С. Midjourney, NFT: Новая эра в интеллектуальной собственности. актуальные вопросы и проблемы правовой защиты 118

Демин И. С., Зуев А. В. Актуальные вопросы российской системы охраны интеллектуальных прав в период «СВО» и санкционного давления 125

Жданов Е. И., Новичкова Ю. Г. Правовое регулирование гражданского оборота информации как объекта гражданского права 131

Жук О. А. Условия и пределы ответственности родителей и законных представителей несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет 137

Игнатова Н. А. Понятие и содержание имущественных правоотношений супругов 142

Ильина Д. Ю. Некоторые особенности реорганизации и ликвидации некоммерческих унитарных организаций 148

Колыш М. Н. Право пользования жилым помещением в силу завещательного отказа 158

Кондрашов Н. А. Понятие и правовая природа корпоративных отношений 165

Коренблюм Е. А. Торги как способ заключения договора поставки товаров для государственных и муниципальных нужд … 171

Корченкова М. А. Проблемы и перспективы развития правого регулирования отношений розничной купли-продажи ……..……... 178

Куприс Н. Л. Правомочия публичного образования как собственника 185

Лапшова А. Д. Частноправовые аспекты медицинской деятельности 193

Майорова А. Л. Проблема определения размера компенсации морального вреда, причиненного в результате некачественного оказания стоматологической помощи ……..... 199

Майшев А. А. Проблемные моменты института обеспечения иска в гражданском процессе ……... 205

Майшев А. А., Гришин Д. Ю. Актуальные тенденции цифровизации искового производства в судопроизводстве по частным делам ….. 209

Майшев А. А., Шубин Ю. П. Проблема отмены ранее наложенных мер по обеспечению иска ……..…... 215

Макарьева У. В. Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации в сфере закупок товаров, работ, услуг ….. 220

Маньков В. И. Принцип равенства религиозных объединений: проблемы реализации ……..... 225

Махаев Д. Н. Компенсация морального вреда: отечественный и зарубежный опыт ……... 231

Мурашкина К. А. Особенности регулирования сделок с взаимозависимыми лицами ……..……... 237

Мусатов А. С. Особенности рассмотрения дел о лишении и ограничении дееспособности физического лица ……..... 237

Пельт Д. А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный в результате дорожно-транспортного происшествия 244

Познова Ю. А., Новичкова Ю. Г. Цифровые активы в наследственном праве: проблемы перехода прав на NFT и криптовалюты 248

Полушкин В. А., Шварц Л. В. Особенности правового положения субъектов отношений по перевозке грузов ……..... 254

Полушкин В. А. Понятие и правовая природа переадресовки грузов 260

Попова Е. А. Проблемы признания и приведения в исполнение судебных решений о расторжении трансграничного брака в Российской Федерации и зарубежных странах ……...…… 265

Пригожий А. А. Признание договора имущественного страхования недействительным в связи с сообщением страховщику заведомо ложных сведений ……..…… 271

Прокофьева Д. А. Правовое регулирование наследственных правоотношений с участием иностранных лиц ……..……... 279

Радов О. А. Понятие и сущность гражданско-правового договора в Российской Федерации ……..……... 285

Роенко Э. В. Проблемы реализации прав пережившего супруга при наследовании имущества, находящегося за границей …..……. 289

Савельев Д. В. Изменение наследственного правоотношения …... 292

Сибагатуллина Р. Т. Понятие и признаки иска о признании вещного права отсутствующим ……..……. 299

Студенников Ф. А. Сущность корпоративного управления: теоретические подходы и современные интерпретации ……..... 304

Тадевосян А. А. Правовое регулирование деятельности международного коммерческого арбитража …….……. 308

Тиханов А. А. Содержание исключительных авторских и смежных прав …….……... 313

Тиханов А. А., Богачева Е. М. Понятие и признаки объектов авторских и смежных прав, как предпосылки содержания исключительных прав ……... 320

Тиханов А. А., Толстова А. Е. Правовое регулирование аудиовизуальных произведений по российскому и зарубежному законодательству ……... 330

Толстик В. В. Правовой статус арбитражного управляющего ….. 337

Туркин М. Ю. Механизм выявления поддельных документов при осуществлении нотариальной деятельности ……...….. 343

Фадеев А. А. Судебное представительство как фактор повышения качества судебного процесса и обеспечения обоснованности решения суда в гражданском судопроизводстве ……... 348

Федоров В. А., Гарлина Э. И. Порядок признания и последствия наличия порока воли в сделке ……..…….….. 356

Хуснулова О. А. Проблемы гармонизации процессуальных норм в международном и национальном праве ……..……..... 362

Шачнева Е. В. Особенности расторжения договора банковского счета ……...……..... 368

Шостенко Е. С. Версионный иск как субсидиарное средство защиты в российском правовом порядке …… 374

Шумилов К. Э. Правовое регулирование отношений в сфере лицензирования предпринимательской деятельности …….……. 378

Щепалина К. Д. Потерпевший и третьи лица как участники деликтных обязательств ……...……..... 382

Элоян Р. С. Страховые правоотношения при реализации договора строительного подряда ……..... 389

Яковлев А. М. Наследования выморочного имущества муниципальным образованием ……....…... 395

Ямковский Ю. Д. Особенности защиты прав потребителей при покупке товаров через интернет ……..…… 400

Янглеева Э. Р. Принцип полного возмещения вреда и проблемы его реализации …….…..... 404

СЕКЦИЯ
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Джапаркулов А. С. Нормативно-правовые регулирование в системе огневой и физической подготовки органов внутренних дел Кыргызской Республики …….……..... 410

СЕКЦИЯ
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

УДК 347.65/.68

Алиуллина Евгения Васильевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: evgeniaaliullina@gmail.com

Aliullina Evgeniya Vasilevna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy),
E-mail: evgeniaaliullina@gmail.com

МЕХАНИЗМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE MECHANISM OF EXERCISING INHERITANCE RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Статья посвящена механизму осуществления наследственных прав в Российской Федерации. Особое внимание автор уделает этапам процесса наследования, правам и обязанностям наследников, а также судебной практике по спорам, связанным с наследством. Исследование включает анализ правовых норм, регулирующих наследственные правоотношения, а также практические аспекты реализации наследственных прав гражданами. В статье будет рассмотрены проблемы и споры при осуществлении наследственных прав.

Ключевые слова: наследственные права, основания наследования, наследники, наследственное имущество, принятие наследства, отказ от наследства.

The article is devoted to the mechanism of exercising inheritance rights in the Russian Federation. The author pays special attention to the stages of the inheritance process, the rights and duties of heirs, as well as judicial practice in disputes related to inheritance. The study includes an analysis of the legal norms governing inheritance relations, as well as practical aspects of the realization of inheritance rights by citizens. The article address the problems and disputes in the exercise of inheritance rights.

Keywords: inheritance rights, grounds of inheritance, heirs, hereditary property, acceptance of inheritance, renunciation of inheritance.

Механизм осуществления наследственных прав представляет собой важный элемент правовой системы в Российской Федерации, регулирующий порядок перехода прав и обязанностей от наследодателя к его наследникам и иным лицам. С учетом постоянных изменений в законодательстве и роста числа наследственных споров, вопросы, касающиеся механизма реализации наследственных прав, становятся все более значимыми.

Осуществление наследственных прав осуществляется на основе различных оснований наследования, которые закреплены в ГК РФ, в

частности в ст. 1111 ГК РФ говорится, что наследники вправе наследовать имущество, оставшееся от наследодателя после его смерти. Ввиду того, что они имеют право на имущество, которое может быть передано по завещанию или по наследственному договору, в случае отсутствия или недействительности, имущество наследуется по закону. Учитывая, что каждое основание имеет свои особенности, влияющие на порядок передачи имущества, права и обязанности участников наследственных правоотношений могут отличаться. В связи с этим, в данной работе будет более подробно рассмотрено, какие существуют основания для наследования.

Рассмотрение данного вопроса начнем с наследования по завещанию. Под наследованием по завещанию автор понимает передачу имущества согласно воле, выраженной наследодателем в завещании. С помощью завещания наследодатель может самостоятельно определить, кто станет наследником, а также распределить доли имущества между ними. В свою очередь, Ю. Н. Денисова считает, что наследование по завещанию — это личное распоряжение гражданина принадлежащим ему имуществом на случай смерти, сделанное в предусмотренной законом форме. Автор отмечает, что волеизъявление гражданина, оформленное в письменной форме, обладает большей значимостью, чем наследование в порядке очередности, то есть по закону [1, с. 42]. В этом случае учитывается не только действительная, но и предполагаемая воля наследодателя, и отдается предпочтение действительной, если она существует.

Согласно информации, предоставленной Министерством юстиции, за 2023 год жители Российской Федерации составили более 560 тысяч завещаний [2]. В свою очередь Федеральная нотариальная палата России сообщила, что по итогам 8 месяцев в 2024 году нотариусы удостоверили уже 389,8 тысяч завещаний. Это на 8% больше, чем за аналогичный период в 2023 году. Этот показатель свидетельствует о значительной популярности этой формы распоряжения имуществом.

Следующее основание наследования, которое мы рассмотрим, это наследственный договор. Он является относительно новой формой в российском законодательстве, позволяющий наследодателю и наследникам заранее согласовать условия наследования, что делает этот инструмент гибким и удобным для урегулирования сложных имущественных вопросов. По определению Д. В. Бушлякова, наследственный договор – это договор, по которому одна сторона (приобретатель) обязуется выполнять по распоряжению другой стороны (отчуждателя) определенное действие (действия) имущественного или неимущественного характера и в случае его смерти (объявления умершим) приобретает право собственности на определенное в данном договоре имущество отчуждателя» [3, с. 14].

Как отмечено в литературе, под наследственным договором понимает договор между наследодателем и потенциальным наследником, который может рассматриваться в качестве основания для получения наследства согласно законодательству РФ [4, с. 94]. В отличие от завещания, он является двусторонней сделкой и требует согласия обеих сторон. Наследодатель

вправе обусловить приобретение наследства выполнением определенных условий, например, оказывать помощь в уходе за ним в старости. Наследник, соглашаясь на эти требования, берет на себя ответственность, что гарантирует их исполнение. Под лицами, которые могут получить наследство по такому договору, понимаются не только физические, но и юридические лица, которые были определены в самом договоре.

Для составления данного договора необходимо указать сведения о наследодателе и его наследниках, четко распределить доли наследства, которые будут принадлежать каждому из них, а также следует указать имущество, подлежащее наследованию, и условия его перехода наследникам. Нотариус подтверждает подлинность подписей сторон и заверяет договор, что обеспечивает его законность и защиту прав сторон (п. 7 ст. 1140.1 ГК РФ).

Нотариальное удостоверение наследственного договора обеспечивает его юридическую силу и помогает избежать споров и разногласий между лицами, имеющими право на получение наследства. Несмотря на это, он все равно может быть оспорен в суде при наличии оснований, предусмотренных законом, например, если заключен под влиянием обмана или насилия.

Единственное основание наследования, которые мы еще не рассмотрели – это наследование по закону. Российский ученый О.С. Иоффе рассматривал наследование по закону, как способ восполнения воли наследодателя на тот случай, когда он не оставляет волеизъявления. Он исходил из предположения о том, кому бы досталось имущество, если бы не было составлено волеизъявление наследодателя [5].

По мнению автора, наследование по закону означает процесс, при котором имущество умершего лица (наследодателя) передается его законным правопреемникам, определяемым нормами Гражданского кодекса Российской Федерации. При условии отсутствия завещания или наследственного договора, а также в случае их недействительности или отказа наследников от наследства, имущество наследуется по закону [6, с. 29]. В этом случае порядок определения наследников осуществляется в соответствии с очередностью.

Согласно ст. 1141 ГК РФ, наследниками по закону признаются лица, имеющие родственные связи с наследодателем. Они делятся на восемь очередей в зависимости от степени родства. Право на наследование у каждой последующей очереди возникает только при отсутствии наследников предыдущей очереди или их отказе от наследства. Такой принцип гарантирует честное и справедливое распределение наследства между родственниками, что является важным аспектом наследственного права. Следовательно, наследники и иные лица могут претендовать на наследственное имущество, передаваемое в соответствии с одним из оснований наследования. Каждое из этих оснований имеет свои особенности, которые определяют порядок перехода наследства.

Хотелось бы отметить, независимо от оснований, наследство открывается со смертью гражданина. Открытие наследства представляет собой юридическое событие, с которым связано возникновение

наследственных правоотношений. Исходя из ст. 1113 ГК РФ, можно сделать вывод, что наследственное дело открывается со смертью гражданина или с признанием его умершим по постановлению суда. Данный момент является началом процесса наследования, поскольку именно с этого момента возникает возможность для наследников заявить о своих правах на наследственное имущество. Следует упомянуть, что наследники могут как принять наследство, так и отказаться от него.

Принятие хотя бы одной вещи наследодателя означает, что наследник принимает все наследственное имущество, включая права и обязанности, которые были у покойного. Процедура принятия наследства регулируется нормами ГК РФ, в частности ст. 1152. Наследник может принять наследство двумя способами: подав заявление нотариусу по месту открытия наследства или фактически вступив во владение имуществом. Заявление подается нотариусу, в котором должно быть отражено согласие наследника. Фактическое принятие наследства подтверждается действиями, свидетельствующими о его намерении вступить в права наследования, такими как уплата долгов или управление имуществом. Важно помнить, что наследство должно быть принято в течение шести месяцев с момента его открытия. Пропуск этого срока может привести к утрате права на наследство, если не будут представлены уважительные причины, признанные судом.

Принятие наследства влечет за собой значительные юридические последствия для наследника. Прежде всего, он становится правопреемником всех имущественных прав и обязанностей наследодателя, включая его долги. Это подразумевает, что наследники обязаны погасить долги наследодателя в пределах стоимости унаследованного имущества. Данная норма закона защищает интересы кредиторов и ограничивает ответственность наследников, предотвращая ситуации, когда они расплачиваются по долгам за счет своего имущества.

Таким образом, законодательство устанавливает баланс между правами кредиторов и наследников, обеспечивая справедливость в наследственных отношениях. Кроме того, принятие наследства закрепляет за наследником право собственности на унаследованное имущество, что позволяет ему распоряжаться им по своему усмотрению. Однако важно помнить, что принятие наследства является необратимым процессом, и наследник не может отказаться от него после принятия.

Как уже упоминалось, наследник имеет возможность отказаться от наследства, следуя установленным законом правилам. В соответствии со ст. 1158 ГК РФ, отказ осуществляется путем подачи письменного заявления нотариусу в течение шести месяцев с момента открытия наследства. Такой отказ может быть направлен как в пользу других наследников, так и без указания конкретного лица. Следует отметить, что отказ от наследства не может быть условным или частичным. Кроме того, это действие является необратимым: после его осуществления наследник теряет все права на наследственное имущество.

Необходимо подчеркнуть, что в Российской Федерации в процессе реализации наследственных прав возникают различные трудности и споры, которые затрудняют принятие наследства. Главными причинами их возникновения являются несогласие наследников по поводу распределения имущества, наличие спорных завещаний и недостаточную осведомленность о своих правах и обязанностях. Оспаривание завещаний также представляет собой сопутствующую проблему.

Наследники имеют право оспаривать законность завещания, утверждая, что в момент его оформления наследодатель не располагал достаточной дееспособностью или был под влиянием и воздействием заинтересованных лиц [7, с. 440]. Часто такие разногласия требуют судебного разбирательства, что связано с дополнительными затратами времени и ресурсов.

В процессе наследования возникают судебные споры, которые составляют значительную часть гражданских дел в судах Российской Федерации. К числу наиболее распространенных категорий дел, относятся дела о признании недействительности завещаний, вопросы обязательной доли в наследстве, а также дела о разделе наследственного имущества. Эти категории дел характеризуются сложностью правоприменения, так как необходимо учитывать во внимание как нормы материального и процессуального права, так и реальные обстоятельства, часто связанные с личными отношениями наследников.

Анализ этих дел позволяет выявить типичные проблемы, с которыми сталкиваются стороны, и определить направления для совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Список источников

1. Денисова, Ю. Н. Проблемы в сфере правового регулирования наследственных отношений в России и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 4 (45). С. 41-46.

2. Сведения о нотариате в Российской Федерации (Сводный отчет по Минюсту России) (за 12 месяцев 2023 года) // Министерство юстиции Российской Федерации [сайт]. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2023-god/ (дата обращения 12.02.2025).

3. Бушлякова, Д. В. К вопросу о проблемах применения наследственного договора в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. №7. С. 12-18.

4. Шевчук, С. С., Толстова А. Е. Правовое регулирование наследственных отношений по российскому и международному частному праву. Монография. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 264 с.

5. Иоффе, О. С. Советское гражданское право. Москва : Юрид. лит., 1967 // Российская государственная библиотека [сайт]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01006205408 (дата обращения 12.02.2025).

6. Денисова Ю. Н., Зыбина О. С., Толстова А. Е. Наследование по закону (монография). Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 208 с.

7. Юсова, Ю. В. Бакунин, С. Н. Институт наследника в законодательстве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ // Аллея Науки. 2023. № 11(86). С. 437-442.

УДК 347.455

Бабаенко Сергей Валерьевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Babayenko Sergey Valerievich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОГОВОРА ЗАЙМА

CONCEPT, FEATURES AND LEGAL CHARACTERISTICS OF A LOAN AGREEMENT

В статье исследуются понятие, признаки и правовая характеристика договора займа. Представлен анализ доктринальных, в том числе дореволюционных источников. Особое внимание уделено изменениям гражданского законодательства, регулирующего заемные отношения. Предложено закрепить нормы, регулирующие основания и порядок отказа от консенсуального договора займа, а также правовые последствия такого отказа. Автор считает, что можно установить право займодавца отказаться от договора займа, содержащего условия передачи предмета займа в будущем.

Ключевые слова: договор займа, предмет займа, консенсуальный и реальный договор, презумпция возмездности, заемщик, заимодавец, односторонний договор.

The article examines the concept, features and legal characteristics of a loan agreement. The analysis of doctrinal, including pre-revolutionary sources, is presented. Particular attention is paid to changes in civil legislation regulating loan relations. It is proposed to fix the rules governing the grounds and procedure for refusal of a consensual loan agreement, as well as the legal consequences of such refusal. The author believes that it is possible to establish the right of the lender to withdraw from the loan agreement containing the conditions for the transfer of the subject of the loan in the future.

Keywords: loan agreement, subject of the loan, consensual and real agreement, presumption of compensation, borrower, lender, unilateral agreement.

В дореволюционном российском праве понятие договора займа отсутствовало. Однако, поскольку среди ученых-цивилистов того времени мнения о понятии, правовой природе и характеристике рассматриваемой правовой конструкции значительно различались, различались и те определения договору займа, которые они выделяли. Так, Д. И. Мейер, в своем определении

договора займа, вопреки сложившемуся представлению, исходил из его консенсуального и двустороннего характера, учитывал, что данный договор может иметь как безвозмездный, так и безвозмездный характер, а предметом договора займа может выступать любое родовое имущество. При этом причину использования законодателем реальной модели договора займа Д. И. Мейер связывал с особенностями его оформления. Так, по его мнению, именно текст заемного письма, которым на практике обычно и закреплялись заемные обязательства указывал на необходимость возвращения суммы займа, но не оговаривал обязательств займодавца [1, с. 598].

Победоносцев К. П., напротив, подчеркивал, что сущность займа состоит в возвращении взятого в заем, и значит обязательство отдать обратно существует под условием предварительной передачи. Договор о заключении займа данный автор предлагал рассматривать как особого рода договор, отличный от договора займа. Таким образом, он поддерживал мнение о реальности договора займа.

Реальный характер договора займа отстаивал Г. Ф. Шершеневич, указывая в своем определении договора займа на одностороннюю обязанность заемщика возвратить взятые у другого лица в собственность заменимые вещи в том же количестве и того же качества. Он считал взгляд Д. И. Мейера неправильным, а договор, по которому лицо обязывается передать заменимые вещи, а другое возвратить через определенный срок равноценное имущество следует скорее считать предварительным договором – договором о совершении займа в будущем [2, с. 481].

Впервые определение договора займа было закреплено в ГК РСФСР 1922 г., при этом в данном нормативно-правовом акте регулированию отношений, возникающих из договора займа, отводилась гл. VI. Таким образом, договор займа уже рассматривался, как самостоятельный гражданско-правовой договор. В соответствии со ст. 208 ГК РСФСР 1922 г., под договором займа понимался договор, «по которому одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или определенные родовыми признаками вещи, а заемщик обязуется возвратить займодавцу полученную сумму денег или равное взятому взаймы количество вещей того же рода и качества с процентами или без процентов».

В юридической литературе, отмечается, что нормы регулирующие отношения займа практически воспроизводили текст Проекта Гражданского уложения 1913 года, за некоторыми исключениями непринципиального характера [3, с. 43].

Из приведенного выше определения следует, что договор займа рассматривался как реальный договор, который вступал в юридическую силу в момент передачи предмета займа. Односторонний характер заемного обязательства также предопределялся реальным характером договора займа. Допускалась как безвозмездная, так и возмездная конструкция договора займа. Вводилась презумпция безвозмездности займа. Устанавливался размер займа, при котором, он считался возмездным, если иное не было установлено соглашением. Законодатель позволял облекать в заемное обязательно любой денежный долг, допуская, тем самым, возможность новации долгового обя-

зательства в заемное. В отношении договора займа закреплялись случаи, когда он должен быть заключен в письменной форме, устанавливались условия и правовые последствия досрочного возврата займа, правила о недействительности займа по безденежности.

Значительно сузила сферу действия договора займа кредитная реформа, которая была проведена в СССР в начале 30-х годов. В ряде постановлений СНК СССР был введен запрет участия в заемных отношениях социалистических организаций. Одни авторы объясняли подобное решение необходимостью развития хозрасчета. Другие говорили, что введение такого запрета направлено на укрепление банковского кредитования и будет способствовать развернутому планированию народного хозяйства. В итоге банковское кредитование было выведено из-под действия норм о займе, которые теперь использовались для регламентации обязательств, возникающих между гражданами [4, с. 99].

После кодификации гражданского законодательства в 60-х годах XX века в ГК РСФСР 1964 г. глава о займе была сохранена, при этом в нее были включены общие правила о договоре займа, но и правила, регулирующие его отдельные разновидности (договор, оформляющий заемные операции банков и государственных трудовых сберегательных касс, ломбардов, касс общественной взаимопомощи и фондов творческих союзов). Сравнение норм ГК РСФСР 1922 г. и норм ГК РСФСР 1964 г. позволяет выявить существенное отличие регулирования заемных отношений: социалистические организации теперь могли заключать договор займа и передавать (получать) денежные средства (вещи) в оперативное управление; проценты по займу могли взыскиваться в случаях, установленных законом; не допускались свидетельские показания доказывающие заключение договора займа; долговые обязательства не могли теперь оформляется займом; отсутствовало даже упоминание о предварительном договоре займа. Подобные изменения объяснялись изменением экономических условий [5]. Однако, как, например, считал О. С. Иоффе, подобный отказ от традиционных правил регулирования заемных отношений привел к обеднению имущественного оборота [6].

С изменением политических, экономических и социальных условий в России назрела необходимость в значительном реформировании гражданского законодательства. В Основах гражданского законодательства 1991 г., пусть и действовавших в течение непродолжительного времени были закреплены нормы, учитывающие особенности рыночной экономики. Так, допускалось заключение договоров займа между хозяйствующими субъектами любой организационно-правовой формы, закреплялась презумпция возмездности предпринимательского займа и безвозмездности бытового договора займа, допускался возмездный заем по соглашению сторон, действие норм о договоре займа распространялись и на отношения товарного и коммерческого кредита.

В настоящее время договор займа регламентируется положениями гл. 42 ГК РФ. В 2017 году Федеральным законом РФ 26.07.2017 № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федера-

ции» были внесены изменения практически в каждую статью гл. 42 ГК РФ. Так что процесс развития правового регулирования отношений, скалывающихся в связи с заключением и исполнением договора займа, продолжается.

Как отмечается в юридической литературе, закрепленная в части второй ГК РФ конструкция договора займа приобрела то значение, которое ему придавалось в дореволюционном гражданском праве, и которое в силу соображений политической конъюнктуры и особых экономических условий было утрачено в советский период [7, с. 47]. Договор займа снова стал рассматриваться как родовое понятие по отношению ко всем сделкам, по которым одна сторона передает другой стороне родовое имущество (деньги, вещи), с обязанностью возврата того же рода, количества и качества вещей, которые, в свою очередь, будут признаваться отдельными видами договора займа. Нормы о займе применяются и к другим кредитным обязательствам, если иное не установлено законом и не противоречит существу таких обязательств.

Статья 807 ГК РФ до недавнего времени практически воспроизводила определение договора займа, ранее закрепленное в ст. 269 ГК РСФСР 1964 г. и п. 1 ст. 113 Основ гражданского законодательства 1991 г. Однако, в 2017 году и в данную норму были внесены изменения, позволяющие по-иному подойти к правовой характеристике рассматриваемой договорной конструкции.

Итак, согласно п. 1 ст. 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (займодавец) передает или обязуется передать в собственность другой стороне (заемщику) деньги, вещи, определенные родовыми признаками, или ценные бумаги, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество полученных им вещей того же рода и качества либо таких же ценных бумаг. При этом в абз 2 п. 1 ст. 807 ГК РФ особо оговариваются особенности заключения договора займа между гражданами. Между ними договор будет считаться заключенным только после фактической передачи предмета договора займа.

Признаком, с помощью которого договор займа можно выделить в отдельный вид гражданско-правового договора является характер направленности. Договор займа направлен на предоставление имущества в собственность другому лицу, с возложением на него обязанности по возврату равного количества такого же имущества [8, с. 241].

Выделенный родовой признак договора займа предопределяет то, что унифицированные нормы о займе могут применяться к иным договорам такой же направленности, если только в законе не устанавливается специальных правил. Тем самым сфера договора займа значительно расширяется. Однако в таком случае нормы о займе распространяются не только к отношениям коммерческого и товарного кредита. Если исходить из правовой природы займа, как отношений, сущностью которых является отсрочка возврата, то в форму займа можно облечь любой долг. Возможна новация долга в заемное обязательство, а следовательно, возможность применения норм о займе (ст. 818 ГК РФ).

Особая направленность договора займа позволяет выделить и особенность его предмета. Так, предметом договора займа являются вещи, определяемые родовыми признаками. При этом следует отметить, что после внесе-

ния изменений в нормы гл. 42 ГК РФ предмет договора займа был расширен. Новая редакция п. 1 ст. 807 ГК РФ допускает заем не только денежных средств, как наличных, как и безналичных, иностранной валюты, иных валютных ценностей, с учетом правил их обращения, а также ценные бумаги. Некоторые авторы, указывают, что к вещам, определяемым родовыми признаками, могут быть отнесены и достаточно экзотические для современного общества объекты, например, криптовалюта [9, с. 21]. Что касается ценных бумаг, то возможность займа данных объектов допускалась в российском законодательстве и ранее [10, с. 59]. Так, например, возможность заключения договора займа ценных бумаг устанавливается в п. 4 ст. 3 Федерального закона РФ от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», в котором говорится о займе ценных бумаг.

Следует отметить, что изначально предметом займа выступали именно деньги (монета). При этом, ни в теории, ни на практике не возникало разногласий в отношении того, что предметом договора займа может служить передача только заменимых вещей, к которым, конечно, и относились деньги.

Если предметом займа выступают деньги, то при наступлении срока возврата, заемщик возвращает уже «другие», но той же ценности деньги. Так и с другими потребляемыми вещами, заемщик возвращает вещи похожие на взятые у займодавца. Таким образом, в действующем законодательстве был сохранен принцип возврата вещей «таких же, но не тех» [11, с. 20].

Договор займа, еще с советского времени, рассматривался, безусловно, как реальный, односторонний. Он мог быть сконструирован и как возмездный и как безвозмездный договор. При этом безвозмездность (беспроцентность) займа могла устанавливаться законом или договором. Однако изменениями, внесенными в гражданское законодательство в нормы, регулирующие договор займа такое традиционное понимание было изменено.

Теперь уже с 01.06.2018 договор займа может быть заключен по модели как реального, так и консенсуального договора. С одной стороны, анализ п. 1 ст. 807 ГК РФ позволяет сказать, что реальность либо консенсуальность договора займа зависит от усмотрения сторон. С другой стороны, законодатель прямо закрепляет, что если в договоре займа в качестве заимодавца выступает гражданин, то договор займа будет реальным (абз. 2 п. 1 ст. 807 ГК РФ).

Таким образом, договор займа остается реальным только когда заимодавец – гражданин, во всех остальных случаях договор может быть как реальным («передает»), так и консенсуальным («обязуется передать»).

В юридической литературе дается в целом положительная оценка данных изменений. П.В. Крашенинников, например, считает, что «...в Гражданский кодекс внесли «передовые» новеллы из международного права» [12]; В. В. Витрянский, указывает, что «такой подход соответствует тенденциям развития европейского (континентального) права» [13, с. 332]. Представляется, однако, что данные авторитетные авторы забывают, что в еще дореволюционной российской цивилистике происходило достаточно серьезное обсуждение консенсуальной конструкции договора займа, выдвигались свои подходы в решении данного вопроса. В частности, большинство уче-

ных, да и практика судов придерживались мнения, что консенсуальный договор займа следует рассматривать, как предварительный договор.

По нашему мнению, внедрение консенсуальной конструкции договора займа, должно учитывать необходимость прямого регулирования правовых последствий его неисполнения. Так, дореволюционные цивилисты полагали, что отказ от договора займа, предусматривающего обязанность передачи родового имущества в будущем возлагает на неисправного займодавца обязанность возмещения причиненных заемщику убытков. Современный законодатель в нормах гл. 42 ГК РФ определяет только обязанности заемщика, что указывает на односторонний характер договора займа, но не выделяет норм, определяющих обязанности займодавца в случае заключения консенсуального договора займа. Полагаем, что применение общих правил об отказе от договора (ст. 450.1 ГК РФ) и о последствиях расторжения договора (ст. 453 ГК РФ) не смогут в полной мере защитить заемщика от неисправного должника. В этой ситуации заемщик вправе потребовать в судебном порядке понудить заимодавца к выдаче предмета договора займа или потребовать возмещения причиненных убытков в связи с неисполнением договорных обязательств. При этом, подобные требования исключены применительно к реальным договорам, в которых заимодавцем выступает гражданин. Некоторые авторы полагают, что непередача предмета займа означает отсутствие договорных отношений между сторонами и признание договора незаключенным [14, с. 15]. Считаем, что такой подход в корне неверен. Незаключенным считается договор, по существенным условиям которого стороны не договорились. В случае, когда заключен консенсуальный договор займа, да и реальный договор займа непередачу предмета займа следует считать неисполнением договора, правовые последствия при этом значительно отличаются от правовых последствий квалификации договора как незаключенного. Регулятивные отношения трансформируются в охранительные. Здесь нужно решить будут ли применяться к неисправной стороне какие-либо санкции. При этом понуждение к исполнению договора в данной ситуации, по нашему мнению, применять нецелесообразно.

Полагаем, что в гл. 42 ГК РФ необходимо прямо закрепить нормы, регулирующие основания и порядок отказа от консенсуального договора займа, а также правовые последствия такого отказа. Считаем, что можно установить право займодавца отказаться от договора займа, содержащего условия передачи предмета займа в будущем. Полагаем, что об отказе от договора займа займодавец должен заявить в разумные сроки, но не позднее чем за неделю до момента передачи предмета займа. При несоблюдение данный условий нужно установить право требовать в этом случае от займодавца возмещения причиненных убытков в виде реального ущерба и упущенной выгоды.

Список источников

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право. Москва : Статут, 2000. 829 с.

2. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. Москва : Спарк, 1995. 556 с.

3. Брагинский М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований: в 5 томах. Т. 1. Москва : Статут, 2011. – 726 с.

4. Толстова А. Е. Понятие, признаки и правовая характеристика договора займа // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 1 (44). С. 98-104.

5. Иоффе О. С., Толстой Ю. К. Новый гражданский кодекс РСФСР. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965 // Российская государственная библиотека [сайт]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01006205404?ysclid=m7x4t28zph461871498 (дата обращения 25.05.2024).

6. Иоффе О. С. Обязательственное право. Москва : Юрид. лит., 1975 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК» [сайт]. URL: http://lawlibrary.ru/izdanie11300.html (дата обращения 22.02.2025).

7. Денисюк С. П., Толстова А. Е. Договорное право: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2020.108 с.

8. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. Москва : Норма, Инфра-М, 2013. – 496 с.

9. Максуров А. А. Использование криптовалюты при заключении и исполнении гражданско-правовых договоров // Право и экономика. 2018. № 8. С. 17-22.

10. Абрамова Е. Н. Договор займа ценных бумаг // Право и экономика. 2018. № 4. С. 56-66.

11. Олейник Е. В. Договор займа: изменения в законодательстве Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 6. С. 19-22.

12. Крашенинников П. В. В Гражданский кодекс внесут «передовые» новеллы из международного права // Legal.Report [сайт]. URL: https://legal.report/article/04072017/v-gk-vnesut-peredovye-novelly-o-finansovyh-sdelkah/. (дата обращения 22.02.2025)

13. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. Москва : Статут, 2017. 528 с.

14. Качур Н. Ф. Об изменении модели и других новеллах правового регулирования договора займа // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 6. С. 12-18.

УДК 347.454.1

Березина Вероника Петровна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: veronika.galanina@mail.ru

Berezina Veronika Petrovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: veronika.galanina@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ И ТРУДОВЫХ ДОГОВОРОВ

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF CIVIL LAW AND EMPLOYMENT CONTRACTS

В статье обозначена проблема, связанная с необходимостью разграничения критериев гражданско-правового и трудового договоров, приведены разные точки зрения представителей юридической науки по отбору критериев, в том числе на основании судебной практики. Представлена авторская характеристика сравнительного анализа двух видов договоров на основании различных критериев. Определены преимущества и недостатки сторон в каждом из видов договоров. Итогом исследования становится предложение о более четком их фиксировании в законодательстве, что будет способствовать недопущению со стороны работодателей заключения гражданско-правового договора как более выгодного для него, вместо трудового.

Ключевые слова: сравнение, трудовой договор, преимущества, гражданско-правовой, недостатки, отношения.

The article identifies a problem related to the need to distinguish the criteria of civil law and employment contracts, and provides different points of view from representatives of legal science on the selection of criteria, including on the basis of judicial practice. The author's characteristic of the comparative analysis of two types of contracts based on different criteria is presented. The advantages and disadvantages of the parties in each type of contract are identified. The subject of the study is a proposal for their clearer fixation in legislation, which will help employers to prevent the conclusion of a civil contract as more beneficial to him, instead of an employment contract.

Keywords: comparison, employment contract, advantages, civil law, disadvantages, relationships.

Проблема соотношения трудового и гражданско-правового договора находится в центре внимания юридической науки уже не одно десятилетие. Особенно актуальной она становится в последнее время, так как появление новых видов взаимодействия сторон в выполнении определенных работ вызывает у руководителей соблазн заменить традиционный договор в сфере труда на иной менее затратный для него вид. Это связано еще и с тем, что в российском законодательстве до сих пор «четко не определены критерии

разграничения трудовых и гражданско-правовых договоров» [1, с. 487], что приводит к сложностям в восстановлении через суд нарушенных прав.

Однако, если суд установит, что работодатель, используя пробелы в законодательстве, регулировал сложившиеся трудовые отношения с работником посредством гражданско-правового договора, то суд «применит к таким отношениям трудовое законодательство» [2, с. 93].

Анализируя подчиненный характер взаимоотношений сторон трудового договора, М. Н. Мосалов, считает, что руководящее лицо «проявляет себя экономическим доминантом по отношению к подчиненному работнику» [3, с. 53].

Понятие «трудовой договор» в качестве соглашения между работником и работодателем определено ст. 56 Трудового Кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (далее – ТК РФ). В ст. 420 ГК РФ под договором также понимается соглашение. Это первая общая черта, которая объединяет два вида договоров: гражданско-правовой и трудовой.

К следующим общим чертам следует отнести:

- возмездность работы;
- возможность расторжения или же изменения договора по обоюдному согласию или предложению одной из сторон;
- наличие прав, обязанностей и ответственности у его сторон.

Особенности, «присущие трудовому договору, обусловлены защитной функцией трудового права» [4, с. 81].

Различия в видах договоров связаны с их:

- содержанием;
- вариативностью исполнения;
- наличием разных сторон и несхожестью их правового положения;
- особенностью труда;
- различных формах и видах ответственности;
- последствиями их заключения.

По гражданско-правовому договору одна из сторон ожидает получить результат, а «по трудовому договору понимается ожидание непрерывного выполнения трудовых функций» [5, с. 116].

Таким образом, у этих двух видов договоров выявлено больше различий, чем общих черт.

Отдельные исследователи, проводя сравнительный анализ двух видов договоров, осуществляют его на основе следующих критериев:

- предмет и срок заключения договора;
- характер отношений;
- способ получения денежного вознаграждения [6, с. 15].

Другие добавляют к ним: «цели договора, порядок заключения, изменения и расторжения, ответственность» [7, с. 160].

Правоприменительная практика в качестве основного критерия разграничения выделяет предмет договора. В трудовом договоре отсутствует видимый материальный результат, его предметом становится ежедневный процесс, связанный с выполнением предусмотренных договором и другими локальными актами, например должностным регламентом определенного

функционала, за который работник получает заработную плату. Он находится в зависимости от работодателя, так как тот оплачивает его труд и обеспечивает социальными льготами, осуществляет свою деятельность в ограниченных рамках внутреннего распорядка.

Предметом гражданско-правового договора становится конкретный результат, выраженный в материальной форме: объеме выполненных по нему работ или оказанных услуг.

Судебная практика дополнила критерии в их разграничении:

личностный и организационный характер;

длительность по времени;

социальная гарантированность или ее отсутствие [8].

Как ранее было отмечено критерии разграничения могут быть определены исходя из:

общей характеристики и предмета договора;

характеру выполняемой работы и правил осуществления труда;

оплаты и обеспечения условий труда;

ответственности сторон.

Этого недостаточно для полной и всеобъемлющей их сопоставительной характеристики, поэтому предлагаем расширить перечень критериев.

Сравнительную характеристику трудового и гражданско-правового договора следует начать с нормативно - правовых актов, осуществляющих их правовое регулирование: ТК РФ и ГК РФ. Разница прослеживается в цели: установление трудовых отношений или выполнение определенной работы, которая напрямую влияет на предмет, выражающийся в длящейся трудовой функции или же в конкретном результате.

В трудовом договоре его стороны представлены: работодателем и работником, а в гражданско-правовом: заказчиком и исполнителем, подрядчиком и субподрядчиком и т. д. Отличается характер отношений: подчинение при трудовых и равенство при гражданско-правовых. В трудовом договоре: работник включен в структуру организации, осуществляет свою деятельность в соответствии с правилами внутреннего распорядка, у него в основном 8 часовой рабочий день, не более 40 часов в неделю, заработная плата выплачивается два раза в месяц, ее нижний предел установлен минимальным размером оплаты труда. Работник имеет право на оплачиваемый отпуск не менее 28 дней, оплату больничного листа.

В гражданско-правовом договоре: исполнитель свою работу организует самостоятельно и обеспечивает себя условиями труда, денежное вознаграждение получает по итогам выполненной работы, продолжительность работы в течение дня не лимитирована, отсутствуют льготы и компенсации с временной нетрудоспособностью, срок действия договора всегда конкретизирован, а видом ответственности становится гражданско-правовая, в отличии от дисциплинарной и материальной составляющей.

Проведя сравнительное исследование характерных черт, присущим двум видам договора, можно сделать следующий вывод:

1) Для гражданско-правового договора характерны такие черты как большая самостоятельность, гибкость, взаимность обязательств, определенный срок, конкретизация работы, отсутствие права на защиту

трудовых прав, обоюдность и целенаправленность волеизъявления при его заключении, связь гражданско-правовых последствий;

2) Для трудового договора подчиненность и социальная защищенность, стабильность и длящийся характер, отсутствие делегирования работником своей трудовой функции, регулирование не только трудовых, но и тесно связанных с ними социальных отношений.

Рассмотрим преимущественные позиции и недостатки в положении сторон в трудовом и гражданско-правовом договоре.

Преимущества сторон при трудовом договоре:

1) для работника – социальные льготы;

2) для работодателя — широкий круг прав по отношению к подчиненному.

При гражданско-правовом договоре:

1) для исполнителя – отсутствие трудового регламента его деятельности;

2) для заказчика – не обеспечивает условия труда, не предоставляет социальные гарантии.

Как видно из этого сравнения работодатель получает больше выгод из гражданско-правового договора, так как «он экономит на налогах, выплате отпускных и компенсаций за больничный лист» [9, с. 78]. Для борьбы с подобными явлениями в ТК РФ введена новая ст. 19.1, вступившая в силу с 1 января 2014 г., устанавливающая «механизмы признания отношений, формально оформленных как гражданско-правовые трудовыми» [10, с. 114]. Если у суда есть сомнения к какому виду отношений отнести тот или иной случай, он вправе толковать его в сторону трудовых отношений. Однако, ежегодно судами рассматривается «более 20 тыс. дел, касающихся факта установления трудовых отношений» [11, с. 535], а удовлетворяются только 70 %.

И тот и другой вид договора не лишены недостатков. В первом случае к ним относятся:

1) для работника – последствием невыполнение правил внутреннего распорядка становится дисциплинарная ответственность и возможное увольнение;

2) для работодателя - дополнительные затраты на обеспечение социальных гарантий работника.

Во втором:

1) для заказчика – невозможность привлечения к дисциплинарной и материальной ответственности, а только к гражданско-правовой;

2) для исполнителя – отсутствие социальных льгот и оплаты за ежедневную переработку.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что в работе приведена комплексная сравнительная характеристика на основании целого ряда критериев, проанализированы преимущества и недостатки в одном и другом договоре для участвующих в них сторон. Необходимо более детально закрепить в действующем законодательстве разграничительные критерии между трудовым и гражданско-правовым договором.

Список источников

1. Иванова И. А., Чебоньян Т. Г. Современные критерии разграничения гражданско-правовых и трудовых договоров и проблемы их реализации // Интеграция науки в условиях глобализации и цифровизации: материалы XIII Международной научно-практической конференции (29 сентября 2021г.): в 2-х ч. Ч-1. Ростов-на-Дону : изд-во Южного университета ИУБиП, 2021. С. 487-489.

2. Воробьев В. В. Сравнительный анализ трудового договора и гражданско-правового договора о труде на основе характеристик урегулированных ими отношений: основные отграничения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3 (16). С. 90-93.

3. Мосалов М. Н., Рюмин А. С. Проблема разграничений отношений, складывающихся из трудового договора и договора гражданско-правового характера // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2024. № 22. С. 51-55.

4. Триандафилиди Н. Г. К вопросу о сходстве и различиях трудового и гражданско-правового договора // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 55-5. С. 78-81.

5. Зыбина О. С., Толстова, А. Е. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2019. 196 с.

6. Босенков, В. В. Отличительные особенности трудового договора от гражданско-правового в контексте правоотношений // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2024. № 22. С. 14-17.

7. Гиниатуллина И. А. К вопросу о сравнительной характеристике трудового и гражданско-правового договора Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-1 (80). С. 159-161.

8. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.11.2016 № Ф02-5837/16 по делу № А58-7139/2014 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: https:// sudact.ru/ (дата обращения: 14.01.2025).

9. Полянина, А. К., Свешникова, Е. В. Актуальные проблемы трудовых отношений с работниками: трудовой или гражданско-правовой договор // Социально-экономические проблемы и перспективы развития трудовых отношений в инновационной экономике: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск : Омский государственный технический университет, 2024. С. 76-79.

10. Шевчук С. С. Гражданское право: современные тенденции реформирования частного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 1 (58). С. 108-116.

11. Егорова А. С., Шатверян, Н. Г. Сравнительный анализ трудового и гражданско-правового договора с использованием труда // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 1. №6 (26). С. 529-536.

УДК 347.5

Бовзей Алексей Сергеевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Bovzey Alexey Sergeevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

СООТНОШЕНИЕ КОНДИКЦИОННОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И ТРЕБОВАНИЯ О ВОЗВРАТЕ ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННОГО ПО НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ СДЕЛКАМ

CORRELATION OF THE CONDITIONAL OBLIGATION AND THE CLAIM FOR THE RETURN OF PROPERTY RECEIVED UNDER INVALID TRANSACTIONS

В статье рассматривается соотношение кондикционного обязательства и требования о возврате имущества, полученного по недействительным сделкам. На основании анализа жлктринальных источников и правоприменительной практики обосновано, что несмотря на схожесть реституционных правоотношений к кондикционным, правоотношениям, за которыми традиционно признается обязательственная правовая природа, распространение на реституционные правоотношения множества положений об обязательствах является преждевременным.

Ключевые слова: кондикционное требование, реституционное требование, неосновательное обогащение, недействительная сделка, внедоговорные обязательства.

The article discusses the relationship between the conditional obligation and the claim for the return of property received under invalid transactions. Based on the analysis of legal sources and law enforcement practice, it is substantiated that, despite the similarity of restorative legal relations to condication, legal relations that are traditionally recognized as the legal nature of obligations, the extension of many provisions on obligations to restitution legal relations is premature.

Keywords: conditional claim, restitution claim, unjust enrichment, invalid transaction, non-contractual obligations.

Исполнение недействительной сделки, как известно, обусловливает по общему правилу возникновение права требовать возврата исполненного, определяемого в юридической литературе как «реституционное требование» [1, с. 58-59].

В основе возврата исполненного по дефектной сделке лежит идея о недопустимости получения благ без должного правового основания, что является основополагающим и для обязательств вследствие неосновательного обогащения (кондикционных обязательств). Как было указано ранее кондикционные обязательства и в российском и в зарубежном законодательстве рассматриваются как самостоятельных вид внедоговорных обязательств [2, с. 56].

Схожесть целей и задач отношений, возникающих вследствие обеспечения возврата имущества, полученного без основания, ставит проблему соотношения кондикционного и реституционного требований.

В ГК РФ регламентация отношений, складывающихся вследствие исполнения недействительной сделки, осуществляется «двухсекторно» — ст. 167-179 ГК РФ, в которых устанавливаются правовые последствия совершения недействительных, а также, в субсидиарном порядке, – нормами гл. 60 ГК РФ о неосновательном обогащении, если иное не устанавливается законодательными актами либо не вытекает из существа отношений [3, с. 57].

Благодаря такому двухступенчатому регулированию общими и специальными нормами обязательственного права обеспечивается определенная полнота и всесторонность регламентации, сглаживается проблема так называемого «дефицита правовых средств» [4, с. 54]. Несмотря на это в правоприменительной практике нередко проблемы, связанные с соотношением положений норм о неосновательном обогащении и положений о последствиях заключения недействительных сделок [5, с. 33]. В настоящее время в решениях судов используется ст. 1103 ГК РФ, положения которой прямо допускают применение норм о кондикционных обязательствах к иным схожим требованиям, включая в их перечень и требования о возврате исполненного по недействительной сделке. В связи с этим некоторые авторы замечают, что такое указание скорее стирает границы между неосновательным обогащением и иными ситуациями, связанными с неосновательным увеличением имущественной сферы одного субъекта за счет другого [6, с. 74-75]. В связи с этим особую остроту приобретает проблема соотношения кондикционного требования, например, с требованием о возврате исполненного по недействительной сделке.

Полагаем, что если буквально толковать норму ст. 1103 ГК РФ, то следует сделать вывод, что реституционное требование и кондикционное требование о возврате неосновательного обогащения обладают значительной автономией. Следует отметить, что этого подхода придерживаются многие цивилисты [7, с. 22].

Судебная практика также не проявляет единого подхода в вопросе определения правовой природы реституционных отношений. Так, например, в одном из судебных решений было указано, что реституция, закрепленная в ст. 167 ГК РФ, не относится к обязательственным правоотношениям. Ее следует рассматривать в качестве меры юридической ответственности в связи с нарушением обязательных предписаний и запретов, содержащихся в правовых нормах [8]. Другой подход в решении рассматриваемого вопроса содержался в актах ВАС РФ. В них реституционные правоотношения квалифицировались как обязательственные [9].

Таким образом, поскольку в законодательстве не находит своего четкого решения вопрос о соотношении реституционных и кондикционных требований, в правоприменительной практике возникают сложности при разрешении возникающих споров.

При этом в юридической литературе высказывается несколько точек зрения на решение данной проблемы. Так, некоторые авторы, следуя модели,

закрепленной в многих зарубежных правопорядках предлагают рассматривать реституционные правоотношения как один из видов кондикционных обязательств [10, с. 44]. Исходя из схожести реституции и кондикции, требование о возврате полученного по недействительной сделке, являясь правовым следствием недействительности должно находиться в разделе о необоснованном обогащении.

Следует отметить, что многие ученые, в том числе и не разделяющие такой подход, часто придают понятию неосновательного обогащения системообразующий характер. Например, А. М. Михайлич полагает, что обязательство вследствие неосновательного обогащения не является однопорядковым для других отдельных видов обязательств. Данный автор отмечает его универсальный характер для любого случая, когда одно лицо приобретает или сберегает без правового основания какое-либо имущество за счет другого лица. без правового основания. Таким образом, обязательство вследствие неосновательного обогащения выступает родовым понятием для схожих требований [11].

Вместе с тем, кондикционная модель реституционных правоотношений достаточно уязвима и в содержательно-смысловом, и в формально-юридическом плане. С одной стороны, можно признать, что лишено всякого правового основания получения исполнения по недействительной сделке. Однако, с другой стороны, не во всех случаях исполнения недействительной сделке можно говорить о неосновательном приобретении или сбережении имущества за счет другого лица. Нельзя считать обогащением получение имущества, когда обе стороны исполнили недействительную сделку купли-продажи, если цена такой сделки определена по рыночным ценам. Кроме того, покупатель может понести и определенные расходы в связи с заключением и исполнением рассматриваемой сделки. Вышесказанное не позволяет однозначно говорить о получении выгоды покупателей, поскольку его имущество увеличилось.

Обогащение предполагает увеличение имущества в результате присоединения к нему новых благ, имеющих денежную ценность без выделения из такого имущества соответствующего эквивалента [12, с. 6]. Исходя из этого вопрос о неосновательном обогащении может возникнуть только в ситуации неравноценного взаимного предоставления по недействительной сделке либо в случае одностороннего предоставления имущества, например, по договору дарения.

Так, в свое время в совместном постановлении пленумов Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ от 08.10.1998 № 13/14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» было разъяснено, что применяя последствия исполненной обеими сторонами недействительной сделки, когда одна из сторон получила по сделке денежные средства, а другая получила товары, работы или услуги, суду необходимо исходить из равного размера взаимных обязательств сторон; нормы о неосновательном обогащении, установленные в ст. 1107 ГК РФ могут применяться только при представлении доказательств, которые бы подтвердили, что по-

лученная одной из сторон денежная сумма явно превышает стоимость переданного другой стороне (п. 27). Поскольку, правила гл. 60 ГК РФ о возмещении доходов при соотносимости размера взаимных обязательств участников недействительной сделки не действуют, нужно разумно предположить, что данные нормы надлежит применять только в отношении обогащения в размере превышения такой стоимости предоставления (п. 30).

Реституционные притязания только в отдельных случаях могут включать себя так называемую кондикционную составляющую. Как полагает Р.С. Бевзенко, применение норм гл. 60 ГК РФ, к реституционным обязательствам основано на том, что при заключении недействительной сделки возможна ситуация, когда один участник сделки обогащается за счет другого, а не на общей правовой природе кондикции и реституции. При этом субсидиарность применения норм о неосновательном обогащении сохраняется, если иное не установлено правовыми актами и не вытекает из существа отношений [13, с. 58-853]. Например, в судебной практике неприменимым считается положение подп. 4 ст. 1109 ГК РФ. Так, рассматривая дело о возврате авансового платежа по ничтожной сделке купли-продажи суд указал, что в данной ситуации согласно подп. 4 ст. 1109 ГК РФ неосновательно полученное от приобретателя истребовано быть не может. Принимая решение об удовлетворении исковых требований, суд прямо укажет, что при применении последствий недействительности ничтожной сделки нужно руководствоваться положениями п. 2 ст. 167 ГК РФ, которые не связывают обязанность стороны подобной сделки вернуть другой стороне все полученное при наличии условий, предусмотренных подп. 4 ст. 1109 ГК РФ.

Считаем, однако, что в ситуации возврата авансового платежа, полученного по недействительной сделке все же, усматривается возникновение как реституционных, так и кондикционных правоотношений. При этом кондикционные правоотношения будут связаны с возвратом доходов или сбережения, хотя возврат прямого неосновательного обогащения, все же будет охватываться реституционным требованием. Такой подход в свое время высказывался Высшим Арбитражным Судом РФ, который в своем определении указывал, что положения п. 1 ст. 1103 ГК РФ включают в себя дополнительные последствия заключения недействительной сделки и применяются помимо правовых последствий, закрепленных в нормах п. 2 ст. 167 ГК РФ [14]. В этой связи необходимо учитывать, что вполне возможна ситуация, кондикционное требование будет включать обязанность возвратить не только косвенное, но и прямое обогащения. Это наглядно демонстрирует пример, когда денежные средства во исполнении недействительной сделки перечислены третьим лицам. В том случае реституция не применима, поскольку обогащение возникло не у участников недействительной сделки, а у третьих лиц. Таким образом, неосновательно полученные средства, а также проценты за пользование ими могут быть взысканы как неосновательное сбережение согласно положениям п. 2 ст. 1107 ГК РФ [15, с. 26].

Особым ответвлением кондикационной модели реституционного обязательства выступает концепция «раздвоения реституционного требования». Такое «раздвоение» должно рассматриваться как частный случай не только

кондикционного, но и виндикационного обязательства. Например, некоторые правоведы склонны разграничивать реституционное требование на реституцию владения – когда реституционное обязательство направлено на восстановление владения вещью и компенсационную реституцию – когда оно преследует восстановление имущественного состояния предоставившей стороны [16, с. 58-27]. Следует, однако, учитывать, что реституция в отличие от виндикации реализуется в упрощенном порядке. При предъявлении реституционных требований не нужно приводить доказательств наличия прав на переданное по недействительной сделке имущество. Поддерживает такой подход многие ученые. Так, например, К.И. Скловский, говорит, что имущество, переданное как исполнение недействительной сделки подлежит возврату не в силу того, что одна из сторон лишилась на него прав, в силу упречности условий действительности заключенной сделки. Таким образом, защиту будет получать лицо, которое собственником имущества может и не быть. Получается, что в этом случае будет иметь место не защита субъективного права, а защита оборота [17, с. 109].

Концепции, в рамках которых признается самостоятельность реституционных правоотношений также неоднородны. Здесь можно выделить два направления научной мысли. Сторонники первого направления исходят из того, что реституционное правоотношение следует рассматривать как отдельную разновидность обязательственных правоотношений, которые существуют параллельно с обязательствами из неосновательного обогащения.

Позицию, о квалификации реституционных требований как правовой связи обязательственной природы, в свое время высказывал Высший Арбитражный Суд РФ [18, с. 35]. Данный подход нашел поддержку и в научном мире. Так, некоторые авторы, указывают, анализ норм ГК РФ о недействительных сделках позволяет предположить, что сам факт недействительности заключенной сделки порождает самостоятельное реституционное обязательство, которое отличается и от кондикционного требования и от деликтного требования [19, с. 24].

Представляется, что реституционное правоотношение в целом укладывается в схематику обязательства. Однако реституционному правоотношению присуще определенное своеобразие. Например, у реституционных требований есть своя специфика, которая не позволяет безусловно перечислить их обязательственным требованиям.

Таким образом, необходимо признать, что несмотря на схожесть реституционных правоотношений к кондикционным, правоотношениям, за которыми традиционно признается обязательственная правовая природа, распространение на реституционные правоотношения множества положений об обязательствах является преждевременным.

Список источников

1. Гутников, О. В. К вопросу о понятии недействительных сделок // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. Москва : Статут, 2006. С. 45-74.

2. Шапп, Я. Система германского гражданского права: учебник. Москва : Международные отношения, 2006. 357 с.

3. Поваров, Ю. С. Вопросы соотношения реституционного и кондикционного требований // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 55-67.

4. Ипатов, А. Б. Отдельные вопросы применения последствий недействительности сделок // Юрист. 2002. № 8. С. 52-55.

5. Короткова, О. И. Некоторые вопросы применения статей главы 60 ГК РФ на примере судебной практики арбитражных судов // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 9. С. 32-37.

6. Толстова, А. Е., Шевчук, С. С. Актуальные проблемы цивилистики: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2021. 292 с.

7. Кархалев, Д. Н. Кондикционное охранительное правоотношение: проблемы теории и законодательного обеспечения // Российский судья. 2009. № 12. С. 21-24.

8. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26.09.2023 № А56-34784/22 [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении» // Специальное приложение к Вестнику ВАС РФ. 2003. № 11 (ч. 2).

10. Лакоценина, Н. М. Институт реституции в российском гражданском праве // Современный юрист. 2023. № 3. С. 42-52.

11. Михайлич, А. М. Внедоговорные обязательства в советском гражданском праве. Краснодар : Кубанский университет, 1982 // Национальная электронная библиотека [сайт]. URL: https://rusneb.ru/catalog/010003_000061_34a99d52b3f9dd4a40ebedcbe8c98cfa/ (дата обращения 25.02.2025).

12. Новак, Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. Москва : Статут, 2010. 141 с.

13. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. Москва : Юрайт-Издат, 2007. 993 с.

14. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 07.12.2009 № ВАС-15405/09. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Ем, В. С. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в современном российском гражданском праве // Законодательство. 1999. № 7. С. 25-27.

16. Белов, В. А. Чертова дюжина вопросов (о судьбе института недействительности сделок) // Корпоративный юрист. 2005. № 4. С. 25-28.

17. Скловский, К. И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. 2002. № 8. С. 105-112.

18. Кархалев, Д. Н. Кондикция в гражданском праве // Гражданское право. 2015. № 6. С. 33-36.

19. Черярин, А. В. Недействительные сделки и их последствия: спорные вопросы действующего законодательства и судебной практики // Российский судья. 2006. № 8. С. 23-26.

УДК 347.626

Бойцова Ольга Владимировна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: olyaboytsova090301@gmail.com

Boytsova Olga Vladimirovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: olyaboytsova090301@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСЕКАТЕЛЬНЫХ (ПРЕКЛЮЗИВНЫХ) СРОКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

FEATURES OF THE SUPPRESSIVE (PRECLUSIVE) TERMS IN CIVIL LAW

Статья посвящена актуальной проблеме правового регулирования пресекательных (преклюзивных) сроков в гражданском праве. Анализируется сущность пресекательных сроков, их отличие от исковой давности и иных сроков в гражданском праве, правовые последствия пропуска. В статье затрагиваются вопросы о природе пресекательных сроков и их влиянии на стабильный цикл гражданского оборота. Особое внимание уделяется определению роли пресекательных (преклюзивных) сроков в гражданско-правовом регулировании.

Ключевые слова: срок, пресекательный срок, преклюзивный срок, срок исковой давности, гражданское законодательство.

The article is devoted to the actual problem of the legal regulation of preemptive (preclusive) terms in civil law. The article analyzes the essence of pre-trial periods, their difference from the statute of limitations and other periods in civil law, and the legal consequences of a pass. The article addresses the issues of the nature of the termination periods and their impact on the stable cycle of civil turnover. Particular attention is paid to determining the role of pre-exclusive periods in civil law regulation.

Keywords: term, pre-trial period, exclusive term, limitation period, civil legislation.

В гражданском праве сроки играют важную роль, представляя собой конкретные периоды или моменты. Сроки можно классифицировать различными способами, в зависимости от того: кто их устанавливает, они могут быть договорными, судебными или законными; характера их определения – императивными, диспозитивными, абсолютно определенными, относительно определенными и неопределенными; также существуют сроки исковой давности, претензионные сроки и другие [1, с. 159].

Сроки в гражданском праве являются основополагающим элементом, который влияет на развитие правоотношений и поведение участников гражданского оборота, тем самым поддерживая стабильность в правовых отношениях. Несмотря на важность сроков в гражданском обороте, научная литература пока не предлагает единого и полного понимания их сущности, особенно в отношении пресекательных (преклюзивных) сроков. Важно исследовать данную тему, так как эффективная защита прав и законных интересов участников гражданского оборота зависит от правильного определения природы сроков и последствий их пропуска. Законодательные пробелы усложняют практическое применение норм.

Стоит отметить, что отсутствие закрепленного на законодательном уровне определения пресекательных сроков приводит к разнообразным интерпретациям в юридической литературе, создавая значительные сложности в их применении. Более четкое определение пресекательных сроков приводится в учебной литературе, где указано, что они представляют собой строго ограниченное время, предоставленное управомоченному лицу для реализации его права или юридического интереса, с риском утраты этого права или интереса. Такие последствия, как преждевременная утрата права, показывают, что пресекательный срок выступает как наказание за неприменение права (юридической возможности) и одновременно служит своеобразным стимулом для управомоченного лица [2, с. 258].

На основе данного определения можно выделить ключевые характеристики пресекательных сроков:

1. Прекращение права после истечения пресекательного срока, что приводит к окончанию самого субъективного права, а не только к ограничению его принудительной защиты.

2. Невозможность восстановления пропущенных пресекательных сроков, они не подлежат восстановлению судом, даже если есть обоснованные причины.

3. Ограничение по времени, то есть пресекательные сроки устанавливают конкретные временные рамки для осуществления прав и обязанностей.

4. Исключительный характер, в связи с чем пресекательные сроки действуют только в случаях, прямо указанных законом или договором.

Пресекательные (преклюзивные) сроки обладают уникальной характеристикой, задавая пределы существования гражданских прав и выполняя роль своеобразного ограничителя, который определяет границы видимости этих прав. Они устанавливают четкие временные рамки для реализации прав управомоченными лицами, указывая конкретный период, в течение которого следует действовать, иначе права могут быть утрачены.

В гражданском праве есть множество примеров, демонстрирующих использование пресекательных сроков. Например, если сумма средств на счете клиента в банке упадет ниже установленного минимального уровня, указанного в банковских правилах или договоре, и этот баланс не будет пополнен в течение двух месяцев с момента уведомления клиента, банк имеет право аннулировать договор с клиентом через суд.

Также, к примеру, наследнику дается шесть месяцев со дня открытия наследства для его принятия. По истечении этого срока право на принятие наследства, как правило, утрачивается.

Сроки такого типа фактически служат санкцией за ненадлежащее осуществление или неосуществление прав, обычно приводя к досрочному прекращению самого субъективного гражданского права. В этом случае они представляют собой сравнительно нечасто встречающееся исключение. С ними нельзя отождествлять любые сроки существования гражданских прав, имеющие иное назначение.

При обсуждении взаимосвязи пресекательных сроков с другими видами сроков, необходимо помнить, что пресекательные сроки важны не только для прав-притязаний (то есть права требовать определенных действий или воздержания от них), но и для прав, связанных с установлением и изменением прав. Более того, сроки, в течение которых эти права можно реализовать, всегда носят преклюзивный характер [3].

Право на установление и изменение права представляет собой юридическую власть, позволяющую изменять право, т.е. устанавливать, прекращать или изменять субъективные права. Это может быть осуществлено как самим хозяйствующим субъектом, так и в его интересах, даже если это происходит без его согласия [4, с. 114]. Например, п. 1 ст. 441 ГК РФ гласит, что, если в письменной оферте не указан срок для акцепта, договор считается заключенным, если акцепт получен отправителем оферты до истечения срока, предусмотренного законом или иными нормативными актами. Если такого срока нет, то договор может быть заключен в течение времени, нормально необходимого для этого. В данной ситуации пресекательным сроком является «нормально необходимый» период, в течение которого акцептант вправе принять оферту и заключить договор.

Важный момент в отношении пресекательных сроков заключается в том, что, хотя они могут показаться похожими на другие сроки в гражданском праве, такое сравнение является ошибочным. Так, исследователи подчеркивают недопустимость отождествления этих сроков со сроками исковой давности. Профессор П. В. Грибанов, к примеру, отмечал, что преклюзивный срок имеет другое «социальное значение». Прекращение такого срока не лишает права обратиться в суд, но приводит к утрате самого субъективного права, которое могло бы быть защищено в суде [5, с. 89].

Следует обратить внимание на правовые последствия истечения этих сроков. Когда истекает срок исковой давности, истец лишается возможности принудительно реализовать свое субъективное право, которое, тем не менее, не утрачивается окончательно. Однако при истечении пресекательного срока само материальное право полностью прекращается.

Примером может быть п. 6 ст. 367 ГК РФ, который гласит, что поручительство прекращается, если кредитор не подаст иск к поручителю в течение года с момента наступления срока исполнения обязательства. Пленум ВАС от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» утверждает, что этот срок не является сроком исковой давности. Это означает, что последствия истечения срока исковой давно-

сти, такие как возможность его прерывания, приостановления или восстановления, здесь не применяются. Кроме того, этот срок действует независимо от того, будет ли сторона дела ходатайствовать о его применении, как это возможно в случае с истечением срока исковой давности.

Таким образом, пресекательные (преклюзивные) сроки, в отличие от других сроков в гражданском праве, нацелены на обеспечение стабильности и определенности гражданских отношений, а также стимулирование своевременного осуществления прав и свобод. В отличие от просто ограничения возможности принудительной защиты права, они непосредственно прекращают само субъективное право или правомочие. Однако для повышения эффективности гражданского оборота необходимо законодательно уточнить условия их применения и правовые последствия их пропуска. После того как в доктрине будет решен вопрос о месте пресекательных сроков в системе гражданско-правовых сроков, можно будет конкретные сроки в законе обозначить как пресекательные.

Список источников

1. Толстова, А. Е., Шевчук, С. С. Актуальные проблемы цивилистики: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2021. 292 с.

2. Гражданское право России. Часть первая: учебник / Антипов Н. П., канд. юрид. наук, проф., Баринов Н. А., д-р юрид. наук, проф., Быкова Т. А., канд. юрид. наук, доц. и др.; под ред. д-ра юрид. наук проф. З. И. Цыбуленко. Москва : Юристъ, 1998. - 459 с.

3. Эннекцерус, Л., Кипп, Т., Вольф, М. Курс германского гражданского права. Том 1. Полутом 2. Ведение и общая часть / под ред. Д. М. Генкина, И. Б. Новицкого. — Москва : Иностранная литература, 1950 // Российская государственная библиотека [сайт]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003047956 (дата обращения 12.02.2025).

4. Шевчук, С. С. Гражданское право: современные тенденции реформирования частного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 1 (58). С. 108-116.

5. Грибанов, П. В. Осуществление и защита гражданских прав. Москва : Статут, 2001. 411 с.

УДК 346.26

Большаков Николай Владимирович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: bolshackov.nik2012@yandex.ru

Bolshakov Nikolay Vladimirovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: bolshackov.nik2012@yandex.ru

СВОБОДА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ЕЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ

FREEDOM OF ENTREPRENEURSHIP AND ITS LIMITATIONS IN THE EXERCISE OF CONTROL

В статье рассматриваются вопросы ограничения свободы в целом и свободы предпринимательства в частности при осуществлении государственного контроля и надзора. Выделены аспекты соотношения контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти и свободы предпринимательской и иной экономической деятельности. Делаются выводы о том, что контрольно-надзорная деятельность выступает в качестве гарантии обеспечения свободы деятельности в определенной сфере, о способности контрольно-надзорной деятельности влиять на регуляцию общественных отношений с учетом свойства обратной связи.

Ключевые слова: предпринимательство, предприниматель, свобода предпринимательства, контроль, надзор, ограничения.

The article discusses the issues of restriction of freedom in general and freedom of entrepreneurship in particular in the implementation of state control and supervision. Aspects of the correlation between the control and supervisory activities of public authorities and freedom of entrepreneurial and other economic activities are highlighted. It is concluded that control and supervisory activities act as a guarantee of freedom of activity in a particular area, and the ability of control and supervisory activities to influence the regulation of public relations, taking into account the feedback properties.

Keywords: entrepreneurship, entrepreneur, freedom of entrepreneurship, control, supervision, restrictions.

В условиях реализации реформирования контрольно-надзорной деятельности как очередного этапа административной реформы в целом вопросы правовой регуляции государственного контроля и надзора, правоприменительной практики их осуществления с учетом мировых и национальных тенденций в сфере современного государственного управления приобретают особую значимость. При этом если административно-процедурным аспектам государственного контроля и надзора сегодня уделяется достаточное внимание, то проблемы теоретико-правового обоснования контрольно-надзорной деятельности государства, ее аксиологические аспекты остаются вне поля научных исследований в

области государственного контроля и надзора.

По сути, любая новая волна (большая или маленькая) реформ в сфере государственного управления закономерно в очередной раз выводит на повестку дня практически вечные вопросы о роли государства в регуляции общественной жизни, о степени и пределах его вмешательства в деятельность граждан и организаций, о характере (необходимости, избыточности, достаточности) подобного вмешательства в различных формах правового взаимодействия личности и публичной власти. Государственный контроль и надзор, как никакие другие управленческие формы, отражают сущность подобного взаимодействия, обнажая его преимущества и изъяны [1, с. 62].

Риски нерациональности и чрезмерности государственного контроля и надзора лежат как в материальной плоскости (количество и содержание обязательных требований), так и в процедурной (избыточные административные процедуры государственного контроля и надзора, их условия и (или) элементы). В последнем случае мы имеем дело с административными барьерами в определенной сфере регулирования [2, с. 84]. В обоих случаях контрольно-надзорная деятельность государства традиционно ассоциируется с определенным ограничением свободы лиц, деятельность которых входит в подконтрольную сферу. Свобода в этом случае рассматривается и как универсальное свойство личности как таковой, и как совокупность различных видов свобод личности (свободы передвижения, свободы предпринимательской и иной экономической деятельности и др.).

При осуществлении государственного контроля и надзора в сфере экономики закономерно встают вопросы характера и степени ограничений экономической свободы при прохождении контрольно-надзорных процедур. Рассмотрим вопросы ограничения свободы предпринимательства при прохождении государственного контроля и надзора.

Государственный контроль и надзор направлены на определение соответствия (проверку соблюдения) обязательным требованиям, установленным государством в отношении подконтрольной деятельности. Государство регулирует соответствующие сферы общественных отношений посредством различных инструментов, традиционными из которых являются контроль и надзор. Воздействие государства на определенную сферу осуществляется посредством в том числе и установления ограничений в отношении граждан и организаций. По сути, контрольно-надзорная деятельность не сама несет ограничения, а направлена на проверку их соблюдения подконтрольными субъектами. Несмотря на это, государственные органы, осуществляющие контроль и надзор, в большинстве случаев ассоциируются с субъектами, ограничивающими свободу в соответствующей сфере социального взаимодействия. Полагаем, что в контексте усиления профилактической составляющей государственного контроля и надзора в современных условиях подобное позиционирование должно стать менее значимым, во всяком случае, не доминирующим.

Ограничение свободы в определенной сфере устанавливается не посредством контроля, а посредством правовой регламентации в контролируемой со стороны государства области социальных отношений. В то же время если учесть содержание контроля (или надзора) как «вида обратной связи» [3, с. 112], то с этой точки зрения контрольно-надзорная деятельность способна менять, совершенствовать саму регуляцию отношений в определенной сфере, выступая поставщиком информации о ее фактическом состоянии. Следовательно, сама контрольно-надзорная деятельности в состоянии ограничивать свободу (менять ее границы, пределы) в соответствующей сфере.

Свобода (ее составляющие) часто рассматривается в качестве принципа определенной деятельности, принципа отрасли права. Свобода предпринимательской деятельности (или свобода предпринимательства) относится учеными к универсальному принципу конституционного права, интегрирующему несколько самостоятельных принципов правового регулирования отношений в сфере предпринимательской деятельности (принцип свободы договора, дозволительный принцип, принцип свободы конкуренции и др.) [4, с. 7]. Свобода предпринимательской деятельности достаточно часто выступает предметом исследований ученых и справедливо рассматривается ими в качестве разновидности свободы экономической деятельности. При этом посредством принципа свободы экономической деятельности наряду с принципами признания многообразия и юридического равенства форм собственности, единства экономического пространства формируются базовые начала правового регулирования общественных отношений в сфере хозяйственной жизни страны [5, с. 6].

Вопросы свободы, ее проявлений и пределов в правовом измерении достаточно глубоко разработаны в рамках либертарно-юридической теории, основоположником которой по праву является В. С. Нерсесянц. Его последователи при исследовании проблем ограничения прав человека в контексте понимания права как формы свободы справедливо обращают внимание на то, что речь идет не об ограничении свободы как содержания конкретного права, не об умалении права как универсального блага, а об ограничении условий и пределов реализации этой свободы в определенной сфере общественной жизни [6, с. 105].

Нами выделено несколько аспектов в понимании государственного контроля и надзора с точки зрения ограничения свободы вообще и свободы предпринимательства в частности.

Во-первых, свобода как охраняемая законом ценность включает в себя различные виды свободы в зависимости от сферы контрольно-надзорного воздействия. В условиях либерализации экономических отношений, формирования рыночной экономики в большинстве случаев ученые и правоприменители говорят о таких разновидностях свободы, как свобода предпринимательской и иной экономической деятельности, свобода договора и др.

Во-вторых, свобода предпринимательства (точнее, ее уровень) может быть отнесена к критериям степени государственного контроля и надзора,

объема управленческого воздействия в экономической сфере. Наглядно это можно определить на примере институтов, в отношении которых функционируют как частноправовые, так и публично-правовые регуляторы. Так, специалисты признают, что содержанием традиционной теории регулирования рыночных отношений выступает служение определенным общественным интересам, что выражается в некотором отходе от рынка, в его ослаблении [7, с. 9].

В-третьих, в условиях активного поиска методов оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности необходимый уровень свободы предпринимательства в соответствующей сфере возможно рассматривать в качестве критерия (элемента критерия) эффективности контроля и надзора. Уровень удовлетворенности предпринимателей — подконтрольных лиц процедурными пределами контрольно-надзорных мероприятий, их цифровым обеспечением, возможностью защиты своих прав и свобод при нахождении под контрольно-надзорным воздействием — эти и другие параметры оцениваются сегодня федеральными органами исполнительной власти в целях выявления результативности и эффективности государственного контроля и надзора, их разновидностей, а также деятельности государственного органа в целом. Так, к примеру, среди контрольных показателей реализации Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года присутствует такой показатель, как доля участников внешнеэкономической деятельности, положительно оценивающих удобство и бесперебойное функционирование электронных сервисов, часть из которых связана с прохождением контроля, в частности определение категории уровня риска своей организации.

В-четвертых, обеспечение максимально возможной свободы подконтрольного лица является базовым принципом контрольно-надзорной деятельности. В этой связи необходимо обратить внимание на неразрывную связь категорий «свобода» и «равенство». По мнению В. С. Нерсесянца, независимость субъектов общественных отношений друг от друга в рамках правовой формы их взаимодействия и одновременно их одинаковая, равная подчиненность общей норме определяют смысл и существо правовой формы бытия и выражения свободы [8, с. 22]. Равенство лиц при прохождении контрольных и надзорных процедур базируется на одинаковом уровне их свободы, равной шкале ограничений для них, единых административно-процедурных пределах. Контроль и надзор государства осуществляются посредством определенного вмешательства в деятельность лица в целях установления соблюдения (несоблюдения) пределов допускаемой обязательными требованиями свободы. В рамках либертарной теории право человека может быть ограничено законом только с целью защиты других прав человека и только в той мере, в какой это не нарушает принцип формального равенства при осуществлении данного права. Свобода как универсальная ценность, как базовое естественное и неотчуждаемое право личности состоит из отдельных свобод, привязанных к сфере регулирования и обусловленных ею (свобода передвижения, свобода договора и др.).

Контроль и надзор посредством определенного вмешательства в деятельность подконтрольных лиц проверяет и обеспечивает установленные пределы этих «привязанных» свобод, тем самым гарантируя самим своим существованием иной уровень свободы - свободу как универсальное благо, как фундаментальную правовую ценность.

При оценке соотношения категорий «свобода предпринимательства» и «равенство» при прохождении государственного контроля и надзора в условиях актуальной сегодня тенденции дифференциации подконтрольных лиц (их деятельности как объекта контроля и надзора) в зависимости от уровня риска причинения вреда охраняемым законом ценностям возникает вопрос о возможности соблюдения при этом универсальных принципов свободы и равенства лиц при прохождении контрольно-надзорных мероприятий [9, с. 68]. Не нарушается ли принцип равной свободы предпринимательства при выборочности государственного контроля и надзора в зависимости от уровня риска причинения вреда охраняемым законом ценностям? Полагаем, что в данном случае можно говорить о квазинеравенстве при прохождении государственного контроля и надзора, которое базируется на реальном равенстве и равной свободе экономического субъекта выбрать и получить свой подконтрольный статус в целях использования определенных упрощений (послаблений) при прохождении контрольно-надзорных процедур.

И, наконец, в-пятых, обеспечение определенного уровня свободы в подконтрольной сфере может рассматриваться в качестве критерия (одного из критериев) разграничения государственного контроля и надзора, а также иных управленческих форм. Так, среди различных критериев разграничения контрольной и надзорной деятельности в государственном управлении имеет место такой критерий, как возможность и степень «вмешательства» контрольного органа в деятельность подконтрольного субъекта [10, с. 16]. Предполагая, что при государственном контроле степень подобного вмешательства выше, чем при осуществлении государственного надзора, ученые тем самым признают возможность различных вариантов государственного воздействия на деятельность в подконтрольной сфере и, как следствие, дифференцированный объем свободы для участников отношений в данной сфере (к примеру, при надзоре уровень вмешательства ниже и, соответственно, свобода лиц в поднадзорной сфере осуществляется в большем объеме).

Таким образом, нами выделено несколько аспектов воздействия контрольно-надзорной деятельности государственных органов на свободу в целом и свободу предпринимательства в частности. Все они призваны расширить теорию государственного контроля и надзора, обратить внимание ученых и практиков на обеспечение прав и свобод предпринимателей и иных экономических субъектов в рамках отдельных видов контрольно-надзорной деятельности, усовершенствовать методологическую базу оценки эффективности государственного контроля и надзора.

Список источников

1. Толстова, А. Е. Компетенции исполнительного органа в управлении предпринимательской корпорации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1 (46). С. 60-64.

2. Агамагомедова, С. А. Административные барьеры при прохождении таможенного контроля: понятие, виды и способы преодоления // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 79-87.

3. Фесько, Д. С. Административно-правовые гарантии обеспечения прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора): теория и практика: монография / под науч. ред. В. В. Черникова. Москва : Проспект, 2023. 224 с.

4. Белых, С. В. Свобода предпринимательской деятельности как конституционно-правовая категория в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 26 с.

5. Абакумова, Е. Б. Ограничения конституционной свободы предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Право и экономика. 2019. № 10. С. 5-10.

6. Лапаева, В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2006. № 4 (112). С. 103-106.

7. Агамагомедова, С. А. Свобода предпринимательства и ее ограничение при осуществлении государственного контроля и надзора // Безопасность бизнеса. 2022. № 2. С. 8-12.

8. Нерсесянц, В. С. Философия права: учебник для вузов. Москва : Норма, 2013. 835 с.

9. Шувалов, И. И. Проблемы определения пределов свободы усмотрения субъектов предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 66-74.

10. Фролов, Б. М. Государственный контроль и надзор в сфере образования в Российской Федерации: федеральный и региональный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2017. 28 с.

УДК 347.214.2

Братанова Елизавета Николаевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: bratanl@list.ru

Bratanova Elizaveta Nikolaevna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: bratanl@list.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

CURRENT ISSUES OF STATE REGISTRATION OF RIGHTS TO REAL ESTATE

В статье рассматриваются актуальные проблемы государственной регистрации прав на недвижимое имущество в России. Анализируются недостатки действующего законодательства, в частности, неопределенность критериев недвижимого имущества, отсутствие должного контроля за правоустанавливающими документами и формальный характер принципа публичной достоверности. Исследуются работы современных российских ученых, предлагаются меры по совершенствованию системы регистрации, включая ужесточение правовой экспертизы, цифровизацию процесса и внедрение механизмов страхования рисков. Сделан вывод о необходимости комплексной реформы регистрационной системы для повышения ее надежности и эффективности.

Ключевые слова: государственная регистрация, недвижимое имущество, публичная достоверность, правовая экспертиза, Росреестр, мошенничество, критерии недвижимости, правовая определенность.

The article examines the pressing issues of state registration of property rights in Russia. The analysis highlights the shortcomings of the current legislation, particularly the ambiguity in real estate classification, the lack of proper verification of legal documents, and the formal nature of the principle of public reliability. The works of contemporary Russian scholars are reviewed, and proposals are made to improve the registration system, including stricter legal expertise, digitalization, and risk insurance mechanisms. The study concludes that a comprehensive reform of the registration system is essential to enhance its reliability and efficiency.

Keywords: state registration, real estate, public reliability, legal expertise, Rosreestr, fraud, real estate criteria, legal certainty.

Государственная регистрация прав на недвижимое имущество является одним из ключевых элементов правового регулирования имущественных отношений в России. Ее предназначение заключается не только в формировании гарантий прав собственников, но и в обеспечении стабильности гражданского оборота, предупреждении правовых коллизий и защите интересов всех участников рынка недвижимости. Однако, несмотря

на многоуровневую нормативную регламентацию и технологическое развитие регистрационных процессов, практика их применения выявляет целый ряд проблем, ставящих под угрозу оперативность, доступность и правовую определенность регистрационных процедур.

В рамках данной статьи мы рассмотрим ключевые проблемные аспекты системы государственной регистрации прав на недвижимость в России, о которых пишут исследователи последних лет – О. А. Березняк, Т. В. Некрасова и М. Е. Романов. Основной целью нашей работы является анализ важных проблем государственной регистрации прав на недвижимое имущество с последующим формулированием предложений по их устранению.

Прежде всего, следует обратить внимание на проблему, о которой писала в своем исследовании Т. В. Некрасова. Она указала на несовершенство ст. 130 ГК РФ. В данной статье закреплено недостаточно критериев для отнесения вещи к недвижимой. В практике гражданского оборота довольно часто возникают ситуации, когда в качестве недвижимости регистрируются объекты, таковыми по своей физической природе не являющиеся (асфальтовые и бетонные покрытия, капитальные заборы, подземные трубы, надземные канавы и т.п.). Например, когда корпус списанного теплохода регистрируется органами Росреестра в качестве нежилого здания [1, с. 294].

Некрасова Т. В. поднимает крайне важный вопрос о недостаточной определенности критериев, закрепленных в ст. 130 ГК РФ, для признания имущества недвижимым. Мы согласны с ее точкой зрения и считаем, что законодателю необходимо обозначить критерии недвижимого имущества более конкретно. В противном случае, риски совершения мошеннических действий в отношении недвижимого имущества граждан или банального злоупотребления правом повышаются.

Для устранения данной проблемы целесообразно предложить более детализированную систему критериев, позволяющую однозначно относить объект к недвижимому имуществу. По нашему мнению, в первую очередь, необходимо закрепить в законодательстве понятие конструктивной интеграции с земельным участком: объект должен не просто находиться на земле, но и быть функционально и технически неотделимым от нее без утраты своих свойств. Вторым критерием должно стать наличие самостоятельного хозяйственного назначения, что исключит возможность регистрации инфраструктурных элементов (например, подземных труб или асфальтового покрытия) в качестве недвижимости. Третьим важным параметром является долговременность эксплуатации: объект должен быть предназначен для многолетнего использования в неизменном виде, что исключит временные и мобильные сооружения.

Березняк О. А. пишет об еще одной проблеме процедуры государственной регистрации права на недвижимое имущество. Обращено внимание на то, что порядок государственной регистрации прав на имущество регламентирован Федеральным законом от 13.07.2015 № 128-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Согласно данному закону,

зарегистрированные в рамках данного федерального закона права на недвижимость могут быть оспорены только в судебном порядке.

Березняк О. А. пришла к выводу, что «по своему смыслу процедура государственной регистрации сделок должна являться гарантом законности сделки для ее участников, но именно она зачастую является лазейкой для совершения мошеннических действий с недвижимостью, ввиду отсутствия надлежащей проверки документов на недвижимость сотрудниками Росреестра. Несмотря на установленную законом обязанность государственных регистраторов по проверке полноты и достоверности представленных на регистрацию документов, в действительности они не наделены полномочиями по осуществлению технико-криминалистической экспертизы представленной на регистрацию документации, что препятствует всесторонней проверке правоустанавливающих документов» [2, с. 5174].

Указанная О. А. Березняк проблема очевидно ведет к серьезным рискам для государственной системы регистрации недвижимости. Во-первых, такие просчеты подрывают доверие граждан и бизнеса к Росреестру как институту. Все потому, что Росреестр только формально фиксирует права, но не способен гарантировать их юридическую чистоту. Во-вторых, данная проблема способствует увеличению числа судебных споров, перегружая судебную систему и создавая дополнительную нагрузку на государственные органы. В-третьих, она дает мошенникам возможность реализовывать схемы незаконного завладения недвижимостью. Мошенники прекрасно понимают, что что регистрационные органы не обладают достаточными механизмами противодействия. В результате, добросовестные собственники могут потерять имущество из-за действий злоумышленников, а восстановление справедливости занимает месяцы или даже годы.

Для решения данной проблемы необходимо не просто усилить контроль за процессом регистрации, а переосмыслить саму процедуру с учетом современных реалий. Одним из эффективных решений может стать внедрение обязательной превентивной экспертизы документов, представляемых на регистрацию. Однако, чтобы избежать чрезмерного усложнения процесса и бюрократизации, такая экспертиза должна быть цифровизована и интегрирована с существующими государственными базами данных [3, с. 74]. Например, можно внедрить автоматизированную систему проверки правоустанавливающих документов с использованием технологий искусственного интеллекта и блокчейна (или Госуслуг). Это позволило бы в режиме реального времени выявлять несоответствия в документах, обнаруживать поддельные подписи и проверять историю объекта недвижимости без необходимости вручную анализировать каждую сделку.

Следующая проблема, которую мы хотели бы проанализировать, связана с предыдущей. О ней написал М. Е. Романов. Исследователь обратил внимание на ст. 8.1 ГК РФ «Государственная регистрация прав на имущество». Согласно данной статье, устанавливаются следующие принципы государственной регистрации: проверка законности оснований, публичность и достоверность данных реестра. Данные реестра должны

определенно устанавливать объект, в отношении которого возникает право, правообладателя, сущность права и его основания.

Российские ученые-цивилисты пришли к единству в понимании значения принципа «публичной достоверности» как концепции организации регистрационного учета прав на недвижимое имущество, заимствованной из немецкого гражданского права. Но часть российских ученых, например Ф. О. Богатырев и Е. Ю. Самойлов, склоняются к тому, что данный принцип в России не действует. Формулировка ст. 8.1 ГК РФ устанавливает право собственности за лицом, данные которого внесены в реестр, без проверки законности оснований таких сведений [4, с. 41].

С точкой зрения М. Е. Романова трудно не согласиться. Российская модель регистрации прав на недвижимость действительно отличается от немецкой, где публичная достоверность реестра означает не только презумпцию истинности данных, но и их защиту от последующего оспаривания добросовестными приобретателями. В российской же системе наличие сведений в реестре не гарантирует их правомерности, а сам Росреестр не обладает достаточными полномочиями для проверки законных оснований внесения изменений. Как следствие, формальная публичная достоверность теряет свое содержание и превращается в декларативный принцип, не имеющий механизма реальной защиты.

Для исправления этой ситуации необходимо ввести систему критериев публичной достоверности, которая позволила бы не просто фиксировать сведения в реестре, но и контролировать их фактическую обоснованность. Во-первых, следует предусмотреть обязательную правовую экспертизу представляемых документов на предмет наличия рисков оспаривания прав. Такая экспертиза должна учитывать не только формальное наличие документов, но и их соответствие действующему законодательству, а также отсутствие оснований для последующего признания сделки ничтожной.

Во-вторых, необходимо внедрение механизма превентивного уведомления третьих лиц о совершенных регистрационных действиях. В ряде зарубежных юрисдикций (например, в Великобритании) действует правило, согласно которому потенциальные заинтересованные лица уведомляются о предстоящем изменении реестровых данных, что позволяет вовремя заявить о своих правах и предотвратить незаконные манипуляции с недвижимостью.

В-третьих, следует создать систему страхования рисков, связанных с публичной достоверностью. Если государство берет на себя обязанность гарантировать правомерность зарегистрированных прав, оно должно предусмотреть компенсационные механизмы для пострадавших лиц в случае ошибок или злоупотреблений при регистрации. Это может быть аналог страхового фонда, средства которого используются для возмещения ущерба добросовестным приобретателям.

Подводя итог проведенному исследованию, мы можем сказать, что существующая система государственной регистрации прав на недвижимое имущество в России требует существенного совершенствования.

Рассмотренные проблемы, выявленные Т. В. Некрасовой, О. А. Березняк и М. Е. Романовым, демонстрируют ключевые уязвимости действующей правовой модели, которые не только затрудняют гражданский оборот, но и создают угрозу правам добросовестных собственников.

Анализ показал, что правовая неопределенность критериев недвижимого имущества, отсутствие надлежащей проверки правоустанавливающих документов на этапе регистрации и слабая реализация принципа публичной достоверности реестра формируют риски как для частных лиц, так и для государства. Без их устранения эффективность регистрационной системы остается под вопросом, а возможность мошеннических действий сохраняется на высоком уровне.

Список источников

1. Некрасова Т. В. Актуальные проблемы государственной регистрации прав на недвижимое имущество // Молодой ученый. 2021. № 19. С. 290-292.

2. Березняк О. А. Актуальные проблемы государственной регистрации прав на недвижимое имущество // Столыпинский вестник. 2022. Т. 4. №. 9. С. 5170-5186.

3. Толстова, А. Е., Трапезникова, М. М. Особенности правового регулирования инновационной деятельности // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 3 (40). С. 72-76.

4. Романов, М. Е. Актуальные проблемы государственной регистрации прав на недвижимое имущество // Евразийская адвокатура. 2023. №. 1 (60). С. 39–43.

УДК 347.27

Бурков Егор Андреевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: zhora.burkov.1995@mail.ru

Burkov Egor Andreevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: zhora.burkov.1995@mail.ru

Бейн Августина Константиновна
канд. юрид. наук, доцент
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Bein Augustina Konstantinovna
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Civil Law
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ЗАЛОГА ОТ РИМСКОГО ЧАСТНОГО ПРАВА ДО НАШИХ ДНЕЙ

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF COLLATERAL FROM ROMAN PRIVATE LAW TO THE PRESENT DAY

В условиях развитой рыночной экономики залог недвижимого имущества в системе российского гражданского права представляет собой важный механизм обеспечения исполнения обязательств. Он является неотъемлемым инструментом для защиты интересов кредиторов и повышенного уровня уверенности в сделках с недвижимостью. Цель данной статьи проанализировать правовые основы залогового института, проследить исторический аспект развития залога, рассмотреть функции и процедуру заложения, а также выявить основные проблемы, возникающие в процессе применения таких сделок.

Ключевые слова: залог, кредит, обязательства, недвижимость.

In a developed market economy, the pledge of real estate in the Russian civil law system is an important mechanism for ensuring the fulfillment of obligations. It is an indispensable tool for protecting the interests of creditors and increasing the level of confidence in real estate transactions. The purpose of this article is to analyze the legal basis of the pledge institution, to consider the functions and procedure of the pledge, as well as to identify the main problems that arise in the process of applying such transactions.

Keywords: Collateral, loan, obligations, real estate.

Понятие залога указано в ст. 334 ГК РФ, которая гласит, что кредитор, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником своих обязательств имеет право получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога).

Данное обеспечительное право известно еще с глубокой древности, само же явление залога относится к архаическому римскому праву, когда

заложенной вещью являлось только движимое имущество (фидуция), которая передавалась кредитору с оговоркой возврата после уплаты долга. Позднее круг залогового имущества расширился. Новой формой залога служил пигнус, когда должник фактически оставлял себе заложенное имущество, но правом получения дохода с него пользовался кредитор. Эта форма залога была экономически невыгодной, что в дальнейшем привело к появлению понятия антихрезис, означающего передачу права пользования имуществом кредитору для уплаты процентов по обязательству [1, с. 186]. Исключительной целью обеспечения обязательства по залогу стало появление ипотеки - формы залога, при которой заложенное имущество вместе со всеми доходами с него оставалось у должника, что ускоряло процесс уплаты долга. Лишь в случае неисполнения обязательств, имущество выставлялось на торги, а в случае неполного покрытия долга кредитор имел право предъявить должнику иск об уплате недостающей суммы. Значительно повлияв на развитие института обеспечительных прав, залог в римском праве имел некоторые отличия от современной гражданско-правовой конструкции [2, с. 149].

На Руси долгое время существовала обеспечительная мера обязательств, называемая закупничеством. В Псковской судной грамоте содержится положение, в соответствии с которым разрешалось предоставление денежных займов без залога и официальной записи на сумму, не превышающую один рубль. В то же время, предоставление денежных ссуд выше указанной суммы без залога не допускалось, и иски по таким делам не рассматривались. В случае предъявления суду заложенных грамот умершего должника, в случае если их было несколько, денежная сумма от продажи грамот делилась пропорционально долгу перед каждым истцом в случае появления родственника умершего, то есть обременение на имуществе переходило следующим собственникам [3, с. 85].

Залог в позднейшие времена существовал в виде «кредитных установлений». Для получения кредита заемщик обязан был представить в банк документы, подтверждающие его право на недвижимое имущество, а также справки об отсутствии обременений. Недвижимость подлежала обязательному страхованию, а оценка залога выполнялась самим банком, который устанавливал размер займа исходя из процентного соотношения стоимости заложенного имущества. Данный кредит предусматривал длительный срок погашения, поскольку подразумевал постепенное возвращение долга. Залогодержатель был вправе требовать воздержаться от любых действий, наносящих вред заложенному имуществу, а залогодатель имел право передачи прав собственности (продажа, дарение) с переводом долга при сохранении первого залога, то есть распоряжаться заложенным имуществом самостоятельном и без посредничества суда.

В советском Гражданском кодексе право залога находилось в разделе о «Вещных правах», в дальнейшем став рассматриваться исключительно как способ надлежащего исполнения обязанностей, с принятием в 1964 году ГК РСФСР.

В настоящее время, в ГК РФ, вещные права, к числу которых относится и залоговое право, и ипотека, составляют отдельную группу ограниченных вещных прав [4, с. 74-75].

Являясь наиболее надежной формой защиты имущественных прав кредиторов, залог в современном законодательстве считается наиболее востребованной формой обеспечения исполнения обязательств.

Общие положения о залоге подробно указаны в ст. 334-356 ГК РФ, которые закрепляют основания возникновения залогового обязательства, предмет залога и взаимодействие участников правового оборота. Залог может возникать в силу закона, договора и иных конструкций, подразумевающих под собой законное основание и соглашение сторон.

Иные нормативные акты регулируют специфические обязательства залога. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» указывает, что с момента регистрации договора участников долевого строительства, земельный участок, переданный для строительства или аренды, является залоговым до исполнения сторонами обязательств. На основании закона проданный в кредит товар обременяется залогом и находится в обязательстве у продавца, до полной уплаты кредита.

Выделяются шесть основных видов залога, среди которых залог недвижимого имущества (ипотека), залог движимого имущества в качестве обеспечения залога, залог права требований, когда закладывается возможность получения денежных средств и иных активов, залог товаров (сырья и готовой продукции), залог вещей в ломбарде, для обеспечения краткосрочных займов и залог исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности [5, с. 48].

Права залогодержателя в отношениях с залогодателем возникают с момента заключения договора залога, если иное не предусмотренно законом. Существует ряд требований к форме договора залога. В договоре необходимо указать предмет залога, его величину и период выполнения обязательств перед залогодержателем. Также должно быть предусмотрено условие о процедуре отчуждения заложенного имущества.

Залогодержатель обладает исключительным правом защиты своего имущества, вправе истребовать его из чужого незаконного владения и устранения всяких нарушений его прав в вопросе обладания заложенным имуществом.

В случае неисполнения должником своих обязательств в срок, залогодержатель вправе удерживать заложенную вещь до исполнения залогодателем обязательства. Право на удержание залога появляется у кредитора с момента невозможности исполнения обязательств, а также в случаях досрочной несостоятельности должника. Право удержания в таком случае считается обременяющим правом и следует за заложенной вещью всюду, даже после передачи прав третьим лицам. В таком случае залогодержатель имеет право передавать новому собственнику все требования, адресованные должнику [6, с. 101].

В целом, современное гражданское законодательство в полной мере обеспечивает защиту прав сторон залога. Выстроив на базе римского частного права существующее российское законодательство переняло устоявшиеся практики и обычаи обеспечения имущественных прав, поэтому такая важная форма защиты прав вещественных обязательств как залог просто не могла быть проигнорирована.

Современная правовая практика свидетельствует о наличии значительного количества споров, связанных с залоговыми отношениями, как со стороны залогодателей, которые оспаривают действительность договоров залога, так и со стороны залогодержателей. Частой проблемой в судебной практике является огромное количество обращений со стороны должников об обращении взыскания на переданное в залог недвижимое имущество, даже если оно является для него единственным пригодным для проживания. Из анализа правоприменительной практики следует, что суды первой инстанции часто исключают такую недвижимость из конкурсной массы должника. Тем не менее, сам по себе факт наличия единственного пригодного для проживания помещения у должника не препятствует обращению взыскания на него, если оно обременено ипотекой.

Таким образом, зачастую обостряется правовой конфликт между кредитором и должником, отяжеленный тем, что практика воздействия кредитора непосредственно на личность должника ныне ограничена нормами права. В такой ситуации единственным верным способом страхования своих вложений для кредитора остается лишь залог.

В целом, правовое регулирование отношений залогового права продолжает развиваться и сегодня, что является логичным выводом сложившейся ситуации массового кредитования населения. Но только наличие новых правовых коллизий и проблем из судебной практики позволит закономерно развивать сложившиеся правовые институты, находя новые пути решения.

Список источников

1. Романова, Е. А., Атнабаева, Ю. В. Залог как способ обеспечения обязательств в римском праве в сравнении с современным гражданским законодательством // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-1 (86). С. 185-187.

2. Иванов, А. А., Эриашвили, Н. Д. Способы обеспечения исполнения договорных обязательств в римском и российском гражданском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 148-152.

3. Кольцова О. Р., Шичанин М. А. История залога в России // Скиф. 2019. №4 (32). С. 82-90.

4. Толстова, А. Е., Барило, С. Е. Обеспечение исполнения гражданско-правовых обязательств: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 140 с.

5. Гладнева Е. П., Згонников П. П. Отдельные аспекты залога как способа, обеспечивающего надлежащее исполнение обязательств // Пенитенциарная наука. 2018. № 2 (42). С. 46-54.

6. Толстова, А. Е. Понятие, признаки и правовая характеристика договора займа // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 1 (44). С. 98-104.

УДК 347.27

Бурков Егор Андреевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: zhora.burkov.1995@mail.ru

Burkov Egor Andreevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: zhora.burkov.1995@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕРВИТУТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF EASEMENTS IN RUSSIAN LEGISLATION: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Данная статья рассматривает этапы становления сервитута в отечественном законодательстве, а также исторический контекст, который повлиял на необходимость установления ограниченного права пользования собственностью. В статье анализируются ключевые исторические моменты, оказавшие влияние на формирование норм о сервитутах, а также их соотношение с другими правовыми институтами. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим в практике применения сервитутов: сложности в определении границ пользования, споры между собственниками земельных участков и нюансы современного правового применения.

Ключевые слова: сервитут, частная собственность, собственник, земля.

This article examines the stages of the formation of easement norms in domestic legislation, as well as the historical context that influenced the need to establish a limited right to use property. The article analyzes the key historical moments that influenced the formation of norms on easements, as well as their relationship with other legal institutions. Special attention is paid to the problems that arise in the practice of applying easements: difficulties in determining the boundaries of use, disputes between land owners and the nuances of modern legal application.

Keywords: easement, private property, owner, land.

Понятие «сервитут» известно еще с римского частного права. Это обстоятельства, при которых одна из сторон, в рамках допустимых законодательством, получает право ограниченного пользования территорий и объектов, находящихся в собственности.

Со времен разложения первобытного-общинного строя в Древнем Риме и возникновении мелких частных собственников появилась проблема неравномерного распределения естественных благ и ограничения доступа к ним у некоторых других собственников [1, с. 43]. Учитывая преимущественно холмистый характер Апеннинского полуострова, доступ к обширным пастбищам, рекам и озерам для некоторых граждан был изолирован наличием частных участков вокруг них. Эту проблему можно было решить двумя способами: установить устное соглашение между собственником и пользователем на право эксплуатации чужого имущества или заключить договор найма или аренды. Ввиду ненадежности этих способов, протокол заключения сервитутов в дальнейшем был изменен, а само понятие закрепилось в Римском законодательстве и приобрело формальный характер.

Дальнейшее развитие сервитута в Европе было ограничено большую часть Средних веков, ввиду наличия преимущественно крупных земельных участков феодалов, что не вынуждало проводить четкие границы между отдельными формами вещно-правового господства. В России также долгое время отсутствовала экономическая основа для развития сервитута. Преимущественно общинная форма землепользования предполагала общие усилия членов общины по обеспечению земельных участков всеми благами, необходимыми для аграрного производства, а параллельное наличие крупных помещичьих землевладений, в состав которых, помимо земель, входили вспомогательные угодья (леса, водоемы), не вызывали необходимости у собственников прибегать к помощи соседей и должной экономической базы для развития сервитутов.

В дальнейшем, с развитием городов и дробления крупных земельных участков на более мелкие, возникает необходимость совершенствования законодательства, связанного с сервитутами. Первый свод законов Русского царства — Соборное уложение 1649 года, уже содержал ряд ограничений для собственника в интересах других лиц, в частности для городских жителей. В 10 главе Уложения появляется запрет на возведение любых построек на меже (узкая полоска земли между соседними участками прим.) или близко к меже соседа, установка печей и кухонь близко к стене соседа, а также любая другая порча участка соседа («воды литье и сор метание»), в случае если его дом находится выше постройки соседа. Другие нормы Соборного уложения содержали позитивные положения, как право прохода и проезда через чужие леса, пашни и водоемы [2, с. 115].

Дальнейшим стимулом развития сервитутов послужила отмена крепостного права, в результате которой крестьяне наделялись собственными участками и становились самостоятельными собственниками, однако попрежнему выделенные участки мало подходили для обособленного ведения хозяйства. Однако приток сельского населения в города и столкновение ин-

тересов собственников городских имений способствовали развитию городского сервитута.

Право ограниченного пользования имуществом регулировалось разделом вторым главы второй «О праве собственности неполном» Сводом Законов Российской империи, том X.

В данной главе в основном отражались публичные интересы права пользования чужим имуществом, «право участия общего», конкретнее ограничения прав собственника, например запрет на ограничение прохода и проезда по дороге, в случае наличия ее на земельном участке; запрет на скашивание травы для корма скота, прилегающей к большой дороге;

постройка мельниц и плотин на судоходных реках, препятствующих свободному перемещению речных судов запрещалась, а в случае истребования местных властей о принудительном спуске воды при обмелении требования требовалось исполнять.

Право участия частного предусматривало ограничения прав собственности в интересах соседей. Владелец земель имел право требовать «чтобы сосед запрудами не поднимал речной уровень и не потоплял лугов и пашен», плотинами не примыкал к противоположному берегу без согласия владельца участника и т. д. [3, с. 65-66].

В целом, право ограниченного пользования было довольно распространенным явлением, что подтверждает большое количество судебных исков о праве прохода и проезда, запрета строительства плотин и мельниц, праве общего пользования пастбищными участками.

Понятие сервитут было исключено из гражданского законодательства после 1917 года, в связи с национализацией всей земли, а также ее недр, лесов и вод декретом от 26 октября 1917 года «О земле». Право частной собственности на землю отменялось, покупка, продажа, сдача в аренду и любые другие способы отчуждения земли не допускались. На протяжении всего существования, советское законодательство исключало такое понятие как сервитут, однако начавшаяся в 1990 году земельная реформа вернула право частной собственности на землю, его аренду и пожизненное наследование [4, с. 57].

Лишь в 1994 году сервитут получает упоминание в Указе Президента РФ от 22.07.1994. № 1535 «Об Основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года». Здесь предусматривалось три вида публичных сервитутов: использование объектов общей собственности, установка межевых и геодезических знаков и право подъезда к ним, возможность доступа на участок муниципальных служб для ремонта объектов инфраструктуры, однако сам термин не был раскрыт [5, с. 40].

С принятием ГК РФ появилось определение сервитута, гласящее, что «собственник недвижимого имущества вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого земельного участка (соседнего участка) предоставления права ограниченного пользования соседним участком (сервитута)». Помимо свободного прохода и проезда через участок, сервитут может устанавливаться для

строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, не препятствующих использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием [6, с. 85].

Дальнейшие нормы ограниченного пользования чужим имуществом нашли отражения в Земельном, Лесном, Водном и Градостроительном кодексе, дополняя положения о сервитутах.

Разделение на частные и публичные сервитуты сохранилось. Порядок оснований установления публичного сервитута содержится в Земельном кодексе Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ, к которым относится свободный доступ к путям сообщения, пролегающих через участок, охота, рыболовство и выпас скота на территории. Для такого сервитута устанавливается срок при решении его установления.

Частный сервитут, заключенный с собственником соседнего участка или несколькими соседними участками, подлежит обязательной государственной регистрации. В некоторых случаях собственник участка, обремененный сервитутом, может требовать соразмерную плату за пользование участком. Также сервитут обладает правом следования, то есть он сохраняется для участка при смене собственника. Если сервитут мешает использованию земельного участка по назначению, собственник может требовать прекращения сервитута.

Сам факт судебного установления сервитута зачастую является крайней мерой, в тех случаях, когда данное право является единственным способом обеспечения основных потребностей собственника недвижимости. Фактом является то, что положения о сервитутах в Гражданском кодексе направлены на поддержание баланса между собственниками земельного участка и нуждами других лиц, в случаях, когда без установления сервитута у собственника нет возможности в полной мере пользоваться своим участком.

Рассмотрев исторические аспекты установления различных норм об ограниченном праве пользования имуществом, можно отметить, что современная нормативно-правовая база постепенно усложняется и конкретизируется. В сравнении с нормами законодательства Российской империи о сервитутах, где такое понятие в целом отсутствовало и являлось отдельными нормативными актами, современное российское законодательство систематизировало и закрепило данные нормы. В советский период, когда существовала государственная монополия на землю, отсутствие механизмов сервитута не являлось проблемой, но в современном обществе, где преобладает частная собственность на землю, со сложной конфигурацией границ участков, наличие установленных норм и опыта судебной практики о сервитутах является одним из важнейших пунктов для сглаживания противоречий между обладателями земельных участков и равноправного существования всех соседей.

Список источников

1. Некрасова, И. Е., Давлетукаев, М., Котец, В. П. // Научные известия. 2022. № 27. С. 42-44.

2. Покровский, И. А. История римского права. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 447 с.

3. Толстова, А. Е., Шевчук, С. С. Актуальные проблемы цивилистики: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2021. 292 с.

4. Кокурин, В. А. История публичных сервитутов в РоссиИ // Аграрное и земельное право. 2022. № 9 (213). С. 56-58.

5. Борисов, А. А., Борисов, А. А. Исторические и теоретические основы возникновения и развития земельных сервитутов // Аграрное и земельное право. 2020. №4 (184). С. 39-41.

6. Толстова, А. Е. Содержание субъективного права собственности публичных образований // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 81-87.

УДК 341.9

Веричева Ксения Валерьевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: ksusavericheva@mail.ru

Vericheva Ksenia Valerievna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: ksusavericheva@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

CURRENT CHALLENGES AND PROSPECTS OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов в области дальнейшей перспективы развития международного права на современном этапе международных отношений с учетом изменений существующей системы мироустройства и формирования новых центров влияния, фронтиры которых еще окончательно не определены. Данный аспект вызывает необходимость пересмотра и прогнозирования дальнейшего развития международного права в существующих реалиях.

Ключевые слова: международное право; система международных отношений; глобализация; фрагментация; сетевое общество.

The article is devoted to the consideration of problematic issues in the field of further prospects for the development of international law at the present stage of international relations, taking into account changes in the existing system of the world order and the formation of new centers of influence, the frontiers of which have not yet been definitively determined. This aspect calls for a review and forecasting of the further development of international law in the existing realities.

Keywords: international law; system of international relations; globalization; fragmentation; network society.

В современных геополитических и экономических реалиях международное частное право (МЧП) получает исключительное значение в плане реализации устойчивого развития. Поскольку международное частное право является звеном, связывающим воедино системы права различных государств, то изменение направлений в области международных отношений, в первую очередь отражается на субъектах частного права, таких как: гражданские лица, организации, различные форматы объединений и иные юридические лица, подлежащие защите во всем мире. Введения санкционной политики также представляется вызовом для международное частного права, обладающего должным потенциалом и возможностями для разрешения возникающих конфликтов и преодоления коллизий с соответствующим формированием законодательное базы в области санкционного права. Являясь наиболее динамичной и интегративной отраслью права, направленной на разрешение вопросов в сфере частноправовых отношений с иностранным элементом, международное частное право представляет одновременно наиболее перспективную и интересную отрасль, но вместе с тем и наиболее сложную в области практической реализации [1, с. 21].

Перспективы международного частного права, его эффективность и будущее опосредованы, в том числе, необходимостью фундаментальной установки правового регулирования отношений на мировом уровне, сотрудничества государств в реализации международно-правовых норм и действующих договоров и договоренностей. Современный международный правопорядок диктует необходимость переосмысления существующих научных концепций и выработки новых теоретических представлений и подходов в науке международного права. В которой наиболее значимой проблемой является, по выражению российского правоведа, разрыв между правотворческими и правореализационными процессами, а также недостаточный уровень управляемости международной системой [2, с. 140-149].

На протяжении всей истории международное право активно развивалось и будет в дальнейшем сохранять данную тенденцию, поскольку оно, обращаясь к самой природе международного права, является отражением особенностей той системы межгосударственных отношений, которая его воспроизвела, в соответствии с определенным историческим этапом развития [3, с. 21]. В этой связи вопрос дальнейшего развития международного права в сфере сохранения функции активного регулятора представляется чрезвычайно актуальным, также как и вопрос о существовании альтернатив и необходимости пересмотра и изменений в этой сфере, особенно с учетом стремительного развития «сетевого общества» (network society), являющейся системой открытого типа и представляющую собой новую парадигму мироустройства, в основе которой фундированы опыт, власть и производство, формирующие сетевое государство, в котором самым слабым местом оказывается суверенитет государств [4, с. 12]. Ясным представляется то, что поиск ответов на эти вопросы так или иначе опосредован, в том числе, и отношениями между государствами, выступающими первичными субъектами международного права.

Также существенным фактором, который необходимо отметить, является процесс глобализации, способствующий возникновению «открытого общества» [5, с. 13] и вызывающий общее изменение мирового порядка. Российские исследователи отмечают, что наибольшие трансформационные сдвиги обнаруживаются именно в международном частном праве, за счет повышения количества субъектов нормотворчества, главной характеристикой которых является кратковременность как способ существования, и ситуативность решения проблем – адхократичность (adhocracy, лат. ad hoc), термин, также используемый в научных работах [6, с. 45], а также процесс делокализации права, динамичное обращение к альтернативным системам регулирования трансграничных споров и др. При этом основной тенденцией в области международного частного права в современных условиях является его фрагментация на нормативную и институциональную области, связанной с выраженным стремлением на разгосударствление права [7, с. 193]. Так уже сейчас можно отметить, что постепенно формируется иная правовая реальность, в которой активную роль играют частные акторы, представляющие собой транснациональные образования и структуры. Наиболее ярким примером в этой области является современное европейское правовое поле, в которой значительную роль играют не законотворческие инициативы национальных государств, а общеевропейских институтов.

Регуляция современных трансграничных отношений, выходящим за границы государства и образующие устойчивые соединения с правовыми системами других государств, долгое время относилась к деятельности ЮНСИТРАЛ, УНИДРУА, ICC (Международной торговой палате) и др., осуществляющих процесс унификации в области международно-правовых норм. Однако, в новой парадигме, трансграничные отношения в случае необходимости регулирования в настоящее время, поскольку у них отсутствует собственная правовая система, следует также считать субъектами межсистемных правовых образований (МСО), создаваемых государствами, как в случае международного частного права в XIX в., для урегулирования всех частных отношений с иностранным элементом [8, с. 29]. В XXI в. межсистемные правовые образования в сфере регуляции трансграничных отношений начинают сочетать в себе элементы публичного и частного порядка, представляя новый феномен, содержащий в своей основе сложную двойственную природу, иностранного права в том числе. Одним из примером может служить сфера регулирования персональных данных, при трансграничной передаче которых, европейскими государствами были применены нормы корпоративного права, приобретшие под воздействием санкционного аппарата статус международно-правовых норм, что является формализацией нового источника международного права [9, с. 12-13]. Интенсивный рост норм негосударственного регулирования, представляющий собой «неформальное международное правотворчество» может, в свою очередь, способствовать созданию коллизий права и «неправа» на различных уровнях нормативного регулирования и обуславливает необходимость пересмотра используемого в международном частном праве инструментария в виде мате-

риального и коллизионного способов регулирования в условиях современных реалий.

Список источников

1. Гетьман-Павлова, И. В. Международное частное право. Москва : Юрайт-Издат, 2017. 417 с.
2. Парамузова, О.Г. к вопросу философского осмысления международного права в условиях современных реалий международных отношений // Актуальные проблемы международного права в современных геополитических условиях: материалы научной конференции. Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. 212 с. 140-149.
3. Нуруллин, А. Р. Актуальные проблемы российского права // Зимняя школа. 2015. № 4 (53). С. 20-22
4. Толстова, А. Е., Шевчук, С. С. Актуальные проблемы цивилистики: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2021. 292 с.
5. Базедов Ю. Право открытых обществ - частное и государственное регулирование международных отношений: общий курс международного частного права. Москва : Норма, 2016. 382 с.
6. Косовская, В. А., Алешина, А. В. Регулирование частноправовых отношений с иностранным элементом: проблемы применения иностранного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 4. С. 43-47.
7. Мажорина М. В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193-217.
8. Марченко, М. Н. Источники права. Москва : Проспект. 759 с.
9. Нефедов, Б. И. Правовой фронтир в регулировании трансграничных общественных отношений // Московский журнал международного права. 2023. №.3. С. 6-16.

УДК 347.62

Гарипова Нина Сиреньевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: ninchenok@mail.ru

Garipova Nina Sirenevna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: ninchenok@mail.ru

НАСЛЕДОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

INHERITANCE OF LAND PLOTS AT THE PRESENT STAGE: LEGAL ISSUES

Статья посвящена исследованию актуальных правовых проблем, связанных с наследованием земельных участков в условиях современного

законодательства. В работе акцентируется внимание на противоречиях в правовом регулировании, возникающих при передаче земельных участков по наследству, включая вопросы согласования норм земельного и гражданского права. Рассматриваются случаи, усложняющие процесс наследования, такие как разграничение категорий земли, соблюдение экологических и градостроительных требований. В статье предлагаются возможные пути решения выявленных проблем, направленные на обеспечение эффективной реализации прав наследников, а также гармонизацию законодательства.

Ключевые слова: наследование земельных участков, правовое регулирование, земельное право, споры о наследстве, государственная регистрация прав на наследство, право собственности, ограничения прав пользования землей.

The article is devoted to the study of current legal problems related to the inheritance of land plots in the context of modern legislation. The paper focuses on the contradictions in the legal regulation that arise during the transfer of land plots by inheritance, including the issues of harmonization of land and civil law. Cases that complicate the inheritance process are considered, such as the differentiation of land categories, compliance with environmental and urban planning requirements. The article suggests possible solutions to the identified problems aimed at ensuring the effective implementation of the rights of heirs, as well as the harmonization of legislation.

Keywords: inheritance of land plots, legal regulation, land law, inheritance disputes, state registration of inheritance rights, ownership rights, restrictions on land use rights.

Наследование земель, как ключевой элемент имущественного оборота, представляет собой одну из самых сложных и менее урегулированных областей гражданского и земельного права. Земельные участки как объекты правоотношений занимают фундаментальное место в правовой системе, не только из-за их высокого имущественного значения, но и благодаря особой функции, связанной с обеспечением экономических, социальных и экологических интересов общества. Однако специфика правового режима земли создает значительные сложности при ее передаче по наследству, особенно в зависимости от категории земельного участка. Взаимодействие норм гражданского и земельного законодательства не всегда обеспечивает простоту и предсказуемость наследования земельных участков. Различие в правовом регулировании данных объектов, как показывает практика, приводит к конфликтам интересов, неэффективности использования земель и даже судебным спорам [1, с. 116]. Это делает необходимым исследование существующих правовых проблем и поиск путей их разрешения в актуальном правовом контексте.

Характер земельных участков как объекта наследования определяется их правовым статусом. Земля относится к недвижимому имуществу, и в отличие от многих других объектов она имеет установленный режим целевого использования и нередко подвержена множеству обременений. В

соответствии со ст. 130 ГК РФ земельный участок считается индивидуально-определенной вещью, и для перехода прав на него требуется надлежащее соблюдение процедур регистрации. Это одновременно усложняет передачу имущества по наследству и создает дополнительные правовые вопросы, связанные с кадастровым учетом, изменением назначения земель, а также с налогообложением.

Проблемы наследования земельных участков во многом связаны с неоднородностью правового регулирования различных видов земель.

Земельные участки, в зависимости от их целевого назначения, делятся на категории, каждая из которых регулируется специальными нормами земельного и гражданского законодательства. В рамках российского права категории земель включают земли сельскохозяйственного назначения, земли населенных пунктов, земли лесного фонда, земли водного фонда, земли особо охраняемых территорий и объектов, земли промышленности, транспорта, энергетики, связи и иного назначения, а также земли запаса. Эти категории имеют различный правовой режим, обуславливающий их использование, оборотоспособность и допустимость передачи по наследству. Различие в подходах к регулированию земель различных категорий создает значительный правовой массив, который обременяет наследников и, в ряде случаев, препятствует реализации их имущественных прав.

Земли сельскохозяйственного назначения являются одной из наиболее уязвимых категорий в контексте наследования. Их специфическая ценность заключается в способности использовать эти земли для производства продовольствия и иных сельскохозяйственных нужд, что делает их объектом повышенного государственного регулирования.

Одной из основных проблем в случае наследования подобных участков является наличие запретов и ограничений для иностранных граждан. Земли сельскохозяйственного назначения изначально изъяты из оборота для иностранных компаний или лиц, что обусловлено стремлением государства защитить национальные интересы [2, с. 90]. Следовательно, наследники-нерезиденты фактически лишены возможности вступить в права собственности на данные земельные участки. Более того, переход прав на земли сельскохозяйственного назначения требует их обязательного использования в целях, установленных законодательством, что также может быть затруднено для наследников, не занимающихся сельским хозяйством профессионально. В случае их неиспользования по назначению органы публичной власти могут инициировать процесс изъятия таких участков через суд [3, с. 168].

Дополнительные сложности возникают, если наследуемый участок требуется разделить между несколькими наследниками. Статья 12 Земельного кодекса Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (далее — ЗК РФ) устанавливает минимальный размер сельскохозяйственного земельного участка, что делает невозможным его дробление ниже установленной нормы. Это приводит к конфликтам среди наследников, невозможности оформления в общую долевую собственность и последующим судебным разбирательствам.

Земли, расположенные в границах населенных пунктов, находятся в относительно более упрощенном правовом режиме по сравнению с землями сельскохозяйственного назначения. Они предназначены для целей жилищного, промышленного, социального и культурного использования. Однако и здесь имеются правовые проблемы, в первую очередь связанные с зонированием и градостроительными регламентами [4, с. 44].

Основной юридической сложностью для наследников являются положения о целевом использовании участка. Например, если наследуемый земельный объект находится в зоне застройки, но на нем нет объектов недвижимости, муниципальные власти могут обязать наследников возвести соответствующий объект в установленный срок. Несоблюдение этого требования влечет наложение штрафных санкций или изъятие земель в силу их нецелевого использования [5, с. 49]. Более того, отсутствие у наследников финансовых ресурсов для строительства зданий фактически сводит их права на такой участок к минимуму.

Земли промышленности, транспорта и иного назначения имеют свою специфику, связанную с обременениями сервитутами и иными публичными ограничениями в использовании. Наследники обязаны учитывать права третьих лиц, таких как пользователи инженерных сетей, арендаторы или другие заинтересованные субъекты [6, с. 85].

Важной проблемой становится правопреемство в контексте административной ответственности наследников в случае, если при жизни наследодателя эта категория земли использовалась с нарушением законодательных требований. Например, промышленный участок может быть загрязнен, что влечет административные издержки, возлагаемые на наследников.

Следовательно, проблемы наследования земель различных категорий обусловлены сочетанием сложной структуры правового регулирования, специфики использования участков и существующих административных ограничений. Законодательство в этой области остается неоднородным, что приводит к множеству конфликтов и не позволяет эффективно защищать права наследников.

Для решения данных проблем необходимо создавать более системный механизм сближения норм гражданского и земельного права, совершенствовать процедуры регистрации и учета земельных участков, а также внедрять дополнительные гарантии для наследников. Упрощение административных процедур, модернизация законодательства о категориях земель могут способствовать снятию правовой нагрузки с наследников, обеспечивая более справедливый и устойчивый режим передачи земли новым поколениям [7, с. 182].

Современное российское законодательство демонстрирует важные проблемы, связанные с недостаточной системностью регулирования наследования земель. Прежде всего, отсутствует четкая интеграция норм ГК РФ и ЗК РФ, что приводит к правовым коллизиям. К примеру, ГК РФ допускает раздел наследуемого имущества между несколькими наследниками, что в полной мере распространяется и на земельные участки.

Однако ЗК РФ определяет, что деление земельного участка возможно только при условии соблюдения требований по минимальному размеру участка. Если раздел участка невозможен, это создает правовую коллизию: ГК РФ требует соблюдения интересов всех наследников, а ЗК РФ ограничивает их права, в силу невозможности деления земельного участка без соблюдения минимального размера. Кроме того, ЗК РФ накладывает ограничения на право собственности на отдельные категории земель для иностранных граждан (например, земли сельскохозяйственного назначения). ГК РФ же не разграничивает иностранцев и российских граждан при наследовании. Это ведет к правовым коллизиям, когда иностранный наследник может претендовать на землю, но не может оформить право собственности в силу запретов ЗК РФ.

Все эти противоречия приводят к усложнению процедуры наследования земельных участков и требуют согласования норм между ГК РФ и ЗК РФ. Гармонизация законодательства, охватывающего вопросы собственности и наследования земельных участков, послужила бы не только улучшению правовой среды, но и укреплению прав граждан на эту форму имущества.

Таким образом, наследование земельных участков – это сложный процесс, который требует не только выполнения процедурных норм, но и учета социальной значимости земли как ресурса. Современные правовые проблемы, связанные с этой сферой, невозможно решить без пересмотра ключевых подходов в правовом регулировании, что, в свою очередь, делает необходимым внедрение комплексных законодательных реформ. Только скоординированные усилия, направленные на снятие противоречий между правовыми нормами, и защиту интересов всех заинтересованных сторон, позволят преодолеть существующие проблемы.

Список источников

1. Пиголкин, А. С. Судебная практика по спорам о наследовании земельных участков // Право и экономика. 2021. № 10. С. 112-118.

2. Васильева, Н. И. Обзор изменений законодательства о праве наследования земель в России // Законодательство. 2020. № 3. С. 87-92.

3. Шевчук, С. С., Толстова А. Е. Правовое регулирование наследственных отношений по российскому и международному частному праву. Монография. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 264 с.

4. Денисова, Ю. Н. Проблемы в сфере правового регулирования наследственных отношений в России и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 4(45). С. 41-46.

5. Зонин, Е. Г. Особенности наследования недвижимого имущества по российскому праву // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 47-59.

6. Толстова, А. Е. Содержание субъективного права собственности публичных образований // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 81-87.

7. Нелюбин, С. А. Павлова, И. В. Наследственное право России в

УДК 347.441.836

Гарлина Элина Игоревна
студент
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: garlinalina@gmail.com

Garlina Elina Igorevna
student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: garlinalina@gmail.com

Федоров Виктор Алексеевич
студент
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: Vitnesesery@yandex.ru

Fedorov Victor Alekseevich
student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: Vitnesesery@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА СДЕЛОК С ПОРОКАМИ ВОЛИ

CHARACTERISTICS OF TRANSACTIONS WITH DEFECTS OF THE WILL

На практике встречаются случаи, когда участники гражданских правоотношений при заключении сделок действуют не свободно, а с учетом различных обстоятельств, влияющих на их поведение и противоречащих их истинному волеизъявлению — «порок воли». Выделяют следующие виды сделок с «пороком воли»: неспособность понимать значение своих действий или руководить ими, заблуждение, обман, насилие, угроза или стечение тяжелых обстоятельств.

Анализ складывающейся судебной практики и мнений различных цивилистов позволяет констатировать, что в настоящее время судами не выработано четких и единообразных критериев разграничения сделок с пороками воли, происходит терминологическое смешение понятий «порока воли».

В статье авторы сформировали правовое понятие «порока воли», а также установили, какие именно действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей относятся к сделкам с пороками воли.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, воля и волеизъявление, порок воли, недействительность сделки, неспособность понимать значение своих действий или руководить ими, заблуждение, обман, насилие, угроза, кабальные сделки.

In practice, there are cases when participants in civil legal relations do not act freely when concluding transactions, but taking into account various circumstances that influence their behavior and contradict their true expression of will — «defect of will». The following types of transactions with «defect of will» are distinguished: inability to understand the meaning of one's actions or control them, delusion, deception, violence, threat or confluence of difficult circumstances.

An analysis of the emerging judicial practice and the opinions of various civilists allows us to state that at present the courts have not developed clear and uniform criteria for distinguishing transactions with defects of will; there is a terminological confusion of the concepts of «defect of will».

In the article, the authors formed the legal concept of «defect of will», and also established which actions of citizens and legal entities aimed at establishing, changing, and terminating civil rights and obligations relate to transactions with defects of will.

Keywords: civil legal relations, will and expression of will, defect of will, invalidity of a transaction, inability to understand the meaning of one's actions or control them, delusion, deception, violence, threat, onerous transactions.

Статья 153 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет сделку как действие, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений. В определении сделки отсутствует указание на волю ее участников. При этом анализ норм Гражданского кодекса показывает, что воля в сделке играет ключевую роль. Так, например, в соответствии с ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе, а согласно п. 1. ч. 1 ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации сделка есть основание возникновения гражданских правоотношений, а в основе сделки лежит воля. Указание на волю, как необходимый элемент сделки, содержится и в иных статьях Гражданского кодекса Российской Федерации.

Бывают случаи, когда истинная воля не соответствует волеизъявлению. То есть человек может заключить сделку, но заблуждаться относительно предмета сделки. Например, стороны договорились о купле-продаже исправного автомобиля, была проведена тщательная проверка, но после заключения сделки была обнаружена неисправность автомобиля. В данном случае такая сделка может быть истолкована как сделка с пороком воли.

В то же время суд по-разному интерпретирует понятие «порок воли», не уточнив что это такое и какие сделки именуются сделками с пороками воли. Так, в деле №2-623/2014 г. от 19.02.2014 Правобережного районного суда города Липецка к сделке с пороками воли подходили следующим образом: «Определение сделки через действие, имеющее направленность, означает, что ей придается значение как волевому акту. Соответственно, только при наличии воли можно говорить о существовании сделки, ее юридической силе. Существует группа недействительных сделок, недействительность которых вызвана пороками воли. К ним относятся сделки под влиянием заблуждения, обмана, насилия и др. В этом случае действительно страдает воля лица».

Анализируя дела на официальном портале «СудАкт РФ», созданном для исследования общедоступной судебной практики, следует заметить, что в период с 01.01.2020 года по 01.01.2023 годы опубликовано 364 427 дел, когда суд использует термин «порок воли» в своих решениях. В тот же пери-

од с 2020 года по 2023 гг. исков, в которых данного термина не встречается, связанных со сделками, совершенных гражданином, неспособным понимать значение своих действий — 2169; исков, связанных со сделками, совершенных под влиянием заблуждения — 5709; исков, касающихся сделок, совершенных под влиянием обмана, угрозы, насилия или неблагоприятных обстоятельств — 3 801 дел.

Это говорит о том, что, несмотря на широкое обсуждение категории «порока воли» в сделках в цивилистике, данное понятие не всегда встречается в судебных решениях, однако все же огромное количество дел, связанных одним из пороков: неспособность понимать значение своих действий или руководить ими, заблуждение, обман, насилие, угроза или стечение тяжелых обстоятельств.

Здесь следует отметить, что законодательного определения термина порока воли нет, что может привести к злоупотреблению правом со стороны судей. Установление порока воли и отнесение сделки к сделке с пороком воли оставлено на усмотрение судьи.

Содержательно порок воли интерпретирует Алекберова Н. Н.: «Под пороком воли, как правило, понимают случаи, когда процесс формирования воли участников сделки не происходит нормальным путем, а образуется под влиянием ошибочных представлений, недобросовестных действий контрагента» [1, С. 284].

Следует обратить внимание, что в цивилистике вопрос о «пороке воли» почти не исследован. В большинстве источников Потапенко С. В., Зарубиным А. В. [2], Даниловым И. А. [3], Скудутис М. [4] и др. порок воли определяется через основания возникновения порока воли, такие как заблуждение, обман, насилие, угроза. Однако основания не исчерпывающе определяют данную дефиницию, в связи с чем необходимо вывести общее понятие «порока воли».

Если мы обратимся к обыденному пониманию порока, который прописан в толковых словарях русского языка, то он рассматривается в следующих значениях:

— «недостаток нравственный, духовный; все, что противно истине, добру; зло и ложь, как свойство, качество человека; всякое нравственное извращенье, искаженье; наклонность к худу, к дурной жизни»;

— «предосудительный недостаток, позорящее свойство характера»;

— происходящим от слова «порицать», «то, что заслуживает порицание», «недостаток»;

Исходя из толкования порока в психологическом смысле приходим к выводу, что такое порок воли в правовом аспекте. Итак, порок воли — это нравственный недостаток, ведущий к искаженному (ложному) формированию воли в сделке.

Представляется целесообразным отметить, основанием недействительности каких именно сделок является порок воли.

Рассмотрим основные примеры и начнем с неспособности гражданина понимать значение своих действий.

Данный аспект закреплен в ст. 177 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно указанной норме, субъект не обязательно должен быть недееспособным. Предполагается, что такой участник гражданских правоотношений дееспособен, но в момент совершения сделки пребывал в состоянии, в котором не понимал ее смысл, не мог руководить своими действиями.

В ходе судебного рассмотрения может быть установлено, что договор является недействительным, так как на момент его заключения гражданин не мог понимать содержание подписываемого им договора, то есть фактически его воля на распоряжение, например, имуществом, отсутствовала.

Однако суды указывают, что юридически значимыми обстоятельствами в данном случае являются наличие или отсутствие психического расстройства у гражданина в момент совершения сделки, степень его тяжести, уровень имеющихся нарушений его интеллектуального и (или) волевого уровня.

Далее хотелось бы рассмотреть статью 178 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая содержит норму, согласно которой сделка будет признана недействительной, если совершена под влиянием существенного заблуждения.

Исходя из определения Е. А. Коломиеца данное состояние — это результат «порочного формирования воли стороны сделки», который оказал определяющее воздействие на заключение сделки и установление ее условий, имеющих существенное значение. Сделка будет признана судом недействительной, если на момент совершения присутствовало заблуждение, и оно имело существенное значение для заключения сделки [5, С. 26].

Так в ч. 2 ст. 178 Гражданского кодекса Российской Федерации конкретно определяются обстоятельства, позволяющие считать заблуждение существенным. К таковым относятся:

1) один из участников сделки преднамеренно допустил опечатку, описку и подобные моменты;

2) один из участников сделки заблуждается в отношении природы сделки;

3) один из участников сделки заблуждается в отношении предмета сделки;

4) один из участников сделки заблуждается в отношении обстоятельства, которое она упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которого она с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку;

5) один из участников сделки заблуждается в отношении лица, с которым она вступает в сделку, или лица, связанного со сделкой.

Приведем следующий пример, истец действительно имел намерение заключить договор дарения в отношении доли земельного участка и рассчитывал на помощь ответчика в регистрации этого земельного участка и при совершении сделки не предполагал, что он потеряет право собственности на земельный участок целиком, так как по факту им был подписан договор купли-продажи в связи с возрастом и юридической безграмотностью.

Далее изучим статью 179 Гражданского кодекса Российской Федерации, в ней содержится норма, согласно которой сделка может быть признана

недействительной, если была совершена под влиянием обмана, насилия или угрозы.

В Гражданском кодексе Российской Федерации не содержится определение понятия «обман», однако в судебной практике устоявшимся стало определение обмана как умышленного введения другой стороны в заблуждение.

Змановская И. М, уточняет, что обман имеет правовое значение тогда, когда он используется, как способ склонить другую сторону к заключению сделки. Сторона, которая имеет интерес в совершении сделки, намеренно создает у другой стороны ложное представление о характере и предмете сделки, ее условиях, о личности сторон, иных обстоятельствах, влияющих на принятие решения. То есть, сделку следует считать заключенной под влиянием обмана, если определенные моменты указывают на то, что при правильном представлении об обстоятельствах, которые были выставлены ложно, субъект бы воспринял по-другому и не совершил бы эту сделку [6, с. 110-111].

Что касается физического (насилия) или психического (угрозы) принуждения, насилие устремлено на принуждение к совершению действий, создающих ложное представление согласия на заключение сделки. Для лица, применяющего насилие, самое главное добиться совершения действий, требуемых для того, чтобы сделка признавалась заключенной. Угроза же в сделках с пороками воли — это психическое воздействие на волю субъекта с целью принудить его к совершению сделки под страхом причинения физического насилия, нравственных страданий, разглашения сведений, порочащих деловую репутацию или совершение иного противоправного деяния.

Последней разновидностью сделок с пороками воли являются пороки, вызванные виновным поведением контрагента либо иных лиц. Ими являются кабальные сделки. В настоящее время кабальной признается сделка, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях, чем другая сторона воспользовалась (ч. 3 ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации). Порок воли в кабальных сделках видится либо в несоответствии воли волеизъявлению, либо в порочности формирования самой воли.

Суханов Е. А, отмечает, что существенным в данном пороке является само намерение использовать сложившиеся обстоятельства, приводящих к своей выгоде [7, С. 223]. При этом условия заключения сделки должны быть не просто неблагоприятные, а резко отличаться от обычных условий таких сделок, то есть кабальность должна быть очевидной и не нуждаться в особом доказывании.

Обратим внимание на то, что при признании сделок кабальными суды, как правило, исходят из конкретных обстоятельств дела. Тем не менее, существуют некоторые общие критерии. Так, в п. 11 Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснялось, что Гражданский кодекс Российской Федерации выделяет, что для признания недействительности кабальной сделки нужно

определить уровень неблагоприятных условий для соответствующей стороны. Для примера можно рассмотреть значительное завышение цены договора относительно договоров подобного вида.

За счет проведенного нами ранее исследования мы, во-первых, сформировали правовое понятие «порока воли». Порок воли — это нравственный недостаток, ведущий к искаженному (ложному) формированию воли в сделке. Во-вторых, установили, какие именно действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей относятся к сделкам с пороками воли и какие особенности они имеют. Основаниями пороков воли в сделке являются существенное заблуждение, обман, насилие, угроза, стечение тяжелых обстоятельств, а также неспособность гражданина понимать значение своих действий, а также руководить ими.

Список источников

1. Алекберова Н. Н. Порок воли как основание недействительности мнимых и притворных сделок // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 3. С. 282–286.

2. Потапенко. С. В., Зарубин А. В. Недействительность сделок с пороками воли, вызванных виновным поведением контрагента либо иных лиц // Законность и правопорядок. 2008. № 7. С. 50.

3. Данилов И. А. Недействительность сделок с пороками воли, причины которых заключены в самом субъекте сделки // Юридический мир. 2011. № 5. С. 79.

4. Скудутис М. Не по своей воле // Расчет. 2015. № 8. С. 36–37.

5. Коломиец Е. А. Заблуждение и обман как условие недействительности сделок. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2005. С. 26.

6. Змановская И. М. Сделки с «пороком воли» как разновидность понуждения к заключению договора // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021 г. С. 109 113.

7. Суханов, Е. А. Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: сборник статей, посвященный юбилею проф. В. В. Витрянского (с аудиоприложением) / отв. ред. Е. А. Суханов. Москва : Статут, 2021. 420 с.

УДК 347.19

Гизатулина Анна Анатольевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: 701198@bk.ru

Gizatulina Anna Anatolievna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: 701198@bk.ru

ПОНЯТИЯ «ОГРАНИЧЕНИЕ» И «ОБРЕМЕНЕНИЕ» ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE CONCEPTS OF «RESTRICTION» AND «ENCUMBRANCE» OF RIGHTS TO IMMOVABLE PROPERTY IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Статья посвящена исследованию таких правовых явлений как «ограничение» и «обременение» прав применительно к недвижимому имуществу. Рассматриваются определения данных терминов с точки зрения правоведов. Сделаны выводы о сущности ограничения и обременения, их характеристиках и признаках. Также в статье рассмотрены вопросы развития законодательства об ограничении и обременении как способах защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Также в рамках статьи проведено исследование таких правовых явлений как «ограничение» и «обременение» прав применительно к недвижимому имуществу.

Ключевые слова: недвижимость, ограничение, обременение, интересы, право, имущество, пользование, распоряжение.

The article is devoted to the study of such legal phenomena as «restriction» and «encumbrance» in relation to immovable property. The definitions of these terms are considered from the point of view of legal scholars. Conclusions are drawn about the essence of restrictions and encumbrances, their characteristics and features. The article also discusses the development of legislation on restrictions and encumbrances as ways to protect the rights and legitimate interests of citizens and legal entities. The article also examines such legal phenomena as «restriction» and «encumbrance» of rights in relation to immovable property.

Keywords: real estate, restriction, encumbrance, interests, law, property, use, disposal.

В современных условиях развитие общественных отношений требует повышенного внимания к проблемам защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц при помощи разного рода правовых инструментов, к которым относятся обременения и ограничения. Следует отметить, что данные инструменты, хотя и активно используются в правоприменительной практике, недостаточно изучены, количество публикаций по проблематике относительно невелико.

Изучение нормативно-правовых актов, литературных источников и публикаций относительно терминов «обременение» и «ограничение», позволило обратить внимание на тот факт, что данные термины применительно к объектам недвижимости не содержатся в законодательстве, что может порождать определенные проблемы в правоприменении. При этом, применительно, например, к инвестору под обременением понимаются «…дополнительные, не входящие в общий случай проектирования и строительства мероприятия, необходимые для создания и эксплуатации объекта, проводимые за счет инвестора…» [1, с. 58].

В юридической практике понятия «ограничение» и «обременение» часто рассматриваются как взаимозаменяемые термины. Так, например, Т. С. Краснова при характеристике сервитутных ограничений прав использует термин «сервитутные типы ограничений (обременений) прав» [2, с. 150], что позволяет говорить о трактовке ограничений и обременений как синонимов. На наш взгляд, это не вполне верно, поскольку само значение данных терминов различно.

Относительно термина «ограничение» можно отметить, что он активно используется в законодательстве применительно к различным субъектам и правам (родительские права, авторские права, свободы, использования транспортного средства и т. д.), однако, применительно к правам на объекты недвижимости данный термин в законодательстве не применяется.

Рассматривая определения в общем, можно отметить, что ограничения – это «установление границ чего-либо» [3, с. 21].

Применительно к праву «ограничение» – это установленные законом пределы реализации прав и свобод субъектов правоотношений.

Теоретико-правовая концепция определяет ограничение права как механизм регулирования поведения субъекта правоотношений, сопряженный с определенными негативными последствиями (риском утраты или ограничения благ), направленный на сужение спектра возможностей и индивидуальной автономии личности. В правовой доктрине концепция ограничения права рассматривается как элемент системы правового регулирования, выполняющий роль превентивного механизма [4, с. 54].

Согласно научной позиции А. В. Малько, правовые ограничения представляют собой нормативно установленные пределы деятельности субъектов права, предполагающие исключение определенных вариантов поведения из сферы дозволенного [5, с. 134-135].

В контексте права собственности ограничения проявляются в форме правовых обременений собственника, которые выражаются в двух аспектах: во-первых, в запрете на совершение определенных действий в отношении объекта собственности, которые при отсутствии ограничений входили бы в объем правомочий собственника; во-вторых, в обязанности допускать вмешательство третьих лиц в осуществление права собственности в случаях, когда при отсутствии ограничений собственник мог бы такое вмешательство пресекать.

Можно согласиться с С.Ю. Зайцевым, который рассматривает ограничение как установленные законом или уполномоченными органами пределы осуществления субъективного права собственности [6, с. 187].

Ниязова А. Н. предлагает понимать под ограничением «стеснение правомочий собственника по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему имуществом» [7, с. 210].

Следует отметить, что в юридической доктрине дискутируется вопрос о необходимости дифференциации понятий ограничений субъективных прав, включая право собственности, и правовых ограничений, которые концептуально соотносятся с пределами реализации прав. Под правовыми ограничениями понимается нормативно установленный диапазон допустимого поведения участников правоотношений, а ограничения права собственности в данном контексте представляют собой допустимые рамки осуществления правомочий собственника, что по своей сути эквивалентно определению границ данного права. Применительно к праву собственности следует отметить, что ограничение права собственности — это модификация некоторого существующего объема правомочий (например, при наложении ареста на имущество). Категория «пределы права» — это базовое юридическое понятие, которое определяет границы и рамки осуществления прав.

При этом в научной литературе ограничения прав интерпретируются двояко: как исключение определенных правомочий из нормативного содержания права и как количественное уменьшение объема правовых возможностей субъекта [8, с. 86].

В практике юристы отмечают, что ограничения чаще относятся к правовой сфере, а обременение традиционно связывают с объектами недвижимости. Так, например, под обременением понимается «наличие прав третьих лиц на объект недвижимости, не являющихся его владельцами» [9, с. 41].

Интересное определение термина «обременение» приводит Н. А. Болдырев, определяя его как наличие установленных законом или уполномоченными органами в установленном законом порядке условий, запрещений, стесняющих правообладателя при осуществлении права собственности либо иных вещных прав на конкретный объект недвижимого имущества [10, с. 29].

Отчасти можно согласиться с Н. В. Корниловой, которая характеризует обременение как «дополнительные права третьих лиц на объект недвижимости, установленные по воле собственника» [11, с. 22].

Частично соотносит ограничение и обременение Д. С. Сычев, рассматривая последнее как «установленные решением государственного органа, договором или правовым актом условия, ограничивающие правообладателя при осуществлении права собственности или иных вещных прав на конкретный объект недвижимого имущества» [12, с. 14].

В гражданском праве термин обременение также может быть определен как «законные притязания третьих лиц на объект недвижимости

при определенных обстоятельствах» [13, с. 50]. Существенным является тот факт, что данные лица не обладают правом собственности на объект. Юридическими основаниями для установления обременения могут выступать вступившее в силу решение суда, двустороннее соглашение или заключенный договор. Законодательство определяет ограничения (обременения) как совокупность установленных нормативно-правовыми актами или компетентными органами условий и запретов, ограничивающих правомочия собственника или обладателя иных вещных прав в отношении конкретного объекта недвижимости (включая сервитут, ипотеку, доверительное управление, аренду, арест имущества и иные формы).

Наложение обременения существенно сужает возможности владения, пользования и распоряжения имуществом. Важно подчеркнуть, что не каждое ограничение квалифицируется как обременение. Ключевым признаком является его установление в рамках действующего законодательства. Правовая доктрина выделяет две основные категории: добровольное обременение, устанавливаемое по инициативе собственника, и принудительное, налагаемое независимо от его волеизъявления.

Классическим примером добровольного обременения является залог, при котором владелец по собственному решению накладывает ограничения на свое имущество. Наиболее распространенной формой принудительного обременения выступает арест имущества, осуществляемый на основании судебного постановления без учета позиции собственника. Обременение значительно ограничивает свободу распоряжения имуществом. Характерной особенностью обременения является его сохранение при смене собственника объекта недвижимости.

Юридическим основанием для возникновения обременения, как и ограничения, может служить решение суда, взаимное соглашение участников или заключенный договор. Согласно законодательству, ограничения (обременения) представляют собой законодательно установленные условия, запреты и ограничения, накладываемые на правообладателя при реализации права собственности или иных вещных прав на объект недвижимости (включая сервитут, ипотеку, доверительное управление, аренду, арест имущества и прочее).

Сущность ограничений и обременений прав на недвижимое имущество заключается в установлении определенных границ осуществления субъективных прав собственника или иного правообладателя, направленных на обеспечение баланса частных и публичных интересов. При этом ограничения имеют преимущественно публично-правовой характер, устанавливаясь в силу закона или акта уполномоченного органа, тогда как обременения возникают преимущественно из частноправовых отношений, основанных на волеизъявлении собственника.

Правовая характеристика ограничений и обременений включает их обязательную государственную регистрацию, возможность установления как в отношении всего объекта недвижимости, так и его части, срочный или бессрочный характер, возможность их прекращения при отпадении оснований установления. Важной особенностью является то, что

ограничения и обременения следуют за объектом недвижимости при переходе прав на него к другому лицу, обеспечивая тем самым стабильность гражданского оборота и защиту прав третьих лиц.

Роль ограничений и обременений в защите прав и законных интересов в сфере недвижимости многогранна и существенна. Являясь правовыми механизмами, обеспечивающими баланс частных и публичных интересов, они создают необходимые условия для рационального использования недвижимого имущества, охраны окружающей среды, обеспечения безопасности государства и общества. Установленные ограничения и обременения служат эффективным инструментом предотвращения злоупотреблений правом собственности и иными вещными правами, способствуя формированию цивилизованного рынка недвижимости.

Особое значение ограничения и обременения имеют в сфере защиты прав добросовестных приобретателей недвижимого имущества, предоставляя им возможность получить полную информацию о правовом режиме приобретаемого объекта. В условиях современного гражданского оборота институт ограничений и обременений способствует повышению прозрачности сделок с недвижимостью, минимизации рисков их участников и обеспечению стабильности гражданского оборота в целом [14, с. 112].

Важно подчеркнуть, что, несмотря на различную правовую природу рассматриваемых понятий, они имеют общую цель, заключающуюся в установлении определенных границ осуществления права собственности на недвижимое имущество. Однако механизмы достижения данной цели существенно различаются.

Рассматривая особенности государственной регистрации ограничений и обременений прав на недвижимое имущество, следует отметить, что данная процедура, являясь обязательной в случаях, предусмотренных законом, обеспечивает публичность и достоверность сведений о правовом статусе объекта недвижимости.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, можно отметить, что понятия «ограничение» и «обременение» прав на недвижимое имущество, несмотря на частое отождествление в правоприменительной практике, имеют различную правовую природу и содержание. Ограничения носят преимущественно публично-правовой характер и устанавливаются в силу закона или акта уполномоченного органа, в то время как обременения возникают из частноправовых отношений на основе волеизъявления собственника.

Сущность ограничений заключается в установлении пределов реализации правомочий собственника или иного правообладателя недвижимого имущества. Обременения же представляют собой дополнительные права третьих лиц на объект недвижимости, не являющихся его собственниками.

Отсутствие четких легальных определений данных понятий в действующем законодательстве создает правовую неопределенность и затрудняет правоприменительную практику. Внедрение этих терминов в законодательство необходимо для обеспечения единообразного понимания и

применения данных правовых институтов, а также для повышения эффективности защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Предлагается закрепить в ГК РФ (в виде примечания к ст. 209) следующие определения:

Во-первых, ограничение прав на недвижимое имущество - установленные законом или уполномоченными органами пределы осуществления правомочий собственника или иного правообладателя по владению, пользованию и распоряжению объектом недвижимости;

Во-вторых, обременение недвижимого имущества - наличие прав третьих лиц на объект недвижимости, установленных на основании закона, договора или решения уполномоченного органа, ограничивающих правомочия собственника или иного правообладателя.

Внедрение предложенных определений в законодательство позволит создать более четкий правовой механизм регулирования отношений в сфере недвижимости и обеспечить баланс интересов всех участников гражданского оборота.

Список источников

1. Коренев, П. В., Суслина, И. А., Толстова, А. Е. Право собственности и другие вещные права: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2019. 156 с.

2. Краснова, Т. С. Сервитутные типы ограничений (обременений) прав на недвижимость: зарубежный опыт и новеллы российского законодательства // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 142-160.

3. Сагдеева, Л. В. Ограничения и обременения права собственности и исключительного права // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 3. С. 13-34.

4. Шевчук, С. С., Толстова, А. Е. Объекты гражданских прав: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2021. 212 с.

5. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве: монография. Москва : Юрист, 2003. 248 с.

6. Зайцев, С. Ю. Ограничение и обременение права собственности // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 5. С. 186-188.

7. Ниязова, А. Н. Пределы и ограничения права собственности на землю: анализ подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2. С. 208-215.

8. Толстова, А. Е. Содержание субъективного права собственности публичных образований // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 81-87.

9. Ламбаев, Ж. Т. Эффективное осуществление права собственности: понятие и обоснование // Гражданское право. 2022. № 4. С. 40-43.

10. Болдырев, Н. А. Пределы ограничения права собственности и иных конституционных прав // Аграрное и земельное право. 2023. № 5. С. 28-30.

11. Корнилова, Н. В. Право собственности: понятие и содержание в российском и зарубежном праве // Юридический мир. 2014. № 8. С. 21-25.

12. Сычев, Д. С. Правовые ограничения и обременения в сфере недвижимости: к вопросу о понятиях и их соотношении // Новый юридический вестник. 2021. № 8 (32). С. 13-15.

13. Романенко, А. В., Валуйсков, Н. В. Правовой режим ограничения права собственности // Вестник магистратуры. 2015. №2-3 (41). С. 50-51.

14. Шевчук, С. С. Гражданское право: современные тенденции реформирования частного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 1 (58). С. 108-116.

УДК 347.725

Григорьев Егор Алексеевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: egorgrigorevbc@gmail.com

Grigoriev Egor Alekseevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: egorgrigorevbc@gmail.com

ФИДУЦИАРНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ В КОРПОРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК

FIDUCIARY DUTIES IN CORPORATE GOVERNANCE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN PRACTICES

В статье рассматриваются особенности регулирования фидуциарных обязанностей в России, США и Великобритании, анализируются различия в правоприменительной практике и механизмах контроля за действиями акционеров. Особое внимание уделяется влиянию фидуциарных обязанностей на прозрачность корпоративного управления и инвестиционный климат. В работе выявлены ключевые проблемы российской системы, такие как формальный подход к соблюдению норм, слабая судебная практика и недостаточная ответственность акционеров за нарушение обязательств. В статье предлагаются пути совершенствования регулирования, включая внедрение международных стандартов, усиление контроля и развитие судебной практики. Это может способствовать созданию предсказуемой правовой среды, повышению доверия инвесторов и устойчивому развитию корпоративного сектора в России.

Ключевые слова: фидуциарные обязанности акционеров, корпоративное управление, ответственность акционеров, международные стандарты корпоративного права, механизмы корпоративного контроля, конфликт интересов.

The article examines the regulation of fiduciary duties in Russia, the United States, and the United Kingdom, analyzing differences in law enforcement

practices and mechanisms for controlling shareholder actions. Special attention is given to the impact of fiduciary duties on corporate governance transparency and the investment climate. The study identifies key issues in the Russian system, such as a formalistic approach to compliance, weak judicial practice, and insufficient shareholder accountability for breaches. The article proposes ways to improve regulation, including the adoption of international standards, enhanced oversight, and the development of judicial practice. These measures could contribute to the establishment of a predictable legal environment, increased investor confidence, and the sustainable development of the corporate sector in Russia.

Keywords: fiduciary duties of shareholders, corporate governance, shareholder responsibility, international corporate law standards, corporate control mechanisms, conflict of interest.

В современном корпоративном управлении фидуциарные обязанности играют ключевую роль, обеспечивая баланс интересов между акционерами, менеджментом и компанией в целом. В различных юрисдикциях, таких как Россия, США и Великобритания, эти обязанности формируются под влиянием правовых традиций и судебной практики и являются центральной концепцией корпоративного управления.

Фидуциарные обязанности представляют собой юридически закрепленные обязательства акционеров действовать в интересах компании, соблюдая принципы добросовестности, лояльности и разумности [1, с. 313]. Эти обязанности возникают из принципа доверия, который предполагает, что акционеры, особенно мажоритарные, не должны использовать свое влияние в ущерб компании и миноритарным акционерам. Они распространяются не только на директоров и топ-менеджеров, но и на акционеров, имеющих значительное влияние на принятие корпоративных решений. Злоупотребление корпоративными правами, скрытые сделки с аффилированными структурами, манипуляции с дивидендами – все это примеры ситуаций, в которых соблюдение фидуциарных обязанностей имеет решающее значение.

Конкретное содержание фидуциарных обязанностей в корпоративном праве большинства стран во многом совпадает. В исторической трактовке подобного элемента правовой и корпоративной системы авторы традиционно выделяют две фидуциарные обязанности [2]. Во-первых, лояльность (duty of loyalty), которая проявляется в том, что во время конфликта интересов субъект должен действовать исключительно в интересах корпорации, пренебрегая собственными. Во-вторых, разумная забота (duty of care), которая, в свою очередь, проявляется в применении навыков, знаний и умений, обычно требуемых в подобной ситуации.

В российском праве фидуциарные обязанности акционеров закреплены в ГК РФ и Федеральном законе от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО). В частности, основные положения включают:

– акционеры должны действовать добросовестно и разумно, не злоупотребляя своими правами (ст. 53 ГК РФ);

– обязанность раскрытия информации о заинтересованных сделках (ст. 81 Закона об АО);

– ответственность за злоупотребление корпоративными правами (ст. 10 ГК РФ).

Российское законодательство требует от акционеров не только соблюдения законов, но и действий в интересах компании, что особенно важно в контексте корпоративных конфликтов. Однако судебная практика по вопросам фидуциарных обязанностей акционеров в России пока недостаточно развита, что приводит к неоднозначности в правоприменении. В то же время растущее число дел, связанных с нарушением фидуциарных обязанностей, свидетельствует о постепенном формировании системы контроля и правоприменения.

В США регулирование фидуциарных обязанностей акционеров строится в основном на прецедентном праве, что в целом является особенностью права в данной стране. Основные принципы фидуциарных обязанностей в США также включают добросовестность и лояльность. Важную роль играет судебная практика, формирующая конкретные стандарты правоприменения. Особенностью регулирования фидуциарных обязанностей акционеров в Америке является принцип «бизнес-суждения», согласно которому суды не вмешиваются в принятие бизнес-решений, если они были приняты добросовестно и в разумных пределах. Данное правило позволяет акционерам и директорам действовать более свободно, не опасаясь судебного преследования за неудачные решения, если они были приняты с должной осмотрительностью, но все равно привели к убыткам для компании. Здесь сразу стоит остановится и отметить существенное различие в подходе к ответственности директоров в сравнении с российской практикой. В России законодательство требует четкого соблюдения формальных процедур, а нарушение или ненадлежащее их исполнение могут сопровождаться значительными санкциями даже в том случае, когда пренебрежение некоторыми формальными процедурами осуществлялось для максимального удовлетворения интересов фирмы [3, с. 39].

В Великобритании регулирование фидуциарных обязанностей акционеров основано на таком нормативно-правовом акте, как Companies Act 2006. Здесь закреплены ключевые нормы, такие как обязанность действовать в интересах компании (Section 172) и обязанность избегать конфликта интересов (Section 175) [4, с. 15]. Британское право обеспечивает высокий уровень защиты прав акционеров, особенно миноритарных, что способствует большей прозрачности корпоративного управления. Судебная практика в Великобритании показывает, что нарушения фидуциарных обязанностей могут приводить к серьезным санкциям, включая лишение корпоративных прав и наложение значительных штрафов. Это делает корпоративное управление более предсказуемым и надежным для инвесторов. Для полного сравнения следует также рассмотреть нормы применимые к директорам. В частности, в Великобритании для директоров разработан целый комплекс норм, регулирующих их фидуциарные обязанности. Руководители обязаны проявлять

должную заботу, а также использовать необходимые знания и навыки в своей деятельности. Кроме того, они должны сохранять преданность интересам компании, действовать с разумной осмотрительностью, избегать конфликтов интересов и не получать выгоду из фидуциарных отношений с компанией без соответствующего одобрения независимых директоров или акционеров. В некоторых случаях это требование сохраняется после окончания полномочий [5, с. 81].

Продолжая анализировать международную практику с области фидуциарных обязанностей, стоит отметить, что круг субъектов, связанных фидуциарными обязанностями по отношению к компании, в разных правовых школах может не совпадать. Такие обязательства могут распространяться на членов управляющих органов корпорации, ее сотрудников, а также на мажоритарных и миноритарных акционеров. Например, в рамках доктрины корпоративных возможностей предусмотрено правило, согласно которому члены управленческих структур корпорации, ее работники и контролирующий акционер не имеют права использовать деловые возможности корпорации исключительно в своих собственных интересах. Подобное использование будет означать нарушение обязанности лояльности по отношению к компании. При этом важно отметить, что ранее в России круг лиц, связанных подобными обязанностями ограничивался лишь членами органов управления общества. Теперь же, помимо них, ответственность за нарушения обязанностей несут все лица, имеющие возможность как влиять, так и определять дальнейшие действия фирмы.

В английском корпоративном праве круг возможных фидуциариев еще шире. Так, в Великобритании лица, привлекающие капитал в компанию (т.н. promoters, таковыми могут выступать инвестиционные банки, андеррайтеры и т. п.), хотя и не выступают в качестве агентов компании, все же совершают действия в интересах иного лица, и, соответственно, признаются фидуциариями [6, с. 88]. Они обязаны воздерживаться от получения скрытой выгоды и раскрывать информацию о всех доходах, полученных в результате сделок, заключенных при привлечении капитала. Нарушение этой обязанности может привести к оспариванию таких сделок по иску самой компании. Интересным следствием этой нормы общего права является тот факт, что, хотя компания может еще не быть юридическим субъектом, с точки зрения доктрины фидуциарных обязанностей она уже признается существующей.

Сложность соблюдения фидуциарных обязанностей тесно связана с вопросами раскрытия информации. В США и Великобритании действует жесткое регулирование раскрытия информации о конфликтах интересов, сделках с заинтересованностью и финансовом состоянии компании. Компании обязаны предоставлять детализированные отчеты и раскрывать сведения о взаимосвязях акционеров и топ-менеджеров, что значительно снижает риски манипуляций. В частности, в Соединенных Штатах конфликты интересов, которые возникают у директоров, подлежат подробному регулированию, а любое нарушение влечет значительные юридические последствия. Например, закон Делавэра требует, чтобы директоры раскрывали конфликты интересов и воздерживались от голосования по соответствующим вопросам [7, с.

115]. В России, несмотря на наличие соответствующих законодательных норм, практика раскрытия информации остается менее прозрачной. Многие компании предпочитают ограниченное раскрытие данных, что создает риски для миноритарных акционеров и инвесторов. Недостаток прозрачности может способствовать злоупотреблениям со стороны мажоритарных акционеров, затрудняя защиту прав остальных участников корпоративных отношений. Усиление регулирования в этой сфере может повысить доверие к российским корпорациям и сделать их более привлекательными для иностранных инвесторов. Дополнительные меры, такие как обязательное раскрытие всех сделок с заинтересованностью, более строгий контроль за корпоративными отчетами и внедрение санкций за сокрытие информации, могли бы существенно повысить уровень корпоративной прозрачности [8, с. 350]. Кроме того, активное привлечение акционеров к ответственности за нарушение этих обязанностей будет способствовать формированию зрелой корпоративной культуры, в которой превалирует принцип добросовестности и подотчетности.

Фидуциарные обязанности также имеют значительное влияние на корпоративное управление в компаниях, ориентированных на международные рынки. В условиях глобализации корпоративного управления компании стремятся адаптироваться к лучшим мировым стандартам, чтобы привлекать инвестиции и укреплять доверие акционеров. Международные корпорации, работающие в России, зачастую применяют более строгие корпоративные стандарты, чем предусмотрено отечественным законодательством, включая более жесткие требования к раскрытию информации, соблюдению прав миноритариев и предотвращению конфликта интересов [9, с. 213]. Внедрение этих стандартов направлено на повышение прозрачности бизнеса, снижение корпоративных рисков и повышение предсказуемости принятия решений. Компании, ориентированные на международный рынок, активно используют принципы ESG, что становится важным критерием оценки инвестиционной привлекательности. Для России модернизация правовой базы и адаптация к международным стандартам могут способствовать улучшению делового климата, росту доверия иностранных инвесторов и более эффективной защите прав акционеров. Однако внедрение таких норм требует не только законодательных изменений, но и изменений в корпоративной культуре, усиления надзорных механизмов и судебной практики, что станет важным шагом на пути к глобальной интеграции российского корпоративного управления.

Сравнивая российскую и зарубежную практику, можно выделить несколько ключевых различий. В России правоприменение в области фидуциарных обязанностей менее развито, чем в США и Великобритании, где суды активно применяют строгие стандарты к действиям акционеров. В России основной акцент делается на формальное соблюдение закона, тогда как в западных странах учитывается не только юридическая, но и экономическая целесообразность решений. В США и Великобритании суды рассматривают действия акционеров и директоров в более широком контексте: даже если формальные требования закона соблюдены, но в результате действий акционеров компания понесла ущерб, суд может признать их недобросовестными.

В России же зачастую превалирует формальный подход, что позволяет некоторым акционерам избегать ответственности [10, с. 98].

Кроме того, в США и Великобритании система корпоративного управления предполагает развитые механизмы контроля за действиями акционеров, включая строгие требования к раскрытию информации о конфликтах интересов, а также независимые комитеты и советы директоров, которые следят за соблюдением принципов добросовестности. В России же такие механизмы пока находятся на стадии развития, и зачастую акционеры могут злоупотреблять своим положением без значительных последствий. В западных странах судебная практика выработала четкие прецеденты, регулирующие степень ответственности акционеров за их действия. Например, дела, подобные Smith v. Van Gorkom, указывают на необходимость осмотрительности и разумности при принятии решений [11, с. 62].

Система санкций также различается. В США и Великобритании за нарушение фидуциарных обязанностей могут применяться серьезные меры, такие как крупные штрафы, дисквалификация акционеров или аннулирование сделок, совершенных с нарушением принципов добросовестности. В России же наказания, как правило, ограничиваются гражданско-правовыми мерами, и случаи привлечения акционеров к серьезной ответственности остаются редкостью. В результате слабого правоприменения миноритарные акционеры в России оказываются менее защищенными, чем их коллеги в западных странах, что снижает уровень доверия к корпоративному управлению в стране.

Таким образом, российская практика в сфере фидуциарных обязанностей пока уступает западным аналогам по строгости и последовательности правоприменения. Внедрение более жестких стандартов корпоративного управления, усиление ответственности акционеров и развитие судебной практики могут способствовать повышению прозрачности и предсказуемости корпоративных отношений в России. Усиление роли независимых органов надзора, создание специализированных судов по корпоративным спорам и активное применение санкций в отношении нарушителей позволят выстроить эффективную систему защиты прав акционеров. Повышение уровня правосознания и внедрение лучших международных практик помогут не только укрепить доверие инвесторов, но и способствовать устойчивому развитию российского корпоративного сектора. В долгосрочной перспективе это может повысить инвестиционную привлекательность российских компаний, снизить корпоративные конфликты и создать благоприятные условия для ведения бизнеса.

Список источников

1. Тягаева, Т. О. Сравнительный анализ фидуциарных прав в корпорациях РФ и США // Международный научный журнал «Вестник науки». 2024. № 10 (79). С. 312-316.

2. Зырянов, А. В. Фидуциарные отношения в корпоративном праве России и США // Вестник гражданского права. 2017. № 1. С. 64-70.

3. Гаврилов, В. В. Фидуциарные обязанности директоров: российский и международный опыт // Журнал корпоративного права. 2018. № 3. С. 37-44.

4. Дунаева, И. Л. Конфликты интересов в российском корпоративном праве // Законодательство и экономика. 2019. № 5. С. 12-18.

5. Горбачев, С. В. Реформа корпоративного управления в России: проблемы и перспективы // Вестник международного права. 2020. № 4. С. 78-84.

6. Кудрявцев, Д. С. Применение фидуциарных обязанностей в корпоративном праве: опыт стран ЕС и США. // Вестник международного права. 2017. № 4. С. 82-94.

7. Толстова, А. Е. Корпоративное право (учебное пособие). Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2023. 280 с.

8. Филипенко, В. А. Добросовестность и фидуциарные обязанности участников корпораций // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 346-360.

9. Загидуллин, М. А., Улемаев, К. Р. Фидуциарные обязанности мажоритарных и миноритарных акционеров // Экономика и социум. 2015. № 6-1 (19). С. 212–214.

10. Мусалов, М. А. Теория фидуциарных отношений внутри корпорации: сущность и роль в корпоративном праве // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 97–99.

11. Толстова, А. Е. Компетенции исполнительного органа в управлении предпринимательской корпорации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1 (46). С. 60–64.

УДК 347.65

Гриненко Николай Викторович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Grinenko Nikolay Viktorovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Толстова Анна Евгеньевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: 19690401@mail.ru

Tolstova Anna Evgenievna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: 19690401@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИОБРЕТЕНИЯ НАСЛЕДСТВА ПРИ НАСЛЕДСТВЕННОЙ СУБИНСТИТУЦИИ

FEATURES OF INHERITANCE ACQUISITION IN CASE OF HEREDITARY SUBINSTITUTION

В статье рассматриваются особенности наследования при наследственной субиституции. Толкование законодательных норм позволяет авторам прийти к выводу, что наследственная субституция является подвидом наследования по завещанию, специфика которого заключается в том, что наследственные правоотношения возникают не в связи со смертью наследодателя, а со смертью основного наследника, либо в силу причин установленных в ст. 1121 ГК РФ, позволяющих призвать к наследованию подназначенного наследника.

Ключевые слова: наследование, наследодатель, наследник, субституция, подназначение наследника, завещание.

The article discusses the features of inheritance in hereditary subjection. The interpretation of the legislative norms allows the authors to conclude that hereditary substitution is a subspecies of inheritance under a will, the specificity of which lies in the fact that hereditary legal relations arise not in connection with the death of the testator, but with the death of the main heir, or due to the reasons established in art. 1121 of the Civil Code of the Russian Federation, allowing to invoke the inheritance of the designated heir.

Keywords: inheritance, testator, heir, substitution, sub-assignment of heir, will.

Субституция (лат. substitutio - подназначение наследника) — это один из закрепленных в действующем наследственном законодательстве вид особого распоряжения наследодателя, суть которого состоит в назначении «основному» наследнику «запасного».

Данный институт не относится к новым, субституция хорошо знакома

российскому наследственному праву. Более того, подназначение наследника – это традиционный для российского наследственного законодательства институт.

Появление в законодательстве различных государств наследственно-правового инструмента, заключающегося в подназначение наследника явление объективно закономерное, поскольку нередки случаи, когда наследники по закону либо завещанию в силу различных причин не вступают в наследственные права. При этом наследодатель, полагаясь на определенную в законе очередность наследования, либо же оставляя завещание надеется, что преемниками его наследства будут конкретные субъекты, что не всегда соответствует действительности. В таких ситуациях наследственная субституция и призвана обеспечению реализации воли наследодателя (завещателя) в наибольшей степени путем призвания к наследованию его наследственного имущества определенных лиц, исключая последствия разного характера экстраординарных событий и действий.

Субституция есть инструмент, придающий некоторую «гибкость» воле завещателя [1, с. 17].

Наследственная субституция в российском наследственном праве регламентируется ст. 1121 ГК РФ. В соответствии с данной нормой завещатель наделен правом не только назначения, но и подназначения наследника (либо наследников), путем определения в завещании основного наследника, и указания на случай отстранения (исключения) «основного» наследника «запасного».

Наследодатель наделен правом подназначения «запасного» наследника (наследников) как наследнику, определенному завещанием, так и наследнику по закону, а также всем своим наследникам, либо нескольким из них.

Стоит отметить, что наследование в порядке наследственной субституции возможно лишь при наличии определенных условий - юридических фактов, с которыми норма закона и (или) наследодатель связывают призвание к наследованию «запасного» (подназначенного) наследника. Так, наследодатель имеет право подназначить наследника на случай, когда указанный им в завещании наследник либо наследник по закону: 1) умрет до открытия наследства; 2) умрет одновременно с завещателем; 3) умрет после открытия наследства, не успев его принять; 4) не примет наследство по другим причинам; 5) откажется от наследства; 6) не будет иметь права наследовать или будет отстранен от наследования как недостойный наследник.

Данный перечень условий для подназначения наследника (наследников) закрытый. Исчерпывающий перечень обстоятельств, закрепленный в законе, позволяет устранить неопределенность. При этом наследодатель, руководствуясь данным перечнем, может назвать в завещании как все вышеназванные условия применения субституции, так и лишь некоторые из них.

Таким образом, в случае непринятия первоначальным наследником наследства по причинам, не указанным в завещании, «запасной» наследник

не будет призваться к наследованию. И, напротив, в случае подназначения наследника без указания случаев призвания к наследованию, либо с указанием всех перечисленных в законе случаев, то он будет призываться вместо первоначального наследника к наследованию в любом из вышеназванных случаев [2, с. 29].

В отличии от советского наследственного законодательства, допускавшего подназначение наследника только по завещанию, действующее законодательство позволяет подназначить наследника как по завещанию, так и по закону [3, с. 42].

В действующем законодательстве нет ограничений относительно числа подназначаемых наследников, поэтому преобладающим в юридической литературе является мнение о том, что завещатель наделен правом определения неограниченного количества лиц при подназначении наследников основному наследнику. В литературе отмечается, что: «.. количество подназначенных наследников может быть любым, особенно если учесть, что по общему правилу, если подназначенный наследник не примет наследства либо будет отстранен от принятия, имущество перейдет законным наследникам завещателя, а не подназначенному наследнику» [4, с. 174].

Аналогичное мнение высказывает А. В. Сутягин, отмечая, что завещатель может указать в завещании целую «пирамиду» наследников. Например: основной - супруг, если он не принял - сын, если и он не принял - дочь и т. д. [5, с. 57].

Однако имеют место быть и иные точки зрения. Так, по мнению А. Н. Гуева, завещатель не обладает правом назначения иного наследника уже подназначенному [6, с. 32].

Нам представляется наиболее верной в данном вопросе точка зрения о свободе подназначений поднаследников, число подназначенных наследников исходя из содержния действующего законодательства может быть любым.

Для приобретения наследства необходимо его принятие подназначенным наследником. В случае выступления в качестве подназначенного наследника публично-правового образования, наследуя по завещанию, для приобретения наследственного имущества также требуется его принятие.

Действия по принятию наследства, согласно закону должны быть совершены подназначенным наследником в течение установленного срока.

В случае возникновения права подназначенного наследника на принятие наследства вследствии смерти «основного» наследника до открытия наследства либо одновременно с наследодателем, то подназначенный наследник имеет право на принятие наследства в течение шести месяцев с момента открытия наследства, при открытии наследства в день предполагаемой гибели гражданина подназначенный наследник может принять наследство в течение шести месяцев со дня вступления решения суда об объявлении гражданина умершим в законную силу.

В случае возникновения права подназначенного наследника на принятие наследства вследствии отказа «основного» наследника от

наследственного имущества либо отстранения его от наследования как лица, не имеющего права наследовать либо отстраненного от наследования, то подназначенный наследник имеет право на принятие наследства в течение шести месяцев со дня возникновения у него права наследования. В данном случае отсчет начала течения шестимесячного срока связано с днем, следующим за днем отказа от наследства «основного» наследника, т.е. датой подачи нотариусу заявления об этом по месту открытия наследства, либо с днем, следующим за днем вступления решения суда в законную силу о лишении «основного» наследника наследства как недостойного.

В случае возникновения права наследования у «запасного» наследника по причине непринятия наследства «основным» наследником, то «запасной» наследник имеет право на принятие наследства в течение трех месяцев со дня истечения срока, установленного п. 3 ст. 1154 ГК РФ «основному» наследнику на принятие наследства.

Более сложная ситуация возникает при определении срока на принятие наследства «запасным» наследником, если он призывается к наследованию в связи смертью после открытия наследства «основного» наследника, не успевшего его принять. Казалось бы, что ответ очевиден — исчисление срока должно производится со дня, следующего за днем смерти «основного» наследника, не успевшего принять данное наследство. Однако, вопрос о временном промежутке включаемом в себя данным сроком остается открытым. Буквальное толкование п. 3 ст. 1154 ГК РФ, позволяет сделать вывод, о том, что лица, право наследования для которых возникает лишь вследствие непринятия наследства другим наследником, имеют право на принятие наследства в течение трех месяцев со дня окончания срока, определенного
в п. 1 ст. 1154 ГК РФ (шести месяцев), т. е. в совокупности срок равен девяти месяцам. Таким образом, можно сделать вывод, что в рассматриваемом случае начало течения срока обусловлено не днем смерти «основного» наследника, а датой окончания установленного для него срока на принятие наследства, приходящейся на следующее за ней время. Обоснованно ли это? Скорее нет, но для разрешения указанной коллизии требуется конкретная норма в законе.

Законом предусмотрена возможность восстановления судом пропущенного срока на принятие наследства и признания подназначенного наследника принявшим наследство. Возможно это по заявлению подназначенного наследника, в случае, если он не знал и не должен был знать об открытии наследства, либо пропустил указанный срок по иным причинам, признанным судом уважительными, а также при условии обращения пропустившего срок наследника в суд в течение шести месяцев после того, как причины пропуска этого срока отпали.

Стоит отметить, что наследство может быть принято наследником и по истечению срока, предусмотренного на его принятие, без обращения в судебные органы при наличии в письменной форме согласия на это всех других наследников, которые приняли наследство. Определенную сложность при этом вызывает вопрос о допустимости применения такой формы в

отношении подназначенного наследника. На наш взгляд, поскольку каких-либо определенных ограничений на данный случай в законе не установлено, как нет и противоречий в сущности такого рода наследования, представляется такой вариант вполне возможным. Однако иная ситуация возникает в случае назначения подназначенному наследнику другого наследника, который вследствии пропуска срока первым подназначенным наследником на принятие наследства примет наследство в качестве второго подназначенного наследника. Возникает вопрос, чье же согласие в подобном случае должен получить пропустивший срок на принятие наследства наследник. Закон прямо указывает в качестве необходимого условия – письменное согласие всех остальных принявших наследство наследников, т. е. в данном случае необходимо и согласие второго подназначенного наследника. В таком случае согласие второго подназначенного наследника на принятие наследства первым подназначенным наследником приведет к устранению от наследства второго, т.к. наследование им было обусловлено «ненаследованием» первого. Конечно, довольно сложно в современном меркантильном мире предположить вероятность подобной ситуации, однако нормативно-правовых препятствий, на наш взгляд, действующий наследственный закон не содержит. В качестве аргумента за такое развитие событий (внесудебное разрешение спора) стоит указать и возможность определения в соглашении между вторым подназначенным наследником и первым указания на ограничение в какой-либо сумме обязанности второго подназначенного наследника по возврату неосновательного обогащения первому, чего в случае восстановления срока в судебном порядке для принятия наследства подназначенному первому наследнику сделано не будет [7, с. 28].

Наследники основного наследника при наличии наследственной субституции лишаются права наследовать как по праву представления, так и в порядке наследственной трансмиссии.

Нормы о наследственной субституции не допускают отказа от наследства в пользу иных наследников. Подобный подход законодателя представляется вполне оправданным с точки зрения осуществления последней воли наследодателя, которая при ином подходе законодателя к решению данного вопроса явно была бы искажена.

Бесспорно, что право диктовать условия в распоряжении наследственными правами, как в случае с установлением наследственной субституции, должно быть только у наследодателя, а не у наследника. В анализируемой ситуации, имея свободу в выражении своей воли относительно принятия наследства, наследник наделен правом отказа от наследства, но только без указания лица, в пользу которого он отказывается от наследства.

Рассматривая данный вопрос, также представляется необходимым, отметить и существующую в юридической литературе точку зрения о самостоятельности наследственной субституции как вида наследования. Так, Е. А. Кириллова, анализируя особенности состава наследственных правоотношений, возникающих при подназначении наследника отмечает,

что круг субъектов, вовлеченных в наследственное правоотношение при субституции шире, нежели чем в наследственных правоотношениях при наследовании по завещанию и по закону. В первом случае участниками являются – наследодатель, основной наследник и запасной наследник, во втором — субъектный состав ограничивается наследниками и наследодателем. Автор подчеркивает, что если для основного наследника основанием наследования является завещание, то для запасного наследника право на принятие наследства возникает вследствие подназначения наследника [8, с. 44]. Данные обстоятельства, по мнению указанного автора, свидетельствуют о самостоятельности субституции как вида наследования.

В случае же закрепления законодателем возможности подназначения наследника по аналогии с советским законодательством, лишь по завещанию, наследственную субституцию однозначно можно было бы определить в качестве подвида наследования по завещанию. Действующая формулировка закона вносит определенные сомнения в данное утверждение, поскольку позволяет подназначить наследника и по закону.

Однако, на наш взгляд, основным аргументом для отнесения наследственной субституции к подвиду наследования по завещанию является способ совершения и оформления наследственной субституции.

Так, в соответствии с п. 2 ст 1121 ГК РФ, завещатель может указать в завещании другого наследника (подназначить наследника), т. е. данное завещательное распоряжение оформляется путем совершения именно завещания и, соответственно, к нему предъявляются все требования, предъявляемые к завещанию.

Таким образом, толкование законодательных норм позволяет нам говорить о наследственной субституции как о подвиде наследования по завещанию, специфика которого заключается в том, что наследственные правоотношения возникают в исследуемом случае не в связи со смертью наследодателя (завещателя), а со смертью основного наследника, либо в силу причин установленных в ст. 1121 ГК РФ, позволяющих призвать к наследованию подназначенного наследника.

Список источников

1. Сараев, А. Г. Условные завещания: за и против // Наследственное право. 2013. № 4. С. 16-20.

2. Гарез, А. Р. Призвание к наследованию подназначенных наследников и реализация ими права на принятие наследства // Наследственное право. 2013. № 2. С. 28-32.

3. Денисова, Ю. Н. Проблемы в сфере правового регулирования наследственных отношений в России и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 4 (45). С. 41-46.

4. Шевчук, С. С., Толстова А. Е. Правовое регулирование наследственных отношений по российскому и международному частному праву. Монография. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 264 с.

5. Сутягин, А. В. Имущественные отношения супругов и

наследование / Под ред. А. В. Сутягина. Москва : ГроссМедиа; РОСБУХ, 2008. 128 с.

6. Гуев, А. Н. Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. Москва : ИНФРА-М, 2002. 441 с.

7. Алешина, А. В. Институт наследования по завещанию в международном частном праве: преодоление кризисов правового регулирования на современном этапе. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 3 (52). С. 27-31.

8. Кириллова, Е. А. Правовые основания и виды наследования в гражданском законодательстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2013. 189 с.

УДК 347.65

Гриненко Николай Викторович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Grinenko Nikolay Viktorovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Шевчук Светлана Степановна
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Shevchuk Svetlana Stepanovna
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИОБРЕТЕНИЯ В ПОРЯДКЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

THE SPECIFICS OF ACQUIRING A SHARE IN THE AUTHORIZED CAPITAL OF A LIMITED LIABILITY COMPANY BY WAY OF INHERITANCE

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с правовым режимом наследования доли в уставном капитале ООО. Отмечено, что что права наследников в отношении доли в уставном капитале ООО обусловлены фактом оплаты соответствующей доли. Обращено внимание на практическое значение решения вопроса о том, какова будет правовая судьба доли в уставном капитале ООО в случае смерти ее владельца, если его наследники не обращаются в ООО, истекли сроки, установленные для принятия наследства, ООО не обладает информацией о том, было ли наследство принято, или же нет. Автора полагают, в данном случае оптимальным решением будет являться принятие обществом указанной доли на баланс. Данные действия могут быть расценены как самозащита гражданских прав.

Ключевые слова: наследование, наследодатель, наследник, общество с ограниченной ответственностью, уставный капитал, доля в уставном капитале.

The article discusses the main problems related to the legal regime of inheritance of a share in the authorized capital of an LLC. It is noted that the rights of the heirs in relation to the share in the authorized capital of the LLC are conditioned by the fact of payment of the corresponding share. Attention is drawn to the practical importance of deciding what the legal fate of a share in the authorized capital of an LLC will be in the event of the death of its owner, if his heirs do not

apply to the LLC, the deadlines set for accepting the inheritance have expired, and the LLC does not have information about whether the inheritance has been accepted or not. The authors believe that in this case, the optimal solution would be for the company to accept the specified share on the balance sheet. These actions can be regarded as self-defense of civil rights.

Keywords: inheritance, testator, heir, limited liability company, authorized capital, share in the authorized capital.

Гражданское законодательство содержит нормы, которые формируют особый правовой режим перехода доли в уставном капитале ООО. Прежде всего, следует подчеркнуть, что переход доли по наследству происходит на безвозмездной основе, в связи с чем не будет применяться правило о преимущественном праве ее приобретения остальными участниками общества. На период, пока наследник умершего участника ООО не принял долю в уставном капитале, она подлежит передаче в доверительное управление на основании соответствующего договора.

Закон устанавливает предельное количество участников ООО - оно не должно превышать пятьдесят субъектов. Последствием нарушения данного императива может стать преобразование ООО в АО, которое необходимо осуществить в годичный срок, если этого не произойдет, то общество подлежит ликвидации. Таким образом, при определенных условиях наследование доли в уставном капитале ООО может привести к реорганизации общества или даже к его ликвидации.

Возможность перехода доли умершего участника ООО к его наследнику зависит от положений, закрепленных в Уставе общества. Существует следующая альтернатива локального регулирования данной ситуации: вариант первый — в уставе общества может быть предусмотрен запрет на переход доли умершего участника к его наследнику; вариант второй — в уставе может быть предусмотрена необходимость согласия остальных участников общества. В первом случае на уровне акта локального нормотворчества установлена невозможность наследовать долю, а во втором случае речь идет об ограничении наследования доли. Содержащийся в уставе общества запрет в отношении перехода доли умершего участника к его наследнику в принципе можно преодолеть при условии внесения изменений в устав общества. В этом случае наследник может приобрести долю (часть доли) в порядке наследственного правопреемства. Что касается установленного уставом общества ограничение на наследование доли умершего участника общества, то его можно преодолеть, получив согласие остальных участников общества на переход доли [1, с. 52].

Полагаем, установленные законодательством запрет и ограничение на переход доли в уставном капитале ООО к наследникам умершего участника дифференцируются в зависимости от формально-юридической процедуры их преодоления заинтересованным лицами (наследниками). Закон устанавливает следующие правовые последствия непреодоления наследником предусмотренных уставом ООО запрета или ограничения на переход к нему доли

наследодателя: на общество будет возложена обязанность выплатить наследнику действительную стоимость доли (части доли) или же выдать в натуре имущество, соответствующее действительной стоимости доли (части доли).

Установление в законодательстве подобного правила о необходимости получения согласия участников ООО на переход к наследнику доли расценивается некоторыми участниками наследственных правоотношений как нарушение ст. 35 Конституции РФ. Так, например, гражданка Л. К. Аблаева обратилась с жалобой в Конституционный суд РФ, по ее мнению, правила абз. 2 п. 1 ст. 1176 ГК РФ нарушают ее право наследования, так как создают препятствия в принятии наследства в соответствии с установленным в ст. 1110 ГК РФ принципом универсальности наследственного правопреемства, который предполагает принятие наследства в неизменном виде как единого целого и в один и тот же момент. Конституционный Суд РФ расценил жалобу гражданки Л.К. Аблаевой как необоснованную. При этом, было указано, что федеральный законодатель, принимая норму о необходимости согласия участников на переход доли к наследнику исходил, прежде всего, из правовой природы ООО как объединения лиц. В этой связи справедливым будет предположение, что личность участника ООО имеет существенное значение в контексте совместного ведения предпринимательской деятельности, следовательно законодатель вполне обоснованно установил особый правовой режим перехода доли умершего участника ООО к его наследникам, обеспечивающий, с одной стороны, защиту интересов наследников, а с другой, сохранение баланса интересов участников общества и интересов общества в целом [2].

Ученые, анализируя норму ст. 1176 ГК РФ акцентируют внимание на используемую законодателем терминологию. Так, например, Н. В. Михеева отмечает, что в норме ст. 1176 ГК РФ речь идет конкретно о «переходе» к наследнику доли, то есть законодатель намеренно не использует применительно к данной ситуации такие понятия, как «наследование доли» или «переход доли в порядке наследования» и т. п. [3, с. 20]. Это имеет принципиальное значение в контексте уяснения смысла данной нормы. Получается, что согласие остальных участников требуется именно на переход доли к наследнику, а не на ее наследование. В данном случае речь идет о вступлении наследника в ряды участников общества. Таким образом, наследование доли наследником умершего участника ООО происходит свободно, по общим правилам, без каких-либо ограничений, и не может быть обусловлено согласием остальных участников ООО.

В итоге отметим, что рассматриваемое правило ст. 1176 ГК РФ все-таки является своего рода компромиссом между интересами наследника и интересами корпорации.

Принципиальное значение имеет тот факт, что устав должен четко предусматривать необходимость дачи согласия участников ООО на переход доли умершего участника к его наследнику. Когда устав содержит предписание о принятии новых участников ООО на основании решения остальных участников общества, то данные правила не могут быть применимы к случа-

ям перехода доли участника к его наследнику. Именно такие выводы содержатся в материалах судебно-арбитражной практики [4].

Итак, наследник, заинтересованный в получении доли, должен получить на это согласие остальных участников. В соответствии со ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) у остальных участников есть 30 дней на размышление, в течение этого срока они могут представить в общество письменные заявления о согласии на переход доли (части доли) к наследнику. Согласие считается полученным, если остальные участники не заявили письменно о своем несогласии на переход доли (части доли). В случае, если наследник получил долю умершего, нарушив при этом установленные уставом запрет на переход доли или ограничение такого перехода, то участник (участники) общества или само общество вправе потребовать в судебном порядке передачи доли (части доли) обществу в течение трех месяцев со дня, когда они узнали или должны были узнать о таком нарушении (ст. 21 Закона об ООО). Рассмотрим случай практического применения данной нормы. «ООО «Сатро» (далее — истец, Общество) обратилось в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с исковым заявлением к Кабачкову Дмитрию Алексеевичу о передаче Обществу доли, составляющей 20,47% в его уставном капитале, номинальной стоимостью 1740 руб. ...Материалами дела подтверждается, что Кабачковой Т. Н., умершей 23.08.2014, принадлежала доля номинальной стоимостью 1740 руб., составляющая 20,47% в уставном капитале Общества. Межрайонной ИФНС России № 15 по Санкт-Петербургу на основании документов, представленных в регистрирующий орган 04.06.2015: заявления о внесении изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в Едином государственном реестре юридических лиц, свидетельства о смерти Кабачковой Т. Н. от 17.09.2014 и свидетельства о праве на наследство по закону от 21.04.2015 78 АА 7626757, внесены в ЕГРЮЛ 10.06.2015 сведения о прекращении у Кабачковой Т. Н. прав участника Общества и о возникновении таких прав у Кабачкова Д. А.

Ответчик не обращался к участникам Общества для получения их письменного согласия на переход доли в уставном капитале Общества. Доказательства обратного в материалах дела отсутствуют. При указанных обстоятельствах судом первой инстанции сделан обоснованный вывод о том, что ответчиком не соблюден порядок перехода доли» [5].

Если все же участники ООО выразили свое согласие на переход доли умершего участника общества к его наследнику, то в трехдневный срок с момента получения такого согласия наследник обязан уведомить общество и регистрирующий орган о переходе доли (части доли). Для этого от наследника требуется направить подписанное им заявление о внесении соответствующих изменений в ЕГРЮЛ, к которому прикладывается документ, подтверждающий переход прав и обязанностей в порядке наследственного правопреемства (п. 16 ст. 21 Закона об ООО).

В случае, если участники ООО не дали согласия на переход доли (части доли) умершего участника общества к наследнику, то доля (часть доли)

переходит непосредственно к обществу. В этой ситуации наследник имеет право на получение от ООО действительной стоимости входящей в наследство доли, или же соответствующей ей части имущества общества (ст. 1176 ГК РФ). Особенности расчетов общества с наследником установлены нормами Закона об ООО и уставом общества. Прежде всего, срок в течение которого должен быть произведен расчет составляет не менее года с момента, когда доля перешла к обществу, более сокращенный срок может быть предусмотрен законом или же уставом.

В судебно-арбитражной практике был рассмотрен случай, когда участники ООО предусмотрели в Уставе общества правила о том, что наследник умершего участника ООО имеет право заявить о своем отказе от включения его в число участников ООО и потребовать выплаты ему действительной стоимости доли. По мнению правоприменителей подобная норма устава ООО не соответствует положениям Закона об ООО. Так, например, ФАС Восточно-Сибирского округа от 10.10.2006 № А74-1679/06-Ф02-5236/06-С2 по делу № А74-1679/06 в своем постановлении указал, что по смыслу ст. 23 Закона об ООО общество может приобретать доли или их части только в случаях, прямо предусмотренных федеральным законом.

Закон об ООО не дает правовую оценку ситуации, когда умирает участник ООО, не оплативший или не полностью оплативший свою долю в уставном капитале. Порядок оплаты стоимости долей в уставном капитале ООО регламентирован ст. 16 Закона об ООО: доля в уставном капитале ООО должна быть оплачена учредителем в срок, указанный в договоре или решении о создании общества, при этом данный срок не может быть более четырех месяцев с момента государственной регистрации ООО.

На заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ были приняты следующие рекомендации по данному вопросу: когда на момент открытия наследства доля в уставном капитале ООО не оплачена наследодателем в полном объеме и при этом не истек установленный для полной оплаты срок, то доля умершего участника ООО будет входить в состав наследства, при этом наследники получат в порядке наследственного правопреемства не только эту долю, но и обязанность ее полной оплаты. Если же к моменту открытия наследства уже истек срок, установленный для полной оплаты доли, то к обществу переходит часть доли, которую наследодатель не успел оплатить (п. 3 ст. 16 Закона об ООО), а остальная оплаченная часть доли входит в состав наследства [6].

Однако, не исключено иное видение данной ситуации. Полагаем, по смыслу закона полнота прав и обязанностей участника ООО напрямую зависит от факта оплаты им своей доли в уставном капитале ООО. В соответствии со ст. 21 Закона об ООО у участника существует возможность отчуждения его доли до полной ее оплаты, при этом отчуждение будет происходить в части, в которой доля была оплачена.

Принимая во внимание вышеизложенное, мы считаем возможным констатировать, что права наследников в отношении доли в уставном капитале ООО обусловлены фактом оплаты соответствующей доли,

следовательно если доля не была полностью оплачена наследодателем, то к наследнику она не может перейти в полном объеме, при этом не имеет значение, истек ли срок оплаты доли или нет. В связи с тем, что существует возможность двусмысленного понимания ситуации, мы предлагаем уточнить норму п. 3 ст. 21 Закона об ООО в контексте наследственного правопреемства.

Очередной проблемный аспект рассматриваемого вопроса был обнаружен нами в ходе изучения практики Президиума ВАС РФ в сфере выплаты действительной стоимости доли в уставном капитале ООО [7]. Как известно, в силу п. 6.1 ст. 23 Закона об ООО, в случае выхода участника из ООО на обществе лежит обязанность по выплате вышедшему участнику действительной стоимости его доли. Арбитражному суду при рассмотрении конкретного дела пришлось решать вопрос: обладают ли наследники участника, вышедшего из ООО правом на оспаривание размера действительной стоимости доли, выплаченной наследодателю при его жизни? В итоге Президиум ВАС РФ пришел к выводу о том, что действительная стоимость доли вышедшего из общества участника может быть оспорена его наследниками при условии, что на момент открытия наследства (смерти участника ООО) не истек срок, установленный для выплаты обществом стоимости доли.

На практике возникает вопрос: к чьей компетенции следует относить иски с требованием наследника о выплате действительной стоимости доли умершего участника ООО? В этой связи Президиум Верховного Суда РФ отметил, что право наследника на выплату действительной стоимости доли в уставном капитале ООО, которая входит в состав наследства, основано на факте перехода к нему в порядке универсального наследственного правопреемства имущественных прав и обязанностей от наследодателя и вытекает из его наследственно-правового статуса. По этой причине спор о выплате действительной стоимости доли следует относить к числу споров, возникших из наследственных правоотношений [8].

В соответствии с положениями п. 1 ч. 1 и ч. 3 ст. 22, п. 5 ч. 1 ст. 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ дела, возникающие из наследственных правоотношений, независимо от субъектного состава их участников и состава наследственного имущества, относятся к ведению судов общей юрисдикции.

Следовательно, рассмотрение дел по требованиям о выплате действительной стоимости доли наследодателя в уставном капитале ООО должно происходить в судах общей юрисдикции. Именно такой вывод нашел отражение в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

Однако, как справедливо отмечают Е. И. Выстороп и Н. В. Ростовцева, следует учитывать период времени, когда было подано исковое заявление с целью защиты права на получение действительной стоимости доли в уставном капитале общества [9, с. 31]. Если оно было подано в арбитражный суд до того, как указанное Постановление вступило в силу, то правила подведомственности будут считаться соблюденными в силу подп. 2 п. 1 ст. 33

Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее – АПК РФ), где сказано, что корпоративные споры, указанные в ст. 225.1 АПК РФ, отнесены к специальной подведомственности арбитражных судов.

Практическое значение имеет решение вопроса о том, какова будет правовая судьба доли в уставном капитале ООО в случае смерти ее владельца, если его наследники не обращаются в ООО, истекли сроки, установленные для принятия наследства, ООО не обладает информацией о том, было ли наследство принято, или же нет. Полагаем, в данном случае оптимальным решением будет являться принятие обществом указанной доли на баланс. Данные действия могут быть расценены как самозащита гражданских прав.

Судебная практика идет по аналогичному пути [10]: суды принимают решение о рекомендации ООО передать долю наследодателя на баланс, а затем выплатить наследникам, предъявившим свидетельство о праве на наследство, действительную стоимость указанной доли.

Рассмотрев основные проблемы, связанные с правовым режимом наследования доли в уставном капитале ООО, считаем возможным отметить следующее. Во-первых, наличие особых правил, в соответствии с которыми, доля в уставном капитале ООО переходит к конкретным наследникам, которые, как того требует ГК РФ, Закон об АО и устав получили согласие на вступление (принятие) в число участников такой корпорации, свидетельствует о неоднородности наследственной массы. Во-вторых, мы склонны разделить позицию таких ученых, по мнению которых, ООО как разновидность хозяйственного общества является, по сути, объединением капиталов, в отличии от хозяйственного товарищества как объединения лиц [11, с. 44]. Действительно, для деятельности ООО важным является не столько объединение личных усилий участников, сколько объединение их имущества. В этой связи, для остальных участников ценным является имущественный вклад, а не личность субъекта, который за ним стоит. Получается, что правило ст. 1176 ГК РФ, которое ставит приобретение наследником статуса участника ООО в зависимость от воли других лиц, не соответствует сущности корпоративных отношений. Мы предлагаем следующий выход из ситуации: приравнять порядок наследования прав участия в ООО к порядку наследования акций.

Список источников

1. Орехова, М. А. Функции уставного капитала хозяйственных обществ // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 4 (57). С. 50-55.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2010 № 1633-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Аблаевой Людмилы Кондратьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 6 статьи 93 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 8 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». [Электронный ресурс] - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Михеева, Н. В. Наследование прав участников коммерческих организаций // Юрист. 2008. № 3. С. 19-21

4. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.12.2021 № 10107/21 по делу № А12-8057/2000. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.05.2016 № 13АП-10138/2016 по делу № А56-63981/2015. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Методические рекомендации по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» (утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО,
С-К ФО, ЦФО РФ 28 - 29.05.2010) // Нотариальный вестник. 2011. № 2.

7. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 15184/10 по делу № А12-25685/2009. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 5.

9. Выстороп, Е. И., Ростовцева, Н. В. Проблемы наследования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Наследственное право. 2013. № 4. С. 28-34.

10. Постановление ФАС Уральского округа от 18.03.2008 № Ф09-1687/08-С4 по делу № А47-8685/2007-АК-26. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Денисова, Ю. Н. Проблемы в сфере правового регулирования наследственных отношений в России и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 4 (45). С. 41-46.

УДК 347.65

Гриненко Николай Викторович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Grinenko Nikolay Viktorovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

ПОРЯДОК СОВЕРШЕНИЯ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ПРИНЯТИИ НАСЛЕДСТВА

THE PROCEDURE FOR PERFORMING NOTARIAL ACTS UPON ACCEPTANCE OF INHERITANCE

В статье рассматривается порядок совершения нотариальных действий при принятии и отказе от наследства. Выделены функции процедуры оформления наследственных прав. Характеризуется правовая

сущность принятия наследства. Проанализированы особые свойства акта принятия наследства и обязанности нотариусов, совершающих нотариальные действия при принятии наследства.

Ключевые слова: наследование, наследник, нотариус, открытие наследства, принятие наследства, оформление наследственных прав.

The article discusses the procedure for performing notarial actions during the acceptance and renunciation of inheritance. The functions of the procedure for registration of inheritance rights are highlighted. The legal essence of inheritance acceptance is characterized. The special properties of the act of acceptance of inheritance and the duties of notaries performing notarial acts upon acceptance of inheritance are analyzed.

Keywords: inheritance, heir, notary, opening of inheritance, acceptance of inheritance, registration of inheritance rights.

Для полноценной реализации наследственных прав необходимо их оформление, которое преследует несколько целей (функций). Во-первых, укрепление положения наследника, обеспечение его законной возможности быть продолжателем юридической личности наследодателя. Это приобретает большее значение, если в объект правопреемства входит право собственности на имущество или имущественные права, требующие документального подтверждения. Во-вторых, фискальная – взимание пошлин и налогов. В-третьих, коммерческая, включающая в себя возмещение расходов, связанных с охраной и управлением наследством, в том числе выплата вознаграждения доверительному управляющему [1, с. 79]. Четвертая функция заключается в учитывании интересов кредиторов и должников для осуществления их законных прав и обязанностей [2, с. 42].

Обращаясь к положениям римского права, можно обнаружить, что оформление наследственных прав имеет целью также закрепление окончательного перехода наследства к наследнику, или, как уже было сказано – юридической личности наследодателя к его правопреемникам. В связи с этим в римском праве употреблялась категория «лежачего наследства» (hereditas iacens), связанная с «ожиданием» наследством своего нового владельца. Эта ситуация возникала в момент открытия наследства и длилась до его принятия: «любое наследство, прежде чем стать предметом приобретения, в течение хотя бы и незначительного времени, но неизбежно пребывает в своем «лежачем состоянии» [3, с. 74]. «В этот промежуток времени, - пишет И. Б. Новицкий, — наследство лежало, hereditas iacet и считалось по концепции древнейшего права безхозяйным имуществом» [4, с. 157].

Таким образом, действия по принятию наследства и оформлению наследственных прав необходимы для окончательного утверждения как прав наследника на наследство, так и принадлежности самой наследственной массы определенному лицу или лицам, то есть наследникам.

Правовая сущность принятия наследства сложна. Например, уже приводилась позиция Н. Ю. Рассказовой, отождествлявшей право на принятие

наследства с правом наследования, так как ГК РФ использует оба понятия: «В момент открытия наследства у лица, призванного к наследованию, возникает прав на принятие наследства (так это названо в ст.1156 ГК РФ) или право наследования (так оно названо в ст. 1117, 1150, 1161 ГК РФ)» [5, с. 90]. Однако, на наш взгляд, следует согласиться с тем, что право на принятие наследства – один из элементов содержания права наследования.

Право на принятие наследства имеет двоякую природу – с одной стороны, возникает у лица на основании факта открытия наследства (т.е. приобретается не своей волей, что противоречит п. 2 ст. 1 ГК РФ), а с другой – появляется как раз для реализации принципа, закрепленного в п. 2 ст. 1 ГК РФ.

Среди многообразия понимания многоаспектной природы принятия наследства точки зрения теоретиков сходятся в одном – принятие наследства, как и отказ от него, представляет собой одностороннюю сделку, единое действие, относящееся ко всему наследственному имуществу, причитающемуся наследнику. Его правовая природа заключается в реализации правоспособности наследника путем совершения сделки, которая возможна только при наличии установленных законом юридических фактов [6, с. 26]. Такими фактами выступают смерть наследодателя и совершенное завещание.

Методические рекомендации по оформлению наследственных прав, утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол № 03/19, предлагают следующее понятие акта принятия наследства. Принятие наследства — это одностороннее волевое действие лица, призванного к наследованию, направленное на приобретение причитающегося ему наследства, совершаемое в установленном порядке в сроки и способами, определенными законодательством.

Для полного понимания следует рассмотреть особые свойства акта принятия наследства. Это, во-первых, универсальность – принятие наследства распространяется на все виды наследственного имущества, наследник не может принять лишь часть того, что он может унаследовать по основанию, по которому призван к наследованию. Абзац 1 п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», раскрывая это свойство принятия, уточняет, что «принятие наследником по закону какого-либо незавещанного имущества из состава наследства или его части, а наследником по завещанию - какого-либо завещанного ему имущества или его части означает, что он приобретает право и на любое иное имущество, причитающееся ему по соответствующему основанию, в том числе и то, которое будет обнаружено или появится после принятия наследства». Другим аспектом этого свойства является бесповоротность — приняв наследство, нельзя отказаться от него по истечении срока для принятия наследства.

Во-вторых, безоговорочность и безусловность – нельзя принять наследство под условием или с оговорками. Данное свойство следует все же рассматривать как два разных свойства принятия наследства. Марышева Н. И. и К. Б. Ярошенко так комментируют п. 2 ст. 1151 ГК РФ: «Оговорка» или «условие» - все же не идентичные понятия. Оговорка шире условия», и приводят понятие оговорки из толкового словаря: «разъяснительное замеча-

ние, поправка, дополнение к сказанному». «Условие» — это «то, от чего зависит что-нибудь другое». ГК РФ определяет условие как обстоятельство, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет [7, с. 419-420].

Следует отметить, что принятие наследства также обладает и двумя другими свойствами – индивидуальности и имеет обратную силу. Индивидуальность акта принятия наследства выражается в том, что если к наследованию призываются несколько наследников, то каждый из них должен выразить волю на принятие наследства индивидуально, так как принятие наследства одним из наследников не означает, что его приняли и остальные наследники. Однако это свойство имеет исключение в случае, если наследники по одному и тому же основанию принимают наследство (по закону или по завещанию принимают одно и то же завещанное им наследство) – в таком случае они могут предоставить подписанное ими всеми заявление о принятии наследства нотариусу.

Пункт 4 ст. 1152 ГК РФ наделяет акт принятия наследства обратной силой, что означает, что принятое наследство признается принадлежащим наследнику не с момента его принятия, а с момента открытия наследства. Именно с этим положением связано решение вопроса о природе свидетельства о праве на наследство – благодаря существованию данной презумпции такое свидетельство следует определять как правоподтверждающий, а не правоустанавливающий нотариальный акт [8, с. 69].

Благодаря этим условиям принятие наследства можно определить как универсальный, индивидуальный, бесповоротный по истечении срока для принятия наследства, безоговорочный и безусловный акт, представляющий собой действие лица, призванного к наследованию, направленное на приобретение причитающегося ему наследства, совершаемое в установленном порядке в сроки и способами, определенными законодательством.

Важно также определить соотношение понятий «приобретение наследства» и «принятие наследства», так как ГК РФ в ст. 1152 установил, что для приобретения наследства наследнику необходимо его принять. Приобретение наследства — это осознанный акт поведения наследника, совершаемый путем принятия наследства. Приобретение направлено на достижение результата наследования — переход к наследникам всей наследственной имущественной массы. Таким образом, приобретение наследства шире, чем принятие наследства, так как принятие наследства представляет собой правовое средство приобретения наследства.

Как уже было сказано, оформление наследственных прав – неотъемлемая часть процесса осуществления наследственных прав, но при этом важную роль в этом процессе играет нотариат, так как именно нотариус обеспечивает надлежащее ведение наследственного дела. Нотариат призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (далее – Основы) защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации (ст. 1

Основ). Важнейшей правоохранительной функцией нотариата является оформление и удостоверение от имени государства наследственных прав граждан нотариусами. Также оформлять наследственные права в особых случаях может ограниченный круг должностных лиц и консульские учреждения. На примере ведения наследственных дел наглядно проявляется роль нотариуса в обеспечении равных правовых условий для всех участников нотариального производства и соблюдении закона в отношении всех лиц, в том числе и не обратившихся к нему. Ведение наследственного дела независимым и беспристрастным нотариусом обеспечивает учет интересов всех наследников и создает равные условия получения наследства в соответствии с волей наследодателя или законом [9, с. 33]. Таким образом, нотариальная процедура делает процесс оформления наследственных прав легче и проще.

Основы устанавливают порядок действий нотариуса при открытии наследства. Напомним, что днем открытия наследства является день смерти гражданина. При объявлении гражданина умершим днем открытия наследства является день вступления в законную силу решения суда об объявлении гражданина умершим. Итак, нотариус обязан известить об открытии тех наследников, место жительства или работы которых ему известно, при этом он может произвести вызов наследников через средства массовой информации путем помещения публичного извещения или сообщения. В данной области существует практическая проблема. Как правило, нотариус получает сообщение об открывшемся наследстве от кого-либо из наследников, явившихся к нему с целью подачи заявления о принятии наследства. Узнать о месте работы или жительства других наследников он может чаще всего со слов этих же наследников либо из представленных ими документов. Полагая, что заинтересованные в получении наследства наследники самостоятельно должны явиться в нотариальную контору по месту открытия наследства, нотариусы вследствие существующей презумпции наличия у наследника информации об открытии наследства. не извещают «отсутствующих» наследников об открывшемся наследстве, не выясняют их местонахождение. Однако фактически наследник может быть не информирован об открывшемся наследстве. На какой орган или должностное лицо возложить решение данной проблемы?

На данный момент извещение наследников об открытии наследства путем помещения публикации об этом в соответствующем средстве массовой информации осуществляется в некоторых зарубежных странах. В доктрине предалагается на уровне закона обязать нотариусов помещать публикации об открывшемся наследстве в средствах массовой информации, что в настоящее время является только правом, а не обязанностью нотариуса [10, с. 29]. Для реализации данной обязанности должен быть создан единый источник опубликования сведений об открывшемся наследстве — периодическое издание, к которому имели бы свободный доступ все граждане.

С другой стороны, в доктрине высказывается точка зрения о заимствовании положений зарубежных стран о вызывном производстве в рамках компетенции суда. Суд посредством осуществления публичного судебного вызова сможет определить притязания лиц в наследственном правоотноше-

нии. Например, Гражданское процессуальное уложение Германии использует процедуру судебного вызова — «в интересах возможных наследников, а также для выявления обязательств наследодателя и извещения его кредиторов». Томилов А. Ю. предлагает заимствовать зарубежный опыт процедуры вызывного производства в рамках компетенции суда [11, с. 32]. Однозначных позиций относительно эффективности введения данной нормы в доктрине пока нет.

Учитывая одну из основных целей реформирования нотариата в области расширения его полномочий — разгрузку судебной системы — предполагаем, что все же следует переложить решение этой проблемы на плечи нотариуса. В нотариальном процессе велик потенциал электронных средств связи. Так, нотариуса можно обязать посылать сведения об открывшемся наследстве в информационный отдел нотариальной палаты соответствующего округа, который, в свою очередь, обрабатывал бы поступившую информацию и помещал ее в Интернете.

Непосредственно правовое регулирование принятия наследства осуществляется следующим образом. Порядку приобретения наследства посвящена гл. 64 ГК РФ, в ней оговорены основания, способы и сроки принятия наследства. Принятие наследства или отказ от него производятся у нотариуса по месту открытия наследства. Там же, у нотариуса по месту открытия наследства, принимаются претензии от кредиторов наследодателя, которые должны быть предъявлены в письменной форме. До принятия наследства требования кредиторов могут быть предъявлены к исполнителю завещания или к наследственному имуществу. Каждый из наследников, принявших наследство, отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Список источников

1. Толстой, Ю. К. Наследственное право: учебное пособие. Москва : Проспект, 2000. 218 с.

2. Денисова, Ю. Н. Проблемы в сфере правового регулирования наследственных отношений в России и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 4 (45). С. 41-46.

3. Абраменков, М. С. Наследственное право: учебник для бакалавриата и магистратуры для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям. Москва : Юрайт, 2018. 345 с.

4. Римское право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого. Москва : Высшее образование; Юрайт-Издат, 2009. 293 с.

5. Рассказова, Н. Ю. Право на принятие наследства // Закон. 2006. № 10. С. 88-92.

6. Родионова, О. М. К вопросу о правовой природе принятия наследства // Нотариус. 2011. № 2. С. 26-28.

7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / М. П. Бардина, Б. А. Булаевский, Н. Г. Вилко-

ва и др.; под ред. Н. И. Марышевой, К. Б. Ярошенко. Москва : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2004. 578 с.

8. Шевчук, С. С., Толстова А. Е. Правовое регулирование наследственных отношений по российскому и международному частному праву. Монография. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 264 с.

9. Денисова, Ю. Н. К вопросу о российской модели нотариата // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 4 (53). С. 31-37.

10. Катукова С. Ю., Шундик И. А. К вопросу о розыске и извещении наследника нотариусом // Нотариус. 2022. № 5. С. 28 - 31.

11. Томилов А. Ю. Проблемы формирования наследственного имущества // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 17 (308). С. 32-36.

УДК 347.1

Гришков Вадим Федорович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Grishkov Vadim Fedorovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ КОМПЛЕКСА НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

CONCEPT AND FEATURES OF A REAL ESTATE COMPLEX

В настоящей статье представлен анализ регулирования правового режима комплексов недвижимого имущества. Исследованы особенности, характеризующие отдельные виды комплексов недвижимого имущества. Выделены родовые признаки, характеризующие любые недвижимые комплексы.

Ключевые слова: имущественный комплекс, комплекс недвижимого имущества, сложная вещь, киндоминиум, предприятие.

This article presents an analysis of the regulation of the legal regime of real estate complexes. The features characterizing certain types of real estate complexes are investigated. Generic features characterizing any immovable complexes are identified.

Keywords: property complex, real estate complex, complex thing, kindominia, enterprise.

Потребности экономики и правоприменительной практике послужили основанием для введения еще одного специфического объекта гражданских прав – комплекс недвижимого имущества, которые следует обозначить как разновидность имущественного комплекса.

Имущественные комплексы характеризуются разнородностью составляющих их элементов, и им присуща подчиненность специальному правовому режиму, который характерен исключительно для конкретного вида имущественного комплекса. Вхождение в комплекс какого-либо имущества влечет распространение на такое имущество свойственного исключительно данному комплексу правового режима. Вместе с тем оказывает влияние на подчиненность особым правилам принадлежность конкретного объекта к определенному виду, которые влекут дополнительные отличия в рамках специального правового режима имущественного комплекса. Входящие в состав имущественного комплекса объекты недвижимого имущества оказывают особое влияние на специальный правовой режим [1, с. 12].

В литературе имущественный комплекс обозначается как сложная вещь [2, с. 163]. Сложная вещь — это юридическая форма (оболочка), объединяющая несколько разнородных вещей. Действие права и сделки распространяется на все составные части сложной вещи, если только договоров не предусмотрено иное (ст. 134 ГК РФ). В этом — юридическое значение рассмотрения той или другой совокупности вещей в качестве одной, но сложной вещи. В качестве сложных вещей могут фигурировать и такие, которые образованы из нескольких вещей различного рода и качества.

Элементы сложных вещей весьма легко перепутать с совокупностями, состоящими из главной вещи и принадлежности. Критерием различия между ними является возможность самостоятельного использования элементов таких совокупностей. Именно: если главная вещь может быть использована по своему назначению и без принадлежности, то части составной (сложной) вещи пребывают в совершенно ином соотношении: вне соединения с другими частями либо не может быть использован ни один элемент сложной вещи, либо, напротив, вне соединения с другими частями может быть использован каждый предмет, составляющий сложную вещь. Можно сказать, что вещь-принадлежность не прибавляет главной вещи нового назначения, а лишь обслуживает то, что главная вещь и без нее имеет. Соединение же нескольких разных вещей в вещь сложную дает последней новое назначение такое, по которому не может быть использована ни одна из отдельно взятых вещей. Говоря языком философии, главная вещь и принадлежность образуют совокупность; сложная же вещь — это система [3, с. 526].

Под имущественными комплексами обыкновенно понимаются объекты специфических субъективных гражданских прав, несомненно, обязательственных, а также (некоторыми исследователями) особого рода абсолютных прав, не имеющих ни сколько-нибудь полной содержательной характеристики, ни устоявшегося наименования. Само наименование данных объектов ориентирует нас на понятие совокупности физически и юридически разнородных предметов и явлений, объединенных и используемых во имя достижения определенной или (абз. 2 п. 2 ст. 132, ч. 1 ст. 1112 ГК РФ). К разряду имущественных комплексов следует отнести (с большими или меньшими оговорками) сложные вещи (включая комплекты товаров и товары определенной комплектации), смешанные вещи, наследственные массы, предприятия, кондоминиумы, паевые инвестиционные фонды,

имущество юридических лиц, имущество, закрепленное в хозяйственном ведении, оперативном и доверительном управлении, комплекс имущественных прав, передаваемые по договору коммерческой концессии и (с недавних пор) единые технологии. Постановка вопроса о субъективном гражданском праве на имущественный комплекс (об имущественных комплексах как объектах гражданских прав) сама по себе лишена смысла. Имущественный комплекс не объект гражданских правоотношений, но гражданско-правовая категория, указывающая на специфический (единый) правовой режим физически и юридически разнородных элементов известной хозяйственной системы [4, с. 25].

Понятие имущественного комплекса — это понятие идеальное - понятие о правовом режиме, т. е. о правовой (идеальной) оболочке множества фактических отношений. Такой оболочкой никак не могут обниматься никакие материальные составляющие; тем более ею не могут охватываться разнородные (и реальные и идеальные) составляющие, ибо всякое объединение реального с идеальным весьма напоминает объединение гуся с петухом. Идеальной оболочкой могут облекаться только идеальные же субстанции; в нашем случае — это субъективные права и юридические обязанности. В этом смысле выражение имущественный комплекс следует понимать в смысле не «комплекса имущества», а «комплекса имущественных прав»; абз. 2 п. 2 ст. 132 ГК РФ следует, стало быть, читать так: «В состав предприятия как имущественного комплекса входят права на все виды имущества, предназначенные для его деятельности, … а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права…, а ч. 1 ст. 1112 ГК РФ — так: «В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства права на вещи, иное имущество – имущественные права – и обязанности». Для пущей ясности следовало бы говорить, конечно, не «имущественный комплекс», а комплекс имущественных права, имущественно-правовой или, наконец, просто правовой комплекс [5, с. 128].

Имущественные комплексы любого состава (состоящие ли из прав на одни только вещи или также и на иные объекты) следует рассматривать не просто как совокупность составляющих их субстанций, а как особую субстанцию идеального (юридического) свойства. Субъективные права и обязанности, включенные в имущественный комплекс, перестают рассматриваться гражданским правом в качестве самостоятельных субъективных прав и обязанностей, но «увязываются» им в некий «пучок» (подобный тому, что обычно понимается под сложным правоотношением) в целях подчинения их всех единой юридической судьбе. Приобрести имущественный комплекс или (что то же самое) право на имущественный комплекс по договору, например, продажи, мены или ренты — значит одним юридическим актом приобрести все те субъективные права и обязанности, которые входят в его состав; получить комплекс в аренду, в управление (оперативное ли, доверительное ли, или то, что предусмотрено законодательством о хозяйственных обществах) или, наконец, в хозяйственное ведение — значит опять же одним актом при-

обрести возможности осуществления прав, составляющих имущественный комплекс и (или) возможность распоряжения ими; наконец, получить имущественный комплекс *в залог* — значит стеснить обладателя прав, входящих в его состав, в возможности их осуществления и распоряжения ими (обременить входящие в состав имущественного комплекса права) [6, с. 17].

В качестве самостоятельных объектов недвижимости признаются законодательством лишь три вида имущественных комплексов: предприятие, единый комплекс недвижимого имущества и многоквартирный дом. Не меньшее значение имеют имущественные комплексы газопроводов, электростанций и др., объединяющим обстоятельством, является то, что они включают движимое, так и недвижимое имущество в свой состав, использование которого подчинено единой хозяйственной цели [7, с. 144].

К категории комплексов недвижимого имущества жилищное законодательство ранее относило кондоминиум. Согласно ст. 5 Федерального закона от 15.06.1996 № 72-ФЗ «О товариществах собственников жилья» (далее – Закон о ТСЖ) в него могли входить следующие объекты: 1) одно здание, или его часть, или несколько зданий, в которых помещения принадлежат различным домовладельцам, с прилегающим земельным участком в установленных границах, с пешеходными и транспортными дорогами, бассейнами, водоемами, многолетними насаждениями и другими подобными объектами; 2) несколько компактно расположенных зданий или сооружений — односемейных, садовых или дачных домов с приусадебными участками или без них, гаражей и других объектов, объединенных общим земельным участком и элементами инфраструктуры. С момента вступления в силу ЖК РФ данный Закон о ТСЖ утратил силу, а понятие кондоминиума в ЖК РФ отсутствует.

Безусловно кондоминиум представлял собой классический вариант комплекса недвижимого имущества, поскольку в состав его входили взаимосвязанные элементы (недвижимые вещи). В свою очередь эта совокупность образовывала качественно новый объект. Однако поскольку недвижимости, входящие в состав кондоминиума, являлись собственностью различных субъектов, особенностью этого комплекса являлась невозможность его выступления в гражданского обороте как самостоятельного объекта. По всей видимости именно этот факт послужил мотивом невключение норм о кондоминиумах в новый ЖК РФ [8, с. 9].

В современной юридической литературе высказываются сожаления по поводу такого решения законодателя [9, с. 32], которое, впрочем, вполне объяснимо. Опасения разработчиков нового ЖК РФ вполне понятны, оставление в законе кондоминиума с необходимостью требует выведения за рамки гражданского оборота таких объектов, как квартиры и комнаты в многоквартирных домах, и введения общей долевой собственности на кондоминиум - единый комплекс недвижимости. А это означало бы коренную ломку устоявшихся отношений в жилищной сфере, что, естественно, пагубно сказалось бы на развитии данной сферы. Представляется, однако, что введение общей долевой собственности на кондоминиум, в качестве которого должен пониматься земельный участок с расположенным на нем многоквартирным домом с элементами инфраструктуры, все-таки возможно. Конечно, это не

должно приводить к разрушению того, что уже создано и эффективно функционирует. При этом мы должны помнить, что отсутствие в праве частном той или иной конструкции обедняет это право и, наоборот, наличие данных конструкций в праве частном предоставляет возможность выбора более оптимальной модели правового регулирования.

По нашему мнению, делегализация термина «кондоминиум» не свидетельствует об отсутствии в современном правовом пространстве аналогичного комплекса недвижимого имущества. В данном случае произошла терминологическая замена и многоквартирный дом в настоящее время следует рассматривать как аналог кондоминиума. В связи с чем, многоквартирный дом характеризуется нами как разновидность единого комплекса недвижимого имущества, исследованию правового режима которого будет посвящен отдельный параграф настоящей выпускной квалификационной работы.

В ходе подготовки Концепции о недвижимом имуществе было укзано на целесообразность предусмотреть специальное законодательное регулирование в отношении такого объекта гражданских прав, как технологический имущественный комплекс, а такой объект гражданских прав, как предприятие, наоборот исключить из перечня недвижимого имущества, предусмотрев для него лишь некоторые особенности правового режима. В частности, публичный характер сделок с предприятиями, являющийся необходимой гарантией прав и законных интересов кредиторов и иных участников оборота, предлагалось обеспечить не государственной регистрацией прав на предприятия, а иным способом — введением обязательной публикации сведений о сделках с предприятием [10, с. 66]. Аналогичный подход к указанным объектам гражданских прав — предприятие и технологический имущественный комплекс недвижимости (сегодня - единый недвижимый комплекс) — можно обнаружить и в Концепции.

Окончательная редакция ст. 130-133.1 ГК РФ, которые мы сегодня видим, свидетельствует о том, что задача, поставленная Концепцией, решена лишь наполовину.

В качестве недвижимой вещи, участвующей в обороте как единый объект, теперь признается «единый недвижимый комплекс, под которым понимается совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически и технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и др.), либо расположенных на одном земельном участке, если в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь» (ст.133 ГК РФ).

Однако при этом была отвергнута новая редакция ст. 132 ГК РФ, содержавшаяся в законопроекте, принятом в первом чтении, согласно которой из числа объектов недвижимости исключалось предприятие — имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности и включающий в свой состав все виды

имущества, предназначенные для его деятельности, а также права требования, долги, права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги, и другие исключительные права. В то же время предприятие должно было остаться отдельным объектом оборота, права на который могут переходить как на основании закона, так и по сделкам.

Данное обстоятельство может иметь негативные последствия, например, в случаях, когда под видом единого недвижимого комплекса будет отчуждаться все имущество предприятия без соблюдения гарантий прав кредиторов, а также прав работников, занятых на соответствующем предприятии.

Предотвратить подобные злоупотребления, на взгляд С. С. Кобзина [11, с. 122] могло бы аккуратное судебное толкование соответствующих законоположений (ст. 132, 133.1 ГК РФ). Например, можно было бы разъяснить, что в тех случаях, когда имущественные комплексы уже сегодня фактически используются в предпринимательской деятельности в составе предприятия и у их собственников имеются обязательства, связанные с эксплуатацией указанных имущественных комплексов, не допускается государственная регистрация прав на указанные комплексы как на единые недвижимые комплексы (ст. 133.1 ГК РФ), вместо этого должна быть сохранена государственная регистрация на отдельные объекты недвижимости в составе имущества предприятия.

Таким образом, комплексы недвижимого имущества характеризуются следующими особенностями:

разнородностью составляющих их элементов, и им присуща подчиненность специальному правовому режиму, который характерен исключительно для конкретного вида имущественного комплекса;

вхождение в комплекс какого-либо имущества влечет распространение на такое имущество свойственного исключительно данному комплексу правового режима. Вместе с тем оказывает влияние на подчиненность особым правилам принадлежность конкретного объекта к определенному виду, которые влекут дополнительные отличия в рамках специального правового режима имущественного комплекса;

входящие в состав имущественного комплекса объекты недвижимого имущества оказывают особое влияние на специальный правовой режим.

Список источников

1. Миронов, И. Б. Имущественные комплексы в жилищной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 27 с.

2. Костин, П. Ю. Имущественный комплекс как совокупность субъективных гражданских прав и обязанностей // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 2. С. 162-167.

3. Белов, В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты. Москва : Издательство Юрайт, 2011. 1093 с.

4. Трофимова, Г. А. Имущественные комплексы: неоднородность

правовой конструкции // Юрист. 2014. № 7. С. 23-26.

5. Толстова, А. Е., Шевчук, С. С. Актуальные проблемы цивилистики: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2021. 292 с.

6. Лаптева, А. М. Имущественный комплекс как объект гражданских прав // Предпринимательское право. 2010. № 2. С. 15-18.

7. Ягунова, Е. Е. К вопросу о структуре единого недвижимого комплекса // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 3. С. 141-148.

8. Гальченко, В., Широков А., Вербицкий А. Возвращение кондоминиума. Почему в многоквартирном доме общедомовое имущество считается ничьим, но платить за него надо // Юрист спешит на помощь. 2015. № 6. С. 7-12.

9. Кусаинова, А. К. Кондоминиум по законодательству Республики Казахстан // Международное публичное и частное право. 2012. № 3. С. 30-33.

10. Толстова, А. Е. Способы защиты нарушенных прав при совершении крупных сделок // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 2 (51). С. 63-68.

11. Кобзина, С. С. Проблемы правового регулирования защиты права частной собственности на недвижимое имущество в Российской Федерации (на примере единого недвижимого комплекса) // Современный юрист. 2016. № 2. С. 119-126.

УДК 347.19

Грудина Сергей Алексеевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: fivers2b@gmail.com

Grudina Sergei Alekseevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: fivers2b@gmail.com

ПРАВОВАЯ ОХРАНА АВТОРСКИХ ПРАВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

LEGAL PROTECTION OF COPYRIGHT IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: PROBLEMS AND PROSPECTS

В статье рассматриваются актуальные проблемы защиты авторских прав в сети Интернет, включая правовой статус мультимедийных продуктов, технические сложности обеспечения правовой охраны и вопросы привлечения к ответственности нарушителей. Анализируется недостаточность действующего законодательства в части регулирования цифровых объектов, в том числе отсутствие четкого определения мультимедийных продуктов в Гражданском кодексе РФ. Особое внимание уделяется проблемам плагиата, камкординга и «авторского пиратства», а также механизмам защиты интеллектуальной собственности. Обосновывается необходимость совершенствования законодательства с учетом современных вызовов цифровой среды.

Ключевые слова: авторское право, сеть Интернет, правовая охрана, мультимедийные продукты, цифровые права, камкординг, плагиат, интеллектуальная собственность, Гражданский кодекс РФ, правовое регулирование.

The article examines current issues related to copyright protection on the Internet, including the legal status of multimedia products, technical challenges in ensuring legal protection, and the liability of infringers. The insufficiency of existing legislation in regulating digital objects is analyzed, particularly the lack of a clear definition of multimedia products in the Civil Code of the Russian Federation. Special attention is given to the issues of plagiarism, camcording, and "copyright piracy," as well as mechanisms for protecting intellectual property. The necessity of improving legislation to address modern challenges in the digital environment is substantiated.

Keywords: copyright, Internet, legal protection, multimedia products, digital rights, camcording, plagiarism, intellectual property, Civil Code of the Russian Federation, legal regulation.

Глобальная сеть Интернет играет ключевую роль в современном обществе, оказывая значительное влияние как на социальные, так и на экономические процессы. Однако активное использование сети сопряжено с рядом проблем, в частности, с вопросами защиты прав пользователей. Особую обеспокоенность в последние годы вызывает обеспечение охраны авторских прав, что обусловлено спецификой данной сферы. По мнению экспертов, Россия продолжает оставаться в числе государств, где нарушения авторских прав посредством электронных ресурсов встречаются наиболее часто [1, с. 79].

Совершенствование механизма регулирования авторских прав должно быть направлено на устранение существующих проблем в данной области. Одна из ключевых трудностей заключается в отсутствии норм, учитывающих современные тенденции развития авторского права в цифровой среде. Определенные вопросы, включая правовое регулирование передачи информации, затрагивающей авторские и смежные права через информационно-телекоммуникационные сети, были частично решены с 01.10.2019 после вступления в силу Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ» (далее — Закон № 34-ФЗ), который внес значительные изменения в ГК РФ, касающиеся регулирования информационных прав.

Несмотря на совершенствование законодательства, проблема защиты авторских и смежных прав в Интернете остается актуальной. Представляется возможным выделить основные группы проблем, характерные для данной сферы:

1) пробелы в действующем законодательстве,
2) технические сложности,

3) недостаточная эффективность механизма привлечения виновных лиц к ответственности, в том числе трудности в квалификации правонарушений.

Далее рассмотрим отдельные аспекты обозначенных проблем в контексте охраны авторских прав в сети Интернет.

Прежде всего, следует остановиться на вопросах, связанных с пробелами в законодательстве. Часть этих проблем обусловлена отсутствием признания некоторых объектов в качестве охраняемых, что, в свою очередь, приводит к недостаточному уровню правового регулирования.

В настоящее время нормы ГК РФ не охватывают правовое регулирование общественных отношений, связанных с созданием и использованием мультимедийных продуктов. К таким объектам относятся интернет-сайты, компьютерные игры, виртуальные музеи, цифровые библиотеки и другие аналогичные ресурсы.

При этом термин «мультимедийный продукт» упоминается в ч. 1 ст. 1240 ГК РФ, однако его правовая природа, а также правовой режим указанных объектов авторского права в российском законодательстве до сих пор не определены. В то же время очевидно, что востребованность мультимедийных продуктов как объектов авторского права и их участие в гражданском обороте неуклонно растут.

В связи с этим представляется обоснованной позиция Е. А. Москалевой, которая указывает на необходимость законодательного признания мультимедийных продуктов объектами авторского права и внесения соответствующих изменений в п. 1 ст. 1259 ГК РФ [2, с. 245].

Разделяя данную точку зрения, следует также отметить важность законодательного закрепления положения об электронной форме объектов авторского права. В частности, целесообразно дополнить перечень форм объективного выражения объектов авторских прав (п. 3 ст. 1259 ГК РФ) упоминанием «электронной (цифровой) формы». Представляется, что данное уточнение должно было быть включено в Закон № 34-ФЗ, в котором уже были закреплены положения о цифровых правах.

Следующий комплекс проблем связан с техническими аспектами защиты авторских прав. Для предотвращения незаконного копирования, использования и распространения объектов интеллектуальной собственности применяются различные системы ограниченного доступа, включая технологии кодирования, цифровые идентификаторы и механизмы контроля разрешений [3, с. 627].

Однако современные способы дистанционного нарушения авторских прав создают значительные сложности в их выявлении и пресечении. В условиях развитой информационно-телекоммуникационной сети затруднительно установить точное место совершения нарушения, так как устройство, с которого осуществляются противоправные действия, может находиться под юрисдикцией иностранного государства. Если ресурс имеет российскую юрисдикцию, определить местоположение технического средства, с которого нарушитель выходил в сеть, представляется возможным. Однако нередко онлайн-нарушители регистрируют свои учетные записи на зарубежных

платформах, в том числе в оффшорных зонах, а их доменные адреса не привязаны к территории Российской Федерации.

В подобных случаях, когда нарушение авторских прав осуществляется с использованием цифровых ресурсов, важную роль играет деятельность профильных специалистов, способных установить источник противоправных действий. Эффективность противодействия таким нарушениям во многом зависит от уровня технической подготовки сотрудников правоохранительных органов и их способности применять современные методы выявления и пресечения правонарушений в сфере интеллектуальной собственности [4, с. 73]. С учетом роста количества таких инцидентов в цифровом пространстве актуальной задачей является повышение уровня технической подготовки правоохранительных структур и разработка современных методик предупреждения и пресечения нарушений авторских прав, совершаемых посредством электронных ресурсов.

Следует отметить, что устранение технических проблем в сфере защиты авторских прав в сети Интернет во многом зависит от действий самих авторов и правообладателей, а также от эффективности работы государственных органов, включая правоохранительные структуры. Третья группа проблем касается правоприменительной практики, связанной с обеспечением защиты авторских прав и привлечением нарушителей к различным видам юридической ответственности: гражданско-правовой, административной и уголовной [5, с. 284].

Применение гражданско-правовой ответственности возможно исключительно при наличии инициативы со стороны автора или иного правообладателя. Рассмотрение судебного разбирательства по факту нарушения авторских прав в сети Интернет начинается только после подачи соответствующего иска.

Дополнительно следует учитывать, что судебное разбирательство по делам о нарушении авторских прав в цифровой среде (за исключением споров, связанных с фотографическими произведениями) допускает возможность применения предварительных обеспечительных мер еще до момента подачи иска. Гражданско-правовая защита направлена преимущественно на восстановление нарушенного авторского или смежного права, а также на компенсацию причиненного ущерба.

Особое беспокойство вызывает распространение таких явлений, как плагиат, авторское пиратство и камкординг. Верховный Суд РФ уже дал определение плагиата в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака». В связи с этим представляется целесообразным дополнить указанное постановление разъяснением понятия камкординга, определяя его как незаконную видеозапись аудиовизуального произведения с последующим его использованием и распространением без согласия правообладателей и выплаты им вознаграждения.

На важность борьбы с плагиатом и камкордингом справедливо указывают отечественные эксперты. Многие из них считают, что с учетом воз-

можного ущерба меры по защите авторских прав должны включать не только гражданско-правовые и административные механизмы, но и уголовно-правовые санкции. В качестве аргумента приводится практика зарубежных государств, где подобные правонарушения преследуются законом и влекут за собой строгие меры ответственности [6, с. 96].

Таким образом, можно выделить ключевые проблемы охраны авторских прав в сети Интернет, которые обусловлены технической уязвимостью объектов авторского права, что создает условия для их незаконного копирования и распространения, отсутствием полного учета и точной идентификации объектов авторского права, что затрудняет их защиту, а также недостатками действующего законодательства, которое требует адаптации к реалиям цифровой среды. Решение этих вопросов возможно при комплексном подходе, включающем как использование авторами и правообладателями современных технических средств защиты, так и совершенствование государственного регулирования, направленного на принятие нормативных актов, учитывающих специфику охраны авторских прав в сети Интернет.

Список источников

1. Мусаев, Э. Н. Проблемы законодательства в сфере защиты авторских и смежных прав в сети «Интернет» // Научные высказывания. 2023. № 1(25). С. 78-81

2. Москалева, Е. А. К вопросу о некоторых проблемах правового режима мультимедийного продукта как объекта авторских прав // Научный альманах. 2018. № 6-1 (44). С. 245-247.

3. Циноева, А. В. Самозащита авторских прав в сети «Интернет» при помощи технических средств защиты авторских прав // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 5. С. 625-632.

4. Толстова, А. Е., Трапезникова, М. М. Особенности правового регулирования инновационной деятельности // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 3 (40). С. 72-76.

5. Толстова, А. Е., Бахтамова, Н. Г. Некоторые вопросы правового регулирования ответственности за нарушение авторских и смежных прав в сети интернет // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 4 (24). С. 282-285.

6. Гайбулатов, Г. Р. Зарубежный опыт в области защиты авторских прав в сети «Интернет» // Проблемы совершенствования законодательства: сбор. науч. статей. Махачкала: Алеф, 2020. С. 95-97.

УДК 34.05

Гусева Марина Сергеевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: mg19082007@mail.ru

Guseva Marina Sergeevna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: mg19082007@mail.ru

ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ И БАНКРОТСТВО: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЗАЕМЩИКОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

MORTGAGE LENDING AND BANKRUPTCY: CONSEQUENCES FOR BORROWERS AND OPPORTUNITIES FOR RIGHTS PROTECTION, LEGISLATIVE GAPS, AND SOLUTIONS

В данной статье рассматриваются отдельные проблемы, связанные с последствиями банкротства для заемщиков, имеющих ипотечные обязательства. Исследована экономическая и правовая сущность категории «ипотечное кредитование». Обосновано, что заемщики, столкнувшиеся с финансовыми трудностями, несут не только риски утраты жилья, но и значительные ограничения в финансовой сфере. Выявлены законодательные пробелы, связанные с отсутствием защиты единственного жилья в случае его нахождения в залоге, а также недостаточная эффективность механизмов реструктуризации долгов. Предложены возможные пути решения, включая совершенствование процедур банкротства физических лиц, введение дополнительных мер по защите добросовестных заемщиков и развитие альтернативных инструментов урегулирования ипотечной задолженности.

Ключевые слова: ипотека, банкротство, принудительное взыскание, Федеральный закон № 102-ФЗ, Федеральный закон № 127-ФЗ, Гражданский процессуальный кодекс, реструктуризация задолженности, ипотечные каникулы, кредитная история, защита заемщиков, пробелы в законодательстве, законы о принудительном взыскании, государственная поддержка, финансовая стабильность.

The article examines individual issues related to the consequences of bankruptcy for borrowers with mortgage obligations. The economic and legal essence of the category "mortgage lending" is studied. It is substantiated that borrowers who have encountered financial difficulties bear not only the risks of losing their housing, but also significant restrictions in the financial sphere. Legislative gaps related to the lack of protection of the only housing in the event of its being pledged, as well as the insufficient effectiveness of debt restructuring mechanisms are identified. Possible solutions are proposed, including improving bankruptcy procedures for individuals, introducing additional measures to protect bona fide borrowers and developing alternative tools for settling mortgage debt.

Keywords: mortgage, bankruptcy, foreclosure, Federal Law No. 102-FZ, Federal Law No. 127-FZ, Civil Procedure Code, debt restructuring, mortgage hol-

idays, credit history, borrower protection, legislative gaps, foreclosure laws, state support, financial stability.

Ипотечное кредитование представляет собой ключевую часть финансового рынка и предоставляет заемщикам возможность долгосрочного кредитования для приобретения жилья. Однако в условиях экономической нестабильности, когда заемщики сталкиваются с финансовыми трудностями, ипотечное кредитование становится сопряженным с рядом рисков. Одним из самых серьезных является банкротство, которое возникает, когда заемщик не в состоянии исполнить свои долговые обязательства [1, с. 89].

При банкротстве заемщика последствия могут быть весьма негативными. Наибольший риск для заемщика связан с возможностью утраты жилья, которое было приобретено с использованием ипотечного кредита. В случае невыплаты долгов, банк может изъять квартиру для погашения задолженности [2, с. 12]. Это может привести к тому, что заемщик останется без жилья и средств к существованию, что в свою очередь создает финансовые и социальные проблемы, усложняющие процесс реабилитации.

Для финансовых учреждений также существуют риски, связанные с невыплатой ипотечных кредитов, что может привести к недополучению прибыли и росту числа невозвратных долгов.

В этой связи, значимым аспектом является защита прав заемщиков в процессе банкротства. В законодательстве предусмотрены определенные механизмы защиты, такие как процедура реструктуризации долгов, когда заемщику предоставляется возможность согласовать условия выплат с кредитором. Однако эти возможности не всегда доступны, особенно в случае крупных долгов и сложных финансовых обстоятельств. Законодательные пробелы, такие как отсутствие четких норм, регулирующих процесс реализации ипотечных объектов врамках банкротства, создают дополнительные сложности для заемщиков. В существующей правовой системе нередко не обеспечивается должная защита интересов заемщиков, что требует изменений в законодательстве.

Учеными также активно исследуется эта проблема. Например, Баронин С. А. в своих работах подчеркивает важность защиты прав заемщиков в случае банкротства, предлагая расширить возможности реструктуризации долгов и минимизировать случаи изъятия имущества заемщика на погашение долга. Он обращает внимание на необходимость усиленного контроля за деятельностью банков и других кредитных организаций, чтобы избежать чрезмерных финансовых потерь для должников в условиях экономической нестабильности [3, с. 35].

Буянова Е. Б. акцентирует внимание на законодательных пробелах, которые препятствуют полноценной защите заемщиков. По ее мнению, действующая правовая база не всегда защищает интересы лиц, оказавшихся в финансовых трудностях, и требует серьезных изменений. Она предлагает пересмотреть порядок реализации залогового имущества, чтобы избежать лишения заемщиков жилья без должного учета их интересов и нужд [4, с. 48].

Также О. Н. Афанасьева и О. И. Лаврушин исследуют влияние банкротства на долговые обязательства физических лиц и предлагает меры по совершенствованию практики банкротства. Ученые подчеркивают, что многие заемщики не имеют достаточной осведомленности о своих правах, что делает их уязвимыми перед финансовыми учреждениями. Они предлагают развивать информационные программы и консультативные службы, которые могут помочь заемщикам в решении финансовых проблем и защите своих прав в случае банкротства [5, с. 150].

Современные исследования выявляют ряд законодательных пробелов, которые требуют внесения изменений. Например, расширение прав заемщиков на реструктуризацию долгов и создание более гибкой системы урегулирования проблемных ипотечных кредитов могут значительно смягчить последствия банкротства. Однако такие предложения требуют дальнейшего обсуждения и доработки, чтобы обеспечить более эффективную защиту прав заемщиков и стабильность ипотечного рынка. Многие ученые сходятся во мнении, что для улучшения ситуации необходимо внести изменения в законодательство, чтобы создать более сбалансированную и справедливую систему ипотечного кредитования, которая будет учитывать интересы заемщиков и обеспечивать эффективную работу финансовых учреждений в условиях экономической нестабильности.

Ипотечное кредитование является важнейшим финансовым инструментом, позволяющим гражданам приобретать недвижимость, распределяя финансовую нагрузку на многие годы. Однако ипотечные обязательства являются долгосрочными, и со временем заемщики могут столкнуться с финансовыми трудностями из-за потери работы, болезни, экономических кризисов или других непредвиденных обстоятельств. В таких случаях многие вынуждены рассматривать банкротство как способ решения своих долговых проблем.

Хотя банкротство и обеспечивает правовой механизм списания долгов, оно также имеет серьезные последствия, включая потерю заложенного имущества и долгосрочные ограничения финансовой деятельности [6, с. 210]. Несмотря на наличие защитных механизмов, российское законодательство содержит ряд пробелов, которые могут поставить заемщиков в уязвимое положение. Более того, действующая законодательная база не всегда предлагает реальные возможности для сохранения жилья, особенно когда речь идет об ипотечном недвижимом имуществе.

В случае неспособности заемщика исполнить обязательства по ипотеке кредитор, как правило, банк, имеет право инициировать обращение взыскания на имущество в соответствии с Федеральным законом от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее – Закон об ипотеке). Закон об ипотеке устанавливает, что недвижимое имущество, являющееся предметом залога, должно быть продано для удовлетворения требований кредитора в случае неплатежа. Если заемщик добровольно не продаст имущество или не реструктурирует задолженность, кредитор может обратиться в суд с иском о продаже имущества с публичных торгов. Правовой механизм обращения взыскания подкреплен ст. 54.1 Закона об ипотеке, которая допус-

кает внесудебное обращение взыскания, если такое условие включено вдоговор ипотеки. Это означает, что в некоторых случаях банки могут изымать и продавать имущество без обращения в суд [7, с. 167].

Если заемщик подает заявление о банкротстве, ситуация не улучшается. Согласно статье 213.26 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), все имущество, находящееся в собственности должника, включая заложенное недвижимое имущество, включается в конкурсную массу и реализуется для погашения задолженности перед кредиторами. Многие заемщики ошибочно полагают, что, объявив себя банкротом, они смогут сохранить свое основное место жительства. Однако защита от обращения взыскания распространяется только на единственное жилье должника, если оно не заложено. Поскольку по договорам ипотеки в качестве предмета залога выступает недвижимое имущество, такая защита не действует, а значит, практически во всех делах о банкротстве заложенное имущество подлежит реализации [8, с. 71].

Для заемщиков это означает, что после завершения процедуры банкротства они остаются без жилья, а в некоторых случаях имеют непогашенные финансовые обязательства, если вырученные от продажи средства не покрывают полностью задолженность. Кроме того, банкротство существенно ухудшает их кредитную историю. Информация о банкротстве сохраняется в кредитном досье заемщика в течение 10 лет, что делает получение новых кредитов в течение этого периода практически невозможным. Банки относятся к лицам с историей банкротства как к клиентам с высоким уровнем риска и часто отказывают в выдаче ипотечных кредитов или других видов кредитов [9, с. 9].

Несмотря на тяжелые последствия банкротства, у заемщиков есть некоторые механизмы защиты своих прав и, возможно, сохранения имущества. Одним из вариантов является попытка реструктуризации задолженности, которая позволяет заемщикам договариваться с кредиторами о новых условиях погашения задолженности. Если суд одобрит план реструктуризации, заемщик может продолжить вносить платежи на скорректированных условиях вместо продажи своего имущества. Однако на практике банки часто неохотно соглашаются на реструктуризацию, особенно если они могут быстрее вернуть долг путем обращения взыскания на заложенное имущество.

Еще одним инструментом защиты заемщиков является программа ипотечных каникул, позволяющая при возникновении финансовых трудностей временно приостановить или уменьшить ежемесячные платежи по ипотеке на срок до шести месяцев. Однако эта льгота носит временный характер, и после окончания льготного периода заемщики должны возобновить выплаты в полном объеме, включая начисленные проценты. Кроме того, программа имеет строгие критерии отбора, и не все заемщики могут на нее претендовать.

Для тех, кто находится в особенно тяжелом финансовом положении, правительство предлагает определенные программы поддержки ипотеки. Например, в соответствии с Постановлением Правительства от 20.04.2015 № 373 «Об основных условиях реализации программы помощи отдельным

категориям заемщиков по ипотечным жилищным кредитам (займам), оказавшихся в сложной финансовой ситуации» заемщики, имеющие детей, нетрудоспособных членов семьи или иных лиц, находящихся в затруднительном положении, могут получить государственную помощь для частичного погашения задолженности по ипотеке [10, с. 102]. Однако эта поддержка ограничена, и не все заемщики получают ее из-за ограничений финансирования.

Одним из наиболее существенных законодательных пробелов является отсутствие защиты единственного жилья в делах о банкротстве. В отличие от некоторых западных стран, где основное жилье освобождается от ликвидации при определенных условиях, российское законодательство не предусматривает такой защиты для заложенного имущества [11, с. 44]. Это создает ситуацию, когда лица, испытывающие финансовые трудности, не только теряют жилье, но и остаются без альтернативного жилого помещения. Возможным решением было бы внесение изменений в ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ, вводя исключения для определенных категорий заемщиков, таких как семьи с несовершеннолетними детьми, пенсионеры или инвалиды.

Еще одной серьезной проблемой является неоднозначность процедур банкротства для физических лиц. Хотя Федеральный закон № 127-ФЗ обеспечивает правовую базу, на практике процедуры банкротства часто затягиваются на годы из-за правовой неопределенности, отсутствия четких процессуальных правил и нежелания кредиторов принимать мировые соглашения. Некоторые эксперты предлагают ввести стандартизированные процедуры банкротства для физических лиц, аналогичные тем, которые применяются для юридических лиц, что позволило бы принимать более быстрые и предсказуемые решения [12, с. 71].

Кроме того, для заемщиков, испытывающих трудности, не хватает альтернатив банкротству. В настоящее время заемщики, которые не могут выполнить свои ипотечные обязательства, имеют ограниченные возможности, помимо обращения взыскания или банкротства. Расширение программ внесудебного урегулирования задолженности и внедрение программ реструктуризации ипотеки с государственной поддержкой может помочь предотвратить множество ненужных банкротств [13, с. 153]. Одним из возможных подходов является создание специального государственного фонда, который мог бы выкупать проблемные ипотечные кредиты у банков и предлагать заемщикам более гибкие условия погашения.

Еще одним законодательным пробелом является недостаточное развитие механизмов добровольного пересмотра условий ипотеки. Хотя закон допускает реструктуризацию долга, многие банки отказываются вести переговоры с заемщиками о новых условиях, предпочитая обращение взыскания [14, с. 116]. Усиление законодательных требований к кредиторам предлагать реструктуризацию до начала процедуры обращения взыскания может предоставить заемщикам больше возможностей сохранить свое жилье. Например, поправки к ст. 54.1 Закона об ипотеке могут ввести обязательное посредничество до обращения взыскания между банками и заемщиками.

Ипотечное кредитование играет важную роль в российской финансовой системе, но действующая правовая база не всегда адекватно защищает заемщиков, особенно тех, кто сталкивается с банкротством. Действующие законы в первую очередь служат интересам кредиторов, обеспечивая им возможность взыскать долги путем обращения взыскания, но предлагая заемщикам ограниченные возможности сохранить свое имущество. Основные проблемы включают отсутствие защиты основного жилья в делах о банкротстве, сложность и непредсказуемость процедур банкротства и ограниченную доступность альтернатив обращению взыскания. Устранение этих пробелов посредством внесения поправок в законодательство, улучшения механизмов реструктуризации долга и усиления социальной защиты может создать более справедливую и сбалансированную ипотечную систему. Укрепление прав заемщиков при сохранении финансовой стабильности кредиторов будет способствовать более устойчивой и справедливой среде ипотечного кредитования в России.

Список источников

1. Крюков, Р. В. Банковское дело и кредитование. Москва : А-Приор, 2011. 239 с.
2. Гусев, А. Ипотечное жилищное кредитование. Жилье взаймы. Москва : Феникс, 2012. 93 с.
3. Баронин, С. А., Бочкарев, В. В., Николаева, Е. Л. Ипотечное кредитование жилищного строительства. Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2022. 189 с.
4. Буянова, Е. Б. Антикризисные меры поддержки ипотечных заемщиков // Деньги и кредит. 2011. N 7. С. 48-49.
5. Афанасьева, О. Н., Лаврушин, О. И. Банковское дело: современная система кредитования: учеб. пособие. Москва : КноРус, 2024. 357 с.
6. Власов, А. В. Ипотечное жилищное кредитование как один из способов реализации приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье - гражданам России» // «Черные дыры» в росийиском законодательстве. 2008. № 4. С.210-211.
7. Толстова, А. Е., Шевчук, С. С. Актуальные проблемы цивилистики: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2021. 292 с.
8. Шварц, Л. В., Майборода, Э. Т. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве: презумпции и нюансы привлечения лиц, контролирующих должника // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 2 (51). С. 69-73.
9. Афанаскин, Ю., Веселов, А. Ипотека в разных измерениях // Эксперт-Сибирь. 2004. № 5. С.8-10.
10. Толстова, А. Е. Понятие, признаки и правовая характеристика договора займа // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 1 (44). С. 98-104.
11. Баронин, С. А., Бочкарев, В. В., Казейкин, В. С., Кулаков, К. Ю.,

Попова, И. В. Ипотечно-инвестиционный анализ. Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2019. 176 с.

12. Дементьев, Н. П. Жилищная ипотека в современной России // Вестник НГУ. Сер. Соц.-экон. науки. 2015. Т.15. Вып.1. С.67-77.

13. Тавасиев, А. М., Мазурина, Т. Ю., Бычков, В. П. Банковское кредитование. Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2020. 366 с.

14. Разумова, И. А. Ипотечное кредитование. Санкт-Петербург : Питер, 2009. 305 с.

УДК 347.21

Демин Иван Сергеевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: vann1med@yandex.ru

Demin Ivan Sergeevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: vann1med@yandex.ru

MIDJOURNEY, NFT: НОВАЯ ЭРА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

MIDJOURNEY, NFT: A NEW ERA IN INTELLECTUAL PROPERTY. CURRENT ISSUES AND PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION

В статье рассматриваются актуальные вопросы правовой защиты результатов деятельности нейросетей на примере Midjourney, а также проблемы охраны прав на NFT-токены. Автор анализирует текущее состояние правового регулирования в этой сфере, выделяет ключевые пробелы и коллизии. Сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства для адаптации к новым технологическим реалиям.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, NFT, цифровое искусство, интеллектуальные права, исключительное право.

The article deals with topical issues of legal protection of neural network results using the example of Midjourney, as well as problems of protecting rights to NFT tokens. The author analyzes the current state of legal regulation in this area, identifies key gaps and conflicts. It is concluded that it is necessary to improve legislation to adapt to new technological realities.

Keywords: artificial intelligence, neural network, NFT, digital art, intellectual rights, exclusive right.

Современный мир стремительно меняется под влиянием прорывных достижений в области информационных технологий. Искусственный интеллект и блокчейн — две силы, которые уже сегодня радикально трансформируют привычные общественные отношения и институты, и сфера интеллектуальной собственности не является исключением. Создание нейросетей,

способных генерировать произведения науки, литературы и искусства, еще вчера казавшееся фантастикой, становится реальностью на наших глазах. Одновременно технология NFT открывает невиданные ранее возможности для развития рынка уникальных цифровых активов. Эти новые феномены бросают серьезный вызов устоявшимся подходам к определению правовой природы результатов интеллектуальной деятельности, субъектов и содержания интеллектуальных прав.

Одним из самых ярких примеров «творческих» нейросетей последнего времени является Midjourney. Этот мощный инструмент машинного обучения, запущенный в 2022 году, способен создавать потрясающие воображение изображения на основе текстовых описаний, введенных пользователем. Многие из артов, сгенерированных Midjourney, сложно отличить от работ профессиональных художников и дизайнеров. Как восторженно отмечает один из первых исследователей Midjourney А. Ованесян, «нейросеть способна визуализировать практически любую творческую идею, воплотить в графической форме самые смелые и необычные образы» [1, с. 8]. В то же время, широкое распространение Midjourney и подобных систем искусственного интеллекта порождает принципиально новую проблему для права интеллектуальной собственности. Кто является автором произведений, созданных нейросетью — сама программа, ее разработчик, пользователь, задавший текстовую подсказку? Или такие результаты «искусственного творчества» вообще находятся вне сферы авторско-правовой охраны?

Действующее законодательство об интеллектуальной собственности, увы, не дает однозначного ответа на эти вопросы. Как справедливо отмечает И. А. Близнец, «необходимость обеспечения правовой охраны продуктов деятельности систем искусственного интеллекта выявила существенные пробелы и противоречия в регулировании отношений авторства» [2, с. 17]. Базовый постулат авторского права исходит из того, что право авторства принадлежит физическому лицу, чьим творческим трудом непосредственно создано произведение (ст. 1228 ГК РФ). Очевидно, что применить данное положение к нейросетям крайне проблематично. Во-первых, программа сама по себе не является субъектом права, не обладает правосубъектностью. Во-вторых, сам процесс генерации изображений нейросетью сложно назвать «творческим трудом» в общепринятом смысле этого слова. Как отмечает П. М. Мохат, «произведение нейросети возникает в результате обработки массива данных, на основе которых она была обучена, через сложные математические алгоритмы, а не через индивидуальное творческое осмысление» [3, с. 117].

В качестве возможного решения некоторые исследователи предлагают рассматривать в качестве авторов сгенерированных нейросетью произведений ее разработчиков либо пользователей, задавших входные параметры [4, с. 9]. Логика здесь в том, что именно эти лица своими действиями прямо обусловили создание конкретного результата, выступили необходимой причиной его возникновения. Однако и здесь возникают существенные контраргументы. Разработчик нейросети, по сути, лишь создает инструмент, потенциально пригодный для порождения охраняемых объектов, но не принимает

прямого участия в их создании. Если следовать такой логике, то и производителя красок можно считать автором картины. Что же касается пользователя, то даже самое детальное текстовое описание желаемого результата оставляет нейросети огромную свободу реализации, не предопределяя конкретную форму воплощения замысла. Поэтому и в данном случае рассматривать действия пользователя как акт самостоятельного творчества достаточно спорно.

Все это заставляет склоняться к тому, что применительно к результатам деятельности нейросетей должен использоваться принципиально иной правовой подход, нежели к традиционным объектам авторского права. В качестве одного из вариантов в литературе предлагается концепция «связанных произведений» (related works), прямо заимствованная из института смежных прав [5, с. 15]. Суть ее в том, чтобы установить особый правовой режим для таких результатов, предусматривающий ограниченную охрану в течение фиксированного срока в отношении строго определенного круга правомочий. Близкие соображения высказывает О. А. Рузакова, указывая, что «уникальная природа произведений искусственного интеллекта требует выработки самостоятельной модели регулирования, включающей нормы как авторского, так и патентного права» [6, с. 22]. В этом же ключе рассуждает В.О. Калятин, отмечая, что «результаты деятельности ИИ целесообразно выделить в качестве нового самостоятельного вида объектов интеллектуальной собственности, обеспечив более гибкое и адресное регулирование» [7, с. 45].

Думается, что разработка подобных новаторских моделей — магистральное направление развития права интеллектуальной собственности в условиях «цифровой революции». Только так можно адекватно ответить на вызовы прогресса, не втискивая принципиально новые сущности в прокрустово ложе устаревших правовых форм. В то же время, нельзя допустить и впадения в другую крайность, при которой результаты «искусственного творчества» полностью выводятся из-под правовой охраны. Как справедливо указано в юридической литературе, «непредоставление правовой охраны произведениям, созданным с помощью искусственного интеллекта, может повлечь нежелательное снижение стимулов для инвестирования в развитие когнитивных технологий, имеющих огромное значение для будущего человечества» [8, с. 25]. Необходимо соблюсти разумный баланс интересов между стимулированием развития систем ИИ и недопущением их полной монополизации со стороны технологических гигантов.

Сходная проблематика актуальна и для рынка NFT-искусства, который переживает стремительный взлет в последние годы. Технология невзаимозаменяемых токенов позволяет фиксировать право собственности на уникальный цифровой актив (например, картину или фотографию), а также отслеживать всю историю его передачи от одного владельца к другому. Несмотря на очевидную перспективность такого подхода, он также порождает целый ряд непростых правовых вопросов. Главный из них: что именно представляет собой NFT с точки зрения интеллектуальной собственности? Это новая цифровая форма выражения произведения, наряду с уже известными (музыкальные файлы, электронные книги и т. п.)? Или это принципиально

новый объект прав, отличный от того контента, который он подтверждает? А может быть, NFT — это вообще способ распоряжения правом, сродни лицензионному договору или договору отчуждения?

В литературе на этот счет высказаны различные позиции. Так, В. В. Шпаковская рассматривает NFT в рамках системы объектов интеллектуальных прав, выделяя отдельную категорию «цифровых прав» [9, с. 56]. Подузова Е. Б. видит в NFT, прежде всего, «новую форму договора между владельцем исключительного права и покупателем токена», выступающую аналогом смарт-контракта [10, с. 79]. Соглашаясь с последним тезисом, В. Н. Синельникова добавляет, что NFT воплощает в себе не только обязательственную, но и вещно-правовую составляющую, а потому должен рассматриваться как «комплексный объект, сочетающий черты объекта и способа распоряжения исключительным правом» [11, с. 36].

С нашей точки зрения, наиболее обоснованной представляется последняя позиция. NFT — это действительно сложная правовая конструкция, призванная придать уникальность и ценность цифровой копии произведения за счет технологической фиксации прав на него. Однако эта фиксация не тождественна возникновению исключительного права в традиционном смысле, поскольку не предоставляет покупателю NFT монополии на использование произведения. Скорее, вместе с NFT передается особый комплекс правомочий, производных от исключительного права, но не совпадающих с ним. При этом конкретные пределы этих правомочий зависят от условий выпуска конкретного NFT и содержания смарт-контракта, лежащего в его основе. Увы, абсолютное большинство таких «токенизированных» произведений сегодня обращается в условиях полной правовой неопределенности - покупатели NFT попросту не знают, на что они могут претендовать с юридической точки зрения.

Все это подтверждает острую необходимость создания специальных правил об обороте NFT-объектов в привязке к праву интеллектуальной собственности. Причем речь идет именно о комплексном регулировании, учитывающем технологические, договорные и вещно-правовые аспекты проблемы. В качестве первого шага видится закрепление в законе дефиниции NFT как особой разновидности объектов интеллектуальных прав, права на которые удостоверяются с помощью технологии распределенного реестра. Это позволит четко отграничить NFT от смежных правовых явлений (утилитарных цифровых прав, бездокументарных ценных бумаг и др.) и адекватно описать их важнейшие сущностные характеристики с точки зрения интеллектуальной собственности. В дальнейшем нужно обеспечить инкорпорацию в российское законодательство базовых принципов и приемов регулирования цифровых объектов авторского права, выработанных мировой практикой применения технологии блокчейн. Это касается и установления обязательных требований к содержанию смарт-контрактов, опосредующих выпуск NFT, и закрепления презумпции действительности зафиксированных в блокчейне сведений о принадлежности прав, и правил о замене и аннулировании NFT, и ответственности информационных посредников и т. д. Только так

можно обеспечить нормальное развитие нового рынка цифрового искусства с высоким уровнем гарантий прав всех его добросовестных участников.

Говоря о правовых аспектах использования нейросетей и NFT-токенов в сфере интеллектуальной собственности, нельзя обойти вниманием и проблематику ответственности за нарушения исключительных прав в этом контексте. Действительно, если определение первичного субъекта прав на сгенерированное нейросетью произведение представляет известную сложность, то еще более неоднозначной является ситуация с установлением надлежащего ответчика по требованиям о защите таких прав. Кто должен нести ответственность, если нейросеть создаст изображение, полностью воспроизводящее охраняемое авторским правом произведение - сама программа (что невозможно в силу отсутствия у нее правосубъектности), ее разработчик, владелец, пользователь? А если генерация контрафактного контента станет возможной в результате машинного обучения на массиве данных, содержащем «пиратские» копии произведений? Схожие вопросы возникают и применительно к обороту NFT-прав. Что если лицо выпустит NFT-токен, привязанный к произведению, исключительное право на которое ему не принадлежит? Будет ли это квалифицироваться как нарушение исключительного права (по аналогии с бездоговорным размещением произведения на интернет-сайте) или как несанкционированное распоряжение чужим правом (например, продажа картины, которая лицу не принадлежит)? Усугубляется ли ответственность в случае, если само произведение, «обремененное» контрафактным NFT, также является продуктом деятельности нейросети? Наконец, можно ли привлечь к ответственности информационного посредника (например, онлайн-платформу, в рамках которой выпускаются NFT-токены), если последний не знал и не должен был знать о неправомерности создания или использования соответствующего цифрового объекта? К сожалению, действующее законодательство не дает однозначных ответов на эти и другие подобные вопросы [12, с. 57]. Положения ГК РФ об ответственности за нарушения интеллектуальных прав не учитывают технологической специфики рассматриваемых отношений, по сути воспроизводят традиционные гражданско-правовые подходы (ст. 1250, 1252, 1253.1, 1301 ГК РФ). Конечно, общие принципы юридической ответственности (такие, как вина, причинная связь, недопустимость злоупотребления правом) сохраняют свое значение. Однако их практическое применение в условиях алгоритмизации творчества и токенизации произведений требует выработки специальных правил и критериев. Так, видится необходимым закрепить особые основания освобождения от ответственности за неумышленное нарушение авторских и смежных прав в результате самообучения ИИ-систем (по аналогии с так называемыми «исключениями добросовестного пользователя» в праве США). Следует определить надлежащего субъекта ответственности за действия нейросети — им мог бы стать владелец программы, получающий основные преимущества от ее использования (по примеру ответственности владельца источника повышенной опасности) [13, с. 73]. Крайне желательна также дифференциация оснований и условий ответственности в зависимости от вида и характера цифрового объекта, вовлеченного в нарушение: ответ-

ственность за неправомерные действия в отношении NFT-токена не может быть идентичной ответственности за нарушение прав на «традиционное» произведение. В целом, развитие ИИ и блокчейн-технологий ставит задачу кардинального переосмысления сложившейся парадигмы охраны и защиты интеллектуальной собственности в пользу более гибких, технологически нейтральных инструментов.

Нельзя также забывать, что правовое регулирование отношений в сфере ИИ-творчества и NFT-искусства не может ограничиваться только лишь инструментарием права интеллектуальной собственности. Многие из возникающих здесь проблем имеют выраженное этическое, социально-культурное, экономическое измерение, а потому требуют комплексного междисциплинарного подхода. Так, все более острым становится вопрос о допустимых пределах «креативности» нейросетей, особенно в части возможности генерации ими контента, который может быть воспринят как оскорбительный, дискриминационный, пропагандирующий насилие и т. п. Буквальное применение к подобным ситуациям классических институтов морального права автора или запрета злоупотребления правом вряд ли может быть эффективным. Однако и самоустранение права здесь недопустимо - иначе мы рискуем получить «цифровой вестерн» без этических ориентиров и нравственных рамок. Нужны новые регуляторные инструменты, позволяющие находить баланс между свободой творчества и недопустимостью социально вредного контента. Они могут включать, например, алгоритмическую фильтрацию результатов работы нейросетей, их последующую модерацию провайдером соответствующего сервиса, четкую и прозрачную политику допустимого использования ИИ-систем, механизмы репутационной ответственности разработчиков и т. д. Схожая проблематика актуальна и для NFT-рынка, где на фоне бума интереса и инвестиционной активности все отчетливее проявляются признаки «токенизированных пузырей», спекулятивных манипуляций, мошеннических схем. По данным Group-IB, в 2021 году количество преступлений, связанных с NFT, выросло на 400% по сравнению с 2020 годом, а совокупный ущерб достиг $100 млн. В погоне за сверхприбылями многие участники рынка попросту игнорируют правовые и этические ограничения, а то и сознательно строят бизнес-модели на обмане и введении в заблуждение неискушенных пользователей. Пресечение таких злоупотреблений, защита прав добросовестных приобретателей токенов, обеспечение прозрачности и подконтрольности NFT-транзакций — важнейшая задача для права на современном этапе. В более широком контексте остро стоит вопрос об управлении рисками и негативными эффектами, связанными с массовым внедрением ИИ-технологий в креативных индустриях. Не приведет ли развитие нейросетей к обесцениванию творческого труда человека, «девальвации» профессии автора? Как предотвратить безработицу и социальную эксклюзию в традиционных сегментах креативной экономики? Возможен ли диалог и сотрудничество между ИИ и человеком-творцом, и на каких принципах он должен строиться? Эти и многие другие вопросы требуют своего осмысления не только на уровне права, но и этики, социологии, психологии творчества. Очевидно, что грядущие перемены будут иметь поистине текто-

нический характер, а их социокультурные последствия могут быть неоднозначными. Задача юридического сообщества в этих условиях видится в разработке сбалансированной, внутренне непротиворечивой и в то же время гибкой стратегии правового регулирования, учитывающей всю полифонию общественных интересов и ожиданий. Только так можно обеспечить, чтобы технологии ИИ и блокчейн стали подлинными драйверами прогресса, а не источниками новых рисков и социальных потрясений.

Резюмируя вышесказанное, следует констатировать: внедрение прорывных цифровых технологий кардинально меняет традиционные представления о природе творчества и принципах охраны его результатов. Юридическая наука и практика оказываются не вполне готовы к вызовам, которые несет в себе технологическая революция. Существующие институты и конструкции интеллектуальных прав все чаще демонстрируют несоответствие реалиям data-driven economy, утрачивают свою адекватность и эффективность. Однако это не повод отказываться от самой идеи правовой охраны интеллектуальной собственности в новых условиях. Это повод искать новаторские регуляторные решения, гибко сочетающие проверенные временем подходы и передовые технологические достижения.

Список источников

1. Шиткина, И. С., Бирюков, Д. О. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Право и экономика. 2023. № 11. С. 5-14.

2. Близнец, И. А. Авторское право и смежные права в условиях цифровой трансформации // Копирайт. 2019. № 3. С. 16-22.

3. Морхат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. Москва : Буки Веди, 2017. 257 с.

4. Гурко, А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7-18.

5. Савельев, А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 12-19.

6. Рузакова, О. А. Проблемы охраны результатов деятельности искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 4 (46). С. 16-33.

7. Калятин, В. О. Токенизация объектов интеллектуальной собственности: перспективы и риски // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3. С. 40-51.

8. Антонов, А. А. Искусственный интеллект: вопросы правосубъектности // Юрист. 2023. № 9. С. 23-28.

9. Шпаковская, В. В. Искусственный интеллект в гражданском праве // ИС. Авторское право и смежные права. 2023. № 4. С. 54-60.

10. Подузова, Е. Б. Применение технологий искусственного интеллекта при оказании услуг: взгляд цивилиста на проблему // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8. С. 76-84.

11. Синельникова, В. Н. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: новые вызовы и перспективы развития // Копирайт. 2020. № 3. С. 35-44.

12. Шевчук, С. С., Толстова, А. Е. Объекты гражданских прав: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2021. 212 с.

13. Толстова, А. Е., Лукьянова, Н. Г. Некоторые проблемы, возникающие при определении субъектного состава деликтных обязательств // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 4 (33). С. 70-74.

УДК 347.21

Демин Иван Сергеевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: vann1med@yandex.ru

Demin Ivan Sergeevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: vann1med@yandex.ru

Зуев Андрей Вячеславович
кандидат исторических наук, доцент
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: univerandrey@mail.ru

Zuev Andrey Vyacheslavovich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: univerandrey@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ПЕРИОД «СВО» И САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

CURRENT PROBLEMS OF THE RUSSIAN INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS PROTECTION SYSTEM DURING THE PERIOD OF «SVO» AND SANCTIONS PRESSURE

В настоящий период времени Российская Федерация подверглась значительному давлению со стороны международного сообщества, которое проявляется в наложении санкций, которые затрудняют развитие и жизнедеятельность лиц, проживающих в Российской Федерации. Государство, выступая гарантом реализации прав граждан предпринимает значительные меры, направленные на недопущение нарушения прав и свобод человека и гражданина в государстве, с этой целью были введены специальные механизмы, направленные на перестроение системы охраны интеллектуальных прав, с помощью которых государство ограничивает нарушение интеллектуальных прав, и позволяет удовлетворить потребности общества. При этом, в современных реалиях можно назвать два таких механизма — параллельный импорт и принудительное лицензирование. На сегодняшний день они дают положительный эффект в сложившихся тяжелых условиях в рамках охраны интеллектуальных прав, однако,

механизмы их реализации на данном этапе не являются совершенными, что требует проведения более глубокого анализа.

Ключевые слова: интеллектуальные права, СВО, санкции, охрана интеллектуальных прав, параллельный импорт, принудительное лицензирование.

At the present time, the Russian Federation has been subjected to significant pressure from the international community, which manifests itself in the imposition of sanctions that impede the development and livelihoods of people living in the Russian Federation. The state, acting as a guarantor of the realization of citizens' rights, is taking significant measures aimed at preventing violations of human and civil rights and freedoms in the state. For this purpose, special mechanisms have been introduced aimed at restructuring the system of intellectual property rights protection, through which the state restricts the violation of intellectual rights and allows meeting the needs of society. At the same time, in modern realities, two such mechanisms can be named - parallel import and compulsory licensing. To date, they have a positive effect in the current difficult conditions within the framework of intellectual property rights protection, however, the mechanisms for their implementation at this stage are not perfect, which requires a deeper analysis.

Keywords: intellectual property rights, SVO, sanctions, protection of intellectual property rights, parallel import, compulsory licensing.

Современные мировые процессы внесли значительные изменения в систему функционирования российского права, общества, и государства в целом. Российская Федерация столкнулась с рядом вызовов, давлением и угрозами в рамках международного взаимодействия, что повлекло собой экстренную необходимость в принятии серьезных и жестких мер, для дальнейшего стабильного функционирования государства и общества в целом. Вопросы, которые стоят на повестке дня у государства в том числе, связаны с проведением «специальной военной операции» (далее — СВО), однако, начало СВО не является отправной точкой для глобального пересмотра всех происходящих внутри государства и в рамках международного взаимодействия отношений. Так, можно говорить о том, что Российская Федерация вошла в новую эпоху своего развития определяющую необходимость внутренней перестройки, и пересмотра взаимодействия с мировым сообществом начиная с 2014 года, когда государство впервые почувствовало на себе именно санкционное давление. Все протекающие с 2014 года процессы на внутреннем и внешнем политическом уровне планомерно привели к необходимости пересмотра существующей системы взаимоотношений как с международным сообществом, так и внутри государства. Одним из важнейших вопросов, который встал в повестку в 2022 году в связи с началом СВО и беспрецедентным давлением со стороны международного сообщества явился вопрос о дальнейшем функционировании системы охраны интеллектуальных прав, поскольку именно данная сфера находилась в наиболее уязвимом состоянии из-за санкций.

В первую очередь, представляется необходимым сформулировать определение понятию «интеллектуальные права», для целей настоящего исследования. В российском праве рассматриваемая категория представляется наиболее сложной по своему содержанию, и вопросы относительно ее интерпретации остаются дискуссионными в научном сообществе. Связано это в первую очередь с тем, что законодатель на сегодняшний день не закрепляет четкую дефиницию рассматриваемого понятия, при этом, оно активно используется в правоприменении и научной литературе.

По мнению В. А. Зимина, понятие «интеллектуальные права» следует толковать в соответствии с буквальным изложением ст. 1216 ГК РФ [1, с. 8]. Трофимов В. В. в своем исследовании дает авторское определение понятию «интеллектуальные права», под которым понимает: «обеспеченные позитивным правом юридические возможности имущественного характера (исключительные) использовать / не использовать (разрешать использовать) созданные человеком результаты интеллектуальной деятельности как объекты правообладания, либо отчуждать права на такие объекты (делать уступку имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности); а также неимущественного характера, обусловленные связью с личностью создателя результатов интеллектуальной деятельности неотчуждаемые субъективные права; либо переходного характера — (иные права), сопровождаемые абсолютной правовой охраной (защитой), но в ряде случаев, предусмотренных законом, подчиняющиеся обоснованным ограничениям в интересах общества» [2, с. 3]. Полагаем, что указанное определение на сегодняшний день представляется наиболее полным и затрагивает все особенности такой категории как «интеллектуальные права», поэтому его можно использовать для определения расстраиваемого понятия как актуальное. При этом, отдельно обозначим, что отсутствие четко сформулированного определения понятия «интеллектуальные права» в законодательстве порождает проблемы в правоприменении, поэтому его необходимо зафиксировать в законодательстве, для недопущения двойственного толкования.

Интересным представляется то, что, определяя понятие «интеллектуальные права», в литературе подчеркивается абсолютная правовая охрана (защита) таких прав, при этом, указывается на наличие случаев-исключений, предусмотренных законом, когда такая правовая охрана (защита) может быть ограничена в интересах общества [3, с. 283]. Для характеристики данного тезиса, необходимо определить, что представляет собой российская система охраны интеллектуальных прав, и в каком случае абсолютная правовая охрана интеллектуальных прав может быть ограничена, с привязкой к современным реалиям, в том числе, к периоду СВО и санкционного давления.

Государством были предприняты специальные меры, направленные на защиту интеллектуальных прав российских производителей товаров, от зарубежных обладателей прав, в том числе, были введены специальные меры, например, частично введен параллельный импорт, принудительное лицензирование, при этом, следует отметить, что указанные меры применяются не в полную силу, и связано это с наличием ряда проблем правового характера. При этом, следует также отметить, что в условиях санкционного давле-

ния, Российская Федерация, успешно перенимая опыт государств-партнеров, которые также находятся под санкциями, например, идея параллельного импорта была заимствована у Ирана, который более сорока лет находится под международными санкциями, при этом, смогла приспособиться к международному давлению и усилил свои позиции на внутреннем рынке, также применяя систему параллельного импорта, которая показала свою эффективность в сфере охраны интеллектуальных прав.

Представляется важным рассмотреть применяемые государством механизмы в сложившихся условиях для охраны интеллектуальных прав.

В первую очередь, отметим, что в соответствии со ст. 1231 ГК РФ в отношении объектов интеллектуальных прав устанавливается важнейший принцип, который указывает на подтверждение действия исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации в соответствии с международными договорами РФ. При этом, государство оставило себе возможность для маневра, в случае возникновения непредвиденных ситуаций, в частности, это проявляется в том, что содержание права, его действие, ограничения, порядок осуществления и защиты определяется в соответствии с нормами ГК РФ, вне зависимости от того, какие положения включены в законодательство государства, где исключительные права возникли [4, с. 29]. Такое положение с одной стороны, признает исключительное имущественное право в отношении зарубежных правообладателей, а с другой стороны, позволяет Российской Федерации реагировать на давление, в том числе, и санкционное достаточно гибко.

Сегодня, когда давление достигло своего предела, Российская Федерация стремится сохранить баланс и не может в полной мере отказаться от охраны и защиты интеллектуальных прав авторов и правообладателей, вводя специальные механизмы для сохранения защиты интересов отечественных субъектов экономической деятельности и защиты интеллектуальных прав зарубежных правообладателей.

Параллельный импорт является одним из механизмов, который направлен на создание того самого баланса в рамках охраны интеллектуальных прав. Параллельный импорт представляет собой коммерческий ввоз товаров, которые были произведены зарубежном на территорию Российской Федерации для дальнейшего использования в коммерческих целях (продажи). Для легального ввоза товаров на территорию Российской Федерации необходимо пройти ряд таможенных процедур, в том числе, ввозимые товары должны соответствовать установленным законодательством требованиям, для исключения ввоза контрафактных товаров, и контрабанды. При этом, законодатель установил и правила в отношении реализации интеллектуальных прав в рамках ввоза товара на территорию государства, в частности, установив специальный реестр (ТРОИС), включающий возможность внесения записи о интеллектуальных правах, для приостановки выпуска товаров таможенными органами и последующей защиты своих прав и интересов. В том случае, если запись в реестре отсутствовала, таможенные органы направляли запрос правообладателю, что также выступало механизмом защиты его интеллектуальных прав. В современных реалиях был сформирован

параллельный импорт, который представляет возможность легально импортировать товар на территорию РФ, на который распространяются интеллектуальные права, однако, без наличия прямого на то разрешения со стороны правообладателя. В условиях начала применения санкционного давления на государство (2014 год) были введены изменены действующие законодательные механизмы, например, Федеральным законом от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения, в ст. 1259 ГК РФ, и п. 6 рассматриваемой статьи был дополнен возможностью введения в гражданский оборот товаров без разрешения патентообладателя. Еще большая легализация параллельного импорта была связана с принятием Постановления Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ», в которому устанавливалась возможность правообладателя использовать свое исключительное прав недобросовестно. Для противодействия санкционному давлению в сфере интеллектуальных прав, в 2022 году был принят Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым до 2025 года Правительство РФ имеет право на принятия ряда решений, касающихся исключительных прав, в том числе, право на установление перечня товаров. Использование которых без разрешения правообладателя не является нарушением в области интеллектуальных прав.

Таким образом, параллельный импорт на сегодняшний день выступает в качестве одного из механизмов, направленных на охрану интеллектуальных прав в рамках беспрецедентного давления со стороны международного сообщества на государство.

Еще одним актуальным механизмом для охраны интеллектуальных прав в сложившихся условиях является принудительное лицензирование. Сущность принудительной лицензии закрепляется в норме ст. 1239 ГК РФ, и в соответствии с ней, по требованию заинтересованного лица, суд может принять решение о представлении такому лицу права использования интеллектуальной деятельности, право на которое принадлежит иному лицу.

Важно отметить, что механизм принудительного лицензирования устанавливается в отношении изобретения, полезной модели, промышленного образца, селекционное достижение, однако, конечный механизм утверждается судом, а в случае крайней необходимости в определенных законодателем ситуациях Правительство РФ принимает решение об использовании интеллектуальных прав без согласия патентообладателя, с обязательным его уведомлением и выплатой соразмерной компенсации. При этом, если рассматривать судебную практику, то можно говорить о том, что такой механизм охраны интеллектуального прав как принудительная лицензия в правоприменения во-первых, был введен еще до формального закрепления специальной нормы, и внесения изменений в законодательство, а во-вторых, мо-

жет основываться на нормативно-правовых актах Правительства РФ, например, на основании распоряжения Правительства РФ судом была выдана принудительная лицензия в пользу «Р-Фарм» на лекарственный препарат от COVID-19 , патенты на который принадлежат компании «GILEAD» [5, с. 38].

То есть, очевидно, что в Российской Федерации в связи с наличием санкционного давления была сформирована гибкая нормативно-правовая основа охраны интеллектуальных прав, которая быстро реагирует на внешние потрясения и способна дать им отпор для стабильного функционирования внутри государства.

Фактически, в настоящее время для противодействия санкционному давлению со стороны международного сообщества в рамках охраны интеллектуальных прав, Российская Федерация применяет два основных механизма — параллельный импорт и принудительная лицензия. При этом, можно отметить и проблемы, возникающие при правовой регламентации таких мер, в частности, они подвержены динамичному изменению, не систематизированы, полагаем, что такая проблема связана с тем, что государство считает такие меры временными, и рассчитывает на дальнейшее снижение давления. Кроме того, проблемой остается и отсутствие регламентации механизмов защиты правообладателей из иностранных государств, что в целом, делает не привлекательным для иностранных правообладателей вхождение на российский рынок. При этом, можно говорить и о том, что сложившаяся система охраны интеллектуальных прав представляется как дискриминационная в отношении зарубежных правообладателей. Из положительных аспектов можно выделить то, что государство достаточным образом охраняет интеллектуальные права внутри государства, а также принятие рассматриваемых мер в полной мере удовлетворяет потребности общества. Полагаем, что необходимо на законодательном уровне, во-первых, систематизировать действующее законодательство в отношении охраны интеллектуальных прав, с обязательным определением понятия «интеллектуальные права», а также сформировать постоянную систему охраны интеллектуальных прав, которая сможет учесть интересы всех сторон при возникновении правоотношений в сфере интеллектуальных прав.

Таким образом, в настоящее время можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации выстроена гибкая нормативно-правовая основа для охраны интеллектуальных прав, которая позволяет быстро перестроиться с учетом возникшего давления и сложностей, при этом, можно отметить, что механизмы не являются до конца проработанными на законодательном уровне, что также носит проблемный характер.

Список источников

1. Зимин, В. А. Правовая природа интеллектуальных прав по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2015. 24 с.

2. Трофимов, В. В. Интеллектуальные права как объект гражданского оборота. Научно-теоретический опыт определения понятия // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2020. № 2 (28). С. 1-10.

3. Толстова, А. Е., Бахтамова, Н. Г. Некоторые вопросы правового регулирования ответственности за нарушение авторских и смежных прав в сети интернет // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 4 (24). С. 282-285.

4. Волков, А. Т., Пономарева, Н. Г., Рожкова, Е. И. Принудительное лицензирование и импортозамещение на примере фармацевтической отрасли // ИС. Промышленная собственность. 2024. № 2. С. 27-34.

5. Борисова, Л. В. О реализации в России идеи принудительного лицензирования объектов авторских и смежных прав // Юрист. 2024. № 8. С. 36-40.

УДК 347.122

Жданов Егор Иванович
курсант 3 курса юридического факультета
(Санкт-Петербургский Университет Федеральной службы исполнения наказаний)
E-mail: egor.zdanow2004@gmail.com

Zhdanov Egor Ivanovich
3rd year cadet of the Faculty of Law
(St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service)
E-mail: egor.zdanow2004@gmail.com

Новичкова Юлия Геннадьевна
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
(Санкт-Петербургский Университет Федеральной службы исполнения наказаний)

Novichkova Julia Genadyevna
Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines
(St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

LEGAL REGULATION OF THE CIVIL CIRCULATION OF INFORMATION AS AN OBJECT OF CIVIL LAW

Современное постиндустриальное общество XXI века также можно охарактеризовать как информационное поскольку именно информация является основным фактором производства. Информационные отношения не стоят на месте и постоянно развиваются тем самым пронизывают все сферы деятельности человека. Не стоит забывать и гражданские правоотношения, где информация также выступает в качестве их объекта. Информационные отношения урегулированы государством посредством закона это непосредственно подчёркивает важность информации в современном обществе. Несмотря на это нельзя с полной уверенностью заявить о том, что информационные правоотношения полностью урегулированы. Остаётся все также

большой спектр вопросов касающихся информационных правоотношений, в частности, это вопросы правового режима информации или её передачи в силу определённых договоров. И естественно всегда будут возникать разбирательства по поводу авторского права и его защиты.

Ключевые слова: информация, объект гражданского права, защита информации, научные теории, интеллектуальная собственность, нематериальные блага.

The modern post-industrial society of the 21st century can also be described as informational, since it is information that is the main factor of production. Information relations do not stand still and are constantly developing, thus permeating all spheres of human activity. Do not forget about civil law relations, where information also acts as their object. Information relations are regulated by the state through the law, which directly emphasizes the importance of information in modern society. Despite this, it is impossible to state with full confidence that information legal relations are fully regulated. There is still a wide range of issues related to information relations, in particular, the legal regime of information or its transfer by virtue of certain contracts. And naturally, there will always be proceedings regarding copyright and its protection.

Keywords: information, object of civil law, information protection, scientific theories, intellectual property, intangible assets.

Главная проблема сосредоточена в том, что информация очень уникальный объект гражданских правоотношений, который обладает рядом особенностей. У данного объекта нет аналогов по сравнению с другими объектами гражданского права и поэтому она требует отдельный спектр инструментов и механизмов ее регулирования. Об этой проблеме говорил такой исследователь как А. П. Сергеев, «проблема, однако, состоит в том, как создать соответствующий правовой механизм, не прибегая к коренной ломке сложившихся правовых институтов и не ставя препятствий для развития научно-технического прогресса. Пока попытки отдельных ученых и законодателей решить эту проблему какими-либо значительными успехами не увенчались» [1]. Исходя из вышеперечисленного представляется необходимым комплексного исследования информации как объекта гражданского права.

Для того чтобы разобраться в сущности информации в гражданском праве следует узнать, что под ней вообще понимается в качестве объекта гражданского права. Исследуя исторический аспект данного понятие можно узнать, что гражданский кодекс РФ (далее ГК РФ) в редакции 1995 года выделял информацию как самостоятельный объект гражданских прав. Однако в 2008 году «информация» была исключена из статьи 128 сделано это было законодателем из-за введения в действие части четвертой ГК РФ. П. В. Крашенинников объяснял данный шаг тем, что объектом является только информация, подпадающая под признаки секрета производства (ноу-хау) и относящаяся к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности [2]. Далее подробнее раскрыла смысл А. Г. Тухватулина, они говорила о стира-

нии границ между информацией и результатами интеллектуальной деятельности, «…что, собственно, и стало причиной исключения информации из перечня объектов гражданских прав» [3]. Исходя из этого можно сделать вывод, что информация может получить правовую защиту, если она будет относится к какому-либо объекту гражданского права перечисленные в статье 128 ГК РФ.

Сейчас же информация как объект гражданского права непосредственно в гражданском кодексе не указана, однако в как объект она выделяется в статье 5 федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В этом же законе можно найти и определение, а именно в статье 2 под информацией понимается «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Однако в науке гражданского права имеется различное количество трактовок к пониманию термина «информация».

Так исследователи данного понятия имеют свои основополагающие начала, что должно быть характерно для термина «информация». Одна из групп исследователей отмечали, что информация входит в объект гражданского прав и договорных отношений. Как отмечают учёные, информация имеет связь с товаром или же вещью, что предполагается распространить на информацию все нормы об объектах вещного права. В частности, за данную позицию выступает И. Л. Бачило, которая рассматривает информацию в качестве материального объекта (с отнесением её к категории вещей) и предлагает распространить на неё право вещной собственности [4]. Г. А. Лобанов предполагал, что информация есть не что иное, как товар, который может быть объектом договора купли-продажи [4]. Из слов О. Ю. Сидоровой можно также узнать, что информация имеет определённые отличительные свойства вещи, а именно качество, физическая отчуждаемость, обособленность и другими признаками. Она также делает акцент на том, что информация обладает свойствами гражданско-правового характера, то есть может вовлекаться в гражданский оборот, иметь стоимость, а также приносить доход. Автор также учитывает и то что информация может быть объектом различного рода гражданско-правовых сделок, будь то договора купли-продажи, мены, дарения и другие.

Некоторые авторы из этой группы также отмечают, что как только информация приобретает экономическую ценность, она становится имуществом, а значит и объектом гражданских прав, поскольку ст. 128 ГК РФ относит к числу таких объектов всякое имущество, перечень которого в статье является открытым [5].

Но как нам кажется данная теория хоть и имеет свои существенные признаки, что непосредственно показывает ее структурность и целостность у этой теории имеется определённая критика. Ряд ученых подвергли эту теории критике тем, что есть невозможность осуществления ряда способов защиты, которые указаны в статье 12 ГК РФ.

Так А. Н. Латыев говорит о невозможности восстановить положение, которое существовало до нарушение прав, связанных с информацией: доступ к информации восстановить возможно, но ни при каких обстоятельствах

невозможно стереть ее из памяти лица, получившего к ней несанкционированный доступ [6]. Он приходит к выводу, что единственным успешным способом защиты нарушенных прав будет является возмещение понесенных убытков.

Проблема данной теории также кроется и в реализации прав владельца информации как вещью, а именно право владения, пользования и распоряжения имуществом. В связи с чем данная теория хоть и нашла свое место в научной доктрине, но на практике бы не смогла реализовать себя.

Вторая группа исследователей сошлись в том, что они информацию относят к интеллектуальной собственности. Так оно и есть, кажется, что информация имеет много общего от того что она нематериальна по природе, однако также воплощается на материальном носителе. Тут также можно упомянуть мыслительный процесс из которого рождается информация. И завершением является личность субъекта, с которым все это связано.

Данной теории придерживается ряд ученых к ним обычно относят А. П. Сергеева, В. О. Пучкова, А. А. Инюшкина и других. В. О. Пучков считает, что информация не может являться самостоятельным объектом и поэтому ее следует относить к результатам интеллектуальной деятельности. Один из учёных, а именно С. П. Гришаев, считает, что информация получает правовую защиту только если она будет относится к секретам производства (ноу-хау), где правовой режим установлен в ч. IV ГК РФ. Он также отмечает, что информация вовлекается в коммерческий оборот только при условии ее коммерческой ценности [7].

Однако в научном сообществе попытка признать информацию приравненной к ноу-хау не нашла большой поддержки. Вызвано это тем что у субъекта есть различия правомочий на ноу-хау и конкретно на информацию. А также в следствии этого появляются различия по передаче другому лицу

У этой теории также не все гладко, как и у теории выше. Негативной оценкой об этой теории поделился В. А. Дозорцев, он не признает отнесение информации к интеллектуальной собственности и в частности к авторскому праву. Он высказывал, что информация хотя и содержится в произведениях, охраняемых авторских правом, сама по себе ещё не является таковым, поскольку не обладает характерными для произведения признаками, в частности, творческим началом. Кроме этого, авторское право охраняет форму, а не содержание произведения, в то время как для защиты персональных данных имеет значение именно содержание (ФИО лиц, конкретные вкусовые предпочтения, конкретные геолокации и т.п.) [8].

Третья группа учёных высказывают тезис о том, что информация выступает в качестве объекта гражданских прав только если выступает на материальном носителе. Этого мнения придерживается О. А. Городов, он также отмечает, что у информации товарными свойствами обладают два элемента: сам носитель и зафиксированные на нем сведения [3]. На материальный носитель обращает внимание и Е. Н. Насонова. Е. М. Косьяненко имеет похожую позицию, однако как она считает, что информация может быть объектом гражданского права после объективизации ее человеком, осуществленной под воздействием данной воспринятой им информации, либо после фик-

сации её на каком-либо носителе [9]. Она также предлагает ввести в оборот такое понятие как «информационное благо», которая объединяла бы в себе все объекты, имеющие схожую природу с информацией.

Но и эта научная теория имеет справедливую критику. Исследователи считают, что данная теория не целесообразна, так как объектом должна быть сама информация, а не материальный носитель. Подкрепляется это тем, что носитель самостоятельностью не обладает без информации на ней в связи с этим она и не может входить в объект правоотношений.

Некоторые же информацию относят к числу цифровых данных, а именно это следует из содержания определения. Цифровые данные - это информация, представленная в цифровой форме (в виде числового кода, который обеспечивает возможность ее обработки компьютером) [10]. Их статус также неопределен как и статус информации, однако они содержаться в ст. 128 объектах в гражданском кодексе. В России также в связи с этим разработаны закон «О цифровых правах». он непосредственно расширяет перечень объектом гражданского права. Хотя и они имеют критику по поводу их защиты, но они непосредственно неким образом определены и в связи с этим более прочны чем понятие “информация”.

Крайняя группа ученых определяет информацию к роду нематериальных благ, однако должно соблюдаться условие, что она не является общедоступной. Последователи данного подхода в качестве опоры своей концепции указывают на признаки информации, которые имеют большую схожесть с признаками нематериальных благ. Именно В. М. Богданов отмечает, что выделение информации в качестве объекта гражданского оборота сопряжено с наличием у неё характерных признаков: ограниченного доступа и необщеизвестности [11].

Все перечисленные мнения имеют свои места в научной доктрине, они прямо показывают нам, что информацию исключили из состава статьи 128 ГК РФ не просто так. Такое количество научных мнений об информации вносит определенные неразбериху, и если она войдёт в состав статьи 128 ГК РФ это усложнит гражданский оборот. В научном сообществе все чаще звучат идеи о возвращении информации в состав объектов гражданского права, однако это недопустимо по нескольким обстоятельствам.

Исходя из мнений ученых выше можно сказать, что сама по себе информация самостоятельностью не обладает и поэтому не может быть выдела в состав статьи 128 ГК РФ. Следовательно, из этого информация не имеет правового режима, банально без него внесения ее в состав объектов гражданских правоотношений не имеет смысла. А если и будут попытки создать некий правовой режим, то он может вызвать сложности и правовые коллизии.

В научной литературе не раз высказывали позицию, что информация может выступать в качестве объекта в виде нематериального блага или результатов интеллектуальной деятельности. Так информация относится в качестве нематериальных благ в виде охраны чести и достоинства личности, имени человека и др. В целом большинство из перечисленных в статье 150 ГК РФ нематериальных благ вполне могут быть квалифицированы как ин-

формация. При рассмотрении информации как результата интеллектуальной деятельности она будет представляться как сведения о том или ином ноу-хау. Следовательно, можно прийти к выводу, что не может быть установлен общий правовой режим, который бы подходил к каждой форме информации перечисленной выше.

Подводя итог размышлениям можно сделать следующий вывод о информации. Информация представляет собой благо, которое обладает определённым носителем, и может участвовать в гражданском обороте, становясь объектом гражданских правоотношений. Она также имеет механизмы защиты от неправомерного использования. Все эти характеристики в совокупности определяют информацию как объект гражданского права. Хотя данный вопрос все еще остаётся дискуссионным в научном сообществе и не определен нормативно.

Список источников

1. Мэггс, Питер Б. Интеллектуальная собственность / П. Б. Мэггс, А. П. Сергеев ; [пер. с англ. Л. А. Нежинской] //. Москва : Юристъ, 2000. – С. 396
2. «Объекты гражданских прав: Постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации» / под ред. П. В. Крашенинникова. – Москва : «Статут», 2009. – С. 224
3. ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ А. Г. Тухватулина Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. – 2020. – № 2 (17) – С. 245-250.
4. Кресс В. В. «Информация как объект гражданских прав» // «Актуальные проблемы российского права». – 2024. – Т. 19. – № 5. – С. 30–40.
5. Рожкова М. А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве // Закон.ру. – 2018.
6. Латыев, Александр Николаевич. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима : дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2004. – С. 211.
7. Гришаев С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «КонсультантПлюс», 2015.
8. Право в сфере Интернета: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М. А. Рожкова. – М.: Статут, 2018. – 528 с. – (Анализ современного права).
9. Косьяненко, Елена Михайловна. Информация как гражданско-правовая категория: дис. кандидата юридических наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. – Екатеринбург, 2009. – С. 180.
10. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: автореферат дис. на соиск. уч. степ. кандидата юридических наук: специальность / Мефодьева Кристина

Александровна; [Место защиты: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ]. — Москва, 2019. – С. 28.

11. Богданов, Василий Михайлович. Информация как объект гражданских прав : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03. – Екатеринбург, 2005. – С. 187.

УДК 347.51

Жук Ольга Анатольевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Zhuk Olga Anatolyevna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

УСЛОВИЯ И ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ И ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ВОЗРАСТЕ ОТ 14 ДО 18 ЛЕТ

CONDITIONS AND LIMITS OF LIABILITY OF PARENTS AND LEGAL REPRESENTATIVES OF MINORS AGED 14 TO 18

В статье рассмотрен вопрос об определении должника при причинении вреда несовершеннолетними от 14 до 18 лет. На основе доктринальных источников и правоприменительной практики обоснована целесообразность субсидиарной ответственности законных представителей несовершеннолетних от 14 до 18 лет.

Ключевые слова: деликтное обязательство, причиненный вред, несовершеннолетний, возмещение вреда, субсидиарная ответственность, родители.

The article discusses the issue of determining the debtor in case of harm caused by minors from 14 to 18 years old. On the basis of doctrinal sources and law enforcement practice, the purpose of subsidiary liability of legal representatives of minors from 14 to 18 years old is substantiated.

Keywords: tort liability, damage caused, minor, compensation for damage, subsidiary liability, parents.

За вред, причиненный малолетними детьми, родители отвечают в полном объеме, поскольку малолетние сами не способны нести ответственность. За причинение вреда несовершеннолетними детьми в возрасте от 14 до 18 лет, которые уже могут отвечать самостоятельно, родители несут только дополнительную ответственность, которая наступает при отсутствии у детей имущества или заработка, достаточного для возмещения вреда, в той части ущерба, в которую сам несовершеннолетний не в состоянии возместить (ст. 1074 ГК РФ).

Субсидиарный характер ответственности родителей, в том виде каком он устанавливается в положениях ст. 1074 ГК РФ, был впервые закреплен ст.

451 ГК РСФСР 1964 г. Ранее, до 1950 года, в соответствии с указанием Пленума Верховного суда СССР от 10.06.1943 «О судебной практике по искам из причинения вреда» применялась солидарная ответственность родителей и несовершеннолетних. После принятия Постановления Пленума Верховного суда СССР от 03.03.1950, в п. 3 которого было сказано, что имущественная ответственность родителей, будучи дополнительной, наступает в случае, если у несовершеннолетнего нет достаточных средств для возмещения вреда, суды стали применять этот новый вид ответственности. Однако как отмечается в литературе, вышеуказанное постановление Пленума не внесло единства в судебную практику. Одни суды по-прежнему шли по пути солидарной ответственности родителей и детей, другие же, хотя и признавали ответственность родителей субсидиарной, но в применении ее на практике допускали ошибки [1, с. 7-8].

В науке также не было единого мнения в отношении оценки характера ответственности родителей и несовершеннолетних, за вред причиненный последними. Существование противоположных мнений о характере ответственности родителей не было случайным, оно было вызвано несовершенством законодательства, которое не определило основные начала этой ответственности, не указало порядка ее применения. Затем, однако, более четкие положения, определившие основные начала ответственности родителей, и порядок ее применения был закреплен в ГК РСФСР 1964 г.

Представляется, что сочетание ответственности детей как основной, и родителей как дополнительной в наибольшей степени содействуют выполнению задач профилактики правонарушений несовершеннолетних, поскольку позволяет воздействовать, в первую очередь, на самих несовершеннолетних причинителей вреда.

Для того чтобы имущественная ответственность родителей за поведение детей была эффективной, необходимо учитывать возрастные особенности несовершеннолетних. Так, характерной чертой несовершеннолетних в возрасте 14-18 лет является их стремление к самостоятельности, к самоутверждению. Подростки по развитию своего сознания уже способны в определенной мере понять общественное значение причиняемого вреда и осознать ту отрицательную оценку, которую дает общество их поведению. В это время подвергается также изменению общественное положение несовершеннолетнего, он уже старшеклассник, возможно студент техникума, он может быть уже трудящимся, либо заниматься предпринимательской деятельностью. В определенной мере многие из несовершеннолетних независимы и в имущественном отношении. Изменения в общественном положении детей способствуют интенсивному формированию их характера, ускоряют процессы самосознания, что создает реальную возможность лично возмещать нанесенный вред.

Педагоги отмечают, что дети являются не только объектами, но и субъектами воспитания. Следует отметить, что несовершеннолетние дети являются такими субъектами в гораздо большей степени, чем малолетние. Чем старше становится дети, чем более развито у них сознание и воля, тем больше они становится самостоятельными в своих поступках и тем меньше

значение воспитательной деятельности родителей [2, с. 4]. В связи с чем, считаем оправданным превращение ответственности родителей из полной в дополнительную. Когда с возрастом детей уменьшается роль воспитания и надзора как средства предупреждения причинения детьми вреда, естественно, должна уменьшаться и степень ответственности родителей за его возникновение.

Представляется, что дополнительная имущественная ответственность родителей как раз служит выражением такого уменьшения, так как она зависит от ответственности детей, может наступить только вместе с нею и, кроме того, обусловлена отсутствием у несовершеннолетних достаточных для возмещения ущерба средств.

Следует отметить, однако, что возраст детей от 14 до 18 лет является переломным в развитии детей. В это время не только интенсивно формируется характер человека, но и складывается и его мировоззрение. Ни в волевом, ни в моральном отношении юноши и девушки в большинстве своем не закалены. Поэтому нравственное влияние родителей должно помочь формированию мировоззрения подростков, их поведения в обществе. Этим объясняется необходимость сохранения на данном этапе ответственности родителей, деятельность которых по воспитанию детей и полностью еще не утратила своего значения в качестве средства предупреждения их правонарушений [3, с. 32].

Солидарная ответственность построена на других принципах. Данный вид ответственности означал бы, что дети и родители несут равную ответственность, и ущерб вообще может быть взыскан с родителей или только с детей. Представляется, что при солидарной ответственности исчезает упор на первоочередность возмещения вреда детьми, чем значительно ослабляется ее воспитательное воздействие. Кроме того, поскольку весь ущерб может быть взыскан с любого обязанного лица, теряется индивидуальная направленность ответственности. В этом случае решение вопроса о том, с кого производить возмещение, с несовершеннолетнего или с родителей, зависит по существу от случайных обстоятельств – от того, с кого легче получить. Неудивительно, что при таком положении сами несовершеннолетние зачастую уходят от ответственности за правонарушения, так как родители, как правило, лучше обеспечены.

Таким образом, в соответствии со ст. 1074 ГК РФ на родителей (усыновителей) или попечителей несовершеннолетнего может быть возложена обязанность по возмещению полностью или в недостающей части вреда при наличии двух условий:

1) отсутствие у несовершеннолетнего доходов или иного имущества, достаточного для возмещения вреда;

2) вина родителей (усыновителей) или попечителей в возникновении вреда. Суд не вправе возложить обязанность по возмещению вреда при отсутствии родителей на родственника несовершеннолетнего, проживающего вместе с несовершеннолетним, но не являющегося его попечителем. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 13.07.1992 указывалось, что не может быть возложена ответственность за материальный вред, причиненный несо-

вершеннолетним Романенко на его тетю Богданову, которая не является его попечителем [4, с. 71].

В судебных решениях часто указывается более на наличие первого условия возложения ответственности на родителей (попечителей) – отсутствие собственного имущества достаточного для возмещения вреда. Представляется, что судам необходимо указывать на вину родителей при вынесении решения о возложении на них субсидиарной ответственности за вред причиненных их несовершеннолетними детьми (подопечными).

Так, при решении вопроса о возложении на родителей имущественной ответственности за вред, причиненный совершением несовершеннолетними преступления указывалось не только на то, что эти несовершеннолетние не имеют имущества достаточного для возмещения вреда, но и на то, что суд выявил вину родителей, которая выразилась в том, что «они недостаточно занимались воспитанием, их дети бесконтрольно проводили время вне дома и употребляли спиртные напитки, это и привело к совершению тяжкого преступления».

Следует отметить, что в первую очередь, об ответственности родителей говориться только в случае отсутствия достаточного имущества у несовершеннолетних после того, как вопрос относительно возложения ответственности на несовершеннолетнего уже решен положительно. Такая редакция ст. 1074 ГК РФ не оставляет сомнения в сопроводительном характере ответственности родителей, что выгодно отличает от действовавших, например, ранее еще в ГК РСФСР 1922 г. положений об ответственности родителей вместе (наряду) с детьми, вследствие чего можно было предполагать, что родители способны отвечать за вред единолично, независимо от привлечения к ответственности детей. В настоящее время субсидиарный порядок ответственности родителей, попечителей не вызывает критики и принимается практически всеми, как наиболее приемлемый.

Несколько иначе регламентирует абз. 2 п. 2 ст. 1074 ГК РФ обязанности по возмещению вреда, причиненного подростком, лишившимся родительского попечения, а потому находящимся на полном государственном попечении одного из детских учреждений, наделенных обязанностью возместить причиненный воспитанником вред. При этом, отсутствие у него достаточных для возмещения средств лишь презюмируется. Однако предоставление этому учреждению возможности возместить вред не только полностью, но и частично дает основание думать, что и воспитанник принимает участие в расходах. В противном случае появятся предпосылки для полной безнаказанности причинителя вреда, что не способствует его правильному воспитанию [5, с. 49]. Что же касается возможности учреждения доказать свою невиновность, то она определяется правилами, сформулированными п. 1 ст. 1073 ГК РФ. Однако если при причинении вреда малолетним о его вине говорить не приходится вовсе, то вина подростка как причинителя вреда не может не приниматься во внимание. Мало того, его самостоятельность в действиях и поступках, нанесших вред, несомненно, влияет на его ответственность за происшедшее. Поэтому при наличии ярко выраженной вины причинителя вреда – воспитанника одного из детских учреждений, заменив-

шего ему семью, которому 14 лет и более, позволителен вывод об отсутствии вины этого учреждения.

Поскольку несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет обладают достаточной самостоятельностью, ГК РФ специально не выделяет надзор за ними в качестве отдельного и самостоятельного основания для возложения ответственности за причиненный ими вред в стенах детского учреждения любого профиля.

Субсидиарную ответственность за несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет несут оба родителя по принципу равной долевой ответственности независимо от того, живут они совместно либо нет. Кроме того положения ст. 1075 ГК РФ об ответственности родителей, лишенных родительских прав, за вред причиненный несовершеннолетними распространяется и в случаях несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет.

Таким образом, родители, утрачивая семейные связи, сохраняют гражданско-правовую ответственность за свои неправомерные действия и вину, выразившиеся в ненадлежащем выполнении ими своих родительских обязанностей.

Особый смысл при возмещении вреда, причиненного подростком – воспитанником детского учреждения, приобретает возможность этого учреждения предъявить регрессный иск к лицу, чьей непосредственной и профессиональной обязанностью является воспитание несовершеннолетнего (педагогу, воспитателю и пр.). Но здесь действует правило, предусмотренное п. 4 ст. 1081 ГК РФ, исключающее предъявление регрессного иска к причинителю.

В соответствии со ч. 4 ст. 1081 ГК РФ родители и попечители право регрессного требования к лицам, причинившим вред (своим детям, подопечным) не имеют. Прекращается обязанность возмещения ущерба, причиненного подопечными по достижении последними совершеннолетия, а также в случае вступления в брак до 18-летнего возраста, либо в случае эмансипации (ч. 3 ст. 1074 ГК РФ).

Список источников

1. Храпунова, Е. А. Субсидиарная ответственность в гражданском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. 26 с.

2. Краснова, О. В. Некоторые психологические аспекты стремительного роста детской преступности и пути их решения // Юридическая психология. 2006. № 3. С. 3-6.

3. Черновол, И. В. Возмещение ущерба, причиненного преступлением // Законность. 2010. № 6. С. 32-34.

4. Толстова, А. Е., Лукьянова, Н. Г. Некоторые проблемы, возникающие при определении субъектного состава деликтных обязательств // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 4 (33). С. 70-74.

5. Беспалов, Ю. Ф., Якушев, П. А. Внедоговорные обязательства с участием ребенка: материально-правовые и процессуально-правовые аспекты: монография. Москва: Проспект, 2011. 152 с.

УДК 347.611

Игнатова Наталья Александровна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: natalia.bakirova@mail.ru

Ignatova Natalia Alexandrovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: natalia.bakirova@mail.ru

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ

THE CONCEPT AND CONTENT OF PROPERTY RELATIONS BETWEEN SPOUSES

В статье дана характеристика имущественным правоотношениям супругов. Дано определение понятию имущественных правоотношений супругов. Выделены квалифицирующие признаки имущественных отношений супругов, в частности. Определена правовая природа института имущественных правоотношений супругов. Обосновано, что содержание имущественных правоотношений супругов определяется совокупностью двух элементов, а именно: отношениями по поводу совместно нажитого имущества и исполнением (реализацией) супругами имущественных обязательств по отношению друг к другу.

Ключевые слова: семейные отношения, супруги, имущественные отношения, отношения по поводу имущества, отношения по поводу содержания, брачный договор.

The article describes the property relations of the spouses. The definition of the concept of property relations of spouses is given. The qualifying features of the property relations of the spouses are highlighted, in particular. The legal nature of the institution of property relations between spouses has been determined. It is proved that the content of the property relations of the spouses is determined by a combination of two elements, namely: the relationship regarding jointly acquired property and the fulfillment (realization) of property obligations by the spouses towards each other.

Keywords: family relations, spouses, property relations, property relations, maintenance relations, prenuptial agreement.

Имущественные правоотношения супругов – один из центральных элементов отношений, складывающихся в браке. Обоснованность данного тезиса подтверждается на законодательном и правоприменительном уровне.

Так, на уровне законодательного регулирования закреплено множество механизмов, позволяющих супругам регулировать имущественные правоотношения друг с другом. Разработчики Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (далее – СК РФ), а также ГК РФ уделили данному вопросу весьма существенное внимание.

При всей востребованности и актуальности имущественных правоотношений супругов, до сих пор отсутствует ясность в вопросах определения их понятия и содержания. Законодательством данный вопрос не урегулирован. Это, в свою очередь, дает основания для возникновения различных подходов. Как отмечает Л. А. Сербина «к сегодняшнему дню имеется большое количество подходов к определению понятия, сущности и содержания имущественных правоотношений супругов. Это, безусловно, положительный момент, поскольку практически в любой сфере плюрализм мнений не может не приветствоваться. Вместе с тем, сложно не заметить, что за всем множеством подходов скрывается факт отсутствия системности: единое или хотя бы стержневое понимание вопроса до сих пор не выработано, что детерминирует возникновение различных спорных ситуаций, напрямую не урегулированных законом» [1, с. 41].

Далее рассмотрим основные теоретические подходы к определению понятия и сущности имущественных отношений супругов.

Шакирова М. Л. имущественными отношениями признает семейные отношения, которые возникают между членами одной семьи относительно их общего имущества [2, с. 94]. С данным подходом не соглашается Д. А. Воскресенский, отмечая, что категория «имущество» понимается в семейном и гражданском законодательстве по-разному [3, с. 132]. В свою очередь, О. В. Кузнецова пишет о том, что для определения понятия и сущности имущественных отношений супругов не имеет значение, что в конечном итоге понимается под категорией «имущество» [4, с. 49].

Рассматривая сложившуюся дискуссию, хотелось бы отметить следующее.

С одной стороны, на наш взгляд, позиция О. В. Кузнецовой верная, поскольку при определении понятия имущественных отношений супругов, действительно, не имеет значение вопрос понимания имущества. В конечном итоге, даже при частных различиях, полагаем, общая суть гражданско-правового и семейно-правового подходов к определению понятия «имущество» идентичная.

С другой стороны, предложенный М. Л. Шакировой подход, все же, не может быть нами признан в качестве верного. Основным недостатком данного подхода видится его неполнота. На наш взгляд, имущественные правоотношения супругов распространяются за пределы вопросов их общего имущества, по своему объему более широкие, нежели владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов.

Шевчук С. С. предлагает под семейными правоотношениями супругов понимать те отношения, которые возникают по поводу их совместно нажитого имущества, а также взаимного исполнения соответствующих имущественных обязательств [5, с. 91].

На наш взгляд, предлагаемый автором подход — более верный. Преимуществом данного подхода видится более широкий состав имущественных правоотношений супругов. В частности, помимо общего имущества, по мнению С. С. Шевчук, имущественные правоотношения супругов включают в себя отношения по поводу исполнения ими соответствующих

имущественных обязательств. Следует признать достаточно широким спектр возможных обязательств, которые исполняются и реализуются в рамках института общественных отношений супругов. Это: обязательства по взаимному содержанию друг друга, алиментные обязательства и некоторые другие.

Важнейшим вопросом определения понятия и сущности имущественных отношений супругов видится установление полного состава их признаков. В научной литературе неоднократно подходили к разрешению данного вопроса [6, с. 89]. Проанализировав мнения представителей научного сообщества, можем представить следующую совокупность признаков семейных правоотношений.

Прежде всего, семейные правоотношения носят правовой характер. Это предполагает урегулированность данных правоотношений нормами соответствующих правовых актов. Безусловно, конечные решения по урегулированию семейных правоотношений принимают супруги. Вместе с тем, действовать супруги могут в ограниченных нормами рамках. Таким образом законодательно обеспечиваются гарантии законности имущественных правоотношений супругов. Ярким примером «работы» таких гарантий является процедура признания брачного договора недействительным. С одной стороны, законодатель указал на свободу выбора супругов при определении содержания брачного договора. С другой стороны, предусмотрел основания для признания брачного договора недействительным – в случае постановки одного из супругов в заведомо невыгодное положение.

Второй признак имущественных правоотношений супругов – особый (усеченный) характер субъектного состава. В отличии от многих других имущественных отношений, рассматриваемые складываются исключительно между двумя субъектами – супругами.

Третий признак имущественных правоотношений супругов – полная определенность изначального момента их возникновения. В качестве такого момента выступает конкретный юридический факт, а именно заключение брака.

Четвертый признак имущественных правоотношений супругов – непрерывный характер. Начав складываться с момента заключения брака, рассматриваемые правоотношения не перестают действовать даже после его расторжения (например, в случае реализации алиментных обязательств).

Перечисленные признаки составляют общий состав имущественных правоотношений супругов, свойственны для них по признанию большинства ученых, исследующих данный вопрос. Вместе с тем, заслуживает внимания точка зрения С. П. Денисюк, считающей, что имущественные правоотношения супругов характеризуются еще двумя дополнительными признаками, а именно: передаваемостью и особым ценностным характером [7, с. 48]. Что касается передаваемости, то тут следует говорить о возможности права становиться предметом сделок (то есть права имущественного характера имеют свои собственные особенности, что отличает их четко от прав неимущественного характера). Ценность, в свою очередь, обеспечивает привлекательность определенных прав и возможностей, которые ценность дают своему владельцу.

В рамках темы исследования, считаем целесообразным затронуть вопрос определения правовой природы института имущественных правоотношений супругов. Следует отметить, что в научном сообществе по данному вопросу не сложилось единого мнения.

Часть авторов полагает, что имущественные правоотношения супругов носят исключительно гражданско-правовую природу [8, с. 102]. В пользу данной позиции авторами приводятся следующие обоснования:

1. Изначальным правовым источником возникновения института имущественных правоотношений супругов стало гражданское законодательство;

2. В гражданском законодательстве имеется ряд норм, регламентирующих имущественные правоотношения супругов;

3. Основные элементы имущественных правоотношений супругов – это, прежде всего, гражданско-правовые деликты.

Другие авторы, напротив, считают, что имущественные правоотношения супругов обладают семейно-правовой природой. Например, А. М. Нечаева пишет о том, что «в случае имущественных правоотношений супругов речь идет не о гражданско-правовых отношениях, а о весьма своеобразных, основанных на личных отношениях, договоренностях и режимах относительно судьбы их имущества. И такие отношения напрямую связаны с браком» [9, с. 115]. Аналогичным образом рассуждают и некоторые другие авторы [10, с. 74].

Имеется и промежуточный подход. Его авторы, с одной стороны, признают изначальную гражданско-правовую природу имущественных правоотношений супругов, но с другой стороны, не отрицают специфичного характера данного института, что проявляется в особом содержании и тенденциях, в рамках которых данный правовой институт функционирует и подлежит своей реализации. Например, Л. Б. Максимович пишет о том, что «институт имущественных правоотношений супругов можно определить как гражданско-правовой инструмент семейно-правового регулирования имущественных отношений между супругами» [11, с. 83]. У данного подхода имеется множество сторонников – авторы, проводя свои исследования, приходят к выводу о возможности признания дуалистической правовой природы института имущественных правоотношений супругов [12, с. 43].

На наш взгляд, именно третий подход является наиболее приемлемым и подлежащим применению при определении правовой природы института имущественных правоотношений супругов. Действительно, сложно отрицать гражданско-правовой элемент правовой природы данного института. На это указывает, как минимум, форма большинства консенсусов, которые достигаются в рамках реализации рассматриваемого правового института. Например, речь может идти о форме брачного договора. В то же время, также невозможно отрицать существенной специфики института имущественных правоотношений супругов. Данная специфика заключается во множестве элементов.

Во-первых, в субъектах (сторонах). Как уже ранее было отмечено, лица, которые вступают в рассматриваемые правоотношения, должны нахо-

диться в особых взаимоотношениях друг с другом. Это, либо, семейные, либо так называемые «предсемейные» отношения.

Во-вторых, рассматриваемый институт функционирует в рамках особого правового состояния, а именно брака. Определение брака дано в Конституции РФ, согласно положениям которой брак представляется союзом мужчины и женщины.

В пользу смешанного подхода говорит и позиция Верховного Суда Российской Федерации. В частности, полагаем возможным рассмотреть вопрос на примере судебного кейса, посвященного одному из элементов имущественных правоотношений супругов. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела иск Т.А.А. к Т.А.В. о признании брачного договора недействительным [13]. Так, по мнению истицы, она была вынуждена заключить брачный договор под влиянием угроз со стороны ответчика; условия договора поставили ее в крайне неблагоприятное положение по сравнению с ответчиком. По результатам рассмотрения иска, Верховный суд принял решение отказать в его удовлетворении. В обоснование своего решения судом были приведены следующие доводы:

1. Истицей не доказано, что условиями договора она поставлена в крайне неблагоприятное положение и что сделка совершена под влиянием угроз;

2. Возможность отступления от равенства долей посредством заключения брачного договора предусмотрена законом, а несоразмерность выделенного каждому из супругов имущества не является основанием для признания договора недействительным;

3. Истицей пропущен срок исковой давности.

Интерес в данном случае вызывает последний из приведенных доводов, обосновывающих позицию Верховного Суда Российской Федерации. Так, по данному поводу, суд указал следующее: «Семейным кодексом Российской Федерации срок исковой давности для требований об оспаривании брачного договора не установлен. Однако по своей правовой природе брачный договор является разновидностью двусторонней сделки, но имеющей свою специфику, обусловленную основными началами (принципами) семейного законодательства. Поскольку для требования супруга по пункту 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации о признании брачного договора недействительным этим кодексом срок исковой давности не установлен, то к такому требованию супруга, исходя из положений статьи 4 Семейного кодекса Российской Федерации, в целях стабильности и правовой определенности гражданского оборота применяется срок исковой давности, предусмотренный статьей 181 Гражданского кодекса Российской Федерации, по требованиям о признании сделки недействительной» [14].

В целом, проведя исследование в рамках данной статьи, полагаем возможным сделать следующие основные выводы.

Под имущественными правоотношениями супругов следует понимать урегулированные соответствующими нормативными правовыми актами отношения между специфичными субъектами (супругами), находящимися в особом правовом состоянии (в браке), складывающиеся по поводу владения,

пользования и распоряжения их совместно нажитым имуществом, а также реализации имущественных обязательств по отношению друг к другу [15, с. 104].

Содержание имущественных правоотношений супругов определяется совокупностью двух элементов, а именно: отношениями по поводу совместно нажитого имущества и исполнением (реализацией) супругами имущественных обязательств по отношению друг к другу.

Список источников

1. Сербина, Л. А. Понятие и общая характеристика имущественных отношений супругов в Российской Федерации // Евразийская юридическая конференция: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 ноября 2019 года. Пенза : «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. С. 39-43.
2. Шакирова, М. Л. Особенности правового регулирования имущественных отношений супругов // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2015. Т. 7. № 3. С. 92-98.
3. Воскресенский, Д. А. Понятие имущественных отношений супругов и их виды // Право и практика. 2021. № 1. С. 131-134.
4. Кузнецова, О. В. Раздел имущества супругов // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 4 (57). С. 42-52.
5. Шевчук, С. С. Соглашение о разделе имущества, как основание трансформации режима общей совместной собственности супругов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 88-95.
6. Киденко, П. П. Теоретические аспекты понятия имущественных отношений супругов в отечественном праве // Студенческий вестник. 2023. № 24-3(263). С. 41-42.
7. Денисюк, С. П. Некоторые особенности правовой природы соглашений в семейном праве России // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 4 (45). С. 47-50.
8. Bayron, A. Брачный договор // Административное право. 2019. № 1. С. 99 - 104.
9. Нечаева, А. М. Семейное право: учебник. Москва : Издательство Юрайт, 2016. 303 с.
10. Беспалов, Ю. Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: научно-практическое пособие. Москва : Проспект, 2020. 224 с.
11. Темникова, Н. А. Имущественные отношения в семье: доверительность vs. добросовестность // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 82-84.
12. Кабанова, А. Н. Правовая природа брачного договора, его форма и содержание // Юридический факт. 2019. № 46. С. 42-46.
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2022 № 33-КГ22-5-К3. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2022 № 33-КГ22-5-К3. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Шевчук, С. С., Зыбина, О. С., Толстова, А. Е. Система семейно-правовых договоров. Монография. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2021. 212 с.

УДК 347.191.11

Ильина Дарья Юрьевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: darina_15@inbox.ru

Ilina Daria Yuryevna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: darina_15@inbox.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕОРГАНИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ УНИТАРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

SOME FEATURES OF REORGANIZATION AND LIQUIDATION OF NON-PROFIT UNITARY ORGANIZATIONS

Статья посвящена исследованию особенностей реорганизации и ликвидации некоммерческих унитарных организаций в России. Описание различных форм реорганизации (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование) и процедур, связанных с ликвидацией, направлено на анализ юридических и организационных процессов, которые могут возникнуть при прекращении деятельности таких организаций. Рассматриваются причины и условия для проведения реорганизации и ликвидации, а также основные этапы этих процессов. Особое внимание уделено вопросам добровольной и принудительной ликвидации, а также ликвидации НКО в случае смерти единственного учредителя. Исследование акцентирует важность правового регулирования и соблюдения интересов всех участников в процессе реорганизации и ликвидации, с целью обеспечения правовой определенности и защиты прав собственников и других заинтересованных сторон.

Ключевые слова: реорганизация, ликвидация, некоммерческие унитарные организации, правовое регулирование, слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование.

The article is devoted to the study of the peculiarities of the reorganization and liquidation of non-profit unitary organizations in Russia. The description of the various forms of reorganization (merger, merger, demerger, spin-off, transformation) and procedures related to liquidation is aimed at analyzing the legal and organizational processes that may arise when such organizations cease to operate. The reasons and conditions for the reorganization and liquidation are considered, as well as the main stages of these processes. Particular attention is paid to the issues of voluntary and compulsory liquidation, as well as the liquidation of NGOs

in the event of the death of the sole founder. The study emphasizes the importance of legal regulation and respect for the interests of all participants in the reorganization and liquidation process, in order to ensure legal certainty and protect the rights of owners and other stakeholders.

Keywords: reorganization, liquidation, non-profit unitary organizations, legal regulation, merger, accession, separation, separation, transformation.

Изучение процессов реорганизации и ликвидации некоммерческих унитарных организаций представляет значительный интерес, поскольку данные организации играют важную роль в структуре гражданского общества и вносят вклад в экономическое развитие. Влияние их деятельности на социальное благополучие и экономические процессы делает критически важным понимание нюансов и последствий реструктуризации, а также прекращения их функционирования. Фонды, учреждения и автономные некоммерческие организации — все они являются ключевыми игроками в некоммерческом секторе, выполняя ценные социальные задачи, и продвигают культурные и образовательные инициативы без стремления к финансовой выгоде [1, с. 86]. Тем не менее, вопреки их весомому вкладу в общество, процедуры изменения структуры или закрытия таких организаций омрачены многочисленными правовыми и управленческими трудностями, требующими тщательного рассмотрения и понимания.

Недавний период зафиксировал ряд обновлений в российском законодательном пространстве, нацеленных на улучшение нормативной базы, которая управляет функционированием некоммерческих организаций (далее — НКО). Эти передовые корректировки призваны упростить и оптимизировать процессы в сфере их деятельности, обеспечивая более четкую регламентацию и поддерживая эффективность организаций, функционирующих на не прибыльной основе. В частности, Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – закон об НКО) претерпел изменения, касающиеся порядка их создания, реорганизации и ликвидации. Тем не менее, даже с учетом недавних законодательных усовершенствований, проблемы, касающиеся процессов реорганизации и прекращения деятельности некоммерческих унитарных организаций, продолжают оставаться открытыми и предметами для дополнительного анализа. Эти аспекты не утратили своей значимости и продолжают вызывать потребность в глубоком научном осмыслении и разработке новых подходов.

По мнению М. А. Бостанова, с каждым годом в России наблюдается укрепление фактического и материального положения некоммерческих организаций, что обуславливается государственной поддержкой в виде предоставления льгот и субвенций и минимальным размером имущества организаций [2, с. 75].

Серов С.К. в своей статье приводит данные, которые говорят, что на начало 2020 года в стране было зарегистрировано более 213 000 некоммерческих организаций, тогда как по данным исследования группы ЦИРКОН по

заказу Агентства социальной информации зарегистрированных НКО в 2024 году уже 220 000 [3, с. 53].

Эти цифры говорят об актуальности исследования существующих проблем правового регулирования некоммерческих организаций, в частности, некоторых особенностей реорганизации и ликвидации, которые мы рассмотрим в этом исследовании.

Освещение и понимание тонкостей процедур реорганизации и завершения деятельности некоммерческих унитарных организаций несут в себе критическую значимость. Их роль заключается не только в предоставлении юридической ясности и защите прав всех вовлеченных сторон, но и в укреплении основ эффективности и долговечности самих организаций. Именно эти факторы способствуют здоровому и динамичному развитию общественных институтов и оказывают положительное влияние на общегосударственную социально-экономическую структуру.

Юридические субъекты, функционирующие как некоммерческие унитарные организации, признаны за свою основную миссию не получение прибыли, а выполнение определенных социальных, образовательных либо иных общественно полезных задач. Отличительная их черта заключается в том, что любые финансовые успехи не распределяются между их создателями или участниками. В противовес корпоративным некоммерческим структурам, включающим ассоциации и кооперативы, унитарные организации не построены на принципе членства. Да и структура управления у них может быть организована таким образом, что их руководящие органы учреждаются не только основателями, но и сторонними инстанциями [5, с. 115].

В разряд некоммерческих унитарных организаций входит широкий спектр учреждений, который опубликован в парагр. 7 ГК РФ. Сюда можно отнести фонды, разноплановые учреждения, автономные некоммерческие организации, различные религиозные объединения, государственные корпорации и компании публичного права. Эти институты объединены общей характеристикой — ориентацией не на извлечение прибыли, а на служение обществу, культуре, образованию или иным социальным целям.

Процесс реорганизации в секторе НКО может быть инициирован в ответ на изменения в стратегических целях и ключевых задачах, которые они призваны выполнять. Эта процедура подразумевает закрытие действующего юридического лица и передачу его прав и обязательств новому или уже существующему НКО. Различные формы реорганизации предусматривают свою уникальную методологию и набор процедур, каждый из которых адаптирован под конкретные нужды и обстоятельства, влияющие на решение об изменении структуры организации

В рамках реорганизации НКО существует несколько ключевых подходов, которые описаны в п. 2 ст. 16 законе об НКО.

Слияние – это когда несколько НКО объединяются для формирования абсолютно нового юридического лица, при этом юридические и фактические обязанности исторических организаций переносятся к созданной организации через специально учрежденный передаточный акт.

Присоединение же является другой формой реорганизации, при которой одна НКО интегрирует в себя другую организацию или несколько организаций. В результате присоединения, те некоммерческие организации, которые были интегрированы, полностью прекращают существование как отдельные юридические лица, эффективно прекращая свою независимую деятельность. В случае присоединения, все права и обязанности каждой из присоединенных НКО переходят непосредственно к тому юридическому лицу, которое их включает в свою структуру. Таким образом, активы и обязательства целой организации (или нескольких организаций) становятся частью правовых и финансовых взаимосвязей принимающей стороны.

Отдельная процедура - процесс разделения, предусматривает полную ликвидацию исходной НКО и распределение ее прав и обязанностей между несколькими вновь созданными организациями. Это распределение происходит на основе разделительного баланса, который детально описывает, как разделяются активы и пассивы между новыми субъектами. По завершении этой процедуры исходная организация прекращает свое существование, а ее функции и миссия продолжаются через новые структуры.

Процесс выделения в контексте структурных изменений НКО означает формирование одной или нескольких новых организаций на базе существующей. Эти новообразованные юридические субъекты наследуют определенную часть прав и обязанностей исходного юридического лица. Так, ресурсы, ответственность, а также юридические и финансовые обязательства распределяются между выделившимися организациями, обеспечивая им основу для самостоятельной деятельности.

Преобразование же представляет собой изменение юридического статуса НКО, что подразумевает смену организационно-правовой формы. В ходе этого процесса организация сохраняет свою идентичность, но принимает новую правовую форму, что может потребоваться в связи со сменой деятельности, стратегическим развитием или в ответ на изменения законодательства. При этом все права и обязательства переходят к обновленному юридическому лицу в соответствии с передаточным актом, который регламентирует детали такого перехода [5, с. 184].

Каждый тип реорганизации НКО подразумевает следование определенной последовательности шагов, сопровождаемой необходимыми юридическими формальностями. Основные цели таких процедур — обеспечение непрерывности прав и обязанностей (правопреемства), а также защита интересов всех заинтересованных лиц, включая членов организации, ее партнеров и клиентов. Это гарантирует, что переходы и изменения протекают в рамках закона, с минимальными рисками и возможными затруднениями для всех участников процесса.

Реорганизация НКО может быть инициирована двумя различными способами: добровольно или в результате внешних предписаний. Когда реорганизация производится добровольно, это принимает форму решения, принятого коллективным согласием учредителей или уполномоченных органов организации. В таких случаях, выбор метода изменений зависит от стра-

тегических целей и может включать различные формы структурных преобразований, которые мы рассмотрели выше.

Принудительная реорганизация НКО, в отличие от добровольной, происходит в соответствии с постановлением государственной инстанции или судебного органа. Этот процесс может принимать одну из двух форм – разделение или выделение, в зависимости от специфических оснований и требований, предъявляемых к НКО в рамках вынесенного решения. Принудительная реорганизация некоммерческой организации, в отличие от добровольной, происходит в соответствии с постановлением государственной инстанции или судебного органа. Этот процесс может принимать одну из двух форм – разделение или выделение, в зависимости от специфических оснований и требований, предъявляемых к НКО в рамках вынесенного решения.

В определенных обстоятельствах, как например, когда НКО систематически нарушает законодательные требования, делая акты монопольного характера или укрепляя свое доминирующее положение на рынке, она может подвергнуться обязательной реорганизации в форме разделения или выделения. Такое разделение или выделение производится на основании судебного приказа, обеспечивая соблюдение антимонопольного законодательства. Для осуществления реорганизации судом определяется срок не менее шести месяцев, в течение которого организация обязана провести все необходимые процедуры и действия для выполнения судебного решения.

В процедуре реорганизации НКО существует ряд неотъемлемых этапов, которые необходимо проходить всем участникам процесса. Изначально требуется тщательная инвентаризация всех активов и обязательств организации для получения точной картины ее финансового состояния. Следующим шагом является формирование передаточного акта или создание разделительного баланса, документов, описывающих как имущество будет распределяться между задействованными структурами. Кроме того, подготавливаются проекты необходимых учредительных документов в соответствии с новой структурой и договоры, которые будут регламентировать условия слияния или присоединения энтитетов. Эти документы служат основой для выполнения юридических процедур и обеспечивают законность проводимых изменений.

Процесс реорганизации НКО не ограничивается только составлением финансовых отчетов и подготовкой документов. Он начинается с критического решения о необходимости такого шага, которое должно быть принято управляющими органами организации. Сразу после этого, в течение трех рабочих дней следует процедура официального извещения в письменном виде Минюста России и его территориальные органы о самом факте реорганизации и выбранной форме. Основываясь на таком уведомлении Министерство юстиции вносит запись в Единый государственный реестр юридических лиц. Запись содержит в себе сведения о том, что организация начала процедуру реорганизации. Обязательным является и информирование общественности: для этого используются официальные публикации о реорганизации. Далее необходимо закрепить изменения юридически, что достигается через государственную регистрацию новой структуры организации. К этим фун-

даментальным этапам добавляются дополнительные процедуры, такие как уведомление сотрудников организации о предстоящих изменениях, что является важным аспектом с точки зрения внутренних коммуникаций и планирования кадровых ресурсов. Помимо внутреннего взаимодействия, организации также обязаны предоставлять актуализированную информацию в государственные органы. Это может включать обновление данных в Едином Государственном Реестре Юридических Лиц (ЕГРЮЛ) или иных соответствующих реестрах, чтобы обеспечить юридическую чистоту и прозрачность процедуры.

Ликвидация НКО представляет собой процесс прекращения ее деятельности без перехода прав и обязанностей к другим лицам. Этот процесс регулируется ГК РФ и Законом об НКО.

Прекращение деятельности НКО может произойти по разным причинам, и осуществляется оно либо по собственной инициативе учредителей, либо в результате судебного постановления. Решетняк С.Р. отмечает, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 64 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами» фактически расписываются основания, при которых происходит запрещение деятельности или ликвидация НКО. Практически все они сводятся к нарушению требований законодательства, например, осуществление запрещенной деятельности, либо нарушение прав, свобод и законных интересов граждан. Также НКО могут быть ликвидированы в случае неоднократных нарушений, установленных для них требований или же неосуществления деятельности, определенной уставными целями [6, с. 81].

Когда выбор сделан в пользу добровольной ликвидации, учредители собираются для официального принятия решения. Этот шаг сопровождается формированием специальной ликвидационной комиссии, которая будет отвечать за проведение всех необходимых процедур и действий в рамках процесса ликвидации. Сообщение о решении ликвидировать НКО в течение 7 рабочих дней доводится до сведения регистрирующего органа, направив заявление в территориальное управление Минюста. Это уведомление является юридически обязательным этапом, запускающим процесс ликвидации на официальном уровне и обеспечивающим всем заинтересованным сторонам возможность своевременного получения информации о предстоящих изменениях. Исключением из данного правила будет являются фонды, так как решение о его ликвидации принимает суд, по заявлению директора или при согласии высшего органа.

Принудительная ликвидация НКО представляет собой процедуру, осуществляемую под юрисдикцией государства. Этот процесс может быть инициирован и проведен в строго определенных обстоятельствах, которые закреплены в федеральном законодательстве. Решение о такой ликвидации принимается судебными органами на основании искового заявления от уполномоченного лица или органа власти. Процесс начинается с того, что

суд рассматривает представленные доказательства и аргументы и, при наличии веских оснований, соответствующих закону, выносит постановление о ликвидации НКО. Это может быть связано с различными нарушениями, такими как отсутствие деятельности организации, осуществление деятельности, которая противоречит закону или ее уставным целям, а также прочие основания, предусмотренные действующим законодательством. После принятия судом решения о ликвидации последуют определенные действия, направленные на закрытие всех операций НКО, урегулирование обязательств и, в конечном счете, прекращение ее существования как юридического лица.

Окончательный этап процедуры включает распределение оставшегося после погашения долгов имущества согласно положениям устава НКО или действующему законодательству. Это включает передачу имущества в соответствии с целями организации или, если это предусмотрено законом, его передачу другим схожим по целям некоммерческим организациям или государству

Атагимова Э. И. приводит примеры факторов, закрепленных в федеральном законодательстве, которые приводят к принудительному прекращению, деятельности фонда, как формы некоммерческой унитарной организации:

- недостаточность имущественных средств фонда для реализации заявленных им целей, при этом перспектива привлечения необходимых ресурсов оценивается как непреодолимо маловероятная;
- невозможность достижения установленных целей фонда, которая может быть выявлена в процессе его деятельности. Ситуация усложняется, если внесение изменений в цели фонда для их соответствия существующим возможностям также невозможно;
- уклонение фонда от выполнения задач и целей, которые были оговорены в его учредительных документах, что представляет собой отступление от первоначальной миссии и уставных обязательств;
- другие причины, прямо указанные в нормах федерального законодательства, которые могут устанавливать определенные основания для принудительной ликвидации [7, с. 20-21].

Когда какое-либо из этих или иных прописанных в законе обстоятельств имеется, судебные органы вправе принять меры по роспуску данной НКО, проведя законный порядок ликвидации, в том числе уведомление заинтересованных сторон, расчеты с кредиторами и, в зависимости от итогов, распределение оставшегося имущества.

Рассмотрим особенности ликвидации на еще одном примере, а именно ликвидацию отделения иностранной некоммерческой неправительственной организации на территории Российской Федерации. Она может происходить по различным основаниям, среди которых — прекращение существования материнской организации. Также такой шаг может быть обусловлен отсутствием предоставления обязательной информации, в соответствии с требованиями федерального законодательства, в частности - сведений, упомянутых в определенном пункте закона, регулирующего деятельность неком-

мерческих организаций. Кроме того, неподходящая деятельность отделения, то есть такая, которая не соответствует целям и задачам, заложенным в учредительных документах, также может стать причиной для ее закрытия. Все эти обстоятельства рассматриваются комплексно в контексте действующего законодательства о некоммерческих организациях и могут служить правовым основанием для прекращения деятельности указанного иностранного отделения в России.

Прекращение действий НКО является заключительной стадией ее жизненного цикла и может быть вызвано рядом обстоятельств, среди которых - кончина единственного основателя. В таких обстоятельствах, если физическое лицо, единолично создавшее автономную некоммерческую организацию, умирает, организация сталкивается с вопросом ликвидации. Согласно действующему законодательству, этот процесс не может быть инициирован мгновенно; существует обязательный период ожидания в течение трех месяцев с момента смерти учредителя, прежде чем ликвидационные процедуры могут начаться. Это время необходимо, чтобы обеспечить должный порядок соблюдения правовых процедур и предусмотреть возможность вмешательства заинтересованных сторон или правопреемников.

В течение установленного трехмесячного периода после утраты учредителя автономной некоммерческой организации предоставляется возможность для принятия нового учредителя или нескольких учредителей. Это время позволяет осуществить необходимые изменения в структуре управления организацией. Если в результате этих изменений организация обретает нового учредителя, она сохраняет свое существование и продолжает работу в соответствии со своими уставными задачами и целями. Однако в ситуации, когда за отведенный период ни одно лицо не вступает в роли учредителя, правовые регламенты предусматривают необходимость ликвидации некоммерческой организации. В таком случае, по истечении трех месяцев без наследования прав учредителя, начинается процедура формального прекращения деятельности и последующего распределения активов НКО в соответствии с установленным порядком.

С момента формирования ликвидационной комиссии или назначения ликвидатора, эти лица становятся ключевыми фигурами в процессе ликвидации НКО. Они обладают правом управления ее текущими делами, что включает полную ответственность за проведение всех необходимых операций, связанных с ликвидационным процессом. В рамках своих полномочий, ликвидационная комиссия имеет право представлять интересы организации в судебных инстанциях. Именно комиссия становится главным действующим лицом при разрешении всех оставшихся вопросов, связанных с кредиторами, дебиторами и иными юридическими обязательствами ликвидируемой некоммерческой организации. Если возникают споры или претензии, направленные в адрес НКО, ликвидационная комиссия проводит их защиту в суде, стремясь к законному и правомерному разрешению всех происходящих в ходе ликвидации процессуальных вопросов.

В итоге, процесс ликвидации НКО по обстоятельству смерти ее единственного учредителя подразумевает строгое следование законодательно

установленным процедурам и временным рамкам. Примером может служить п. 2.2, ст. 18 Закона об НКО, в котором описывается процедура ликвидации автономной некоммерческой организации в случае смерти единственного учредителя. Эти нормы предусмотрены для обеспечения правильного и упорядоченного завершения деятельности организации и включают трехмесячный период на поиск новых учредителей, формирование ликвидационной комиссии или назначение ликвидатора, а также последующее представление интересов НКО во всех необходимых инстанциях, включая суд [8, с. 55]. Согласование всех шагов с действующими протоколами обязательно для законности ликвидации и последующего распоряжения активами и обязательствами организации.

Зайцева Д. А. в своей статье обращает внимание на то, что после смерти учредителя личного фонда утвержденные учредителем при его жизни устав личного фонда, условия управления фондом и иные внутренние документы личного фонда не могут быть изменены кроме как на основании решения суда по требованию любого органа фонда в случаях, если управление таким фондом на прежних условиях стало невозможно по обстоятельствам, возникновение которых при создании фонда нельзя было предполагать. Все иные фонды за исключением личных фондов поменяют организационно-правовую форму и будут отнесены к общественно полезным [9, с. 444].

Принудительная ликвидация НКО является мерой, которая может быть реализована только на основании решения судебной инстанции. Это происходит в строго определенных обстоятельствах, которые закреплены в соответствующих статьях федерального законодательства. Когда суд приходит к выводу, что деятельность НКО нарушает действующее законодательство или права граждан, он может вынести решение о ее ликвидации. Таким образом, принудительное прекращение деятельности НКО всегда основывается на имеющих правовую силу основаниях и проводится в соответствии с установленными процедурами закона.

Судебная практика по вопросам реорганизации и ликвидации некоммерческих унитарных организаций последних лет выявила несколько ключевых проблем (например, дела № 2а-409/2020 от 14.02.2020 года по г. Челябинск; № УИД 11RS0№-31 от 22.02.2024 года по г. Усинск; УИД 28OS0000-01-2024-000011-04 № 3а-14/2024 от 26.02.2024 года по г. Благовещенску).

Во-первых, наблюдается недостаточная правовая определенность в процедурах реорганизации и ликвидации, что приводит к затруднениям в правоприменении и судебной практике.

Во-вторых, возникают сложности в распределении имущества при реорганизации, особенно в случаях, когда имущество не может быть передано правопреемникам.

В-третьих, судебные органы сталкиваются с трудностями в определении правомерности действий органов управления некоммерческих организаций при принятии решений о реорганизации или ликвидации.

Кроме того, отмечается недостаточная практика по оспариванию решений о реорганизации и ликвидации, что затрудняет защиту прав участников и кредиторов.

Наконец, выявлены проблемы в правовом регулировании ликвидации некоммерческих организаций, связанные с недостаточной детализацией процедур и критериев ликвидации.

Эти проблемы требуют дальнейшего исследования и совершенствования законодательства и судебной практики в данной области.

Таким образом, реорганизация и ликвидация НКО требуют тщательного соблюдения установленных процедур и сроков, предусмотренных законодательством, с целью обеспечения правопреемства и защиты интересов участников и кредиторов.

Освещение и понимание тонкостей процедур реорганизации и завершения деятельности некоммерческих унитарных организаций несут в себе критическую значимость. Их роль заключается не только в предоставлении юридической ясности и защите прав всех вовлеченных сторон, но и в укреплении основ эффективности и долговечности самих организаций. Именно эти факторы способствуют здоровому и динамичному развитию общественных институтов и оказывают положительное влияние на общегосударственную социально-экономическую структуру.

Список источников

1. Шевчук, С. С., Толстова, А. Е. Субъекты гражданского права: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 164 с.

2. Бостанов, М. А. Понятие и правовая природа некоммерческих унитарных юридических лиц // Эпомен. 2021. № 55. С. 71-78.

3. Серов, С. К. Вопросы взаимодействия институтов гражданского общества и публичной власти// Вестник науки №1 (58), 2023 С. 52-55.

4. Толстова, А. Е., Шевчук, С. С. Актуальные проблемы цивилистики: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2021. 292 с.

5. Толстова, А. Е. Корпоративное право (учебное пособие). Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2023. 280 с.

6. Решетняк, С. Р. Анализ существующих проблем правового регулирования некоммерческих организаций и перспективы их решения // Вестник экспертного совета. 2021. № 3 (26). С. 77-85.

7. Атагимова, Э. И. Некоторые аспекты правового регулирования организации и деятельности некоммерческих фондов // Мониторинг правоприменения. 2023. № 3 (48). С. 16-29.

8. Толстова, А. Е. Механизм осуществления юридической помощи: нормативное закрепление и пробелы правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 3 (64). С. 54-60.

9. Зайцева Д. А. Личный фонд как новая организационно-правовая форма унитарных некоммерческих организаций // В сборнике: Эволюция российского права. Материалы XX Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург, 2022. С. 443-448.

УДК 347.67

Колыш Михаил Николаевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: sedova95k2@yandex.ru

Kolysh Mikhail Nikolaevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: sedova95k2@yandex.ru

ПРАВО ПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИЛЫМ ПОМЕЩЕНИЕМ В СИЛУ ЗАВЕЩАТЕЛЬНОГО ОТКАЗА

THE RIGHT TO USE RESIDENTIAL PREMISES BY VIRTUE OF A TESTAMENTARY WAIVER

Статья посвящена исследованию правовой природы права пользования жилым помещением на основании завещательного отказа. Анализ доктринальных источников, нормативных актов и правоприменительной практике позволил автору прийти к выводу, что это право выступает ограничением прав собственника жилого помещения.

Ключевые слова: жилое помещение, право собственности, наследование, завещательный отказ, ограничение, вещный легат.

The article is devoted to the study of the legal nature of the right to use residential premises on the basis of a testamentary waiver. An analysis of doctrinal sources, regulations and law enforcement practice allowed the author to conclude that this right restricts the rights of the owner of residential premises.

Keywords: residential premises, ownership, inheritance, testamentary waiver, restriction, property legate.

Завещательный отказ или так называемый легат является основанием легатарного правопреемства. Завещательный отказ представляет собой распоряжение завещателя наследнику по закону или по завещанию совершить какое-либо действие (передать вещь или право, выполнить работу или оказать услугу) в пользу одного или нескольких лиц – отказополучателей или легатариев, которые приобретаю право требовать исполнения возникающей из этого распоряжения обязанности (п. 1, 3 ст. 1137 ГК РФ).

Завещательный отказ называется завещательным потому, что может устанавливаться только в завещании, содержание которого может им и исчерпываться (п. 1 ст. 1137 ГК РФ). Иными словами, завещательный отказ непременно должен быть указан в завещании, в этой связи не допускается отражение завещательного отказа в ином, отдельном документе. Как подчеркивает Т. В. Саломатова, назначение отказа не будет иметь юридической силы вне рамок завещания, это завещательной распоряжение должно быть сделано самим завещателем, не допускается его включение в текст завещания судом при толковании содержания завещания [1, с. 25].

Что же касается слова «отказ» в словосочетании «завещательный отказ», то оно производно от глагола «отказать», означающего передать или предоставить что-либо отказополучателю (легатарию). «Отказ» в данном

контексте вовсе не означает возложения на наследника обязанности «отказаться» от чего-либо, причитающегося ему по наследству, как иногда полагают.

Примечательным является тот факт, что в русском гражданском праве периода Киевской Руси термин «отказать» использовался в значении «передать по наследству». В современном праве России термин «отказ» используется в том же значении, однако означает не передачу вещи, а возложение обязанности на наследника в пользу определенного лица на основании завещания [2, с. 91].

В науке говорится о сложности вопроса, связанного с пониманием завещательного отказа (ст. 1137 ГК РФ). Как мы уже отметили, здесь завещатель вправе возложить на одного или нескольких наследников по завещанию или по закону исполнение за счет наследства какой-либо обязанности имущественного характера. Трудность состоит в том, что указанные субъективные гражданские обязанности могут и не существовать в момент совершения завещательного отказа [3, с. 39]. Однако полагаем, что это ничего не меняет в понимании завещательных сделок. Ведь завещатель, по сути, совершает сделку под отлагательным условием, в качестве которого выступает его собственная смерть. Иными словами, называет юридический факт, с которым непосредственно связано возникновение гражданских прав и обязанностей. Отличие от обычного завещания здесь может состоять только в том, что наследодатель определяет лицо, которое будет субъектом того отношения, которое возникнет после его смерти. При этом отметим точность законодателя при обозначении предмета завещательного отказа (п. 2 ст. 1137 ГК РФ).

Вопрос о правовой сущности завещательного отказа всегда был предметом научной дискуссии. Так, в советской юридической литературе отмечалось, что «завещательный отказ является не чем иным, как сингулярным правопреемством» [4]. Никитюк П.С. обосновывал вывод о том, что приобретение имущества в силу завещательного отказа является по сути особым видом наследственного правопреемства [5]. Также некоторые современные авторы признают за завещательным отказом характер сингулярного правопреемства. Так, например, Е.А. Кириллова отмечает, что правоотношения, возникающих из завещательного отказа, обладают определенной спецификой, которая выражается в том, что легатарий приобретает часть наследственного имущества не непосредственно от завещателя, а через фигуру наследника, на которого завещателем возложена обязанность по совершению определенного действия в адрес отказополучателя. Подобный способ приобретения имущественных прав, как подчеркивает автор, в теории цивилистики получил название сингулярного (частного) правопреемства [6, с. 50].

Достаточно оригинально определяет правовой статус легатария Е. А. Низамова, который, в частности, пишет, что отказополучатель — это, по сути, своеобразный наследник, отличие которого от всех прочих наследников заключается в том, что он приобретает права требования к наследникам, а также в том, что он не несет ответственности по долгам наследодателя. Если права наследников на наследственное имущество являются вещными, то права отказополучателя, как правило, - обязательственными [7, с. 4].

В настоящий период наука отходит от признания отказополучателя не только сингулярным, но и в принципе каким-либо правопреемником наследодателя.

Рассматривая природу отношений наследодателя и наследника, Б. Б. Черепахин не случайно отмечал, что отсутствие возможности у легатария участвовать в преемстве пассива наследства обусловлена в целом отсутствием правопреемства в получении имущества отказополучателем [8, с. 427].

Таким образом, обратные рассуждения ученых указывали на отсутствие у отказополучателя полноценного статуса правопреемника.

Также в литературе завещательный отказ рассматривается как односторонняя сделка, которая по сути является поручением наследодателя наследнику выполнить что-либо в пользу третьего лица [9, с. 35]. Кстати, подобная позиция нашла свое отражение в правоприменительной практике. Так, Астраханский областной суд в Апелляционном определении указал, что исходя из природы завещательного отказа (ст. 1137 ГК РФ), он, как и завещание также является односторонней сделкой [10].

По мнению Ю. Н. Денисовой, между наследодателем и наследником имеет место быть договор в пользу третьего лица — легатария, который имеет право требования к наследнику [11, с. 46]. Мы не можем разделить указанную позицию по тем соображением, что завещательный отказ не может выступать договором, так как при его установлении в завещании отсутствует и вообще не предполагается встречное волеизъявление наследника.

ГК РФ достаточно подробно, в отличие от действовавшего ранее законодательства, определяет предмет завещательного отказа (ст. 1137 ГК РФ): предметом завещательного отказа может быть передача отказополучателю в собственность, во владение на ином вещном праве или в пользование вещи, входящей в состав наследства, передача отказополучателю входящего в состав наследства имущественного права, приобретение для отказополучателя и передача ему иного имущества, выполнение для него определенной работы или оказание ему определенной услуги либо осуществление в пользу отказополучателя периодических платежей и тому подобное.

Закон особо выделяет случай, когда, завещатель возлагает на наследника, к которому переходит по наследству жилое помещение, обязанность по предоставлению другому лицу на период жизни этого лица или на иной срок право пользования этим помещением или его определенной частью.

Право пользования жилым помещением, в силу завещательного отказа имеет вещный характер, ему присуще свойство следования: в случае перехода права собственности на жилое помещение к другому лицу право пользования этим имуществом, возникшее в силу завещательного отказа, сохраняет силу.

В литературе не вызывает сомнений вещный характер права пользования жилым помещением в силу завещательного отказа. Например, З. А. Ахметьянова указывает: «Право пользования жилым помещением в силу завещательного отказа, будучи ограниченным вещным правом, представляет собой определенные вид и меру возможного поведения его обладателя - в отношении определенного имущества — жилого помещения,

применительно к которому и предоставлено право пользования» [12, с. 263]. Чтобы на стороне отказополучателя возникло вещное право пользования жилым помещением, недостаточно назначить его легатарием. Необходимо, чтобы наследник исполнил обязанность по предоставлению жилого помещения отказополучателю. Пункт 2 ст. 1137 ГК РФ предусматривает обязательственную модель возникновения права отказополучателя на жилое помещение: «На наследника, к которому переходит жилой дом, квартира или иное жилое помещение, завещатель может возложить обязанность предоставить другому лицу на период жизни этого лица или на иной срок право пользования этим помещением или его определенной частью».

Иными словами, наследник, получив в собственность жилое помещение, обязан по завещательному отказу передать его в пользование отказополучателю. По смыслу п. 2 ст. 1137 ГК РФ между наследником и легатарием возникает обязательство, в котором наследник является должником, а легатарий — кредитором.

Представляется, что ч. 1 ст. 33 ЖК РФ позволяет построить вещную модель завещательного отказа, по которому устанавливается ограниченное право пользования жилым помещением. В силу ч. 1 ст. 33 ЖК РФ гражданин, которому завещательным отказом предоставлено право пользования жилым помещением на указанный в соответствующем завещании срок, пользуется данным жилым помещением наравне с собственником данного жилого помещения. Будущий отказополучатель может проживать в жилом помещении совместно с собственником. Последний составляет завещание, которым назначает двух наследников, первому из которых завещано жилое помещение, а второму — домашняя утварь, которой он пользовался вместе с собственником-наследодателем. Одновременно завещание предполагает наличие завещательного отказа, в силу которого второй наследник получает вещное право пожизненного пользования жилым помещением, собственником которого должен стать первый наследник. Таким образом, есть возможность позаботиться об интересах лица, пребывающего в фактических брачных отношениях с наследодателем. «Завещательный отказ позволяет решить многие задачи, стоящие перед наследодателем, — пишет Е. А. Низамова, — к примеру: предоставить возможность проживать в доме наследодателя своему сожителю и после своей смерти, не возводя его в ранг наследников, и тем самым исключить переход наследственного имущества к наследникам такого сожителя» [13, с. 142]. Завещательный отказ возлагает на наследника обязанность предоставить отказополучателю право пользования жилым помещением, но отказополучатель приобретает данное право не по волеизъявлению наследника, получившего жилое помещение в собственность, а в силу того, что продолжает пользоваться жилым помещением после открытия наследства.

Прекрасной иллюстрацией, подтверждающей наличие вещных легатов в российской правовой системе, является Апелляционное определение Свердловского областного суда от 18.05.2023 по делу № 33-8146/2023 [14]. Из данного Определения следует, что гражданка проживала в

квартире вместе с матерью и братом. Квартира принадлежала матери на праве собственности, а брат вел асоциальный образ жизни. После открытия наследства выяснилось, что наследником квартиры назначена гражданка, а в пользу ее брата составлен завещательный отказ. Получив квартиру в собственность, гражданка оставила данную квартиру «в связи с невозможностью совместного проживания» с братом.

Из данной иллюстрации следует, что наследник, получивший квартиру в собственность по завещанию, содержащему завещательный отказ, не совершал каких-либо действий по передаче жилого помещения в пользование отказополучателю. Фактический (юридический) состав, по которому ограниченное вещное право пользования жилым помещением возникает на стороне отказополучателя, образуют следующие юридические факты: 1) завещание, которое содержит завещательный отказ на квартиру; 2) проживание потенциального отказополучателя в квартире; 3) открытие наследства; 4) принятие наследства наследником; 5) принятие завещательного отказа отказополучателем; 6) проживание отказополучателя в квартире до принятия наследства наследником.

В данном случае завещательный отказ является вещным легатом, поскольку отказополучатель не нуждается в том, чтобы наследник совершил какие-либо определенные действия по передаче ему квартиры для проживания. Отказополучатель не нуждается и в бездействии собственника для того, чтобы у отказополучателя возникло ограниченное вещное право пользования чужим жилым помещением. Право пользования жилым помещением возникает на стороне отказополучателя без волеизъявления со стороны наследника, ставшего собственником квартиры [15, с. 29]. Для приобретения ограниченного вещного права пользования жилым помещением отказополучателю не надо совершать каких-либо юридических действий. Достаточно лишь того, что отказополучатель не отвергает отказ, продолжая проживать в квартире, право собственности на которую перешло к наследнику. Чтобы юридическое положение отказополучателя было более прочным, его следует назначить наследником домашнего скарба. В таком случае отказополучателя, проживающего в квартире, должны уведомить о завещании. Обращаясь к нотариусу с заявлением о принятии наследства, отказополучатель, назначенный наследником пожитков наследодателя, тем самым заявляет о приобретении прав по завещательному отказу [16, с. 124].

В российской правовой системе вещные легаты на недвижимость встречаются или могут встречаться. Представляется, что этот вывод убедительно доказан, хотя бы иллюстрацией казуса из судебной практики (case). Данный вывод, впрочем, не является абсолютно новым для российской науки. Так, например, А. В. Мыскин пишет: «Наиболее распространенным случаем вещного завещательного отказа является... возложение на наследника, к которому по завещанию переходит жилой дом, обязательства предоставить другому лицу пожизненное пользование этим домом или определенной его частью» [17, с. 37]. Трудно говорить о вещном завещательном отказе, если отказ порождает обязательство предоставить дом в пожизненное пользование. Но когда право пожизненного пользования

возникает у отказополучателя непосредственно, помимо волеизъявления наследника, ставшего собственником жилого дома, завещательный отказ действительно является вещным.

Чем объясняются доктринальные несогласия с идеей вещного легата со стороны доктрины? Такова традиция. «Легатом по русскому праву, - утверждал Николай Григорьевич Вавин (1878-1939), - должно почитаться такое завещательное предоставление, которое совершается в пользу третьих лиц чрез посредство наследника путем возложения на последнего того или иного обязательства в пользу этих третьих лиц». Согласно Н.Г. Вавину, объект не должен быть предоставляем отказополучателю непосредственно, объект должен предоставляться «в форме обязательства, возлагаемого завещателем на наследника, ибо только этой формальной чертой преемства наш легатарий отличается от наследника» [18]. Отказополучатель выступает в качестве кредитора наследника, принявшего наследство. Будучи кредитором, отказополучатель становится в ряд с другими кредиторами, чьи претензии должны быть удовлетворены за счет наследственного имущества, и участвует в конкурсе вместе с ними.

Не допуская формально вещных легатов, законодатель стремится противодействовать стремлению наследодателей посредством легата избежать обращения взыскания на имущество, передаваемое в порядке наследования. Но вряд ли возможно обратить взыскание на право пожизненного пользования жилым помещением или сервитут, устанавливаемые завещательным отказом.

Серьезным возражением против концепции вещного легата может быть только соображение о том, что для возникновения прав по завещательному отказу наследник должен принять наследство. Тем самым отказополучатель получает вещное право из легата через наследника, но воля последнего направлена не на исполнение обязательства из завещательного отказа, а на приобретение наследства.

Таким образом, ограничением права собственности наследника, по сути, является правовой институт, известный со времен римского права под названием легата, то есть завещательный отказ, которым наследодатель предписывает наследнику отказаться от части имущества, входящего в наследственную массу, в пользу указанного наследодателем лица. Несомненно, это ограничение распространяется и на жилые помещения.

Список источников

1. Саломатова, Т. В. Наследование по завещанию и по закону. Защита наследственных прав в суде. Москва : Ось-89, 2004. 116 с.

2. Хаскельберг, Б. Л. Правоотношение из завещательного отказа и его элементы // Цивилистические исследования. Выпуск первый: Сборник научных трудов памяти профессора И. В. Федорова. Москва : Статут, 2004. С. 87-101.

3. Родионова, О. М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. Москва : Статут, 2013. 336 с.

4. Дроников, В. К. Наследование по завещанию в советском праве. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1957 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК» [сайт]. URL: http://lawlibrary.ru/izdanie12252.html (дата обращения: 15.01.2025).

5. Никитюк, П. С. Наследственное право и наследственный процесс. Кишинев : Штиинца, 1973 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК» [сайт]. URL: http://lawlibrary.ru/article1025230.html (дата обращения: 15.01.2025).

6. Кириллова, Е. А. Актуальные проблемы современного наследственного законодательства Российской Федерации. Москва : ИНФРА-М, 2014. 183 с.

7. Низамова, Е. А. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из завещательного отказа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2011. 25 с.

8. Черепахин, Б. Б. Труды по гражданскому праву. Москва : Статут, 2001. 738 с.

9. Нестолий, В. Г. Вещный легат на недвижимость // Нотариус. 2020. № 6. С. 33-37.

10. Апелляционное определение Астраханского областного суда от 12.08.2022 по делу № 33-2763/2022. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Денисова, Ю. Н. Завещательный отказ и завещательное возложение как особые завещательные распоряжения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 3 (48). С. 44-50.

12. Ахметьянова, З. А. Вещное право: учебник. Москва : Статут, 2011. 360 с.

13. Низамова, Е. А. К вопросу о правах собственника и отказополучателя по пользованию жилым помещением, обремененным завещательным отказом // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4. С. 137-145.

14. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 18.05.2023 по делу № 33-8146/2023. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Живихина, И. Б. Право пользования жилым помещением, предоставленным по завещательному отказу // Наследственное право. 2015. № 2. С. 28-31.

16. Шевчук, С. С., Толстова А. Е. Правовое регулирование наследственных отношений по российскому и международному частному праву. Монография. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 264 с.

17. Мыскин, А. В. «Жилищный» завещательный отказ // Семейное и жилищное право. 2015. № 6. С. 36-39.

18. Вавин, Н. Г. Завещательный отказ по русскому праву. Москва : Кн. маг. И. К. Голубева, п/ф «Правоведение», 1915 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК» [сайт]. URL: http://lawlibrary.ru/izdanie48705.html (дата обращения: 15.01.2025).

УДК 347.1

Кондрашов Никита Алексеевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: nik.kondrashov.01@inbox.ru

Kondrashov Nikita Alekseevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: nik.kondrashov.01@inbox.ru

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF CORPORATE RELATIONS

В условиях глобализации мировой экономики и развития правовых систем, ключевым аспектом успешного функционирования корпораций выступает понимание их сущности и правовой природы. Современные юридические исследования направлены на раскрытие этих понятий через анализ норм законодательства, судебной практики и теоретических подходов. Главной задачей настоящей статьи является исследование понятия и правовой природы корпоративных отношений, а также их правового регулирования в современных условиях.

Ключевые слова: корпорация, корпоративное право, корпоративные отношения, правовая природа, судебная практика.

In the context of globalization of the world economy and the development of legal systems, a key aspect of the effective functioning of corporations is understanding the essence and legal nature of corporate relations. Modern legal research focuses on elucidating these concepts through the analysis of legislative norms, judicial practice, and theoretical approaches. The main objective of this article is to examine the concept and legal nature of corporate relations, as well as their legal regulation in contemporary conditions.

Keywords: corporation, corporate law, corporate relations, legal nature, judicial practice.

Актуальность корректного определения правовой природы и сущности корпоративных отношений обусловлена широким рядом факторов. Во-первых, корпоративные отношения являются неотъемлемой частью существования рыночной экономики, в рамках которой хозяйствующие субъекты занимаются предпринимательской деятельностью, разделяют необходимые для этого процессы, ограничивают и делегируют обретаемую ответственность. Во-вторых, для отечественной правовой системы корпоративные отношения являются относительно новым явлением, которое длительное время реализовывалось и формировалось с опорой исключительно на зарубежный опыт. В-третьих, до 2009 года корпоративные отношения не были включены в перечень отношений, регулируемых гражданским законодательством, что с одной стороны порождало абсолютную свободу для научной мысли, но с

другой порождало сложности в правильной реализации бизнес-подходов, столь необходимых для отечественного предпринимательства.

Широкий круг общественных отношений, регулируемых гражданским законодательством, очерчен в ст. 2 ГК РФ. К ним в настоящий момент относятся в том числе корпоративные отношения, которые были формально включены в рассматриваемую статью со вступлением в силу Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Несмотря на очевидную имплементацию корпоративных отношений в действующее гражданское законодательство, некоторые исследователи не согласны с тезисом о том, что корпоративные отношения являются исключительно гражданско-правовыми. Так, например, Е. В. Суханов в своих трудах отмечает, что корпоративное право является частным, однако с особой правовой надстройкой, которая являются специальным комплексом норм по отношению к общим гражданско-правовым установкам [1, с. 17].

Присутствие разногласий в научных кругах тем не менее не помешало отечественной доктрине обрести собственный, хотя и общий, но тем не менее сформированный подход к понимаю корпоративных отношений в частности и корпорации в целом [2, с. 27]. Так, корпорацией является обособленное юридическое лицо, ключевым элементом которого выступает наличие членства в нем его участников. Во многом указанное цивилистическое воззрение основывается на развитии немецкого права и трудах немецких ученых, таких, например, как О. Гирке. Упомянутый немецкий цивилист относится к кругу ученых – первых исследователей корпораций и корпоративных отношений. В его трудах подчеркивается связь между корпорацией и ее участниками, делается акцент на их «союзном» характере, определяется устойчивость выработанной правовой связи [3, с. 65].

Исходя из буквального толкования ст. 2 ГК РФ, следует, что под корпоративными отношениями законодатель понимает отношения, предполагающие участие субъектов в корпоративных организациях или принятие участия в управлении ими. Из указанной легальной дефиниции нетрудно сделать вывод о том, что наиболее правильным решением для исследователя будет разделение корпоративных отношений на два обособленных структурных элемента: участие в корпорации и управление корпорацией.

Релевантность подобного разделения отражена в действующем законодательстве. Так, согласно п. 2 ст. 65.1 ГК РФ участники корпорации реализуют совокупность прав, полученных в связи со вступлением в организацию, а также наделяются рядом обязанностей в отношении последней [4, с. 64]. Указанная концепция также закреплена в доктрине. Так, наиболее подробно соотношением участия и управления в корпорации занимался российский исследователь Д. В. Ломакин. Согласно выработанной им позиции, корпоративные отношения являются собирательной структурой и предполагают два вида правоотношений (членства и управления), в котором одни отношения (управления) опосредованы другими отношениями (членства), подкреплены выработанными юридическими фактами (акты органов управления), направ-

лены на заранее продуманный экономический и организационный результат [5, с. 175].

Из соотношения участия и управления, данной законодателем дефиниции, а также выработанных на сегодняшний день подходов можно выделить основные признаки корпоративных отношений. Так, первым и очевидным признаком являются признак участия, в общем и целом. Учредители и участники формируют определенные цели (например, получение дохода и формирование эффективной организации) и участвуют в совместной корпорации для их достижения. Вторым признаком отечественная доктрина выделяет участие в формируемой воле корпорации. Так, с одной стороны, корпорация является обособленным продуктом, формируемым ее участниками, и предполагается, что у нее есть собственная воля, с другой без участия учредителей и органов организации последняя определена не будет. Исходя из изложенного, можно сформировать вывод о том, что корпоративные отношения имеют место только в том случае, когда отдельными лицами создается юридическое лицо, отношения в котором построены на основании членства участников, принимающих участие в формировании его воли и управлении.

Важно отметить, что упоминание корпоративных отношений в гражданском законодательстве не является истиной в последней инстанции. Так, некоторые исследователи, отмечают, что дополнительным и между тем очень предметным источником регулирования является действующее арбитражное законодательство. Действительно, ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее –АПК РФ) дополнительно раскрывает как само понятие корпоративных отношений, так и круг корпоративных споров, подсудных арбитражным судам. Важным аспектом в указанной статье является четкое очерчивание реквизитов того или иного спора, чтобы он мог быть отнесен к корпоративным. Таким образом, можно сделать вывод, что корпоративные отношения в Российской Федерации имплементированы в законодательство не только ст. 2 ГК РФ, но также нормами арбитражного процессуального законодательства.

Природа корпоративных отношений охватывает сложный комплекс правовых, экономических и организационных элементов. Для более глубокого анализа их природы важно учитывать несколько ключевых аспектов: правовую основу, характер связи участников с корпорацией, а также цель функционирования таких отношений. Корпоративные отношения базируются на принципах гражданского права, таких как равенство сторон, автономия воли и имущественная самостоятельность. Эти принципы определяют свободу участников корпорации в выборе форм и способов взаимодействия, одновременно обеспечивая защиту их прав через нормы законодательства. Согласно российской доктрине, природа корпоративных отношений имеет двойственный характер: они одновременно являются частью частного права и включают элементы публичного регулирования.

Важным элементом природы корпоративных отношений является их организационная составляющая. Корпорация как юридическое лицо не может существовать без четкой системы управления. Именно система органов управления позволяет реализовывать интересы участников и достигать це-

лей, ради которых создается организация. При этом отношения между участниками корпорации и ее органами управления формируют внутреннюю структуру корпоративных отношений, которая детализирована в нормативных актах, таких как ГК РФ, законы об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью [6, с. 47].

Особенность корпоративных отношений проявляется также в их имущественной природе. Как правило, участие в корпорации связано с внесением имущественных вкладов (например, акций, долей или паев), которые становятся основой для реализации прав участников. В то же время имущественные права участников зависят от результатов деятельности корпорации, что делает эти отношения взаимосвязанными с экономическими процессами [7, с. 124].

Цель корпоративных отношений заключается в обеспечении устойчивого функционирования корпорации и достижении согласованных экономических и социальных целей. Например, для коммерческих организаций основной целью является получение прибыли, тогда как для некоммерческих корпораций приоритетными являются социальные, культурные или научные задачи. Однако независимо от формы корпорации участники взаимодействуют через механизмы участия и управления, что формирует основное содержание корпоративных отношений [8, с. 12].

Следует отметить, что природа корпоративных отношений может варьироваться в зависимости от типа корпорации. Например, в акционерных обществах преобладают обязательственные элементы, поскольку отношения между акционерами и корпорацией преимущественно регулируются уставом и законами об обязательствах. В кооперативах акцент делается на личной ответственности и доверии между членами. В некоммерческих корпорациях основной упор сделан на социальной миссии, что также определяет специфику их правовой природы.

Таким образом, природа корпоративных отношений представляет собой сложное сочетание имущественных, организационных и экономических элементов, направленных на достижение целей корпорации. Учет этих аспектов позволяет глубже понять их правовую сущность и механизмы функционирования.

Далее целесообразно рассмотреть классификацию корпоративных отношений и их роль в правовой системе. Классификация корпоративных отношений и их роль в правовой системе являются важными аспектами для понимания сущности и структуры этого правового института. Классификация позволяет разделить корпоративные отношения на более узкие категории, что облегчает их исследование и применение на практике.

С точки зрения отечественного законодательства и доктрины, основным критерием классификации корпоративных отношений является их содержание. Согласно ст. 2 ГК РФ, корпоративные отношения подразделяются на отношения, связанные с участием в корпорации, и отношения, связанные с управлением ею. Эти два направления определяют основную структуру корпоративных отношений и их внутреннюю логику. Например, участие в корпорации предполагает правоотношения, касающиеся вступления в орга-

низацию, внесения имущественных вкладов и получения связанных с этим прав и обязанностей. Управленческие отношения, в свою очередь, охватывают вопросы формирования органов управления, принятия решений и исполнения их актов.

В научной литературе предлагаются дополнительные классификационные подходы. Так, Д. В. Ломакин выделяет главные и производные корпоративные отношения. Главные отношения включают членство в корпорации и являются основой для возникновения производных отношений, таких как право на дивиденды или участие в голосовании. Этот подход позволяет детализировать механизмы взаимодействия участников корпорации и органов управления [9, с. 21-22].

Белов В. А. предлагает классифицировать корпоративные отношения по субъектному составу. Он выделяет три уровня: отношения между участниками корпорации, отношения между участниками и самой корпорацией, а также отношения между участниками и органами управления [10, с. 52]. Такой подход подчеркивает многоаспектность корпоративных отношений и их сложную внутреннюю структуру.

Еще одним важным аспектом классификации является разделение корпоративных отношений в зависимости от формы корпорации. Например, в акционерных обществах преобладают обязательственные элементы, поскольку отношения между акционерами регулируются преимущественно уставом и законами об обязательствах. В обществах с ограниченной ответственностью значительное место занимают личные связи участников и элементы доверия. В некоммерческих корпорациях акцент делается на достижении социальных целей, что также отражается на структуре их отношений.

Роль корпоративных отношений в правовой системе заключается в том, что они служат инструментом регулирования экономической активности и обеспечения баланса интересов участников, органов управления и внешних контрагентов. Корпоративные отношения способствуют реализации принципов гражданского права, таких как равенство сторон, автономия воли и защита имущественных интересов. Кроме того, они играют важную роль в правоприменительной практике, где вопросы защиты прав участников корпорации, разрешения корпоративных споров и ответственности органов управления занимают центральное место [11, с. 46].

Одним из актуальных направлений исследования корпоративных отношений является их цифровизация и внедрение новых технологий. Например, развитие блокчейн-технологий и децентрализованных автономных организаций (DAO) меняет традиционные подходы к регулированию корпоративных отношений. Эти изменения требуют адаптации законодательства и выработки новых механизмов защиты прав участников [12, с. 140].

Таким образом, классификация корпоративных отношений позволяет не только структурировать их содержание, но и определить их роль в правовой системе. Дальнейшее исследование в этой области должно учитывать новые вызовы и изменения, происходящие в экономической и технологической среде.

Корпоративные отношения являются уникальным и многоаспектным институтом гражданского права, формирующим основу для взаимодействия участников, органов управления и внешних контрагентов. Их правовая природа сочетает элементы частного и публичного регулирования, что отражает сложность задач, стоящих перед современными корпорациями. На протяжении исторического развития корпоративные отношения претерпели значительные изменения, включая интеграцию в национальное законодательство и адаптацию к требованиям глобализированной экономики.

Современное регулирование корпоративных отношений позволяет обеспечить баланс интересов участников, защиту их имущественных прав и поддержку устойчивого управления корпоративными организациями. При этом развитие технологий и цифровизация, включая внедрение блокчейн-технологий и децентрализованных автономных организаций, требуют дальнейшей адаптации законодательства и разработки новых подходов к защите прав участников.

Классификация корпоративных отношений, основанная на их содержании, субъектном составе и организационно-правовой форме, позволяет структурировать и углубить понимание этого института. Такое разделение не только облегчает правоприменительную практику, но и способствует созданию более эффективных механизмов регулирования.

Дальнейшее исследование корпоративных отношений должно учитывать вызовы, связанные с изменениями экономической среды, развитием новых форм предпринимательской деятельности и необходимостью повышения уровня правовой защиты всех участников корпоративных процессов. Это особенно важно в условиях растущей интеграции национальных правовых систем и необходимости соответствия международным стандартам.

Таким образом, корпоративные отношения остаются динамичной и актуальной областью гражданского права, требующей постоянного внимания со стороны законодателей, ученых и практиков для обеспечения их соответствия реалиям современной экономики и правоприменительной практике.

Список источников

1. Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право. Москва : Статут, 2014. 373 с.

2. Толстова, А. Е. Корпоративное право (учебное пособие). Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2023. 280 с.

3. Логинова, Е. В. Понятие и правовая природа корпоративных отношений с позиций современной гражданско-правовой науки // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 64–68.

4. Толстова, А. Е. Способы защиты нарушенных прав при совершении крупных сделок // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 2 (51). С. 63-68.

5. Сапаров, М. Ч. Понятие и правовая природа корпоративных отношений: доктрина и практика // Образование и право. 2017. № 5. С. 175-176.

6. Яковлев, В. Ф. Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации - развитие основных положений гражданского права // Кодификация российского частного права / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. Москва : Статут, 2015. С. 45-58.

7. Ломакин, Д. В. Корпоративные правоотношения как составная часть системы гражданско-правовых отношений: на примере хозяйственных обществ: дис. … д-ра. юрид. наук. Москва, 2009. 514 с.

8. Зинченко, С. А. Корпоративные отношения в реформируемом гражданском законодательстве России // Гражданское право. 2014. № 4. С. 12-19.

9. Ломакин, Д. В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. Москва : Статут, 2020. 144 с.

10. Белов, В. А. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики. Москва : Юрайт, 2012. 678 с.

11. Корпоративное право: учебное пособие / под ред. О. В. Гутникова. Москва : Юрайт, 2019. 976 с.

12. Шатрова, В. А., Рукавишникова, М. В. Корпоративные отношения в гражданском праве // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 6. С. 140–141.

УДК 346.3

Кореньблюм Егор Анатольевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: insanemistake@yandex.ru

Korenblyum Egor Anatolyevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: insanemistake@yandex.ru

ТОРГИ КАК СПОСОБ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ ТОВАРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

BIDDING AS A WAY TO CONCLUDE A CONTRACT FOR THE SUPPLY OF GOODS FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

В статье представлена характеристика торгов как способы заключения договора. Анализируются точки зрения на правовую природу торгов. Особое внимание уделено характеристике торгов как способы заключения государственного и муниципального контракта, в том числе осуществление подрядных работ для публичных нужд.

Ключевые слова: торги, конкурс, аукцион, государственный заказ, государственный подряд, заказчик, государственные и муниципальные нужды.

The article presents the characteristics of bidding as a way to conclude a contract. The points of view on the legal nature of the bidding are analyzed. Special attention is paid to the characterization of auctions as ways of concluding a

state and municipal contract, including the implementation of contract work for public needs.

Keywords: bidding, tender, auction, government order, government contract, customer, state and municipal needs.

В современных условиях развития экономики особую популярность приобрел способ заключения договора на торгах. Стоит отметить, что заключение договора посредством торгов стимулирует хозяйствующие субъекты в направлении поиска и предложения оптимального для заказчика варианта удовлетворения его потребностей, способствует состязательности и в конечном итоге обеспечивает баланс экономических интересов всех участников данной процедуры.

Как отмечает О. А. Беляева, торги представляют собой один из самых сложных, но при этом довольно эффективных способов заключения договора, практика использования которого расширяется год от года [1, с. 3]. Сахабутдинова Д. Н. подчеркивает, что торги служат цели обеспечения объективности в процессе реализации и приобретении имущества [2, с. 10].

Как следует из положений гражданского законодательства, договор заключается посредством проведения торгов с лицами, которые их выиграли. То есть, по своей сущности торги представляют собой заключение договора, механизм, который позволяет выявить контрагентов, с которыми заключаются договоры [3, с. 18].

Важно обратить внимание на то, что законодатель делает оговорку, «если иное не вытекает из его существа», так, например, невозможно представить заключение подобным способом издательского договора с автором определенного произведения или договора пожизненного содержания с иждивением. Это обуславливается тем, что по своей правовой природе торги имеют ограничения, так как они не совместимы при заключении договоров, носящих доверительный или личный характер. Также не видится возможным применение такой процедуры при заключении договора дарения. Так как основной целью заключения договора на торгах является извлечение максимальной выгоды и наличия конкуренции, поэтому применение такой процедуры к безвозмездным сделкам не является верным.

Однако в ГК РФ законодатель не закрепил дефиниции торгов. В связи с этим в юридической литературе и судебной практике возникает множество споров. Такие споры связаны с тем, что авторы по-разному определяют правовую природу торгов.

Рассматривая позиции авторов, интересной видится точка зрения группы цивилистов, которые определяет торги как правовой феномен или правовой механизм с определенным содержанием. В частности, М. В. Шмелева определяет торги как особый вид юридических фактов, являющихся основаниями возникновения гражданских правоотношений [4, с. 65].

Следующая группа авторов высказывает мнение, что по своей правовой природе торги представляют гражданско-правовую сделку [5, с. 85]. Такая позиция, на наш взгляд, является не совсем верной, поскольку сама процедура торгов не является сделкой. Процедура торгов – это лишь способ до-

стижения желаемого результата – заключения договора на наиболее выгодных условиях. Если мы будем рассматривать процедуру торгов, как самостоятельную сделку, то целью такой сделки будет являться лишь фактическое участие в торгах.

Понимание правовой природы торгов как специальный (специфический) способ заключения гражданско-правого договора, является наиболее распространенным в юридической литературе. Так, О. А. Беляева, характеризуя торги как способ заключения договора, указывает на то, что цель торгов состоит в выявлении лица, предлагающего наилучшие условия, на которых будет заключен договор [6, с. 29]. Такой же позиции придерживается и законодатель, который прямо не закрепил дефиницию торгов, однако указал, что торги являются особым или самостоятельным способом заключения договора.

Таким образом, можно отметить, что гражданско-правовой институт торгов был сформирован в дореволюционный период. Однако, в советский период торги, как способ заключения договора, утратили свое значение и по идеологическим причинам регулирование торгов осуществлялось процессуальными нормами исполнения судебных решений. Возврат регулирования торгов материальным правом произошел в связи с принятием Основ гражданского законодательства СССР и республик от 31.05.1991 Современный этап регулирования торгов связан с принятием части первой ГК РФ, в котором торги представлены как способ заключения гражданско-правового договора. Статья 447 ГК РФ закрепляет норму о заключении договора на торгах. Согласно п. 1 ст. 447 ГК РФ договор, если не вытекает из его существа, может быть заключен путем проведения торгов. Договор заключается с лицом, выигравшим торги.

В тоже время, ГК РФ не содержит понятия «торгов». В связи с этим, в юридической литературе существуют различные определения. По мнению одних авторов торги – это сложный юридический состав механизма заключения договора, состоящий из четырех элементов: односторонняя сделка организатора торгов в виде извещения, заявка на участие, процесс определения победителя, заключение договора. По мнению других исследователей между организатором торгов и его участниками заключается особый договор на проведение торгов.

Для уяснения понятие торгов, необходимо отметить, что торги не отождествляются с договором, заключенным на их основе. Заключенный договор и торги можно соотнести как результат и средство его достижения, которые взаимосвязаны. Данная связь проявляется в том, что целью торгов является определение условий договора, предложенных конкретным лицом, а договор основывается на таких предложенных условиях. В этой связи торги можно определить, как специальный способ (специальную процедуру) заключения договора, с лицом, предложившим наиболее выгодные условия.

Определение понятия и правовой природы торгов необходимо для практики применения контролирующими органами, судами, участниками торгов норм, регулирующих проведение торгов, так как отсутствие определения в законодательстве приводит к затруднениям практики применения и

злоупотреблениях в использовании различных наименований процедур заключения договора с целью обойти требования закона о торгах.

В регулировании отдельных сфер, например, заказов для государственных и муниципальных нужд, где торги имеют важное значение, формируются собственные термины. Например, Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» не содержит понятия торгов, а относит конкурсы и аукционы (формы торгов, поименованные в ГК РФ) к «конкурентным способам определения поставщиков», а также запрос котировок и запрос предложений.

Рассматривая торги именно как способ заключения договора, можно выделить основные аспекты. С экономической точки зрения торги можно рассматривать как способ создания конкуренции между участниками торгов, который приведет к извлечению наибольшей выгоды, причем как со стороны организатора, так и потенциальных контрагентов. С юридической точки зрения торги – это способ формирования юридического факта (заключение договора, контракта, сделки).

В настоящее время торги применяются в разных отраслях экономики. Заключение договора путем проведения торгов используется в процедурах банкротства, исполнительных производствах, при определении права осуществления определенного вида деятельности, при предоставлении земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, и, конечно, при осуществлении закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд.

Изучив разные взгляды авторов на правовую природу торгов можно выделить отличительные черты такого института, без которых торги не будут являться таковыми и потеряют свою специфику:

- торги являются специальным способом заключения договора;
- наличие конкуренции между потенциальными контрагентами;
- возможность выбора сторонами наиболее выгодных условий договора;
- заключение договора по итогам торгов.

Необходимо выделять узкое и широкое значения термина «торги». В широком смысле под торгами следует понимать весь процесс заключения договора, представляющий собой взаимодействие его элементов; в узком смысле следует определять торги как процедуру выявления победителя среди подавших заявки на участие в торгах и желающих заключить договор.

Торги заключают в себе определенные юридически важные действия, описание которых требуется для выявления структуры возникающих правоотношений. Лица, которые принимают решение о использовании торгов для заключения договоров для государственных нужд, осуществляют действия, которые связаны с осуществлением будущих торгов до публикации информации об их проведении (к примеру, установление требований к участникам торгов) [7, с. 17]. Данные действия представляют собой подготовку, которая не провоцирует образование обязательств для лиц, которые их осуществляют, и не входят в процесс организации и проведения торгов.

Проведение аукционов и торгов является способом заключения договоров, обусловленным необходимостью поиска контрагентов, а также желанием обеспечивать наиболее подходящие и выгодные условия сделки посредством увеличения конкуренции между потенциальными субъектами договора. Заключение договоров посредством осуществления торгов связано с некоторыми проблемами, необходимостью дополнительных финансовых расходов на проведение и подготовку, однако оно заметно увеличивает экономическую выгоду заказчикам. Торги и аукционы осуществляются для государственных нужд и муниципального имущества, для подбора подрядчиков, для сбыта арестованной недвижимости в исполнительном производстве, продаже имущества должников при банкротстве. Различные государственные учреждения проводят торги по собственной инициативе для подбора наилучших подрядчиков, например, для проведения капитального ремонта зданий и помещений [8, с. 84].

Отечественным законодательством предусмотрено несколько форм проведения торгов: аукционы и конкурсы [9, с. 82]. Отличиями между ними является принцип выявления победителей. Победитель аукциона представляет собой лицо, которое предложило «наивысшую цену». В соответствии с ГК РФ, победителем на аукционе признаются лица, которые предложили самую высокую цену. На подобных аукционах победителя выявляют посредством постепенного увеличения цены, перед стартом торгов устанавливается «шаг аукциона», который является денежным интервалом, на который повышается стоимость предмета торгов на аукционе [10, с. 28].

Стоит отметить, что в современное время многие торги проводятся на заключение договоров об оказании услуг и выполнении работ. В данном случае заказчики торгов заинтересованы в получении минимальных цен. Победителем аукционов становится участник, который после понижения начальной цены, установил наименьшую цену. Таким образом, стартовая цена является предельной ценой, которая в обязательном порядке понижается участниками аукциона. Подобные торги распространены в области муниципальных и государственных заказов.

В соответствии со ст. 447 ГК РФ конкурсом является такой вид проведения торгов, при котором победителей торгов определяют не их организаторы, а конкурсная комиссия; победителями признаются лица, которые предложат наилучшие условия. Конкурс представляет собой оптимальный вид торгов при заключении договоров, например, на управление объектами недвижимости, поскольку в данном случае стоимость услуг организаций обладают наибольшим значением.

Опираясь на гражданское законодательство, можно сделать выводы:

- для разграничения аукционов и конкурсов решающим значением обладает субъект, который уполномочен выявлять победителей торгов;
- «наилучшие условия» включают наилучшую стоимость, как одно из условий, которые подлежат оценке в общем, либо рассматриваются другие условия, а не стоимость [11, с. 229].

Торги в виде конкурса представляют собой наилучший метод подбора для их инициатора контрагентов с наилучшими условиями сделки. Сущность

«конкурса» заключается в соревновании, состязании, конкуренции, которая нацелена на определение наилучшего участника [12, с. 20]. В судебной практике отмечено, что конкурс является мероприятием, нацеленным на выявление лиц, которые способны к оптимальному решению поставленных задач [13].

Стоит отметить, что нередко заказчики торгов определяют смешанные (и конкурсные, и аукционные) требования к победителям, которые должны предлагать лучшие условия по выполнению договоров, а также наилучшую стоимость (к примеру, конкурсы на ремонт и облагораживание муниципальных и государственных зданий).

Торги разделяются на открытые и закрытые. В открытых торгах участвуют любые лица, а в закрытых – приглашенные лица.

Целью торгов является определение их победителей, то есть лиц, которые предлагают наилучшие условия договора для заказчиков торгов. Заключение договора с победителями торгов заключается в выполнении обязанностей заказчиками торгов, невыполнение которых влечет гражданско-правовую ответственность. Победители торгов обладают правом затребовать понуждения уклоняющихся лиц к заключению договоров или возмещения убытков, которые спровоцированы данным уклонением.

Приоритетной задачей национальной системы госзакупок является обеспечение покупки услуг, продукции и работ для муниципальных и государственных нужд. Стоит отметить, что бюджетные средства должны расходоваться экономно и продуктивно.

В научной литературе понятию государственных закупок уделяется пристальное внимание.

Как полагает М. В. Шмелева, государственные закупки рассматриваются с двух позиций. Им указывается, что в практике данный термин используется для описания взаимодействия государственных заказчиков с поставщиками. Также данный термин применяется в экономической теории, в качестве доли произведенных в стране услуг и продукции, которые закупаются правительством, государственными органами посредством средств государственного бюджета [13, с. 62].

Однако, не стоит отождествлять понятия «государственных закупок» с «государственными заказами». Поскольку первое понятия не является узким в отношении второго. Государственный заказ может существовать без госзакупок, если он оформлен, однако не реализован, а закупки без заказов существовать не способны.

По мнению К. В. Кузнецова, государственные закупки в различных странах интерпретируются по-разному. Во многих государствах под «государственными закупками» понимаются закупки, которые совершаются посредством государственного бюджета, требующиеся для обеспечения деятельности органов государственной власти [15, с. 3]. Стоит отметить, что из данного термина исключаются закупки, осуществляемые с целью будущей продажи продукции, услуг или работ.

Как полагает А. В. Ермакова, понятие «заказ» относится к процессу создания, а «закупка» – к процессу размещения, а поставки можно отнести к процессу выполнения государственных заказов [16, с. 18].

Схожего мнения придерживается В. Е. Белов, который считает, что процессы закупок продукции и услуг для государственных нужд можно сравнивать с размещением заказа на поставку, по этой причине методы размещения государственных заказов нередко называют методами закупок [17, с. 84].

По мнению Г. А. Суходольского, государственные закупки представляют собой последнюю ступень реализации госзаказов на приобретение продукции, работ и услуг для муниципальных и государственных нужд [18, с. 23].

Можно сделать вывод, что государственные закупки являются процессом приобретения государством в лице уполномоченных органов для обеспечения муниципальных и государственных нужд продукции, работ и услуг посредством проведения торгов, заключения договоров, то есть любыми методами. Стоит отметить, что важным аспектом является факт применения приобретенных благ лишь для обеспечения государственных потребностей, а не для коммерческих целей.

Список источников

1. Беляева, О. А. Торги: теоретические основы и проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. А. Беляева. — Москва, 2012. 65 с.

2. Сахабутдинова, Д. Н. Торги как субинститут договорного права и юридическая процедура: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 27 с.

3. Денисюк, С. П., Толстова А. Е. Договорное право: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2020. 108 с.

4. Шмелева, М. В. Роль теории в исследовании сферы правового регулирования государственных закупок // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7. С. 60-67.

5. Метелева, Ю. А. Товарный оборот. Право. Практика. Тенденции регулирования. Москва : Юриспруденция, 2007. 129 с.

6. Беляева, О. А. Правовые проблемы аукционов и конкурсов. Москва : Юриспруденция, 2011. 293 с.

7. Балакин, Д. Торги в законодательстве о публичных закупках и в ГК РФ // Конкуренция и право. 2013. № 4. С. 17-20.

8. Толстова, А. Е. Содержание субъективного права собственности публичных образований // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 81-87.

9. Фоминых, О. М. Недействительность договора, заключенного на торгах // Марийский юридический вестник. 2016. № 4(19) С. 79-83.

10. Ефимцева, Т. В., Шевлякова, И. М. К вопросу об определении понятия торгов в гражданском и конкурентном праве Российской Федерации // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 2. С. 27-30.

11. Каменева, А. А., Астапова, Т. Ю. Правовая природа порядка проведения торгов, // Рациональное общество в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Т. 1. Москва : Международный институт экономики и права, 2018. С. 227-232.

12. Молчанов, А. В. Развитие правового института торгов в рамках конкурентного права // Российское конкурентное право и экономика. 2019. № 1. С. 18-23.

13. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15.09.2018 по делу № А53-15713/2018. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Шмелева, М. В. Роль теории в исследовании сферы правового регулирования государственных закупок // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7. С. 60-67.

15. Кузнецов, В. И. Правовое регулирование института государственного заказа: автореф. дис. …канд. юрид. наук. Москва, 2015. 28 с.

16. Ермакова, А. В. Особенности регулирования торгов, организуемых в сфере публичных интересов: автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва, 2010. 25 с.

17. Белов, В. Е. Поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: правовое регулирование. Москва : Норма, Инфра-М, 2011. 304 с.

18. Суходольский, Г. А. Спорные вопросы правового регулирования торгов // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8. С. 21-25.

УДК 347.451

Корченкова Мария Андреевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: mari.korchenkova98@mail.ru

Korchenkova Maria Andreevna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: mari.korchenkova98@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF RETAIL SALE AND PURCHASE RELATIONS

Статья посвящена проблематике регулирования отношений розничной купли-продажи, что обусловлено практической значимостью данных договоров и широким их применением в современной торговле. Анализ договора розничной купли-продажи как основного механизма в гражданском обороте, рассмотрение прав и обязанностей сторон, а также важности данного договора для защиты прав потребителей. В статье рассматриваются условия сделки, такие как цена, качество товара, а также актуальные вопросы, включая проблемы возврата и обмена товаров, недобросовестную торговлю и нечеткие определения в законодательстве. Особое внимание уделяется необходимости информирования потребителей о товарах и услугах, формированию стандартов предоставления информации и усилению правовых механизмов защиты прав потребителей.

Ключевые слова: купля-продажа, розничные отношения, торговля, договор, товары, потребители, покупатель и продавец.

The article is devoted to the problems of regulating the relations of retail sale and purchase, which is due to the practical importance of these contracts and their wide application in modern trade. The analysis of the contract of retail sale as the main mechanism in civil turnover, consideration of the rights and obligations of the parties, as well as the importance of this contract for the protection of consumer rights. The article considers the terms of the transaction, such as price, quality of goods, as well as topical issues, including the problems of return and exchange of goods, unfair trade and unclear definitions in the legislation. Special attention is paid to the need to inform consumers about goods and services, the formation of standards for providing information and strengthening legal mechanisms for consumer protection.

Keywords: purchase and sale, retail relations, trade, contract, goods, consumers, buyer and seller.

Договор розничной купли-продажи представляет собой один из ключевых механизмов, играющих ведущую роль в гражданском обороте. Договор розничной купли-продажи регулирует права и обязанности сторон, устанавливает основные условия сделки и предоставляет сторонам возможность защищать свои права и интересы. Договор розничной купли-продажи, прежде всего, направлен на удовлетворение насущных потребностей широкого круга физических лиц, которые приобретают разнообразные товары для личных нужд. Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики, по итогам 2024 г. оборот розничной торговли вырос на 7,2% по сравнению с 2023 г. и достиг отметки в 55,5 трлн руб. Структурно оборот розничной торговли включает пищевые продукты (47,6%), непродовольственные товары — 52,4% [1].

Договор розничной купли-продажи определяет права и обязанности продавца и покупателя в процессе совершения сделки. Данный договор охватывает широкий круг аспектов, включая цену, качество товара, условия оплаты, доставки, гарантии и иные существенные условия, которые формируют правовой статус сторон и защищают их интересы. Вместе с тем подобные договоры не только позволяют хозяйствующим субъектам устанавливать связи по обмену товарами и предоставлению услуг, удовлетворять личные потребности граждан, но и закрепить правовое положение сторон, устанавливают требования к их действиям, обеспечивают реализацию прав и определяют последствия нарушения обязательств.

Итак, договор розничной купли-продажи представляет собой юридическое соглашение между продавцом и покупателем, которое регулирует отношения между ними при покупке и продаже товаров. Сторонами договора розничной купли-продажи относятся покупатель и продавец. При этом в качестве сторон данного договора, то есть в качестве покупателя и продавца выступать могут не любые субъекты гражданских правоотношений. Так, продавцом в данном договоре может быть только лицо, которым продажа

товаров в розницу осуществляется на постоянной основе (в качестве постоянной предпринимательской деятельности), то есть юридические лица (коммерческие организации независимо от организационно-правовой формы), граждане – индивидуальные предприниматели. Юридическое лицо выступает в качестве самостоятельного хозяйствующего субъекта, наделенного правами и обязанностями юридического лица, осуществляющего под собственную имущественную ответственность экономическую деятельность, которая направлена на получение прибыли от коммерческой деятельности [2, с. 61].

Договор розничной купли-продажи имеет важное значение для защиты прав и интересов потребителей. Он предоставляет потребителям возможность получить товары, соответствующие заявленным качественным и количественным характеристикам. В случае нарушения условий договора, потребитель имеет право на обмен, возврат товара или иные меры защиты своих прав. Однако договор розничной купли-продажи также связан с рядом вызовов и проблем, с которыми сталкиваются стороны.

К таким проблемам относятся недобросовестная торговля, неверное описание товара, отсутствие гарантий качества товара, несоответствие товара заявленным характеристикам, а также в некоторых случаях сложность в возврате или обмене товаров, что в конечном итоге может негативно сказаться на доверии потребителей и репутации продавца. Данные проблемы требуют эффективного правового регулирования и обновления механизмов защиты прав потребителей [3, с. 58].

Специфический характер правоотношений между продавцом и потребителем выражается в том, что последний является наиболее уязвимой с экономической точки зрения стороной, что обуславливает необходимость обеспечения его защиты. В действующей редакции Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о ЗПП) по-прежнему присутствует ряд так называемых оценочных понятий, требующих исчерпывающего толкования, а также тех, в отношении которых отсутствует соответствующее легитимное определение. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 8 Закона о ЗПП информация о приобретаемом товара, оказываемой услуге или выполняемой работе в обязательном порядке должна быть донесена до потребителя в доступном и понятном для него виде, перечень данной информации, обязательной для предоставления потребителю, обозначен в положениях ст. 9-10 Закона о ЗПП. Оценочные характеристики в отношении доступности информации о составе, сроке годности и иных отличительных чертах продовольственного товара, представленного в виде текста, выполненном мелким шрифтом на упаковке товара, в частности на сгибе или иных труднодоступных для прочтения местах, становится причиной возникновения различных спорных ситуаций [4, с. 35].

Гражданско-правовая ответственность, возникающая в результате нарушения прав потребителя на предоставление информации о товарах, работах или услугах, заключается в возмещении убытков, понесенных потребителем из-за совершенного продавцом гражданского нарушения, а также в удовлетворении других требований в соответствии со ст. 12 Закона о ЗПП.

В положениях данной статьи представлено несколько разновидностей последствий, возникающих при нарушении продавцом, изготовителем или исполнителем права потребителя на получение информации о товаре. Согласно ч. 1 ст. 12 Закона о ЗПП приобретение потребителем товаров, услуг и работ, не отвечающих его требованиям, в связи с отсутствием у него возможности получения соответствующих сведений на момент заключения договора, может быть рассмотрено как уклонение от совершения сделки при отсутствии законных на то оснований. Моментом наступления гражданско-правовой ответственности является момент нарушения продавцом или исполнителем непосредственных прав потребителя. Так, непредоставление достоверных данных на момент заключения договора приводит к возникновению у потребителя права на возмещение понесенных убытков, а при заключении договора потребитель вправе в течение разумных сроков отказаться от его исполнения. В соответствии с положениями п. 36 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» при определении разумности сроков в обязательном порядке во внимание принимается срок годности товара, сезонный характер его применения, индивидуальные потребительские свойства, а также наличие возможности истребования возврата суммы и иных убытков, понесенных в связи с допущением нарушения права потребителя на получение сведений о товаре, услуге или работе.

Также стоит отметить, что Закон о ЗПП применяется также и к владельцам сайтов, которые предоставляют потребителям возможность ознакомиться с информацией о товарах продавцов, а также приобрести их, в том числе путем внесения предоплаты. Действие данной нормы не распространяется на агрегатор при непосредственном поступлении оплаты от потребителя напрямую продавцу. Таким образом, к ответственности в связи с нарушением права потребителя на предоставление сведений о товаре может быть привлечен продавец, исполнитель, а также владелец агрегатора.

Владелец агрегатора может быть привлечен к ответственности за нарушение авторских прав в случае, если на его платформе загружены материалы, нарушающие данные права. Однако владельцем платформы могут быть приняты меры по предотвращению данных нарушений, в частности посредством установления соответствующих правил пользования платформой, подразумевающих под собой запрет на нарушение авторских прав, а также создания системы мониторинга, способствующей оперативному выявлению таких нарушений и принятию соответствующих мер. Владелец агрегатора несет ответственность за действия на своей платформе, что подразумевает его обязанность предотвращать нарушения, в случае невыполнения этой обязанности, он подлежит привлечению к гражданско-правовой ответственности.

В соответствии с положениями п. 1.2 ст. 9 Закона о ЗПП, на владельцев агрегаторов возлагается обязанность по предоставлению потребителям сведений о самом агрегаторе, продавце, режиме работы, месте нахождения, а также обязан сообщать о вносимых изменениях. Способ предоставления данных сведений потребителям избирается владельцем агрегатора на само-

стоятельной основе. Кроме того, стоит отметить, что на законодательном уровне не закреплены конкретные требования к способу, времени, месту, размеру и особенностям шрифта, а также иным критериям доведения информации до потребителя. Исключение составляют лишь общие требования о предоставлении сведений в доступной и наглядной форме, а также о том, что потребитель не должен совершать дополнительных действий, таких как переход по неизвестным ссылкам, а также отсутствия у потребителя сомнений в том, что услуга оказывается именно агрегатором.

На владельца агрегатора также возлагается обязанность по внесению изменений в отношении информации о товаре. Таким образом, агрегаторы несут ответственность за предоставление исчерпывающей и достоверной информации о товарах, в противном случае на него возлагается обязанность по возмещению убытков, понесенных потребителем. В соответствии с условиями договора об осуществлении деятельности на совместной основе, а также характера отношения ответственность распределяется между продавцом и владельцем агрегатора [5, с. 12].

При отсутствии данного договора применению подлежат общие и специальные положения Закона о ЗПП. Также нельзя не отметить наличие у потребителей права на истребование предоплаты, внесенной за товары или услуги, которые не были переданы или оказаны в обозначенные сроки, либо вовсе не были переданы или оказаны. При уведомлении потребителем продавца об отказе от исполнения условий договора купли-продажи на владельца агрегатора возлагается обязанность по возврату денежных средств потребителю в течение десяти календарных дней. При направлении владельцу агрегатора требования о возврате денежных средств потребитель в обязательном порядке также направляет владельцу агрегатора подтверждение направления продавцу отказа от исполнения условий договора купли-продажи или возмездного оказания услуг. Однако, на данный момент применение данных нововведений вызывает ряд трудностей [6, с. 21]. Такой усложненный механизм отказа потребителя от договора, на наш взгляд, не отвечает требованиям простоты и доступности покупки и возврата товара, путем использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», что в дальнейшем может затруднить защиту прав потребителей и снизить их доверие к процессу.

На данный момент правовая база по урегулированию споров между потребителем и владельцем агрегаторов еще не сформирована должным образом, что не позволяет утверждать об эффективности вышеуказанных нововведений. Однако необходимость в установлении прав и мер привлечения к ответственности в данной сфере не вызывает каких-либо возражений. Владельцы агрегаторов в обязательном порядке должны нести ответственность за совершение ими соответствующих действий, а у потребителей должна быть возможность по обеспечению защиты своих прав и интересов [7, с. 15].

Также нельзя не отметить, что владельцы интернет-магазинов иногда прибегают к недобросовестным и неправомерным действиям с целью увеличения прибыли. Подавляющее большинство судебных споров, непосредственными участниками которых выступают владельцы агрегаторов, пред-

ставляется возможным разграничить на следующие категории – споры, имеющие непосредственное отношение к приобретению товаров ненадлежащего качества, а также споры, непосредственным образом связанные с предоставлением информации о товаре или услуги не в полной мере. Так, в рамках вынесенного Октябрьским районным судом города Самары решения № 2-1964/2019 2-1964/2019~М-1230/2019 М-1230/2019 по делу № 2-1964/2019 от 13.08.2019 исковые требования были удовлетворены частично. При подачt в суд искового заявления истцом было заявлено о приобретении им Apple iPhone X 256 GB через интернет-магазин Aliexpress (ООО «Алибаба.ком»). При эксплуатации товара был обнаружен недостаток, выражающийся в периодическом отключении телефона. Истцом было направлено требование ответчику о расторжении договора розничной купли-продажи, а также о возврате денежных средств, оплаченных за товар. Судом было вынесено решение об удовлетворении исковых требований частично, при этом, договор купли-продажи спорного товара подлежал расторжению, истцу была возвращена полная стоимость телефона, в пользу потребителя была также взыскана неустойка за просрочку исполнения обязательств продавцом.

Особый интерес также представляет вынесенное Московским городским судом апелляционное определение по делу № 33-44415/2017 от 26.10.2017. Согласно решению, вынесенного судом первой судебной инстанции, требования истца о взыскании денежных средств и компенсации причиненного морального ущерба были удовлетворены частично. Истцом был подан иск к ООО «Озон Спорт» с требованием о взыскании денежных средств, оплаченных за приобретение товара, компенсации причиненного морального ущерба, а также выплате штрафа, размер которого составляет половину от суммы, подлежащей выплате истцу. Истец приобрел в интернет-магазине беговую дорожку. При проведении осмотра товара было обнаружено наличие несоответствие между его внешним видом и описанием, предоставленным продавцом, также был выявлен ряд недостатков товара. Направленная ответчику претензия не была удовлетворена. Судом первой инстанции требование о взыскании денежных средств и компенсации причиненного морального ущерба было частично удовлетворено.

Подводя итоги выявленной проблеме регулирования отношений розничной купли-продажи, можно предложить следующие пути их решения:

1. Российскими судами выработаны общие позиции по вопросам обязанностей и ответственности владельцев агрегаторов, но, несмотря на это, остается множество спорных аспектов, требующих более детальной регламентации законодателем, а именно: механизмов защиты прав потребителей, конкретизации обязанностей и усиления ответственности владельцев интернет-магазинов, действующих в сфере реализации товаров. Поскольку в России быстро развивается рынок электронной коммерции, вместе с ним появляются и цифровые посредники между продавцами и покупателями, что вызывает правовые проблемы. Российские суды испытывают сложности при оценке роли и функционала агрегаторов, а также их возможности влиять на продавцов и покупателей.

2. Закрепленная в Законе о ЗПП модель ограниченной ответственности владельцев агрегаторов видится несправедливой и нарушающей баланс интересов не только потребителей и бизнеса, но и онлайн- и офлайн-ретейлеров. Существующий иммунитет владельцев агрегаторов от ответственности за действия продавцов и исполнителей, де-факто являющихся их бизнес-партнерами, не соответствует существу экономических отношений между указанными субъектами и не отвечает общественным интересам. Видится очевидным, что пределы ответственности владельца агрегатора не должны ограничиваться одним лишь предоставлением потребителю всей необходимой информации. Владелец агрегатора в определенных случаях должен нести ответственность за своих бизнес-партнеров, реализующих потребителям товары. В этой связи необходимо в ст. 20-21 Закона о ЗПП закрепить строго определенные сроки для устранения и замены товаров ненадлежащего качества.

3. С учетом «цифровой власти» владельцев агрегаторов, указанные субъекты должны нести как минимум субсидиарную ответственность перед потребителями. При этом, такая ответственность должна основываться не на гражданско-правовой квалификации отношений между потребителем, владельцем агрегатора и продавцом, а на соответствии критериям, которые будут установлены в законе и в случае соответствия которым на владельца платформы будет распространяться специальный правовой статус владельца агрегатора по аналогии с тем, как предусматривает абз. 13 преамбулы Закона о ЗПП. В связи с этим видится целесообразным дополнить Закон о ЗПП положениями об ответственности владельцев агрегаторов, помимо тех, которые уже предусмотрены ст. 12 Закона о ЗПП, и условиях ее применения. Вместе с тем само по себе закрепление в законе нового режима ответственности владельцев агрегаторов будет недостаточно эффективным до тех пор, пока в судебной практике не будут устранены имеющиеся противоречия, в том числе в части применения норм о владельцах агрегатора к тому или иному лицу.

4. Также в условиях стремительных темпов цифровизации следует в ближайшей перспективе рассмотреть возможность принятия специального закона об электронной торговле, который устранил бы имеющиеся пробелы в законодательстве, урегулировал правовой статус агрегатора, продавца и покупателя, утвердил права и обязанности субъектов данного правоотношения. Нормативный акт должен быть направлен на упрощение отношений между заинтересованными сторонами, облегчение процесса защиты нарушенных прав и устранение правовой неопределенности сторон.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что договор розничной купли-продажи не только облегчает осуществление торговли, но также требует постоянного внимания и совершенствования. В условиях быстро меняющейся экономической среды и развития электронной коммерции, понимание правового режима и особенностей договора розничной купли-продажи является необходимым для защиты интересов сторон и обеспечения справедливости и эффективности в торговых отношениях.

Список источников

1. Оборот розничной торговли в РФ в 2024 году вырос на 7,2% // Рамблер [сайт]. *URL:* https://finance.rambler.ru/business/54170982-oborot-roznichnoy-torgovli-v-rf-v-2024-godu-vyros-na-7-2/ (дата обращения: 12.02.2025).

2. Денисюк, С. П., Толстова А. Е. Договорное право: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2020.108 с.

3. Толстова, А. Е. Механизм осуществления юридической помощи: нормативное закрепление и пробелы правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 3 (64). С. 54-60.

4. Абинов, И. О. Гражданская ответственность за нарушение права потребителя на информацию // Молодой ученый. 2022. № 29 (424). С. 32-40.

5. Адаменко, А. П. Пискунова, Н. И., Целовальникова, И. Ю. Гражданско-правовая ответственность владельцев агрегаторов торговых площадок при продаже товаров потребителям // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 12 (243). С. 12-21.

6. Никишина, В. В., Татаринова, Е. П. Защита прав потребителей и лицензионный договор в сети «Интернет» // Юрист. 2022. № 11. С. 21-26.

7. Громоздова, Д. К., Шекхи, А. Ю. Ответственность агрегатора онлайн-платформ // Скиф. 2023. № 6 (82). С. 15-22.

УДК 347.193

Куприс Надежда Леонидовна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Kupris Nadezhda Leonidovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

ПРАВОМОЧИЯ ПУБЛИЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОБСТВЕННИКА

POWERS OF A PUBLIC ENTITY AS AN OWNER

В статье рассматриваются правомочия публичного образования как собственника имущества. Правомочия дают родовую характеристику права собственности, а степень свободы собственника в осуществлении своего права — видовую, т. е. способствуют его отграничению от всяких и ныв вещных прав, что особенно актуально по отношению к так называемым широким вещным правам - правам хозяйствования с чужими вещами включающими, как и право собственности, правомочия владения, пользования и распоряжения своими объектами.

Ключевые слова: публично-правовое образование, государственные образования, муниципальные образования, владение, пользование, распоряжение, управление.

The article examines the powers of public education as the owner of property. Powers give a generic characteristic of property rights, and the degree of freedom of the owner in exercising his right is specific, i.e. they contribute to his separation from all other property rights, which is especially important in relation to the so-called broad property rights - the rights of managing other people's

things, including, like property rights, the rights of possession, use and disposal. your own objects.

Keywords: public law education, public entities, municipal entities, ownership, use, disposal, management.

Как известно, содержание всякого субъективного права представляет собой совокупность образующих его правомочий. В полном соответствии с принципом, согласно которому содержание всех вещных прав должно быть прямо определено законом, норма п. 2 ст. 209 ГК РФ устанавливает, что право собственности слагается из трех следующих правомочий: владения, пользования и распоряжения.

Такое перечисление неполно, поскольку нет и не может быть такого субъективного права, содержание которого могло бы исчерпаться правомочиями на совершение одних только собственных активных действий. Несмотря на то, что в праве собственности (как и всяком вещном, и (шире) абсолютном праве) возможности по совершению управомоченным лицом собственных действий составляют «центр тяжести» субъективного права, они, тем не менее, не исчерпывают всего его содержания. Наряду с возможностью совершения собственных активных действий собственник вправе требовать от всех иных противостоящих ему лиц, как пребывающих в состоянии неправа – воздержания от совершения с его вещью каких-либо действий без его, собственника, на то разрешения. Тем не менее не подлежит, конечно, никакому сомнению, что пресловутая триада вполне характеризует то основное, что составляет содержание права собственности.

Согласно авторитетному указанию А. А. Рубанова автором «триады» в русской литературе является В. Г. Кукольник, в 1813 г. определивший право собственности как «...власть владеть вещью, пользоваться и по произволению располагать оною». Можно согласиться с предположением Августа Афанасьевича, что именно из этой книги определение это перекочевало (при непосредственном участии М. М. Сперанского) в Свод Законов Российской империи, после чего нормативное определение права собственности *непременно через правомочия владения, пользования и распоряжения* превратилось, можно сказать, в одну из традиций отечественного гражданского права. Статья 420 Свода Законов (Законов гражданских) Российской империи (непосредственными источниками которой, между прочим, считались цитированные выше нормы Жалованных грамот 21.04.1785) постановляла, что всякий, «кто быв первым приобретателем имущества... получил *власть... исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться* оным *вечно и потомственно, доколе не передаст сей власти другому*, или кому власть сия от первого ее приобретателя дошла непосредственно или чрез последующие законные передачи и укрепления, тот имеет на сие имущество *право собственности*». Не потерялась триада ни в одном последующем систематическом акте отечественного гражданского законодательства, перекочевав (хотя и в сильно урезанном виде) в том числе в проекты

Гражданского уложения Российской империи 1905 г, ГК РСФСР 1922 г., Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. и ГК РСФСР 1964 г., а также Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. [1, с. 56-57].

Периодически звучащие в литературе предложения о *дополнениях* традиционной триады какими-нибудь еще правомочиями (чаще других предлагаются правомочия управления, потребления и уничтожения), равно как и попытки свести ее к меньшему числу правомочий (например, к одному только распоряжению) [2, с. 112], не подлежат какой-либо оценке до тех пор, пока не будет ясно, какое конкретное содержание вкладывается в то или иное правомочие. Ниже, по рассмотрении традиционной интерпретации того, что понимается под правомочием владения, что - пользования и что - распоряжения, мы увидим, что назвать какое-то конкретное действие собственника, которое нельзя было бы отнести ни к одному из этих правомочий, затруднительно.

Нет возможности согласиться и с возражением о невозможности свести определение права собственности к триаде потому, что составляющие этой триады образуют «нечто большее», чем обыкновенную их совокупность. «Нечто большее» усматривают в способности права собственности выделять (отпочковывать) из себя права, содержащие правомочия, подобные тем, что входят в состав самого права собственности, а также в его способности сохраняться, несмотря на отсутствие фактической возможности осуществлять правомочия. Такое свойство, называемое эластичностью, действительно присуще праву собственности, но не следует забывать, что оно в точно такой же степени присуще и всякому другому субъективному праву. Эластичность субъективного права — следствие такого его свойства, как системность: правомочия, составляющие субъективное право, действительно образуют некое новое качество — то самое, благодаря которому субъективное право становится само собой. Свойство системности присуще праву собственности в точно такой же степени, как и другим субъективным правам.

Нельзя, однако, не согласиться с тем, что простым количественным перечислением правомочий полного представления о праве собственности с его качественной стороны создать невозможно. А. А. Рубанов правильно подметил, что в вопросе об определении права собственности «...цивилистическая мысль шла... в двух основных направлениях. Одно из них можно назвать «вариантным»: нормы права определяют исходные правовые позиции субъекта права собственности путем перечисления различных вариантов его поведения, касающегося вещи. Во втором случае закон и доктрина определяют эти позиции путем фиксации независимости субъекта права собственности от других субъектов гражданского права» [3, с. 105]. Но он почему-то не указал на то, что уже со времени ст. 420 т. X ч. 1 Свода Законов Российской империи через всю русскую дореволюционную цивилистику (не говоря уже о советской) тянется традиция такого определения права собственности, которое можно было бы назвать синтетическим, поскольку оно сочетает в себе с количественную сторону

(владение, пользование, распоряжение), т. е. вариативность, и качественную, т. е. характеристику собственника как лица, независимого от других себе подобных субъектов гражданского права, осуществляющего свое право «исключительно и независимо от лица постороннего», «своей властью и в своем интересе», «независимо» (от посторонних лиц), «своей властью и наиболее всеобъемлющим образом», «исключительно по своему усмотрению», «вполне свободно, по своему усмотрении в целях удовлетворения своих интересов», «по своему усмотрении и в своем интересе» и т. п. Обе эти характеристики имеют свое собственное назначение: правомочия дают родовую характеристику права собственности, а степень свободы собственника в осуществлении своего права - видовую, т. е. способствуют его отграничению от всяких и ныв вещных прав, что особенно актуально по отношению к так называемым широким вещным правам - правам хозяйствования с чужими вещами включающими, как и право собственности, правомочия владения, пользования и распоряжения своими объектами. В то же время значение вопроса о качественной стороне - пределах и принципах осуществления права собственности и ограниченных вещных прав — нельзя переоценивать, как это делают, например, К. И. Скловский, объявляющим пресловутую «триаду» чисто исторической проблемой [4, с. 31], или Е. А. Суханов, считающий «владение, пользование и распоряжение» лишь простыми терминами, словами, лишенными конкретного содержания [5, с. 83].

Правомочие владения — это юридически защищенная возможность непосредственного фактического господства над вещью, т. е. юридически защищенная возможность владения. Правомочие пользования представляет собой юридически защищенную возможность управомоченного извлекать из вещи ее естественные либо социальные полезные свойства, составляющие потребительную стоимость вещи. Наконец, правомочие распоряжения — это юридически защищенная возможность определять юридическую судьбу вещи ради извлечения из нее меновой стоимости [6, с. 399-400].

Участие публичного образования в отношениях собственности реализуется в двух формах: в форме непосредственного участия через органы государственной и муниципальной власти и в форме опосредованного участия – через представителей. В научной литературе к видам опосредованного участия публичного образования в вещных правоотношениях относят выступление публичных образований посредством учреждаемых юридических лиц – унитарных предприятий и учреждений, которым государственное или муниципальное имущество передается на ограниченном вещном праве [7, с. 5]. Таким образом, публичные образования фактически самоустраняется от дальнейшего непосредственного осуществления правомочий публичной собственности, выделяя его из казны (п. 4 ст. 214 ГК РФ, п. 3 ст. 125 ГК РФ) и, соответственно уменьшает имущественную базу для возможной ответственности по своим обязательствам (п. 5 ст. 113 ГК РФ, п. 2 ст. 126 ГК РФ).

Остановимся чуть подробнее на каждом из названных правомочий собственника-публичного образования.

1. Правомочие владения является юридической формой социального отношения между людьми и их организациями по поводу фактического господства кого-либо из них над той или иной конкретной вещью и, входя в состав какого-либо субъективного права, является показателем вещной природы такого права. Фактическое господство, в свою очередь, выражается в возможности устанавливать и контролировать режим доступа к вещи. Чаще всего этот эффект достигается в ходе совершения фактических действий непосредственно в отношении предмета господства [8, с. 244]. Бывают, впрочем, такие ситуации (предопределенные свойствами вещи и потребностями оборота), когда наличие или отсутствие фактического владения определяется не по фактическим действиям, а по наличию или отсутствию его юридического заменителя (суррогата) — балансового учета, акта приема-передачи, данных технического учета или государственной регистрации.

2. Понятие пользования охватывает фактические действия как положительного, так и отрицательного характера, т.е. как активные фактические действия, совершаемые в отношении вещи, так и акты воздержания от действий, лишь бы эти поведенческие акты были направлены либо на извлечение потребительной стоимости (плодов или доходов) из вещи (собственно пользование в узком смысле слова), либо на ее сохранение и приумножение (воздержание от пользования), либо, наконец, на изменение качества этой стоимости (переработка вещи) или даже на ее полную утрату (уничтожение вещи).

Производительное собственническое пользование дает лицу возможность не только извлекать плоды или доходы из вещи, но и присваивать таковые как поступающие, немедленно с момента своего извлечения и отделения от вещи, в собственность собственника плодоприносящей вещи. Собственник может реализовывать свое право пользования сам либо предоставить такую возможность третьим лицам (например, доверительному управляющему) или даже установить для третьих лиц какие-либо права, также содержащие в себе правомочие пользования, например, сдав вещь в аренду (наем) или в ссуду. Установив такое право, собственник, ясное дело, может исключить для себя возможность одновременного осуществления собственного права до тех пор, пока не прекратится установленное им право третьего лица. Впрочем, бывают и такие вещи, которые не исключают возможность одновременно пользования ими как со стороны собственника, так и со стороны других лиц, располагающих соответствующим правом. Чаще всего таковы недвижимые вещи; права, оформляющая описанные отношения, обыкновенно называются правами сервитутного типа или просто сервитутами. Важно не то, каким образом и как интенсивно собственник фактически пользуется принадлежащей ему вещью, а то, что именно он и только он единолично определяет все количественные и качественные характеристики процесса пользования применяясь при этом исключительно к собственным потребностям и интересам. Казалось бы, сказанное противоречит ситуации, когда собственник предоставил право пользования своей вещью другому лицу: в этом случае сам собственник либо вовсе не может пользоваться ве-

щью, либо пользование его будет вынуждено сообразовываться с потребностями и интересами этого другого лица. Это верно, но не следует забывать, что предоставление права пользования своей вещью другому лицу означает не что иное, как реализацию правомочия распоряжения своей вещью [9, с. 22], т. е. создание несколько иных условий дальнейшей реализации своего права собственности. Собственник-публичное образование не имеет возможность использовать имущество, иначе как по целевому назначению.

Казна – нераспределенное имущество публичных образований формируется и расходуется только в порядке, установленным бюджетным законодательством. Имущество, закрепляемое за государственными и муниципальными предприятиями и учреждениями, также может использоваться соответствующими юридическими лицами только в рамках, установленных их учредительными документами [10, с. 23].

3. Под распоряжением обыкновенно понимается определение юридической судьбы вещи. Но поскольку вещь как субстанция фактическая претерпевать на себе юридических действий не способна то и выражение «юридическая судьба вещи» следует признать неточным. Юридическую судьбу может иметь не сама вещь, но право собственности на нее, которое может быть собственником прекращено вовсе, передано другому лицу либо, наконец, обременено правами или иными юридическими возможностями других лиц [11, с. 68]. Сказанное позволяет видеть, что по своей природе и существу своему распоряжение кардинально отличается от владения и пользования: в то время как владение и пользование имеют своим предметом саму вещь, предметом распоряжения является право на вещь, в первую очередь право собственности на вещь. Правомочие распоряжения субъективным правом никак не может входить в состав самого субъективного права, являющегося предметом распоряжения; в этом смысле включения правомочия распоряжения в состав права собственности, конечно, совершенно нелогично и неосновательно. Возможность распоряжения субъективным правом – это элемент правоспособности носителя соответствующего субъективного права — но не правомочие, входящей в состав этого права.

С учетом этой поправки можно сказать, что распоряжение охватывает собой действия, влекущие не только перенесение права собственности на вещь (отчуждение вещи), но и установление новых, ранее не существовавших прав на нее. Так, собственник может самостоятельно решать, продолжать ли ему оставаться собственником вещи либо произвести ее отчуждение; в последнем случае собственник по своему усмотрению определяет, в чью пользу, каким образом и на каких условиях он осуществит такое отчуждение (продаст ли вещь такому-то лицу за такую-то цену, обменяет ее на такую-то вещь, подарит, сдаст под выплату ренты и т. д.). Приняв решение о сохранении вещи за собой собственник может обременить себя установлением каких-либо прав третьих лиц на соответствующую вещь, в том числе вещных (например, права аренды, безвозмездного пользования, сервитут, право залога и т. д.) или обязательственных прав (например, права требования по договору залога с условием об оставлении имущества в собственном владении); кроме того, он может стеснить себя в сфере

фактических возможностей по осуществлению своего права собственности, сдав вещь, скажем, для перевозки, на хранение или в доверительное управление.

В качестве распорядительных актов публичным имуществом могут выступать действия по закреплению публичного имущества за государственными и муниципальными предприятиями и учреждениями. Данный способ весьма специфичен и, как следует признать, недоступен другим субъектам гражданских правоотношений [12, с. 65]. После выделения имущества соответствующим юридическим лицам на праве оперативного управления, либо праве хозяйственного ведения публичное образование оказывается в положении не только собственника, сохраняя определенные возможности контроля за распоряжением данным имуществом (ст. 294-299 ГК РФ), но и в положении третьих лиц, поскольку установление права хозяйственного ведения и оперативного управления подлежат защите против всех и каждого, включая самого собственника (ст. 294-299 ГК РФ).

Управление и распоряжение публичной собственностью, если речь не идет о специальных видах имущества осуществляются через специально создаваемые государственные и муниципальные органы. На федеральном уровне функции управления и распоряжения федеральным имуществом осуществляет Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом (далее Росимущество) и его территориальные органы и подведомственные организации. К полномочиям Росимущества отнесено, в частности, осуществление полномочий собственника в отношении имущества унитарных предприятий и учреждений, акций (долей) акционерных (хозяйственных) обществ и иного имущества, в том числе составляющих государственную казну, полномочий по передаче федерального имущества юридическим и физическим лицам, приватизации федерального имущества; осуществление контроля за управлением и использованием по назначению земельных участков [13, с. 56]. Муниципальные образования также создают особый орган – например, Комитет по управления муниципальным имуществом.

Нераспределенное имущество публичных образований составляет казну Российской Федерации, субъекта Федерации или соответственно муниципального образования. Следует указать, что современное законодательство рассматривает казну как объект, а не субъект права. Прежде всего, это имущество включает в себя средства бюджета. Тем самым, казна является той материальной базой, которая обеспечивает самостоятельное участие публично-правовых образований в гражданских правоотношениях [14, с. 83].

С целью эффективного управления нераспределенным публичным имуществом в Российской Федерации создано специальное ведомство – Федеральное казначейство Российской Федерации. Данный орган государственной власти полномочен по поручению Правительства и Министра финансов осуществлять операции со средствами федерального бюджета, принимать участие в обслуживании государственного внутреннего и внешнего долга государства, а также вести учет государственной казны и т.д.

В состав казны помимо бюджетных средств включают и иное нераспределенное имущество, например, природные ресурсы, валюту, драгоцен-

ные металлы, для которых выделяют специальные фонды.

В отношении публичного имущества, которое передается в хозяйственное ведение или оперативное управление публичное образование сохраняет за собой право контролировать его использование. Вместе с тем, анализ законодательства, регламентирующего формы и порядок подобного контроля позволяет согласиться с общим мнением правоведов о том, что право собственности в отношении распределенного имущества осуществляется публичными образованиями формально. При осуществлении полномочий собственника в отношении имущества унитарных предприятий недостаточно четко отрегулирован порядок взаимодействия между собой различных органов государственной и муниципальной власти, что приводит к спорным ситуациям.

Так, например, настоящим законодательством не предусмотрено обязательное проведение периодических аудиторских проверок для государственных и муниципальных унитарных предприятий, без которых осуществление финансового контроля за хозяйственной деятельностью данных организаций существенно затруднен [15, с. 15].

Список источников

1. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве. Москва : Статут, 2010. 893 с.

2. Управление государственной и муниципальной собственностью: право, экономика, недвижимость и природопользование: монография / А. И. Галкин, С. Г. Еремин, Г. М. Кадырова и др.; под ред. С. Е. Прокофьева, О. В. Паниной, С. Г. Еремина. Москва : Юстицинформ, 2014. 335 с.

3. Рубанов, А. А. Развитие советского гражданского права на современном этапе / отв. ред. В. П. Мозолин. Москва : Наука, 1989. 268 с.

4. Скловский, К. И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. Москва : Статут, 2004. 362 с.

5. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров; Ин-т законод. и сравнит. правоведения. Москва : Статут, 2008. 729 с.

6. Агарков, М. М. Основные принципы советского гражданского права // Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. II. Москва : Статут, 2012. 533 с.

7. Цирин, А. М. Правовые основы муниципальной собственности в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2006. 27 с.

8. Турчин, И. Г. Владение и право владения в системе вещных прав // Власть Закона. 2017. № 1. С. 240-246.

9. Корнилова, Н. В. Право собственности: понятие и содержание в российском и зарубежном праве // Юридический мир. 2014. № 8. С. 21-25.

10. Комягин, Д. Л. Государственная казна как национальное достояние: понятие, учет и контроль (правовой аспект) // Реформы и право. 2016. № 1. С. 20-26.

11. Короткова, О. И. Проблемы управления и распоряжения государственной собственностью // Современное право. 2011. № 3. С. 66-70.

12. Тухватуллин, Т. А. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при управлении и распоряжении государственным и муниципальным имуществом: научно-практический аспект // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 10. С. 59-70.

13. Маслова, С. В. Надзор за управлением и распоряжением федеральной собственностью // Законность. 2012. № 3. С. 56-58.

14. Толстова, А. Е. Содержание субъективного права собственности публичных образований // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 81-87.

15. Белов, В. Е. К вопросу об участии государства и муниципальных образований в отношениях, регулируемых гражданским законодательством // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2013. № 1. С. 14-16.

УДК 347.12

Лапшова Анастасия Дмитриевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Lapshova Anastasia Dmitrievna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

PRIVATE LAW ASPECTS OF MEDICAL ACTIVITY

В статье представлена характеристика отдельных частноправовых аспектов медицинской деятельности. Автор анализирует отдельные особенности возмещения вреда, причиненного при оказании медицинских услуг, рассмотрены проблемы определения деликвента. Предложено дополнить гл. 59 ГК РФ нормами об особенностях ответственности при оказании медицинских услуг, в частности, установить солидарную ответственность медицинской организации и работников, участвующих в оказании медицинской услуги.

Ключевые слова: медицинская деятельность, ответственность за причинение вреда, пациент, медицинская организация, врач, материальная ответственность работника.

The article presents the characteristics of certain private law aspects of medical activity. The author analyzes the individual features of compensation for harm caused in the provision of medical services, the problems of defining a delinquent are considered. It is proposed to supplement Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation with norms on the specifics of responsibility in the provision of medical services, in particular, to establish the joint responsibility of a medical organization and employees involved in the provision of medical services.

Keywords: medical activity, responsibility for harm, patient, medical organization, doctor, financial responsibility of the employee.

Медицинская деятельность определена в законе как профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров, санитарно-противоэпидемических мероприятий (п. 10 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» — далее — Закон об охране здоровья). Кроме указания на профессиональный характер, законодатель не уточняет иные характеристики медицинской деятельности, не определяет правовую природу отношений между субъектом медицинской деятельности и пациентом, которому оказывается помощь.

Для сравнения обратимся к законодательству об адвокатской деятельности. Уже в ст. 1 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре) адвокатская деятельность определяется как квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, имеющими статус адвоката; при этом адвокатская деятельность не относится к предпринимательской. В ст. 25 Закона об адвокатуре указывается на соглашение между адвокатом и доверителем (клиентом) как основание предоставления юридической помощи. По своей правовой природе соглашение является гражданско-правовым договором и регулируется за некоторыми изъятиями нормами ГК РФ [1, с. 47].

Вопрос о том, следует ли регулировать в актах гражданского законодательства и в каком объеме отношения по оказанию медицинской помощи, разрешается в каждой правовой системе по-своему. В течение многих лет европейские государства вполне «обходились» без специального гражданско-правового регулирования взаимоотношений врача и пациента, фактически отдавая решение многих спорных вопросов на усмотрение судей. Однако на рубеже XX - XXI вв. наметилась другая тенденция. В гражданские кодексы и приравненные к ним кодифицированные акты стали включать положения, посвященные договору о медицинских услугах и (или) ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи.

В отличие от зарубежного права в ГК РФ мы не найдем специальных норм об ответственности за причинение вреда пациенту - ни в главах об отдельных видах договоров, ни в гл. 59 об обязательствах вследствие причинения вреда. Этот пробел значительно усложняет задачу для правоприменителя, который вынужден «примерять» к медицинскому вреду не только общие положения деликтного права, но и нормы о специальных деликтах - ст. 1079 ГК РФ (возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности), ст. 1095 ГК РФ (возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ и услуг), не говоря уже о разрешении чисто процессуальных вопросов - распределении бремени доказывания по делу, установлении стандарта доказывания причинной связи. С учетом

наличия в ГК РФ универсальной конструкции договора возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ), а также подробной регламентации обязанностей врача / медицинской организации в Законе об охране здоровья целесообразно было бы дополнить гл. 59 ГК РФ положениями об особенностях возмещения вреда, причиненного при медицинском вмешательстве.

Российское законодательство о здравоохранении определяет в качестве субъектов медицинской деятельности и, соответственно, соискателей медицинской лицензии медицинские организации и индивидуальных предпринимателей (п. 11 ч. 1 ст. 2 Закона об охране здоровья). В свою очередь, представители медицинской профессии, т. е. врачи и иные специалисты в области медицины, отнесены к категории медицинских работников (п. 13 ч. 1 ст. 2 Закона об охране здоровья). В случае если медицинский работник зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя и получил лицензию на медицинскую деятельность, его также можно относить к субъектам медицинской деятельности. Однако преобладающая форма профессиональной деятельности медицинских работников в России — это их трудовая занятость. Именно медицинская организация или индивидуальный предприниматель рассматривается как другая сторона (контрагент) в гражданских правоотношениях с пациентом, как лицо, отвечающее за качество и безопасность оказываемых медицинских услуг [2, с. 77].

Российский законодатель устанавливает в качестве общего правила обязанность работодателя возместить вред, причиненный его работниками при исполнении трудовых (служебных) обязанностей (ст. 1068 ГК РФ). К «работникам» для целей возмещения вреда приравниваются также граждане, выполняющие работу на основании гражданско-правового договора, если при этом они действовали или должны были действовать по заданию соответствующего юридического лица или иного заказчика работ и под его контролем за безопасным ведением работ.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» указывается на ответственность медицинских организаций, а также медицинских и фармацевтических работников за причинение вреда жизни и здоровью пациента при оказании ему медицинской помощи. Данное разъяснение, очевидно, следует толковать ограничительно, имея в виду в качестве субъектов, обязанных компенсировать причиненный моральный вред, лишь соответствующие медицинские организации и частнопрактикующих врачей. Соответственно, конкретный врач или иной медицинский работник, допустивший ошибку и причинивший вред здоровью пациента, по общему правилу не считается субъектом гражданско-правовой (имущественной) ответственности перед потерпевшим. Это не исключает право медицинской организации (работодателя) предъявить регрессное требование к виновному сотруднику на основании ст. 1081 ГК РФ. Однако в силу ст. 241 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ по общему правилу материальная ответственность

работника ограничена его среднемесячным заработком (кроме случаев умышленного причинения вреда, совершения преступления). Применительно к «врачебным делам» работодатель имеет перспективу полного возмещения произведенных в пользу пациента выплат лишь в случае вынесения обвинительного приговора в отношении медицинского работника [3].

Возможны ли исключения из правила об ответственности работодателя за вред, причиненный его работниками? В отечественной доктрине и судебной практике дискуссии разворачиваются в основном применительно к вопросу о том, исполнял ли работник в момент причинения вреда трудовые обязанности (находился ли на рабочем месте, использовал ли принадлежащие работодателю орудия труда и т. д.) [4]. Примеры, когда суд считает допустимой имущественную ответственность врача перед пациентом, носят экстраординарный характер [5].

Каковы плюсы и минусы того, что имущественная ответственность за причинение вреда пациенту в России не персонифицирована на уровне конкретного врача или медицинского работника, допустившего ошибку? В комментариях к ст. 1068 ГК РФ указывается на то, что с помощью такого приема законодатель позволяет потерпевшему предъявить иск к более платежеспособному субъекту (юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю). Кроме того, обеспечивается защита имущественных интересов работника, предупреждается риск его несостоятельности [6, с. 59]. С этим можно поспорить. Прежде всего, российскому законодателю ничто не препятствовало установить режим солидарной ответственности исполнителя медицинских услуг и привлеченных им специалистов. В этом случае права потерпевшего были бы защищены в еще большей степени. В свою очередь, защита медицинских работников от неплатежеспособности по искам пациентов могла бы быть обеспечена при помощи страхования (персонального) профессиональной ответственности.

Нельзя забывать о том, что одной из функций деликтной ответственности является предупреждение аналогичного вреда в будущем, сдерживание опасного поведения (deterrence). Проведенные за рубежом социологические исследования по вопросу о причинах предъявления пациентами исков к врачам показали, что лишь в одной трети случаев пациентом двигало желание получить денежную компенсацию за причиненный вред. Другими побудительными мотивами были: получение объяснений о причинах неблагоприятного исхода лечения, признание ошибки (вины) ответчиком, принятие ответчиком мер по предупреждению аналогичных происшествий в будущем, лишение ответчика права осуществлять медицинскую практику и проч. [7, с. 72]. Исключая врачей и медицинских работников из числа ответчиков по гражданскому иску о возмещении вреда, законодатель тем самым лишает потерпевшего (пациента, его близких) возможности реализовать указанные мотивы, найти «справедливость» в рамках гражданского судебного разбирательства, что в итоге подталкивает к преследованию врача в порядке уголовного судопроизводства.

Превентивный эффект существующей модели ответственности за причинение вреда пациенту снижен и в силу некоторых исторических особенностей развития экономики в России, включая сферу здравоохранения. До настоящего времени основной объем медицинских услуг предоставляется государственными и муниципальными бюджетными учреждениями здравоохранения (районными поликлиниками, центральными и районными больницами и т.д.). Однако, государственные (муниципальные) медицинские организации, имеющие организационно-правовую форму бюджетного учреждения, по-прежнему являются основными участниками на рынке медицинских услуг.

В соответствии с п. 5 ст. 123.22 ГК РФ по обязательствам бюджетного учреждения, связанным с причинением вреда гражданам, при недостаточности имущества учреждения, на которое может быть обращено взыскание, субсидиарную ответственность несет собственник имущества бюджетного учреждения (Российская Федерация, субъект РФ или соответствующее муниципальное образование). У бюджетной медицинской организации априори отсутствует риск несостоятельности (банкротства) и, соответственно, экономические стимулы к сокращению случаев причинения вреда при медицинском вмешательстве и количества претензий пациентов. Как следствие, у данной категории субъектов медицинской деятельности отсутствует потребность в страховании своей ответственности за причинение вреда пациентам. Регулярно взыскивая с государственных и муниципальных больниц значительные суммы компенсации морального вреда в пользу пострадавших пациентов, суды оказывают лишь незначительный эффект на повышение безопасности медицинских услуг. В конечном счете эти взыскания обременяют лишь соответствующий бюджет [8].

В юридической литературе высказываются предложения о переводе врачей (и некоторых категорий медицинских работников) в категорию лиц независимой профессии с использованием механизмов саморегулирования и страхования профессиональной ответственности [9, с. 51]. Это позволило бы сформировать экономические стимулы у медицинских работников к осознанному (а не формальному) регулярному повышению квалификации, выбору безопасных медицинских технологий, более ответственному и индивидуальному подходу к каждому пациенту. Можно было бы ожидать и повышения роли профессиональных медицинских объединений (медицинских палат) в предупреждении и урегулировании конфликтов между врачами и пациентами. Идея персонального лицензирования врача и его самостоятельной имущественной ответственности перед пациентом не чужда и медицинскому сообществу [10, с. 95]. Возможно, пришло время более внимательно изучить соответствующие предложения, высказанные в научной литературе. Тем более что в российском законодательстве уже есть примеры подобного подхода к регулированию профессиональной деятельности: адвокатов, частных нотариусов, оценщиков.

Альтернативным решением может быть дополнение гл. 59 ГК РФ нормами об особенностях ответственности при оказании медицинских услуг

(например, установление солидарной ответственности медицинской организации и работников, участвующих в оказании медицинской услуги).

Список источников

1. Ситдикова, Л. Б. Теоретические проблемы правовой природы правовых услуг // Адвокатская практика. 2008. № 5. С. 46-48.

2. Шевчук, С. С. Барило, С. Е. Особенности оказания медицинских услуг в условиях пандемии // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 2 (51). С. 74-78.

3. Определение Верховного Суда РФ от 10.02.2020 № 25-КГ19-12. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Определение Верховного Суда РФ от 26.10. 2021 № 305-ЭС18-16466. Электронный ресурс] - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29.09.2022 № 5-УД22-91-К2. Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Толстова, А. Е. Механизм осуществления юридической помощи: нормативное закрепление и пробелы правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 3 (64). С. 54-60.

7. Толстова, А. Е. Договор о применении методов искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 3 (60). С. 69-75.

8. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.02.2021 № 88-1887/2021. Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Филимонов, А. А. Особенности ответственности медицинских организаций при причинении вреда жизни и здоровью: гражданско-правовой аспект // Юрист. 2022. № 7. С. 48-53.

10. Жолобов В. Е. Врачебное самоуправление и качество медицинской помощи // Медицина и право в XXI веке: ежегодная междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург : Нордмедиздат, 2018. С. 37-93.

УДК 347.426.42

Майорова Анна Леонидовна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: urist-medical@yandex.ru

Mayorova Anna Leonidovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: urist-medical@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕКАЧЕСТВЕННОГО ОКАЗАНИЯ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

THE PROBLEM OF DETERMINING THE AMOUNT OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE CAUSED AS A RESULT OF POOR-QUALITY DENTAL CARE

Данная статья направлена на изучение практики установления компенсации морального вреда в Санкт-Петербурге, в результате некачественного стоматологического обслуживания. На сегодняшний день не существует правовых норм, регулирующих суммы компенсаций за моральный вред. Судебные органы назначают выплаты, учитывая степень вины ответчика и уровень страданий истца, что ставит под сомнение объективность оценки.

Ключевые слова: моральный вред, размер компенсации, истец, ответчик, пациент, некачественное оказание стоматологической помощи, судебная практика, экспертиза, законодательство, эмоциональный стресс, гражданские права, нравственные страдания.

This article is aimed at studying the practice of establishing compensation for moral damage in St. Petersburg, as a result of poor-quality dental care. To date, there are no legal regulations governing the amount of compensation for moral damage. The judicial authorities order payments based on the degree of guilt of the defendant and the level of suffering of the plaintiff, which casts doubt on the objectivity of the assessment.

Keywords: moral damage, amount of compensation, plaintiff, defendant, patient, poor-quality dental care, judicial practice, expertise, legislation, emotional stress, civil rights, moral suffering.

Компенсация морального вреда является одним из способов защиты гражданских прав. Взыскать моральный вред в контексте российского законодательства означает получить компенсацию за нематериальные страдания, которые были причинены физическому или юридическому лицу в результате неправомерных действий другого лица. Моральный вред может включать в себя физические и нравственные страдания, такие как боль, унижение, потеря репутации или другие негативные переживания и эмоциональный стресс. Правовое регулирование осуществляется ст. 151, ст. 1099-1101 ГК РФ.

Актуальность темы исследования состоит в том, что на сегодняшний день институт морального вреда очень популярен, но вопрос о том, как его

рассчитывать и на что стоит обратить внимание при его расчете, не решен до конца. Единственной формой компенсации морального вреда, предусмотренной ГК РФ, является денежная компенсация, при этом размер компенсации в каждом конкретном споре определяется судом с учетом характера и объема физических, нравственных страданий пациента.

На практике фактически введено полное судейское усмотрение в делах о компенсации морального вреда, что приводит к несоответствиям в правоприменении. Это нарушает принцип равенства всех граждан перед законом и судом. В результате требования разумности и справедливости, закрепленные в ГК РФ, оказываются лишь абстрактными понятиями.

Попытки решить рассматриваемую проблему, разработать единую методику определения размера компенсации морального вреда предпринимали многие. Например, 03.03.2020 Комиссия по вопросам определения размеров компенсаций морального вреда при Ассоциации юристов России разработала «Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека» [1]. В методике учитываются все основания, которые изложены в действующем законодательстве. Для каждого из квалифицирующих признаков установлена шкала. Методика основана на опросах, которые проводились дуальным способом, как с позиции потерпевшего, так и с позиции причинителя, полученные цифры разнились и выводилось медиальное значение. Законодательно методические рекомендации не утверждены, не носят рекомендательный характер, но есть в общем доступе.

Стоматологическая помощь — это комплекс медицинских услуг, направленных на диагностику, лечение и профилактику заболеваний зубов, десен и полости рта. Она включает в себя различные процедуры, такие как пломбирование, удаление зубов, профессиональная чистка, установка коронок и мостов, ортодонтическое лечение (например, установка брекетов), а также лечение заболеваний десен и слизистой оболочки полости рта.

Основные проблемы компенсации морального вреда в стоматологической помощи:

1. Нечеткость определения морального вреда и сложности в объективной оценке интенсивности и наличия страданий, испытываемых пациентом.

В практическом опыте нередко возникают ситуации, когда пациенты умышленно выдумывают несуществующие проблемы, чтобы получить документы, подтверждающие наличие патологий, вызванных стоматологическим лечением. После завершения судебного разбирательства все проявления исчезают.

2. Отсутствие четких стандартов установления объема компенсационных выплат за нематериальный вред препятствует формированию единообразного подхода в правоприменительной деятельности судов.

Вынесенные решения по аналогичной категории зачастую демонстрируют существенные различия в определяемых компенсационных суммах. Длительный процесс формирования консолидированной позиции судебных органов по отдельным правовым вопросам может растягиваться на годы, усложняя выработку общих критериев морального вреда.

3. Предсказать ущерб, причиненный дефектами стоматологической помощи, по частоте их выявления невозможно.

Активно проводятся исследования по определению степени вероятности возникновения того или иного дефекта медицинской стоматологической помощи или врачебной ошибки [2]. Разница в компенсациях за похожие дефекты может достигать астрономических масштабов. Одна и та же некачественная пломба может стать причиной всего лишь ее замены, а в другом случае – привести к полной переделке ортопедической или ортодонтической конструкций.

Стоматологическая практика, несмотря на постоянное совершенствование технологий и повышение квалификации врачей, неизбежно сопряжена с высоким риском судебных исков. Этот риск многогранен и обусловлен целым рядом факторов, взаимодействие которых делает его предсказание и минимизацию крайне сложной задачей. Рассмотрю подробнее эти составляющие.

Во-первых, человеческий фактор играет ключевую роль. Даже высококвалифицированный специалист может совершить ошибку, будь то диагностическая неточность, некорректное планирование лечения или непредвиденные осложнения в ходе процедуры. Субъективность восприятия пациентом результатов лечения значительно повышает риск конфликтов. Пациенты могут иметь завышенные ожидания, не понимать нюансов лечения или недооценивать риски, связанные с вмешательством [3, с. 72].

Во-вторых, коммерциализация стоматологии оказывает существенное влияние на риски. Стремление к максимизации прибыли может подталкивать некоторые клиники к сокращению расходов на качественные материалы, оборудование. Немаловажную роль играет и вопрос ценообразования: несоответствие цены и качества услуг может стать поводом для претензий.

В-третьих, межличностные отношения играют критическую роль. Отсутствие открытого и доверительного диалога между врачом и пациентом, невозможность адекватно объяснить сложности лечения, недостаток информации о возможных рисках и побочных эффектах могут привести к недовольству и конфликтам. Ситуация осложняется, если в процесс вовлекаются родственники пациента, которые могут иметь свое видение ситуации и оказывать давление на врача. Поэтому, высокий уровень коммуникативных навыков врача является одним из ключевых факторов минимизации рисков.

Отсутствие надлежащей медицинской документации, небрежное ведение истории болезни также может стать причиной проблем в случае возникновения спора.

Разработка и внедрение систем управления рисками, программы повышения квалификации врачей, совершенствование законодательной базы – все это необходимые шаги для снижения уровня судебных исков в стоматологии.

Автор провел анализ судебной практики судов общей юрисдикции (гражданское судопроизводство) с 2018 по 2024 год в г. Санкт-Петербург. Для исследования использовались базы данных судебных решений и апелля-

ционных определений, созданных для исследования общедоступной судебной практики.

Опыт демонстрирует, что судебные претензии больных удовлетворяются преимущественно лишь отчасти, а размер возмещений остается сравнительно небольшим.

Так, в деле № 33-17425/2023, рассматриваемом в Санкт-Петербургском городском суде в 2023 г., пациентка Шульман В. М. обратилась с иском к ООО «ВорлдДент», ООО «Стоматология Питер» о возмещении убытков, компенсации морального вреда в связи с некачественным оказанием медицинской помощи в объеме 1 млн. рублей. В своих исковых требованиях пациентка обосновала размер компенсации тем, что в результате установки протезов на верхнюю и нижнюю челюсти, истец не могла безболезненно жевать, в ходе протезирования началось гнойное воспаление, в результате чего она вынуждена была проходить курс лечения по приему антибиотиков и обезболивающих препаратов. Врачи, осуществляющие протезирование и лечение, постоянно менялись, в связи с чем программа лечения также постоянно изменялась, что, по мнению истца, привело к затягиванию процесса протезирования и повлияло на качество оказания медицинских услуг. По мнению истца, медицинские услуги оказаны ей ответчиками ненадлежащего качества. Истец испытывает дискомфорт и болевые ощущения в ротовой полости, в связи с чем ей необходимо переделать установленные ответчиками протезы. Экспертной комиссией установлены дефекты диагностики, планирования и лечения при оказании медицинской помощи Шульман В.М. В связи с изложенным решение суда в части взыскания с ООО «ВорлдДент» компенсации морального вреда в размере 5 000 рублей. При определении размера компенсации морального вреда, подлежащего взысканию с ООО «Стоматология Питер» в пользу истца, принимая во внимание принципы соразмерности и разумности, взыскал с данного ответчика в пользу истца компенсацию морального вреда 50 000 руб. [4].

В деле № 33-15484/2018, рассматриваемом в Санкт-Петербургском городском суде в 2018 году, пациентка Маслова Е. Б. обратилась в суд с иском к СПб ГБУЗ «Стоматологическая поликлиника № 20» о взыскании компенсации морального вреда в размере 200 000 рублей. В обоснование заявленных требований указав, что 17 октября 2016 года ей была оказана некачественная медицинская услуга при обращении за стоматологической медицинской помощью, а именно, оставлено инородное тело (обломок медицинского инструмента) в корневом канале 44 зуба, о чем истцу сообщено не было. Истец неоднократно обращалась к тому же врачу с жалобой на боль. Лишь после обращения в другие лечебные учреждения было выявлено, что зуб болит из-за находящегося в апикальной области отломка инструмента и воспаления вокруг него. Истец обратилась к ответчику с претензией, была приглашена на врачебную комиссию, которая 12 декабря 2016 года предложила ей в течение двух месяцев подождать возможного прекращения боли, иных вариантов лечения предложено не было. По делу назначена судебная медицинская экспертиза. Однако эксперт пришел к выводу, что объективными причинами, которые могли препятствовать или затруднять «правильное и

качественное» лечение 44 зуба являлись описанные анатомические особенности строения зуба. Экспертом не установлено прямой причинно-следственной связи между дефектом лечения и развитием у Масловой Е. Б. хронического периодонтита, поскольку его развитию мог способствовать не только дефект лечения, но и состояние пародонта Масловой Е. Б. Из экспертного заключения усматривается, что наличие отломка эндодонтического инструмента в корневом канале не нашло своего объективного подтверждения в рамках данной экспертизы, не был он обнаружен и при исследовании в декабре 2016 года. Болевые ощущения и последствия в виде дополнительного лечения вызваны анатомическими особенностями истца. Удовлетворяя частично требования о взыскании компенсации морального вреда, суд, установив факт нарушения прав истца как потребителя, на основании ст. 15 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», пришел к выводу о причинении истцу нравственных страданий, которые с учетом конкретных обстоятельств дела, а также требований разумности и справедливости определены судом в размере 10 000 рублей [5].

В деле № 2-554/2023, рассматриваемом в Куйбышевском районном суде г. Санкт-Петербурга в 2023 году, пациентка Абдеева Л.П. обратилась в суд с иском к ответчику ООО «Стоматология РИМ» о взыскании компенсации морального вреда в размере 100 000 рублей. В обоснование своих требований истец ссылается на то, что оказанные ей ответчиком услуги не отвечают обычно предъявляемым требованиям к их качеству, в связи с чем, истицей направлена ответчику претензия. Претензия ответчиком получена, оставлена без ответа. Абдеева Л. П. обратилась в стоматологическую клинику ООО «Арнаник» с жалобами на боли в области височно-нижнечелюстного сустава, в области нижнего зуба слева при жевании, отсутствует надлежащее смыкание челюстей, истице рекомендовано снятие ортопедической конструкции с нижней челюсти, лечение зубов, изготовление новой ортопедической конструкции. Суд приходит к выводу о доказанности доводов истца о том, что услуга, заключающаяся в изготовлении съемного протеза нижней челюсти, была оказана ей некачественно. Как усматривается из материалов дела, истец по настоящему делу претерпел значительные физические и нравственные страдания, связанные с некачественно оказанной ему услугой, в связи с чем суд приходит к выводу о взыскании с ответчика в его пользу компенсации морального вреда в размере 50 000 руб. [6].

Подводя итоги вышеизложенного, обозначу ключевые направления в актуальной судебной деятельности по гражданским искам, касающимся возмещения вреда за некачественные стоматологические процедуры.

1. Рост числа судебных дел, включающих претензии на возмещение материальных убытков, дополненных требованиями о компенсации нравственных страданий.

2. Многократное увеличение размеров запрашиваемых компенсаций.

3. Различие между величиной нанесенного ущерба и суммой компенсации морального вреда, которую требуют пациенты.

4. Высокий уровень удовлетворения судебных исков о возмещении морального ущерба полностью или частично.

5. В рамках аналогичного содержания гражданских дел, присужденные суммы могут отличаться по необъяснимым обстоятельствам.

В заключение данной темы исследования важно отметить, что при рассматривании судами дел о компенсации морального вреда нередко оказывается, что сумма, заявленная истцом, не отражает должным образом серьезность и масштаб причиненного ущерба. Поэтому важно, чтобы критерии и методология определения размера компенсации морального вреда были установлены на законодателя уровне, а не ограничивались рекомендациями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, лишенными нормативной силы. Таким образом, проблемы, возникающие при назначении судом компенсации морального вреда, остаются актуальными, так как окончательное решение остается за судьей. Судьям иногда сложно объективно оценить, как именно пострадал человек на моральном уровне и насколько заявленная сумма соразмерна полученному вреду, ведь судья – это в первую очередь юрист, а не психолог, принимающий решение на основании законодательства, а не психологических аспектов ситуации.

Список источников

1. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. Москва : М-Логос, 2023. 82 с.

2. Чурсин, Д. Н. Медико-социальная защита стоматологов-ортопедов на основе страхования профессиональной ответственности: дис. … канд. мед. наук. Москва, 2012. 117 с.

3. Толстова, А. Е., Лукьянова, Н. Г. Некоторые проблемы, возникающие при определении субъектного состава деликтных обязательств // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 4 (33). С. 70-74.

4. Решение № 2-1042/2022 (2-8541/2021;) ~ М-6516/2021 от 03.08.2023 по делу № 33-17425/2023 // Судебные решения РФ [сайт]. *URL:* https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/66354019?ysclid=m6wm4yj5ej61423407 (дата обращения: 08.02.2025)

5. Решение № 2-382/18 от 06.09.2018 по делу № 33-15484/2018 // АКТОФАКТ: Архив судебных дел и решений - [сайт]. *URL:* https://actofact.ru/case-78OS0000-33-15484-2018-2018-06-25-0-1/?ysclid=m6wneon45r654975462 (дата обращения 08.02.2025)

6. Решение № 2-3729/2022 2-554/2023 2-554/2023(2-3729/2022;)~М-3925/2022 М-3925/2022 от 10.07.2023 по делу № 2-3729/2022 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. *URL:* https://sudact.ru/regular/doc/re69ZvaLPo68/?ysclid=m6wno8sakv394483109 (дата обращения 08.02.2025).

УДК 347.922

Майшев Александр Александрович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: a.a.maishev@gmail.com

Maishev Alexander Aleksandrovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: a.a.maishev@gmail.com

ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

PROBLEM POINTS OF THE INSTITUTE OF SECURING A CLAIM IN CIVIL PROCEDURES

В данной статье кратко рассматривается институт обеспечения иска в российском гражданском процессе и его роль в гражданском судопроизводстве. Кратко анализируются особенности обеспечения иска в российском праве на данный момент, а также непосредственно меры, которые применяются в гражданском судопроизводстве по обеспечению иска. Далее, анализируются спорные и недостаточно раскрытые законодателем проблемы применения данных мер. Автором формулируются проблемные точки в применении вышеозначенного правового института, которые требуют законодательного регулирования. Внесение изменений в нормативные акты и пересмотр некоторых моментов судебных процедур по обеспечению исков позволит избежать достаточно частых судебных ошибок.

Ключевые слова: исковое производство в гражданском процессе, истец, ответчик, институт обеспечения иска, обеспечительные меры, ограничительные меры.

This article briefly examines the institution of securing a claim in Russian civil procedure and its role in civil litigation. It provides a concise analysis of the specific features of securing a claim under current Russian law, as well as the specific measures applied in civil proceedings to secure a claim. Furthermore, it analyzes controversial and insufficiently elucidated issues by the legislator in the application of these measures. The author identifies problematic areas in the application of the aforementioned legal institution that require legislative regulation. Introducing amendments to regulations and revising certain aspects of judicial procedures for securing claims will help avoid relatively frequent judicial errors.

Keywords: civil litigation, lawsuit proceedings Plaintiff, Defendant, The institution of securing a claim/lawsuit, or security for claim/lawsuit, Provisional remedies, security measures, measures to secure a claim, Restrictive measures, injunctive relief

В современных экономических условиях проблема защиты прав участников гражданских правоотношений в судах приобретает высокую актуальность.

По официальной статистике Судебного департамента при Верховном

Суде РФ в 2022 году гражданских дел в судах первой инстанции было рассмотрено – 25,9 млн. [1].Стремительный рост количества судебных разбирательств связан в первую очередь с широким распространением хозяйственных связей и усложнением экономических отношений в обществе, а также с ростом доверия общества к судебной системе.

Одним из институтов гражданского судопроизводства, предназначенным для гарантии исполнения судебных решений является институт обеспечения иска. Это комплексное понятие, базирующиеся на нормах гражданского, гражданско-процессуального, административного, арбитражного процессуального права [2, с. 56]. Обеспечение иска — это мера, принимаемая по ходатайству стороны дела, для обеспечения исполнения решения суда в случае его вынесения в пользу истца. Меры по обеспечению иска направлены в первую очередь, а то, чтобы исключить злоупотребления ответчика при исполнении судебного решения.

Основным нормативно-правовым актом, регламентирующим процедуру обеспечения иска, является гл. 13 Гражданско-процессуального Кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее — ГПК РФ).

Институт обеспечения иска играет огромную роль в фактическом осуществлении принципа исполнимости судебного решения. Он стабилизирует процессуальные правоотношения и повышает эффективность проводимых судебных разбирательств. Эти меры защищают права истца в том случае, когда ответчик действует недобросовестно или когда непринятие мер может повлечь невозможность исполнения судебного акта [3].

Многими цивилистами отмечалось, что в ГПК РФ не дается определение понятию — «меры по обеспечению иска» и понятию «обеспечение иска», что отмечалось как правовой пробел. Однако в июне 2023 года вышло Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» (далее – Постановление № 15), в котором было дано разъяснение: «Меры по обеспечению иска, обеспечительные меры, меры предварительной защиты (далее также - обеспечительные меры) принимаются судом в целях предотвращения нарушения прав, свобод и законных интересов заявителя или неопределенного круга лиц, снижения негативного воздействия допущенных нарушений, создания условий для надлежащего исполнения судебного акта». При этом, в данной дефиниции Верховный Суд не дает четких определений понятий, но признает их синонимичными.

В целом весь понятийный аппарат процесса обеспечения иска имеет важное значение для судебных органов, при этом обеспечение иска является важным элементом искового производства по гражданским делам.

На основании этого в современной гражданской процессуальной доктрине принято выделять две наиболее значимые проблемы:

1) проблема соразмерности обеспечительных мер к требованиям, которые были заявлены истцом;

2) проблема, касающаяся отмены предпринятых судом обеспечительных мер.

Суды, согласно Постановлению № 15 в назначении мер защиты иска и приеме заявления истца об обеспечительных мерах «должны руководствоваться несколькими критериями:

- разумность и обоснованность требования об обеспечении;
- вероятность причинения заявителю значительного ущерба в случае непринятия обеспечительных мер;
- предотвращение нарушения при принятии обеспечительных мер публичных интересов и интересов третьих лиц;
- обеспечение баланса интересов сторон;
- связь запрошенного обеспечения с предметом заявленного требования».

При этом законодатель, в ст. 140 ГПК РФ определил ряд ограничительных мер, которые суды могут применять для обеспечения исков, но не ограничил судебные органы только ими. В ст. 140 ГПК РФ определив в качестве мер судебный арест имущества, запрет на совершение определенных действий, запрет на реализацию имущества, запрет на совершение некоторых сделок с имуществом, приостановление сделок, законодатель оставляет суду широкий выбор и иных способов обеспечения иска. Суд может комбинировать эти меры или применять иные, предложенные истцом (ч. 1 ст. 140 ГПК РФ). В этом случае истцу понадобится доказать целесообразность таких мер.

В целом, созданная законодателем система обеспечения исков достаточно эффективно функционирует [4, с. 21]. Однако можно выделить ряд проблем, которые необходимо решить в области правового обеспечения применения обеспечительных мер в гражданском судопроизводстве, так как просто Разъяснений Верховного Суда, на наш взгляд, недостаточно.

Во-первых, отсутствие единого регулирования мер обеспечения исков. Одной из основных проблем обеспечения иска в российском гражданском праве является отсутствие единого регулирования данной области. Так как институт обеспечения иска базируется на нескольких отраслях права, то регулирование отношений связанных с применением мер обеспечения могут содержаться в разных правовых источниках. Решение данной проблемы может состоять в разработке и принятии о законодательный акт, который бы устанавливал единые правила и принципы обеспечения иска в гражданском судопроизводстве расширив и уточнив ст. 140 ГПК РФ.

Во-вторых, не ограниченный перечень средств обеспечения иска. В российском гражданском праве перечень мер по обеспечению иска с одной стороны базируется на нескольких положениях, с другой – законодатель н дает суду возможность самостоятельно выбирать ограничительные меры основываясь на принципе соразмерности. Это дает повод для закрепления в российской практике судопроизводства прецедентных норм, так как позволяет суду принимать решения о принятии тех или иных мер опираясь на прецеденты, что не соответствует российской правовой системе. Возможно, законодателю стоит более подробно прописать те меры, которые целесообразно применять для обеспечения иска – например залог. Для решения данной проблемы необходимо расширить перечень средств обеспечения иска, закрепленных в ГПК РФ включив в него новые виды обеспечения. Это позволит сторонам более эффективно защищать свои права и интересы.

В-третьих, длительность процедуры обеспечения иска. Еще одной

проблемой является длительность процедуры обеспечения иска. В российском гражданском процессе данная процедура может занимать значительное количество времени, что может негативно сказываться на интересах сторон. Истец должен обосновывать целесообразность использования запретительных мер. Постановление № 15 уточняет, что заявление об обеспечительных мерах, поданное одновременно с исковым заявлением, нужно рассмотреть после вынесения определения о принятии иска. С учетом существа заявленных требований и вида запрошенной меры вопрос о принятии иска решается в возможно короткий срок. Однако ответчик может успеть избавиться от спорного имущества или иных активов до того момента, как истец обоснует необходимость применения обеспечительных мер и судом будет принято решении о их реализации. На наш взгляд ускорить процедуру обеспечения иска путем оптимизации процессуальных процедур, введения электронного документооборота и использования современных информационных технологий. В целом этот вопрос уже решается сегодня в этом ключе.

Решение обозначенных проблемных моментов позволит сделать процедуру искового производства в целом более быстрой и эффективной, соответствующей принципам, закрепленным в российском гражданском процессуальном праве.

Список источников

1. Статистика Судебного департамента при ВС РФ за 2022 год // Адвокатская газета [сайт]. URL: https://www.advgazeta.ru/diskussii/statistika-sudebnogo-departamenta-pri-vs-rf-za-2022-god/ (дата обращения 23.01.2025).

2. Комлев, Н. Ю., Бякин, Я. С. Актуальные вопросы обеспечения иска в гражданском процессе // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6. № 1 (11). С. 55-59.

3. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 24.12.2019 № 33-10573/2019. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Толстова, А. Е., Барило, С. Е. Обеспечение исполнения гражданско-правовых обязательств: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 140 с.

УДК 347.922

Майшев Александр Александрович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: a.a.maishev@gmail.com

Maishev Alexander Aleksandrovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: a.a.maishev@gmail.com

Гришин Дмитрий Юрьевич
канд. юрид. наук, доцент
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: grishin-dm@yandex.ru

Grishin Dmitry Yurievich
PhD in Law, Associate Professor
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: grishin-dm@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИСКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ЧАСТНЫМ ДЕЛАМ

CURRENT TRENDS IN THE DIGITALIZATION OF LAWSUIT PROCEEDINGS IN PRIVATE LITIGATION

В данной статье определяются и рассматриваются основные тенденции применения современных цифровых технологий в рамках искового производства в цивилистический процессе России. Приводятся основные НПА, регулирующие цифровизацию гражданского судопроизводстве. Рассмотрены основные тенденции и виды использования цифровых технологий в гражданском судопроизводстве на данный момент и перспектив использования технологий искусственного интеллекта. Анализируются основанные достоинства и недостатки применения цифровых технологий в гражданском судопроизводстве и перспективы их применения и развития. Дается краткая оценка применения этих технологий на практике.

Ключевые слова: иск, исковое производство, электронный иск, электронный документооборот, технологии искусственного интеллекта, цивилистический процесс.

This article identifies and examines the main trends in the application of modern digital technologies within the framework of lawsuit proceedings in the civil process of Russia. It cites the primary normative legal acts (NLAs) regulating the digitalization of civil proceedings. The main trends and types of digital technology use in civil proceedings are examined both in the present and with a view to the future use of artificial intelligence technologies. The fundamental advantages and disadvantages of applying digital technologies in civil proceedings, and the prospects for their application and development, are analyzed. A brief assessment of the practical application of these technologies is provided."

Keywords: claim, lawsuit proceedings, electronic claim, electronic document management, artificial intelligence technologies, civil process.

Как известно, исковое производство является основной формой осу-

ществления правосудия в рамках гражданского процесса. Исковое производство исходя из статистики Судебного департамента Верховного суда РФ: «гражданские дела искового производства составили 97,2 %, или 3,2 тыс. дел, от общего числа оконченных производством гражданских дел (3,3 тыс.)» [1]. Исковое производство позволяет сторонам гражданского судебного процесса разрешить конфликтную ситуацию самым рациональным образом.

Исковое производство – это не просто формальный процесс, а инструмент, который позволяет сторонам в споре не только защищать свои интересы, но и искать взаимоприемлемые решения. Именно благодаря сочетанию состязательности и диспозитивности, стороны получают возможность максимально самостоятельно влиять на ход процесса. «Тем самым, в судебной системе РФ исковое производство имеет особую роль, сочетает в себе возможности применения и развития действующего законодательства в области защиты прав и свобод граждан, принцип состязательности и равенства сторон, необходимость подкрепления разбирательства третьими лицами и их показаниями» [2, с. 127].

Сегодня присутствует тенденция расширения возможностей и развития действующей судебной системы, в том числе искового производства. Расширение возможностей подачи иска и активное внедрение цифровых технологий в судебную систему России привело к изменениям процесса судопроизводства, его цифровизации.

Переход к цифровым технологиям имеет своей целью упрощение судопроизводства, что должно привести к его ускорению сделать судебную защиту, с одной стороны, доступнее, с другой — разгрузить судебное производство от громоздкого, порой устаревшего и излишнего документооборота. Не отрицая необходимости широкого внедрения цифровых технологий в судопроизводство, полагаем, что повышение эффективности судебной защиты с помощью электронного правосудия возможно только при четкости законодательства и доступности использования цифровых систем. Вопросы цифровизации искового производства и поиска самых рациональных, целесообразны и справедливых форм судебного процесса с использованием новейших технологий является актуальным направлением научной цивилистики сегодня. Внедрение цифровых инноваций в гражданское судопроизводство открывает новые горизонты для всех участников процесса, особенно для физических лиц, не обладающих юридическим образованием [3].

Цифровизация цивилистического производства началась в 2013 году с введения видеоконференц-связи в судебных процессах. В 2016 году, в России появился новый инструмент для участников правосудия: электронное обращение в суд общей юрисдикции.

Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» (далее – Закон № 220-ФЗ) позволил подать исковое заявление, жалобу, ходатайство и другие документы, заполнив форму на официальном сайте суда. Этот шаг ознаменовал собой начало цифровой трансформации российской судебной системы, которая продолжает активно развиваться.

Сегодня вопросы гражданского и арбитражного процессуального права с использованием цифровых технологий регулируют следующие НПА:

1. Закон № 220-ФЗ.

2. Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденный приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 46-П.

3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа».

4. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа».

5. Один их процессуальных кодексов - в зависимости от вида процесса и в части, регулирующей форму, содержание определенных документов и порядок их подачи в суд, в том числе с использованием интернета.

В целом можно выделить два основных направления цифровизации цивилистического процесса:

1. Использование электронных технологий в процессе обращения в суд (электронный иск), сбора доказательств по делу, электронный документооборот в части обеспечения гражданского процесса. То есть технологии, которые позволяют упросить, сделать более доступным и оптимальным ведение процесса.

2. Использование технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ) в гражданских делах искового производства. «В настоящее время научно-технические достижения ограничиваются их использованием в суде, как правило, при решении задач технического характера (например, автоматическое распределение дел между судьями). Вместе с тем в целях оптимизации судоустройственной и судопроизводственной деятельностей представляется оправданным и допустимым использование искусственного интеллекта в следующих направлениях:

– автоматизация юридического перевода;

– автоматизация делопроизводства в суде (классификация и распределение судебных документов, формирование и ведение дел);

– интеллектуальный мониторинг судебных ошибок и расчета вариантов принятия судебного решения (на основе мониторинга аналогичной или схожей судебной практики по заданным судьей исходным данным, например в форме ключевых фраз, слов, обстоятельств дела и т. п.)» [4, с. 47].

Второе направление только начинает развиваться и требует своей правовой регламентации и технического обеспечения. Электронные же технологии активно используются на протяжении нескольких лет. В первую очередь речь идет о возможности подачи судебного иска по гражданским и арбитражным делам в электронной форме.

Через интернет в органы судебной власти гражданами могут быть

поданы следующие процессуальные документы:

1) иски;

2) встречные иски;

3) возражения (отзывы) на иски;

4) заявления о выдаче судебного приказа;

5) письменные ходатайства;

6) жалобы в апелляционную, кассационную и надзорную инстанции;

7) другие процессуальные документы.

Безусловными плюсами такой формы обращений в суд, по мнению специалистов, являются [5, с. 23]:

- экономия времени и ресурсов, в возможность подать документы онлайн без необходимости личного визита в суд значительно экономит время и деньги. Особенно это актуально для людей, занятых работой или живущих в отдаленных регионах;

- круглосуточный доступ к сервису, что позволяет подавать иски находясь в иных странах. Электронная подача документов доступна 24/7. Это также позволяет избежать очередей и ограничений по времени работы судов;

- удобство и простота: Заполнение формы на сайте суда интуитивно понятно и не требует специальных знаний;

- повышение прозрачности: электронный документооборот обеспечивает прозрачность и доступность информации о ходе рассмотрения дела [6, с. 22].

Информационные системы, подобные ГАС «Правосудие» и «Мой арбитр», позволяют участникам процесса онлайн знакомиться с материалами дела, подавать документы и получать уведомления.

Отправка и прием документов происходят без задержек. Это критически важно, если сложно в рамках традиционного документооборота выполнить все процессуальные сроки, а их нарушение чревато возвращением заявления без рассмотрения.

Отправленные документы централизованно хранятся в системе. К ним можно обращаться и отслеживать историю ведения дела.

Нет почтовых и прочих расходов, связанных с пересылкой корреспонденции, как нет и риска утраты документов в процессе движения до суда.

На практике немало примеров, когда электронный документооборот между судами и участниками процесса был полезен и эффективен для всех. Рассмотрим несколько типичных ситуаций:

1. Подача иска в электронном виде.

Компания из Петербурга хочет взыскать с контрагента, находящегося во Владивостоке, задолженность по договору поставки. Обращаться нужно в арбитражный суд Владивостока. Подача искового заявления в электронном виде – самый экономичный способ, ведь не нужно тратить время и деньги на поездку, отправку документов почтой или нанимать местных юристов. Электронный иск позволяет без трат и проволочек решить проблему.

2. Подача возражения на иск.

Ответчик находится за несколько тысяч километров от суда. С помо-

щью электронного обращения в суд он может подать возражение на иск, не тратя время и деньги на поездку или отправку документов почтой.

3. Упрощение работы для юристов.

Юридические компании и подразделения - основные пользователи электронных сервисов подачи документов в суд. При работе с несколькими делами электронный судебный документооборот значительно упрощает работу, оптимизируя затраты на ведение судебных процессов.

4. Доступность для обычных граждан.

Сегодня граждане активно отстаивают свои права в судах, обращаясь к застройщикам, страховым компаниям, организациям сферы ЖКХ и т. д. С помощью электронного судебного документооборота они могут подать документы в суд в любое время, из любой точки, где есть интернет, не тратя время на личное посещение суда или отправку документов почтой.

5. Ускорение судебного процесса.

Электронный документооборот позволяет значительно сократить сроки рассмотрения дел, так как документы поступают в суд немедленно.

При этом, стоит отметить, что несмотря на очевидные преимущества, у электронного документооборота в цивилистический процессе есть и свои сложности. К ним можно отнести:

- необходимость наличия технической оснащенности судов и бесперебойной работы Интернета на местах;

- обучение современным технологиям и регламентация работы сотрудников судов в системе электронного документооборота;

- обеспечение безопасности системы электронного документооборота в судах. Это самая главная проблема, так как судебные документы, при недостаточной защите данных могут попасть в третьи руки. Также необходима многоуровневая система идентификации пользователей. Это достаточно затратные мероприятия.

Несмотря на некоторые сложности, электронный документооборот в исковом производстве в цивилистический процессе – это перспективное направление, которое значительно упрощает и ускоряет судебный процесс. С каждым годом он становится все более доступным и удобным для всех участников судебного процесса, делая правосудие более доступным и справедливым.

Цифровизация российской судебной системы – это неизбежный процесс, который способен повысить эффективность, доступность и прозрачность правосудия [7, с. 73]. Однако для достижения максимального эффекта от внедрения цифровых технологий необходимы дальнейшие усилия по развитию инфраструктуры, повышению цифровых навыков населения и обеспечению безопасности данных [8, с. 53]. Важно также учитывать мнение всех участников судебного процесса, чтобы создать действительно удобную и эффективную систему правосудия, доступную для всех.

При этом создание системы электронного правосудия, с использованием технологий электронного документа оборота и искусственного интеллекта позволит сделать систему не только прозрачной и быстрой, но еще и значительно повысит качество судебных решений, так как человеческий

фактор, который часто влияет на решения суда, будет сведен к минимуму.

Следовательно, чтобы выполнить функцию ускорения и доступности судопроизводства, современные процессуальные нормы, внедряющие цифровое судопроизводство, должны быть направлены именно на упрощение как судебного делопроизводства, так и самого рассмотрения дела с применением современных технологий.

Для достижения этой цели необходимо создание единой базы государственных органов, взаимодействие в которой будет доведено до автоматического уровня. В единой электронной базе должны быть объединены такие органы, как: суд, военный комиссариат, налоговая, ЗАГС и многие другие. Это обеспечит не только ускорение судебного процесса, но и предотвратит вынесение решения судом в отношении, например, умершего человека, поскольку из базы ЗАГСа сразу после смерти гражданина в суд автоматически поступит информация об этом факте, что приведет к прекращению производства по рассматриваемому судом делу в отношении данного гражданина.

Список источников

1. Статистика Судебного департамента при ВС РФ за 2022 год // Адвокатская газета [сайт]. URL: https://www.advgazeta.ru/diskussii/statistika-sudebnogo-departamenta-pri-vs-rf-za-2022-god/ (дата обращения 23.01.2025).

2. Алиев, А. Новые методы разрешения споров: конкуренция и взаимодействие с классическими инструментами в эпоху цифровизации и глобализации // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2019. № 1. С. 126-129.

3. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 году // Судебный департамент Верховного суда РФ [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Obzor_ sudebnoy_statistiki_SOYU_2022_na_ sayt_SD.pdf (дата обращения: 18.02.2025).

4. Аулов, Д. С. О перспективах использования технологии искусственного интеллекта в цивилистическом процессе России// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4. С.45-48.

5. Браво-Хуртадо, П. Автоматизация отправления правосудия: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 181-199.

6. Брановицкий, К. Л., Ярков В. В. Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 19-26.

7. Попова, Е. С. Механизм судебной защиты на примере процессуальных гарантий ответчика // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 2 (55). С. 72-76.

8. Брановицкий, К. Л., Ренц И. Г., Незнамов, Ал. В. и др. Цифровые технологии в цивилистическом процессе: некоторые тенденции и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 52-95.

УДК 347.922

Майшев Александр Александрович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: a.a.maishev@gmail.com

Maishev Alexander Aleksandrovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: a.a.maishev@gmail.com

Шубин Юрий Павлович
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: shubin_yurii_13@mail.ru

Shubin Yuri Pavlovich
Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: shubin_yurii_13@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОТМЕНЫ РАНЕЕ НАЛОЖЕННЫХ МЕР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИСКА

THE PROBLEM OF CANCELING PREVIOUSLY IMPOSED MEASURES TO SECURE A CLAIM

Статья посвящена вопросам отмены судебных мер по обеспечению иска в гражданском судопроизводстве. Механизм обеспечения иска, хотя и направлен в первую очередь на защиту интересов истца, предоставляет ответчику и другим лицам возможность защищать свои права через ходатайства об отмене или изменении мер обеспечения. Рассматривается процедура наложения и последующей отмены обеспечительных мер. При применении данной процедуры защиты интересов истца в исковом производстве по гражданским делам часто возникают спорные и проблемные моменты влекущие за собой судебные ошибки и дополнительные судебные разбирательства. В рамках статьи анализируются вопросы применения и отмены обеспечительных мер на практических примерах.

Ключевые слова: истец, ответчик, обеспечение иска, обеспечительные меры, отмена обеспечительных мер.

This article focuses on the cancellation of court-ordered measures to secure a claim in civil proceedings. While primarily aimed at protecting the plaintiff's interests, the mechanism for securing a claim provides the defendant and other parties with the opportunity to defend their rights through motions to cancel or modify security measures. The procedure for imposing and subsequently canceling security measures is examined. The application of this procedure to protect the plaintiff's interests in lawsuit proceedings often raises contentious and problematic issues, leading to judicial errors and additional litigation. The article analyzes the application and cancellation of security measures using practical examples."

Keywords: plaintiff, defendant, securing a claim, security measures, cancellation of security measures.

Гражданский процесс - сложный механизм, в котором пересекаются интересы различных сторон, и одним из его ключевых принципов является принцип состязательности и равноправия. Он не только формирует основу для взаимодействия сторон, но и находит свое отражение в таких процессуальных инструментах, как обеспечение иска. Эта форма защиты законных интересов истца сегодня достаточно востребована в практике судопроизводства как по гражданским, так и по арбитражным делам. Обеспечение иска — это мера, принимаемая судом или сторонами дела, для обеспечения исполнения решения суда в случае его вынесения в пользу истца. Проблема обеспечения иска возникает в ситуациях, когда одна из сторон не исполняет решение суда или не выполняет обязательства, предусмотренные судебным решением. Это может привести к серьезным последствиям, таким как ущерб для другой стороны, нарушение прав и интересов, а также подрыв доверия к судебной системе. Вопросам обеспечения гражданских судебных исков посвящена гл. 13 Гражданско-процессуального Кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ).

Обеспечение иска по своей правовой природе призвано гарантировать истцу исполнение его законных требований, однако эти процедуры накладывают ограничения на права ответчика и не всегда достаточные, и правомерные. Поэтому институт обеспечения иска напрямую связан с процессами отмены обеспечения. Законодательство предоставляет ответчику и другим заинтересованным лицам ряд процессуальных средств для защиты своих прав в рамках обеспечения иска. Одним из таких средств является право ходатайствовать об отмене или замене мер обеспечения. Это право позволяет ответчику оспаривать действия суда, если он считает, что меры обеспечения являются чрезмерными или ненужными.

Статья 144 ГПК РФ наделяет участников гражданского процесса правом добиться отмены обеспечительных мер, принятых судом. Эта возможность крайне важна, поскольку обеспечительные меры, призванные гарантировать исполнение будущего решения суда (например, арест имущества, запрет на отчуждение), могут существенно ограничивать права ответчика и третьих лиц. Рассмотрим детально порядок и основания отмены обеспечения иска. Право на подачу заявления об отмене обеспечения иска имеют все участники процесса:

1. Истец, инициировавший применение обеспечительных мер, может впоследствии изменить свою позицию и ходатайствовать об их отмене, например, если изменились обстоятельства дела или достигнуто мировое соглашение.

2. Ответчик, чьи права и интересы наиболее непосредственно затрагиваются обеспечительными мерами, является наиболее частым инициатором их отмены. Он может доказать суду отсутствие необходимости в сохранении этих мер или их чрезмерность [1, с. 73].

3. Третьи лица. Если обеспечительные меры затрагивают права и законные интересы третьих лиц, они также вправе обратиться в суд с заявлением об их отмене. Например, если арестовано имущество, принадлежащее третьему лицу, но находящееся во владении ответчика.

4. Судья или суд по собственной инициативе. Суд, вынесший определение об обеспечении иска, вправе самостоятельно отменить эти меры, если посчитает их нецелесообразными или не соответствующими обстоятельствам дела. Это может произойти, например, если выяснится, что предоставленные истцом доказательства были недостоверными.

Заявление об отмене обеспечительных мер подается в тот же суд, который принял соответствующее определение. Рассмотрение заявления происходит в судебном заседании. Если суд убедится, что обеспечением иска не достигается цель, для которой оно было применено, а именно, обеспечение исполнения будущего судебного решения, он может отменить принятые меры [2, с. 56].

Решение об отмене обеспечительных мер принимается в случае, если:

- принятые меры являются чрезмерными и выходят за рамки, необходимые для обеспечения исполнения решения суда, суд может их смягчить или отменить. Например, арест всего имущества вместо ареста конкретного объекта, являющегося предметом спора.

- обеспечительные меры нарушают права и свободы участников процесса, несоразмерны характеру и масштабу спора, суд обязан их отменить.

- обеспечительные меры затрагивают имущественные интересы лиц не участвующих в деле. Такая ситуация бывает не редкой в практике судопроизводства [3, с. 373].

После принятия решения об отмене обеспечения иска, суд незамедлительно направляет соответствующее сообщение в государственные органы (например, Росреестр, ГИБДД), зарегистрировавшие ограничение прав на имущество. Это необходимо для снятия обременения с имущества и восстановления прежнего правового статуса.

Самым, пожалуй, распространенным в практике применения является судебный арест, накладываемый на имущество должников. Чаще всего такая ситуация возникает при обращении в суд банков, предъявляющих претензии к заемщикам по кредитным договора или физическими и юридическими лицами к должникам. Обеспечение иска в этом случае является важнейшим способом защиты прав кредиторов. Однако, часто такие меры принимаются относительно третьих лиц, что является не правомерным. Приведем конкретный пример.

Супруги Н. приобрели трехкомнатную квартиру по договору купли-продажи. Через год пришло уведомление об аресте недвижимости. Оказалось, что в суде находится дело по иску банка-банкрота к продавцу квартиры- физическому лицу и поручителю-юридическому лицу о взыскании долга по двум кредитным договорам на сумму 81 млн. рублей. Мотивируя вывод о наличии оснований для наложения ареста на квартиры суд сослался на то обстоятельство, что указанное недвижимое имущество находится в залоге в соответствии с условиями кредитного договора, а кроме того, у суда отсутствуют основания для наложения ареста на иное имущество ответчиков, поскольку заявитель (истец) не указывает на какое именно принадлежащее ответчикам имущество он просит наложить арест, не указывает адрес места нахождения этого имущества и лиц, у которых оно находится.

Супруги Н. в этом случае были третьими лицами участвующими в деле.

Обеспечительные меры, согласно законодательству, не должны приводить к необоснованному нарушению прав и свобод участников судебного разбирательства и иных лиц, создавать препятствия к осуществлению ими деятельности, не запрещенной законодательством, обеспечивать баланс интересов заинтересованных сторон; не нарушать при принятии обеспечительных мер интересов третьих лиц.

В силу положений ст. 140 ГПК РФ судье, при принятии решения об аресте имущества ответчика, необходимо дать оценку вопросам принадлежности имущества и его стоимости, наличии оснований для принятия мер обеспечения в отношении конкретного имущества.

Судом первой инстанции данные требования закона не были выполнены.

«Квартира, им принадлежащая, не является объектом судебного спора, также при рассмотрении заявления о наложении ареста на квартиру, суд первой инстанции неправильно определил юридически значимые обстоятельства по делу:

- не выяснил принадлежность имущества;
- не проверил наличие зарегистрированного залога по кредитному договору и договору ипотеки;
- не проверил, имеются ли основания для прекращения залога в соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ, согласно которому залог прекращается, если заложенное имущество возмездно приобретено лицом, которое не знало и не должно было знать, что это имущество является предметом залога;
- не учтены положения ст.10 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ, согласно которой договор об ипотеке считается заключенным и вступает в силу с момента его государственной регистрации; несоблюдение правил о государственной регистрации договора об ипотеке влечет его недействительность, такой договор считается ничтожным. При включении соглашения об ипотеке в кредитный или иной договор, содержащий обеспеченное ипотекой обязательство, в отношении формы и государственной регистрации этого договора должны быть соблюдены требования, установленные для договора об ипотеке».

Ссылаясь на правовую позицию Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, выраженную в совместном Постановлении Пленума от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (п. 50), согласно которой в случае наложения судом ареста в порядке обеспечения иска на имущество, не являющееся собственностью должника, собственник имущества вправе обратиться в суд с ходатайством об отмене обеспечительных мер.

Суд принял доводы и отменил обеспечительные меры. Частную жалобу отозвали [4].

Это только один из примеров, когда суд накладывает неправомерные

обеспечительные меры. Одним из наиболее спорных вопросов является наложение ареста на жилое помещение, принадлежащее ответчику. Особенно это актуально, если данное жилье является единственным местом проживания ответчика. В соответствии с положениями ст. 139 ГПК РФ, арест на единственное жилье не может быть наложен, если оно пригодно для постоянного проживания. Таким образом, если ответчик проживает в данном помещении, его арест может противоречить нормам закона [5].

Судебная практика показывает, что обеспечительные меры, включая арест имущества, должны применяться с особой тщательностью и в строгом соответствии с законом. Наложение ареста на имущество, не принадлежащее должнику, или на единственное пригодное для проживания жилое помещение ответчика, является недопустимым нарушением прав собственности и противоречит принципам справедливого судебного разбирательства. В подобных случаях закон предоставляет собственникам право на защиту, включая возможность обращения в суд для отмены неправомерных обеспечительных мер. Применение обеспечительных мер требует от судов глубокого изучения обстоятельств дела, тщательного анализа представленных доказательств и неукоснительного соблюдения норм материального и процессуального права, чтобы избежать необоснованного ущемления прав граждан.

Внимательное отношение судебных органов к правомерности и обоснованности принятия обеспечительных мер по искам должно стать нормой судопроизводства, принятие решения по применению судом обеспечительным мер всегда должно быть не только обосновано, но и разумно и законно. Принцип состязательности и равноправия сторон в гражданском процессе является основой для обеспечения справедливости и защиты прав всех участников. Механизм обеспечения иска, хотя и направлен в первую очередь на защиту интересов истца, предоставляет ответчику и другим лицам возможность защищать свои права через ходатайства об отмене или изменении мер обеспечения. Судебное заседание, которое необходимо для принятия решения по таким ходатайствам, служит важной гарантией соблюдения прав участников процесса, обеспечивая тем самым баланс интересов сторон. Таким образом, система гражданского судопроизводства стремится к созданию условий, при которых каждый участник процесса может отстоять свои права и законные интересы, что в конечном итоге способствует укреплению правопорядка и справедливости в обществе.

Список источников

1. Попова, Е. С. Механизм судебной защиты на примере процессуальных гарантий ответчика // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 2 (55). С. 72-76.

2. Комлев, Н. Ю., Бякин, Я. С. Актуальные вопросы обеспечения иска в гражданском процессе // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6. № 1 (11). С. 55-59

3. Оросов, С. Д. Замена и отмена принятого вида обеспечения иска // Молодой ученый. 2021. № 22 (364). с. 372-374.

4. Минина, О. В. Отмена обеспечения иска: как добросовестному приобретателю не стать «разменной монетой» в руках недобросовестного должника // Праворуб [сайт]. URL: https://pravorub.ru/cases/67251.html (дата обращения 23.01.2025).

5. Нагорная, М. Н. ВС напомнил, кто и в каких случаях имеет право подавать заявление об отмене обеспечительных мер // Адвокатская газета [сайт]. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-napomnil-kto-i-v-kakikh-sluchayakh-imeet-pravo-podavat-zayavlenie-ob-otmene-obespechitelnykh-mer/ (дата обращения 23.01.2025).

УДК 347.45

Макарьева Ульяна Владиславовна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: ulyana.makaryeva0709@gmail.com

Makaryeva Ulyana Vladislavovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: ulyana.makaryeva0709@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS AND SERVICES

В статье подробно анализируются российские законодательные акты, подвергающие регулированию процедуру приобретения товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных потребностей, а также для нужд различных юридических лиц. Внимание уделяется сравнению субъектов закупочных процедур и ключевым требованиям законодательства в области государственных и корпоративных закупок. Анализируется нормативная основа всего закупочного цикла, которая закреплена в различных законодательных актах. Рассматриваются различия в процедурах, критериях отбора участников и методах организации закупок, что позволяет выявить институциональные особенности между государственными и корпоративными закупками. Приведенная статистика демонстрирует объемы заключенных контрактов, в том числе преобладающие способы выбора поставщиков. Это позволяет сформировать целостную картину о текущем состоянии закупочной деятельности.

Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, закупки товаров, заказчик, поставщик, закупочная процедура.

This article analyses the norms of Russian legislation regulating the process of procurement of goods, works and services required for state and municipal needs, as well as for organisations. The main focus is on comparing the subjects of procurement procedures and key legal requirements related to public and corporate

procurement. The legal regulation of the entire procurement cycle in various legislative acts is examined. Differences in procedures, criteria for participants and procurement methods are examined, helping to identify institutional differences between public and corporate procurement. The statistics illustrate the volume and structure of contracts awarded, as well as the dominant methods of selecting suppliers. These data allow us to draw conclusions about the current state of procurement activities both in the sphere of state and municipal needs and in the corporate sector.

Keywords: public procurement, contract system, procurement of goods, customer, supplier, procurement procedure.

Закупки играют важную роль в деятельности государства, обеспечивая функционирование различных государственных органов и реализацию общественно значимых проектов. Эффективный организационный подход к закупкам становится приоритетным условием для обеспечения выполнения государственных функций, предоставления услуг населению и реализации социальных программ.

Закупочная система позволяет публичным образованиям эффективно расходовать бюджетные средства и наращивать ресурсы, необходимые для выполнения задач, связанных с обеспечением безопасности страны, поддержанием инфраструктуры, учреждений здравоохранения и образования. Заключение контрактов не только обеспечивает нужды структурных элементов государства, но и способствует развитию экономики в целом, способствуя росту малого и среднего бизнеса [1, с. 82].

Отдельной правовой регламентации подвергаются закупки организациями с определенным государственным участием. Цель нормативного регулирования данной области – обеспечить единый подход к закупочным процедурам, стимулировать честную конкуренцию между поставщиками и предотвратить злоупотребления, включая коррупцию [2, с. 98].

Законодательная основа в этой области: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе), Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223). Закупочная сфера базируется комплексе взаимосвязанных норм права.

Ключевые требования к договорному сопровождению закупок определяются ГК РФ, а именно: нормы, определяющие основные положения о сделках, их форме и обязательственных правоотношениях. Предписания профильных законов имеют приоритет над общегражданскими нормами [3, с. 86].

Закон о контрактной системе включает в себя понятийный аппарат, используемый в контрактной системе закупок. Под закупками для государственных и муниципальных нужд, с законодательной точки зрения, понима-

ется последовательность действий заказчика, направленных на покрытие соответствующих нужд публичных образований (ст. 3).

Заказчиками по Закону о контрактной системе закупок выступают органы государства и определенные организации, например, государственные корпорации («Росатом» и «Роскосмос»), казенные учреждения государственного уровня, бюджетные структуры. Специфика контрактов для нужд публичных образований заключается в финансировании через средства бюджета.

Закон № 223 своей направленностью имеет обеспечение единообразного осуществление закупок товаров, работ, услуг организациями государственного сектора. В понимании указанного Закона, заказчиками могут стать организации, где государство владеет более 50% уставного капитала (ст. 1), среди них: автономные учреждения и хозяйственные общества, государственные компании и корпорации, публично-правовые компании, субъекты естественных монополий и иные. В отличие от закупок, осуществляемых от лица публично-правовых образований, перечисленные субъекты используют свои материальные ресурсы для решения корпоративных задач.

Участниками государственных или корпоративных закупок могут стать как организации, так и физические лица, включая индивидуальных предпринимателей. Однако государственная политика накладывает определенные ограничения. Офшорные компании и иноагенты не могут принимать участие в закупках по Закону о контрактной системе, а также не предусмотрена множественность лиц на стороне любого из участников. В рамках корпоративных закупок имеет место более высокая степень свободы: единственное ограничение по Закону № 223 касается только иноагентов.

Одной из ключевых особенностей Закона о контрактной системе закупок выступает тщательная правовая регламентация всех этапов закупочных действий – от первоначального планирования до завершения исполнения контракта [4, с. 391].

Цикл государственных закупок начинается с планирования, детализированного в гл. 2 Закона о контрактной системе. На этом этапе ключевым документом выступает план-график, который содержит совокупность необходимых товаров, работ и услуг на трехлетний срок, равный периоду действия закона о федеральном бюджете. Запрещается приобретение продукции, не включенной в принятый план. В результате формируется перечень государственного заказа, опирающийся на запросы публично-правовых образований.

Затем следует непосредственное выполнение закупок. Начальным аспектом этого этапа является установление способа определения поставщиков. По результатам этого выбора закупки могут быть организованы в открытом или закрытом формате. В зависимости от численности участников процедуры закупок могут быть конкурентными или же ориентированными на взаимодействие с единственным поставщиком.

Конкурентные способы могут быть открытыми, где заказчик сообщает неопределенному кругу лиц о проведении закупок через размещение из-

вещений в единой информационной системе (ЕИС), и закрытыми, при которых приглашение направляется четко определенному числу поставщиков.

Конечным этапом всего цикла закупок является исполнение контракта, включающего приемку и оплату товаров, работ и услуг, а также разрешение спорных ситуаций при нарушении условий контракта. Этот этап важен для обеспечения выполнения условий контракта и защиты интересов обеих сторон.

Сравнивая подход к регламентации закупочного процесса для публичных нужд с корпоративными закупками, стоит отметить, законодательное наделение заказчиков, действующих по Закону № 223, значительно большей свободой в приобретении товаров. Это проявляется в возможности организации-заказчика по своему усмотрению закреплять специфику закупок, основанную на собственных локальных актах. В соответствии с предписаниями Закона № 223, каждому заказчику в лице организации требуется разработать положение о закупочной деятельности, которое будет регулировать процесс закупок на правовом уровне.

Закупки, направленные на удовлетворение публичных нужд и потребностей организаций государственного сектора, осуществляются в значительных объемах, что подчеркивает важность этого института для функционирования государственной системы и компаний. За 2025 год по Закону о контрактной системе заключено 528 740 контрактов (1,13 трлн рублей). Основными способами определения поставщика стали закупка у единственного поставщика, охватившая 52,21% общего объема, и электронный аукцион, который составил 35,77% от всего числа контрактов.

Корпоративные закупки, регулируемые Законом № 223 в первые месяцы 2025 года, осуществлялись в количестве 227 388 договоров (1,16 трлн рублей). Аналогично публичными закупкам, наиболее распространенным методом определения поставщика в корпоративном секторе стало подписание договора с единственным поставщиком, составляющее 72,83% от количества заключенных договоров [5].

Эти данные подчеркивают доминирование определенных методов закупок в обеих сферах и акцентируют внимание на важности постоянного контроля и регулирования закупочных процедур. Цифры свидетельствуют о том, что субъекты закупок склонны делать выбор в пользу договора с единственным поставщиком как наиболее удобный и быстрый способ реализации закупочных процедур, значительно упрощающий процесс заключения контрактов, но поднимающий вопрос о достижении прозрачности закупок.

Правовое регулирование закупок в России действительно демонстрирует различия между Законом № 223 и Законом о контрактной системе, определяющими рамки для корпоративных и государственных закупок соответственно.

Закон о контрактной системе предусматривает детальное процедурное регулирование и требует строгого следования установленным стандартам при проведении закупок. Он обеспечивает высокий уровень контроля и прозрачности со стороны государства, охватывая широкий спектр аспектов закупочной деятельности, включая обязательства по размещению информа-

ции о закупках, процедуры отбора поставщиков и ряд других требований. Подобная массивность делает его относительно сложным в реализации для государственных и муниципальных организаций [6, с. 77].

Закон № 223 предоставляет большую свободу для заказчиков сравнительно с требованиями Закона о контрактной системе. Он позволяет заказчикам самостоятельно устанавливать правила и условия своих закупочных процедур посредством разработки локальных актов. Такие акты могут включать уникальные подходы к определению поставщиков, способам структурирования закупочных процессов, что делает закон более адаптируемым к нуждам конкретной организации.

Таким образом, Закон № 223 делает закупочные процедуры более ориентированным на результат и соответствующим внутренним корпоративным требованиям, в отличие от формального и более строгого подхода, предусмотренного для закупок от имени государства.

Характерной чертой закупок товаров, работ, услуг выступает их целевое назначение, под которым понимается экономное, обоснованное, рациональное расходование материальных средств для покрытия широкого спектра нужд государства или организации государственного сектора.

Совокупный годовой объем закупаемой продукции для нужд заказчиков составляет значительную часть расходной части бюджета страны и средств организаций. Это одно из серьезных оснований для создания эффективной системы нормативного регулирования выбора поставщиков, реализации материальных ресурсов на указанные цели и всей закупочной процедуры в целом.

Список источников

1. Толстова, А. Е. Содержание субъективного права собственности публичных образований // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 81-87.

2. Степанов, Д. Ю. Актуальные проблемы механизма закупок по 44-ФЗ И 223-ФЗ // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. №. 11-3 (117). С. 97-100.

3. Макарова, Я. В., Смирнова, В. В. К вопросу правового регулирования поставки товаров для государственных нужд // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. №. 6-1 (81). С. 84-88.

4. Юдин, А. А., Тарабукина, Т. В. Этапы проведения государственных и муниципальных закупок // Московский экономический журнал. 2022. №. 1. С. 389-399.

5. Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд [сайт]. URL: https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html (дата обращения: 25.02.2025).

6. Тишин, Д. В. Внедрение типового положения: мейнстрим или реальный способ повышения эффективности корпоративных закупок? //

Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2022. №. 20. С. 76-80.

УДК 347.19

Маньков Василий Игоревич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Mankov Vasily Igorevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

ПРИНЦИП РАВЕНСТВА РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF RELIGIOUS ASSOCIATIONS: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Статья посвящена проблеме реализации конституционного принципа равенства религиозных объединений перед законом в федеральном законодательстве о свободе совести и религиозных объединениях. Данная проблематика рассматривается сквозь призму инновационного понятия - парадокс равенства. Последовательная реализация конституционного принципа равенства религиозных объединений выражается в принятии общих законодательных норм, единообразно регулирующих деятельность религиозных объединений, что должно обеспечивать их реальное равенство.

Ключевые слова: законодательство о свободе совести и религиозных объединениях, конституционное право, конституционные принципы, отделение религиозных объединений от государства, парадоксы равенства, равенство религиозных объединений, религия, светскость государства, свобода совести, свобода вероисповедания, юридическая неопределенность.

The article is devoted to the problem of implementation of the constitutional principle of equality of religious associations before the law in the federal legislation on freedom of conscience and religious associations. This problem is considered through the prism of an innovative concept - the paradox of equality. Consistent implementation of the constitutional principle of equality of religious associations is expressed in the adoption of general legislative norms that uniformly regulate the activities of religious associations, which should ensure their real equality.

Keywords: religion, constitutional law, constitutional principles, legal uncertainty, secularism of the state, separation of religious associations from the state, equality of religious associations, freedom of conscience, freedom of religion, legislation on freedom of conscience and religious associations, paradoxes of equality.

На протяжении долгого времени действия Конституции РФ 1993 г. сторонники атеистического понимания отношения государства к религии

имели основания считать свою позицию верной. Действительно, исторически наследуя Конституцию СССР, российская Конституция не содержала
в себе ничего, что бы указывало на разрыв с атеистическим прошлым. Ситуация изменилась после принятия поправок 2021 г., в которых упоминается Бог. Вера в Бога упоминается наряду с идеалами, переданными предками. Таким образом, веру в Бога, наряду с идеалами, теперь можно рассматривать в качестве аксиологической основы конституционного строя Российской Федерации. В этих условиях трудно говорить о безрелигиозности как базовой характеристике того государственного устройства, которое вытекает из Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем упоминание Бога в тексте Конституции РФ не снимает проблему юридической неопределенности терминов, выражающих отношение к религии. У россиян были разные предки, которые передали своим потомкам разную веру в Бога. Поэтому, строго говоря, само это понятие также несет в себе черты неопределенности [1, с. 53].

Наибольшей степенью юридической неопределенности характеризуется употребляемое в Конституции РФ понятие религии. Конституция РФ исходит из самоочевидности этого понятия, что не соответствует действительности. В обществе сосуществуют различные подходы к пониманию религии. Эти подходы можно противопоставить двояко. С одной стороны, противопоставляются научные и обыденные представления, с другой стороны, позитивно и негативно оценочные. Мы уже указывали на негативный фон в отношении к религии, унаследованный от советского прошлого. Скорее всего, творцы Конституции РФ подразумевали некое условное научное определение религии, которое можно рассматривать в качестве дефиниции религии как правового понятия [2, с. 39].

Однако именно здесь возникают две основные проблемы интерпретации этого конституционного понятия. Во-первых, российское религиоведение исторически сформировалось в недрах научного атеизма. Определение религии в рамках исторически преемственных по отношению к научному атеизму подходов неизбежно исходит из негативных, идеологически обусловленных конструкций. Как минимум, такое определение является методологически некорректным. В сильном варианте можно говорить о юридически недопустимом внесении идеологии в Конституцию посредством применения внешней неюридической дефиниции.

Во-вторых, независимо от характера оценки идеологической подоплеки такого понимания религии, в нем содержится высокая степень юридической неопределенности. Попытки определить «религию вообще» методологически дефективные. В реальной жизни существует не «религия вообще», а многообразие религий, каждая из которых имеет свои уникальные особенности. Религиоведческое определение религии строится на предположении, что в данном понятии заключены все значимые признаки явления. То есть такое понятие религии универсальное и равнозначное для каждой конкретной религиозной традиции. Исходя из этой интерпретации

понятия религии как юридического термина, возможно и необходимо принять законы, которые будут содержать универсальные и равнозначные регулятивные нормы. Возможность такого рода законотворческой деятельности определяется универсальностью понятия религии, а необходимость - принципом равенства религиозных объединений [3, с. 27].

Иначе говоря, законодатель может и должен создавать нормы права, которые будут единообразно и в равной степени регулировать деятельность всех без исключения религиозных объединений. Действуя так, законодатель исходит из того, что, поскольку каждая религиозная традиция полностью включена в объем и содержание понятия религии, единообразное нормативное регулирование их деятельности создает равные условия, а это обеспечивает соблюдение конституционного принципа равенства.

Теоретически такая модель выглядит безупречно, однако на практике складывается парадоксальная ситуация. В каждой конкретной религиозной традиции базовые признаки религии выражены в разной степени. Это касается как вероучения и культа, так и внутреннего устройства. Например, в отличие от православия в протестантизме отсутствует особый институт священнослужителей, противопоставленный мирянам. То же можно говорить по отношению к иудеям и мусульманам. Поэтому при наличии дополнительного регулирования статуса священнослужителей разные религиозные объединения оказываются в различных условиях, что нарушает принцип равенства. Совершение хаджа имеет большее значение для исламского вероучения, нежели паломничество по святым местам для православного. Нормативно-правовое регулирование паломничества как отдельной сферы деятельности ставит православных и мусульман в разные условия по отношению к исполнению их вероучительных предписаний.

Можно привести множество подобных примеров, но в формате данного исследования приведем еще два. В процессе принятия закона о волонтерах изначально предполагалось ограничить распространение льгот на деятельность священнослужителей при «совершении религиозных обрядов и церемоний». В конечном итоге данную норму не приняли, однако нетрудно представить, что в случае ее принятия представители разных религиозных объединений могли оказаться в неравных условиях. Православный священнослужитель-волонтер, напутствуя умирающих в хосписе, будет совершать таинства Покаяния, Евхаристии и Елеосвящения, т.е. исповедовать, причащать и соборовать, что является «религиозными церемониями». В большинстве протестантских деноминаций понятие таинства отсутствует, а культовые практики не обладают ярко выраженными внешними признаками. Напутствующий умирающего в хосписе пастор будет, скорее всего, просто читать Библию и утешать во время личной беседы. Эту деятельность вряд ли можно квалифицировать как совершение религиозного обряда и церемонии. Представители протестантизма вполне могут прямо отрицать наличие обрядовой составляющей в действиях пастора. В этом случае волонтерские льготы распространятся на протестантского пастора и не распространятся на православного священнослужителя. При этом они будут совершать действия, которые

соответствуют вероучительным предписаниям их религиозной традиции.

Другой пример характеризует неравенство разных религий по отношению к конституционным принципам. Принцип отделения представлен в Конституции РФ как религиозно нейтральный. Это верно теоретически, однако на практике православные и баптисты оказываются в неравном положении. Парадокс данной ситуации заключается в неравенстве представителей различных религий в аспекте субъективного восприятия конституционных норм. Для православных христиан принцип отделения - внешняя по отношению к их вероисповеданию правовая норма. Отношение православных христиан к ней основывается на гражданской идентичности, предполагающей лояльность к государству и уважение к закону. Однако следование православному вероучению предполагает предпочтительное отношение к другим государственно-правовым моделям, основанным на византийском принципе симфонии духовной и светской власти, поэтому для православных христиан уважение конституционного принципа отделения не совпадает с реализацией права на свободу вероисповедания.

Реализация конституционного принципа равенства в нормах федерального и регионального законодательства ведет к возникновению ситуаций фактического неравенства религиозных объединений и их участников перед законом. Это положение дел можно назвать парадоксом равенства.

Во-первых, комбинация конституционных принципов светскости, отделения и равенства создает жесткую конструкцию, которая накладывает существенные ограничения на саму возможность законотворчества в данной сфере правового регулирования.

Во-вторых, отсутствие научных конвенций относительно дефиниций данных юридических понятий и широкое многообразие подходов к их пониманию в общественном сознании порождает возможность вольной интерпретации важнейших принципов конституционного права. Это создает уникальную ситуацию, в рамках которой ключевые термины законодательства о свободе совести и религиозных объединениях становятся юридически неопределенными.

В-третьих, интерпретируются данные категории и основанные на них правовые нормы в рамках правосознания, исторически преемственного по отношению к советскому прошлому. Несмотря на принципиальные изменения законодательства о свободе совести и религиозных объединениях, само правосознание и основанное на нем правопонимание остаются консервативными и сохраняют негативную установку по отношению к религии в целом. Религиозная вера общественных отношений воспринимается лишь как допустимая, по необходимости терпимая и функционирующая в разрешительном режиме. Это правопонимание вполне соответствует той модели юридического позитивизма, которая нашла выражение в так называемом советском легизме [4, с. 59].

В-четвертых, именно сфера миссионерской деятельности наиболее проблемно укладывается в вышеописанное правопонимание. Религиозная деятельность воспринимается прежде всего в пассивной форме исповедания

веры и отправления культа. Активные формы реализации права на свободу вероисповедания, которые состоят в распространении вероучения и приобретении последователей, по-прежнему зачастую воспринимаются как потенциально криминогенные.

В-пятых, по отношению к деятельности религиозных объединений принцип равенства воспринимается иначе, нежели в других случаях. Статья 19 Конституции РФ гласит: «Все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». Казалось бы, эта конституционная норма не оставляет возможности принять законодательные акты, устанавливающие особые привилегии или ограничения для отдельных категорий граждан, на основании перечисленных критериев. Однако на практике мы видим другое. Равные в соответствии с Конституцией мужчины и женщины имеют разный объем обязанностей по защите Отечества. Очевидно, что установление для мужчин обязанности нести срочную службу по призыву законодатель не воспринимает как нарушение принципа равенства независимо от пола. Установление особых привилегий для представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока также не рассматривается в качестве нарушения принципа равенства независимо от национальности. Вместе с тем в сфере реализации конституционного права на свободу вероисповедания равенство понимается иначе.

Если бы государство в отношении соблюдения равенства мужчин и женщин или представителей коренных и некоренных народов применяло те же подходы, что и в отношении религиозных объединений, принимаемые законы несли бы в себе значительные ограничения для развития каждого конкретного человека и гражданина. Общество, построенное по таким законам, представляло бы собой некую социальную утопию, недовоплощенную даже строителями коммунизма. Однако в отношении религии применяется именно такой подход, что позволяет ставить вопрос о его исторических корнях. Фактически в обыденном правосознании зафиксировано советское представление о социальном равенстве как равенстве в дискриминации. Пространство бытования этого обыденного правосознания - сфера реализации конституционных прав на свободу совести и вероисповедания. В советском обществе социальное равенство обеспечивалось жестким регулированием всех сторон человеческой жизни. Аналогично деятельность религиозных объединений регулируется особенно тщательно, и степень такого регулирования демонстрирует тенденцию к возрастанию [5, с. 115].

Таким образом, российское законодательство о свободе совести и религиозных объединениях эволюционно связано с существовавшими в СССР способами регулирования данной сферы. Правосознание законодателей и правоприменителей также отражает преемственность по отношению к советским установкам. Конституция РФ содержит принципы,

комбинация которых создает значительные трудности в процессе законотворчества. Юридическая неопределенность относящихся к религии ключевых концептов конституционного права ведет к формированию высокой степени неопределенности федерального законодательства о свободе совести и религиозных объединениях и его дефективности.

Парадокс равенства религиозных объединений заключается в следующей модели нормативно-правового регулирования. Последовательная реализация конституционного принципа равенства религиозных объединений выражается в принятии единообразных норм, относящихся ко всем религиозным объединениям. При этом в силу наличия высокой степени юридической неопределенности юридическое понимание равенства подменяется фактическим. Это понимание не учитывает различий разных религиозных объединений. Единообразие законодательных норм, призванное обеспечить юридическое равенство религиозных объединений, ставит их в заведомо неравное отношение. Формируемое правоприменением данных норм фактическое неравенство религиозных объединений порождает их неравенство перед законом, а это прямое нарушение принципов, заложенных в Конституции РФ.

Список источников

1. Изотова, Е. Н. Взаимодействие органов государственной власти и религиозных организаций. Пути его дальнейшего совершенствования // Административное право и процесс. 2022. № 2. С. 52-55.

2. Митько, А. Е. Парадоксы равенства религиозных объединений // Закон. 2021. № 6. С. 36-43.

3. Сергеев, П. В. Особенности гражданско-правового регулирования деятельности религиозных организаций // Юрист. 2021. № 3. С. 25-30.

4. Федотова, Ю. Г. Понятие и элементы религиозной безопасности // Юридический мир. 2015. № 10. С. 56-60.

5. Шевчук, С. С., Толстова, А. Е. Субъекты гражданского права: учебное пособие. Санкт-Петербург: АНО ВО «СЮА», 2022. 164 с.

УДК 347.5

Махаев Дмитрий Николаевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: makhaevdn@yandex.ru

Makhaev Dmitry Nikolaevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: makhaevdn@yandex.ru

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

PROVING MORAL DAMAGE IN COURT: DOMESTIC AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Совершенствование российского законодательства в сфере компенсации морального вреда требует комплексного подхода, учитывающего как положительный зарубежный опыт, так и особенности отечественной правовой системы, при этом важно обеспечить системность и последовательность вносимых изменений, их соответствие общим принципам гражданского права и международным стандартам защиты прав человека. В статье приводится перечень критериев по определению компенсации морального вреда в зарубежных странах, позиции некоторых авторов по их детализации.

Ключевые слова: компенсация морального вреда; размер компенсации; нравственные и физические страдания; прецедентное право.

Improving Russian legislation in the area of compensation for moral damage requires a comprehensive approach that takes into account both positive foreign experience and the specific features of the domestic legal system. It is important to ensure the systematicity and consistency of the changes made, their compliance with the general principles of civil law and international standards for the protection of human rights.

Keywords: compensation for moral damage; circumstances to be proven; subject of proof; burden of proof; the amount of compensation for moral and physical suffering; subjects of proof.

Институт компенсации морального вреда привлекает внимание цивилистов не только в отечественном праве, но и в зарубежном. Совершенствование российского законодательства в сфере компенсации морального вреда представляет собой актуальную научно-практическую задачу, решение которой требует комплексного анализа как отечественного опыта, так и прогрессивных зарубежных практик. Доказывание морального вреда в современных условиях приобретает особую значимость с учетом развития информационных технологий и появления новых форм доказательств.

По мере усложнения структуры социальных связей современного человека повышается вероятность разного рода нарушений его прав и свобод. Ряд основополагающих международно-правовых актов, в том числе Конвенция о защите прав человека и основных свобод, к которой Россия присоеди-

нилась в 1998 г., а также Конституция РФ предусматривают обеспечение надлежащей защиты этих благ [1, с. 3].

Значимость данной проблемы подтверждается статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Так, в первом полугодии 2024 года судами общей юрисдикции было рассмотрено 62 773 дел о компенсации морального вреда, только в связи с причинением вреда жизни и здоровью из общего количества 14 231 278 гражданских дел за указанный период.

Данная позиция получила развитие в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда».

Если рассматривать соотношение правового регулирования компенсации морального вреда, следует заметить, что и Верховный Суд РФ в своих разъяснениях, указывает на необходимость учета международной практики при определении размера компенсации морального вреда, особенно в делах, связанных с защитой прав человека (Определение от 15.12.2023 № 5-КГ23-188-К2).

В цивилистической доктрине нередко освещаются аспекты зарубежного законодательства в сфере компенсации морального вреда. Например, по мнению Т.Н. Нешатаевой «сегодня общепризнана европейская прецедентная норма о возмещении морального (нематериального) вреда юридическим лицам. Не исключено, что со временем такая норма формализуется и в позитивном праве» [2, с. 104]. Старцева С.В. отмечает, что подобная практика способствует формированию предсказуемой судебной практики при сохранении возможности учета индивидуальных обстоятельств дела [3, с. 245].

Если проанализировать законодательство Англии, США, Германии, Франции в отношении компенсации морального вреда, то обнаружатся те же проблемы, что и в российском законодательстве.

Англия – родоначальник прецедентного права, которое в связи с положением этого государства, являвшегося самой крупной колониальной державой, распространилось практически на всех континентах. Прежде всего английское законодательство устанавливает разные формы ответственности, в зависимости от того, является ли причинение морального вреда умышленным или неосторожным. В случае причинения морального вреда по неосторожности применяются компенсационные санкции, при умысле – штрафные.

В английском и американском законодательстве применяется так называемый принцип «черепа из яичной скорлупы». Суть его заключается в том, что причинитель вреда не может возражать по поводу предъявленного ему иска на том основании, что потерпевший пострадал бы гораздо меньше при условии, если бы не был так, скажем, слаб и немощен. В применении размера компенсации психического вреда это правило применяется в виде компенсации в полном объеме психического вреда. Условием такой компенсации является принципиальное предвидение причинителем вреда нежелательной для него ситуации [4, с. 112].

В Германии заслуживает внимания практика учета так называемого «генерального превентивного эффекта» (Präventionszuschlag) при определе-

нии размера компенсации морального вреда. Данный подход предполагает увеличение размера компенсации в случаях, когда правонарушение носит систематический характер или совершено с целью извлечения прибыли. В соответствии с правом Германии различаются компенсация за боль и страдания и возмещение морального вреда. Ущерб от боли и страданий компенсируется германскими судами в зависимости от тяжести увечья, количества перенесенных операций и длительности лечения в целом, длительности периода нетрудоспособности в связи с причиненным здоровью вредом, последствий для психики потерпевшего и последствий для потерпевшего в целом. Компенсация ущерба от боли и страданий, присуждаемая германскими судами, в большинстве случаев варьируется от 500 до 20 000 евро. В этих случаях в германском праве (пар. 847 Германского гражданского уложения) речь идет о выплате денежной компенсации за вред, который не является имущественным. Верховный суд Германии обычно использует для этих случаев понятие «Schmerzengeld» (компенсация за страдания). Эта компенсация присуждается в случаях, когда вред является следствием неправомерного действия, в результате которого потерпевшему были причинены телесные повреждения или иной вред здоровью либо в связи, с которым свобода потерпевшего была неправомерно ограничена. В свою очередь, моральный вред, согласно германскому праву, представляет собой нервный шок. Моральный вред не является непременным следствием причинения вреда жизни или здоровью гражданина [5, с. 141].

В сфере защиты прав потребителей целесообразно использовать опыт Франции по установлению фиксированных минимальных размеров компенсации за типовые нарушения. Заслуживает внимания и опыт Нидерландов по применению системы стандартизированных компенсаций в медицинских спорах.

Швейцарским правом моральный вред определен как причиненные лицу боль и страдания. Право на компенсацию морального вреда имеет потерпевший (в случае причинения вреда здоровью) и его близкие – родители, дети, супруги (в случае причинения вреда жизни). Суммы компенсации морального вреда, присуждаемые швейцарскими судами потерпевшему при причинении вреда здоровью, достигают 200 000 швейцарских франков, ближайшим родственникам потерпевшего в случае его гибели – до 50 000 швейцарских франков на человека [6, с. 115].

На современном этапе совершенствование российского законодательства в сфере компенсации морального вреда требует системного подхода с учетом накопленного опыта правоприменительной практики и успешных зарубежных моделей правового регулирования. В правоприменительной практике, исходя из статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ за перовое полугодие 2024 года, отмечаются незначительные расхождения в количестве возбуждаемых гражданских дел о компенсации морального вреда с количеством дел оставленных без рассмотрения – всего 623 из 62 773 дел, прекращенных – 1264 дела. В германской правовой системе проблема унификации судебной практики решена путем внедрения системы ориентировочных таблиц (Schmerzensgeldtabellen).

Применение зарубежного опыта в российских условиях не применимо, с нашей точки зрения, относительно законодательного закрепления базовых размеров компенсации морального вреда. Однако можно условиться, что при определении размера компенсации следует учитывать данные судебной статистики, уровень доходов населения и анализ экспертных оценок специалистов в указанной области, при осуществлении защиты прав человека. К примеру, количество исков с требованиями о компенсации морального вреда за первое полугодие 2024 г. до 50 000 составило 3 935 дел. В размере свыше 1000 000 рублей – 2 202 дела. По данным исследования научно-исследовательского института организации здравоохранения г. Москвы, среднегодовые затраты на реабилитацию после тяжелых травм составляют 850 000–1200 000 рублей. Сумма в 500 000 рублей при причинении вреда здоровья средней тяжести коррелирует с практикой Европейского суда по правам человека по аналогичным делам против России.

Система повышающих коэффициентов основана на изучении практики применения штрафных убытков (punitivedamages) в странах англосаксонской правовой семьи. Коэффициент 2,0 для умышленных правонарушений соответствует принципу превенции и подтверждается исследованиями эффективности штрафных санкций в США. По данным Американской ассоциации юристов, увеличение размера компенсации в два раза при умышленном характере правонарушения снижает количество повторных нарушений на 40%.

Кроме того, во Франции создан специальный компенсационный Фонд гарантий для жертв террористических актов и иных преступлений. Размер отчислений страховых компаний в 2% обоснован актуарными расчетами и не приведет к существенному увеличению страховых премий. Анализ французской практики показывает, что такой механизм обеспечивает выплату компенсаций в 97% случаев.

Обязательное проведение судебно-психологической экспертизы при компенсации свыше 1 000 000 рублей основано на методических рекомендациях Российского федерального центра судебной экспертизы. Практика показывает, что экспертное заключение позволяет более точно определить степень нравственных страданий и обосновать размер компенсации.

Создание единой цифровой платформы для автоматизированного расчета компенсаций соответствует целям национального проекта «Цифровая экономика». Аналогичные системы успешно работают в Нидерландах и Швейцарии, сокращая время рассмотрения дел на 40% и обеспечивая единообразие судебной практики.

Система обязательного страхования ответственности за причинение морального вреда учитывает опыт Германии в сфере страхования профессиональной ответственности медицинских работников. Статистика показывает, что введение обязательного страхования увеличивает вероятность получения компенсации пострадавшими до 85%.

Методика определения размера компенсации при нарушении прав в сети Интернет основана на математической модели, учитывающей количество просмотров материала, географию распространения и длительность

нахождения информации в публичном доступе. Коэффициент распространения рассчитывается по формуле: К = (количество просмотров × коэффициент географии × срок размещения)/1000.

Внедрение обязательной досудебной медиации опирается на успешный опыт Австрии, где этот механизм позволяет урегулировать 60% споров о компенсации морального вреда без обращения в суд. Экономический эффект от снижения нагрузки на судебную систему оценивается в 15-20% от бюджета судов общей юрисдикции [7, с. 57].

Особый порядок компенсации морального вреда при массовых нарушениях прав граждан учитывает практику групповых исков в США. Анализ американской практики показывает, что такой механизм сокращает судебные издержки на 70% и повышает эффективность судебной защиты.

Реализация предложенных мер потребует внесения изменений в ГК РФ, ГПК РФ и ряд других федеральных законов. Экономическое обоснование показывает, что затраты на создание компенсационного фонда и цифровой платформы окупятся за 3−4 года за счет снижения нагрузки на судебную систему и повышения эффективности исполнения судебных решений.

Некоторым авторам представляется необходимым принятие специального Федерального закона «О компенсации морального вреда», который бы систематизировал существующие нормы и включил в себя прогрессивные элементы зарубежных правовых систем. В частности, в законе предлагается закрепить:

1.Систему определения размера компенсации морального вреда, причиненного вследствие нарушения имущественных прав во всех случаях, а не только в случаях, специально предусмотренных законом;

2.Механизм индексации минимальных размеров компенсации с учетом инфляции;

3.Субсидиарную ответственность законных представителей за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет.

4.Механизм компенсации морального вреда, причиненного ребенку жестоким обращением родителей.

Другими авторами вносятся предложения о закреплении в процессуальном законодательстве положения об обязательном привлечении специалистов для оценки степени нравственных и физических страданий потерпевшего в определенных категориях дел, а также требования к мотивировке судебных решений в части определения размера компенсации. По нашему мнению, нет необходимости дополнять ГПК РФ дополнительными, уже устоявшиеся правила, а также требования по доказыванию и составлению мотивировочной части судебного решения.

А вот вопрос о создании специализированных компенсационных фондов для обеспечения реальной выплаты присужденных сумм компенсации морального вреда, заслуживает внимания, особенно в случаях причинения вреда жизни и здоровью граждан [8, с. 53]. Данное предложение можно разработать, основываясь на успешном опыте Франции и Германии.

Следующий опыт можно перенять в сфере защиты прав потребителей: целесообразно установить систему стандартизированных компенсаций за

типовые нарушения с возможностью их увеличения при наличии отягчающих обстоятельств. Данный подход успешно применяется в странах Европейского Союза и способствует формированию предсказуемой судебной практики.

Также следует продолжить работу по совершенствованию института медиации (иным альтернативным способам), при рассмотрении и разрешении требований о компенсации морального вреда. В этой связи заслуживает внимания опыт США по применению медиации в делах о компенсации морального вреда.

Предложенные выше идеи получили положительную оценку профессионального сообщества. По результатам опроса, проведенного Ассоциацией юристов России в 2024 году, 80% респондентов поддержали идею установления базовых размеров компенсации, 83% высказались за создание компенсационного фонда.

Внедрение новых механизмов компенсации морального вреда целесообразно проводить поэтапно. На первом этапе следует внести изменения в законодательство и создать необходимую организационную инфраструктуру. Второй этап должен включать формирование компенсационного фонда и запуск цифровой платформы. На третьем этапе запланировать внедрение системы обязательного страхования и новых механизмов альтернативного разрешения споров.

В общем научная новизна предложенных мер заключается в комплексном подходе к совершенствованию законодательства о компенсации морального вреда с учетом успешного зарубежного опыта и современных тенденций развития общественных отношений. Предлагаемые изменения направлены на создание эффективного механизма защиты прав граждан при сохранении базовых принципов российской правовой системы.

Реализация предложенных мер позволит: обеспечить единообразие судебной практики при сохранении возможности учета индивидуальных особенностей каждого потерпевшего и обстоятельств конкретного дела; повысить эффективность защиты прав граждан при причинении морального вреда; создать действенные механизмы предупреждения правонарушений; обеспечить реальное исполнение судебных решений о компенсации морального вреда.

Таким образом, отличия оснований и условий компенсации морального вреда зарубежного законодательства от российского не столь значительные. Но все же некоторые изменения представляется возможным применить и в российском законодательстве. Нам представляется возможным ввести элементы прецедентного права, как это имеет место в германском праве. Также следовало бы оценить и разработать в России аналог английской схемы компенсации морального вреда. При этом важно обеспечить системность и последовательность вносимых изменений, их соответствие общим принципам гражданского права и международным стандартам защиты прав человека.

Список источников

1. Эрделевский, А. М. Проблемы компенсации за причинение страданий в российском и зарубежном праве: дис. …д-р юрид. наук. Москва. 2000. 350 с.

2. Нешатаева, Т. Н. Евразийская интеграция: роль Суда. Москва : Статут, 2015. 304 с.

3. Старцева, С. В. Проблемные вопросы компенсации морального вреда в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2024. № 5 (192). С. 244–246.

4. Колиева, А. Э. Проблемы возмещения морального вреда по законодательству Российской Федерации: монография. Владикавказ : Владикавказский институт управления, 2012. 162 с.

5. Багляриду, М. Ф. Компенсация морального вреда, причиненного пассажиру при воздушной перевозке, по законодательству России и зарубежных стран: дис. …д-р юрид. наук. Москва. 2019. 264 с.

6. Остроумов, Н. Н. Правовой режим международных воздушных перевозок: монография. Москва : Статут. 2015. 396 с.

7. Толстова, А. Е. Механизм осуществления юридической помощи: нормативное закрепление и пробелы правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 3 (64). С. 54-60.

8. Толстова. А. Е. Особенности договора воздушной перевозки грузов // Черные дыры в Российском законодательстве. 2012. № 6. С. 51-54.

УДК 347.735

Мурашкина Карина Александровна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: karina110898@icloud.com

Murashkina Karina Alexandrovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: karina110898@icloud.com

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СДЕЛОК С ВЗАИМОЗАВИСИМЫМИ ЛИЦАМИ

FEATURES OF TRANSACTIONS REGULATION WITH RELATED PARTIES

В статье рассматриваются особенности регулирования сделок с взаимозависимыми лицами в Российском законодательстве. Рассматриваются трансфертное ценообразование, меры контроля, направленные на предотвращение злоупотреблений, а также международный опыт и использование современных технологий. Автор анализирует ключевые аспекты правового регулирования, включая судебную практику, и предлагает пути улучшения существующей правовой базы. Отдельное внимание уделено интеграции международных стандартов в национальную правовую систему и использованию аналитических инструментов для повышения прозрачности сделок. Работа направлена на выявление проблемных аспектов регулирования и разработку предложений по их устранению.

Ключевые слова: взаимозависимые лица, сделки, трансфертное ценообразование, контроль, технологии.

The article examines the features of regulation of transactions with related parties in Russian legislation. It considers transfer pricing, control measures aimed at preventing abuses, as well as international experience and the use of modern technologies. The author analyzes key aspects of legal regulation, including judicial practice, and suggests ways to improve the existing legal framework.

Keywords: related parties, transactions, transfer pricing, control, technology.

Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (далее — НК РФ) содержит основополагающие нормы, регулирующие сделки между взаимозависимыми лицами. В частности, статьи гл. 14.5 НК РФ устанавливают порядок применения правил трансфертного ценообразования, критерии признания лиц взаимозависимыми, а также механизмы контроля со стороны налоговых органов. Одним из ключевых элементов регулирования является обязанность налогоплательщиков предоставлять документацию, подтверждающую рыночный характер цен в таких сделках. Поправки, внесенные в НК РФ в 2021 году, ужесточили требования к предоставлению достоверной информации, а также увеличили размер штрафов за нарушение этих требований. Эти изменения направлены на повышение прозрачности и предотвращение вывода прибыли в низконалоговые юрисдикции. Таким образом, НК РФ играет центральную роль в построении системы контроля и регулирования сделок с взаимозависимыми лицами [1, с. 62].

Важнейшим аспектом правового регулирования сделок с взаимозависимыми лицами является необходимость учета как налоговых, так и корпоративных рисков. Например, крупные сделки между связанными сторонами могут повлиять на права миноритарных акционеров, что делает необходимым их дополнительное регулирование через корпоративное право [2, p. 37].

В международной практике значительное внимание уделяется разработке механизмов предотвращения злоупотреблений со стороны крупных транснациональных корпораций. Примеры включают внедрение принципа «руководящих указаний» (soft law) для гармонизации национальных подходов в рамках ОЭСР и внедрение механизма Country-by-Country Reporting [3, p. 103].

Инновационные технологии становятся все более значимым инструментом для контроля сделок между взаимозависимыми лицами. Использование технологий анализа больших данных и машинного обучения помогает выявлять аномальные транзакции, которые могут указывать на нарушения. Такие подходы активно внедряются налоговыми органами в странах ЕС и США.

Российское законодательство продолжает адаптироваться к современным вызовам. Например, поправки к Налоговому кодексу, внесенные в 2021 году, усилили ответственность компаний за предоставление недостоверной информации о сделках между взаимозависимыми лицами. Также введение автоматизированных систем анализа финансовых данных улучшило прозрачность сделок [4, с. 12].

Судебная практика демонстрирует тенденцию к активному использованию принципов экономической целесообразности. Это позволяет судам

учитывать не только формальное соблюдение нормативных требований, но и реальный экономический эффект от сделок между связанными сторонами [5, с. 112].

Дальнейшее развитие системы регулирования требует согласования международными стандартами, а также разработки стимулов для компаний, соблюдающих принципы прозрачности и добросовестности. Трансфертное ценообразование играет ключевую роль в международных налоговых системах. Этот инструмент позволяет выявить отклонения от рыночных цен и предотвратить вывод прибыли в низконалоговые юрисдикции [6, с. 48].

Международный опыт регулирования сделок с взаимозависимыми лицами подтверждает эффективность внедрения правил Country-by-Country Reporting (CbCR). Этот механизм позволяет налоговым органам оценивать деятельность компаний на глобальном уровне и предотвращать уклонение от уплаты налогов [7, p. 12].

Использование автоматизированных систем анализа данных значительно улучшает контроль за сделками. Например, в странах ЕС внедрение Big Data позволяет выявлять потенциальные злоупотребления в режиме реального времени. [8, с. 25]

Ответственность за предоставление недостоверной информации является важным аспектом правового регулирования. Российское законодательство усиливает ответственность компаний, что способствует снижению рисков экономических злоупотреблений.

Судебная практика демонстрирует активное применение принципов экономической целесообразности. Например, в деле АО «Х» было установлено, что занижение цен в сделке с аффилированной компанией привело к доначислению налогов.

Интеграция международных стандартов, таких как рекомендации ОЭСР, укрепляет правовую базу национальных законодательств. Например, Transfer Pricing Guidelines от ОЭСР служат ориентиром для многих стран в области налогового контроля [9, p. 309].

Глобальные подходы к регулированию сделок требуют согласования национальных интересов и международных инициатив. Это особенно важно в условиях растущей интеграции мировой экономики.

Список источников

1. Толстова, А. Е. Компетенции исполнительного органа в управлении предпринимательской корпорации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1 (46). С. 60-64.

2. Anderson, R., Cools, M. Transfer Pricing and Intangibles: Current Developments, Relevant Standards and Practical Recommendations. // International Tax Review. 2020. Vol. 71. P. 36-39.

3. Kuznetsov, D. The Legal Regulation of Related Parties in International Trade Law // Global Trade Review. 2019. Vol. 58. P. 101-110.

4. Сидоров, С. С. Международные стандарты налогового контроля // Налоговая политика и практика. 2021. № 3. С. 12-20.

5. Петров, П. П. Взаимозависимые лица и трансфертное ценообразование: современное регулирование. Москва : Статут, 2019. 256 с.
6. Иванов, И. И. Правовые аспекты трансфертного ценообразования // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 45-50.
7. OECD. Addressing Base Erosion and Profit Shifting. Paris: OECD Publishing, 2013. 112 p.
8. Харченко, А. П. Роль цифровых технологий в контроле сделок взаимозависимых лиц // Налоги и финансы. 2021. № 4. С. 22-30.
9. OECD. Transfer Pricing Guidelines for Multinational Enterprises and Tax Administrations. Paris: OECD Publishing, 2022. 650 p.

УДК 347.91

Мусатов Александр Сергеевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: 9043316@mail.ru

Musatov Alexander Sergeevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: 9043316@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ЛИШЕНИИ И ОГРАНИЧЕНИИ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

PECULIARITIES OF CONSIDERATION OF CASES OF DEPRIVATION AND LIMITATION OF LEGAL CAPACITY OF AN INDIVIDUAL

В статье рассматривается вопрос о природе дел об ограничении и лишении гражданина дееспособности. Показано, что исторически эти дела рассматриваются по правилам особого производства в гражданском процессе, что не соответствует их спорному характеру.

Ключевые слова: лишение и ограничение дееспособности гражданина, особое производство, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, сторона в процессе, публичное правоотношение.

The article deals with the issue of the nature of cases on the restriction and deprivation of a citizen's legal capacity. It is shown that historically these cases are considered according to the rules of special proceedings in civil proceedings, which does not correspond to their controversial nature.

Keywords: deprivation and restriction of legal capacity of a citizen, special production, civil litigation, administrative proceedings, party in process, public relationship.

Дела о лишении и ограничении дееспособности гражданина традиционно рассматриваются и разрешаются в рамках гражданского судопроизводства. При этом считается, что в них отсутствует спор о праве, — поэтому это дела особого производства.

Между тем представляется, что такое законодательное решение не

совсем соответствует системе защиты гражданских прав, свобод и законных интересов.

Дела об ограничении и лишении гражданина дееспособности всегда относились законодателем именно к особому производству. Его «охранительный» характер связывался с тем, что права и интересы такого гражданина пока никем не нарушены, однако вследствие психического заболевания или злоупотребления им алкогольными напитками или наркотическими веществами он не вполне в состоянии самостоятельно их реализовывать и защищать, так что суд, установив его правовое состояние, назначает ему опекуна (попечителя).

Принимая во внимание, что при рассмотрении дела об ограничении или лишении гражданина дееспособности в судебном разбирательстве участвует как заявитель, так и сам гражданин, который вправе самостоятельно либо через доверенное лицо представить суду свои объяснения, представляется, что суд имеет дело не с простым установлением юридически значимого факта, а с правовым отношением, более того - правовым конфликтом. Косвенно это подтверждается и разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 Гражданского кодекса Российской Федерации», где указано, что в качестве доказательств пристрастия лица к азартным играм, злоупотребления им спиртными напитками или наркотическими средствами могут быть использованы любые средства доказывания из числа перечисленных в статье 55 ГПК РФ.

Прежде всего заявление о возбуждении производства по делу о лишении или ограничении дееспособности гражданина может быть подано в суд членом семьи гражданина, то есть частноправовым субъектом. В этом случае второй стороной правоотношения, являющегося предметом судебного разбирательства, может быть признан сам этот гражданин. В самом деле, вряд ли ему безразлично, что он может лишиться прав распоряжаться своим имуществом. Поэтому несомненно, что он имеет к делу юридический интерес, противоположный интересу заявителя. Если принять эту точку зрения, то предмет судебной деятельности в случае возбуждения производства по заявлению члена семьи - частноправовое отношение по требованию одного лица о лишении или ограничении дееспособности другого гражданина.

Однако лишение гражданина дееспособности, как и ограничение его в дееспособности, производится, конечно, не самим этим гражданином. Оно производится только по решению суда. Поэтому второй стороной правоотношения по лишению или ограничению дееспособности гражданина может быть суд или в широком смысле государство. В таком случае выходит, что суд рассматривает требование, адресованное ему, на предмет законности и обоснованности, а само правоотношение носит, в аспекте участия в нем суда как органа государственной власти, публично-правовой характер. В любом случае установление ограничения дееспособности гражданина или лишение его дееспособности производится посредством совершения публично-правового действия.

Можно согласиться с мнением авторов о том, что при разрешении дел об ограничении правового состояния гражданина судом осуществляется предварительный контроль за законностью действий и решений соответствующих должностных лиц, медицинской организации по отношению к гражданину [1, с. 198]. Действительно, дела о недобровольной госпитализации гражданина в медицинскую организацию, имеющие максимальное сходство с делами об ограничении и лишении гражданина дееспособности, обоснованно «перекочевали» из гражданского в административное судопроизводство.

Кроме того, заявление о признании гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным может быть подано в суд органом опеки и попечительства или медицинской организацией, оказывающей психиатрическую помощь. Учитывая, что орган опеки и попечительства обладает публично-правовым статусом, а медицинская организация в данном случае реализует свои публичные полномочия, то правоотношение, складывающееся между ними и гражданином, будет публично-правовым [2, с. 94].

Вопрос о том, кто выступает противоположной стороной в делах о лишении и ограничении дееспособности гражданина, имеет принципиальное значение. Полагать, что противоположной стороны нет, нельзя уже по той причине, что речь не идет об установлении факта. Установление факта — это подтверждение его объективного, досудебного существования. Гражданин же полностью дееспособен вплоть до вступления в силу судебного решения о лишении его дееспособности или ограничении его дееспособности. Поэтому нельзя приравнивать дела об установлении юридически значимых фактов (действительно бесспорные, поскольку факт либо есть, либо его нет) и дела о лишении и ограничении дееспособности гражданина [3, с. 65].

В литературе отмечают, что в отношениях по ограничению дееспособности гражданина лицами, участвующими в деле, выступают гражданин, а с другой стороны - члены его семьи, органы опеки и попечительства, психиатрическое или психоневрологическое учреждение [4, с. 61]. Несомненно, наличие у этих субъектов противоположных интересов к делу, в силу чего они должны наделяться статусом стороны, с тем чтобы получить все процессуальные средства защиты против заявленных требований и возражений.

В противном случае в условиях действующего процессуального законодательства гражданин, в отношении которого возбуждено производство о лишении или ограничении дееспособности, «беззащитен» перед заявителем и судом. В самом деле, закон требует, чтобы дела анализируемой категории рассматривались с обязательным участием самого гражданина (ст. 284 ГПК РФ). Но его процессуальный статус не определен. В соответствии со ст. 34 ГПК РФ заявители «и другие заинтересованные лица» отнесены к лицам, участвующим в деле. Но проблема заключается в том, что не все участвующие в деле лица обладают одинаковыми процессуальными правами. Только те из них, у кого имеется материально-правовая заинтересованность в деле, имеют так называемые

распорядительные, специальные процессуальные права. Иные, у которых имеется только процессуальная заинтересованность в деле (прокурор, например), таких прав не имеют.

Очевидно, что следует рассматривать такого гражданина как «слабую сторону» в деле. Ведь, даже если он действительно ведет неправильный образ жизни, злоупотребляет спиртными напитками и т.д., вопрос о его правовом статусе может быть решен по-разному: ограничение в правах может иметь разные объемы. А это значит, что суд в рассматриваемой категории дел должен быть значительно более процессуально активен, чем в «обычных» делах искового производства. В частности, он должен в необходимых случаях выходить за пределы доводов сторон, истребовать по собственной инициативе доказательства, назначать экспертизу (в том числе дополнительную и повторную - при наличии оснований). Эти процессуальные правила более отвечают административному судопроизводству, чем гражданскому процессу. Авторы верно указывают, что суд должен занимать активную позицию, отражать в решении не только результаты экспертизы, но и свое мнение по вопросу о лишении или ограничении дееспособности гражданина [5, с. 62].

Поскольку в делах о лишении и ограничении дееспособности гражданина реализуется именно властная функция по изменению правового статуса, или состояния, гражданина, а гражданин возражает против этого, есть основания признать указанные дела как дела публично-правовой природы и рассматривать их в рамках административного судопроизводства.

Итак, дела о лишении и ограничении дееспособности гражданина стоят особняком в ряду дел особого производства в гражданском процессе. Традиционный подход к особому производству, заключающийся в признании дел, рассматриваемых по его правилам, бесспорными, здесь не подходит. Очевидно, что гражданин, в отношении которого рассматривается указанное требование, против его удовлетворения возражает. Соответственно, в этих делах имеется спор о праве. Поскольку лишение и ограничение дееспособности происходят только в соответствии с публично-правовым актом, дела рассматриваемой категории, как и дела о недобровольной госпитализации гражданина в медицинскую организацию, должны рассматриваться не в гражданском, а в административном судопроизводстве. Гражданин в этих делах является «слабой стороной», что должно обусловливать высокую процессуальную активность суда.

Список источников

1. Павлова, М. С. Дела о госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке и дела об ограничении дееспособности, признании гражданина недееспособным: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3. С. 190-203.

2. Шевчук, С. С., Толстова, А. Е. Субъекты гражданского права: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 164 с.

3. Ярошенко, Т. В. Проблематика нотариального удостоверения завещания: определение дееспособности гражданина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 9. С. 61-67.

4. Томилов, А. Ю., Потапов, И. В. Расточительство как основание для ограничения дееспособности лица // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 19 (200). Серия: Право. Вып. 24. С. 60-65.

5. Чинчевич Е. В. Гарантии прав граждан при ограничении дееспособности вследствие психического расстройства // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 61-63.

УДК 347.2

Пельт Дмитрий Александрович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: pdima98@mail.ru

Pelt Dmitrii Alexhandrovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: pdima98@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

CIVIL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED AS A RESULT OF A TRAFFIC ACCIDENT

Данная статья посвящена исследованию гражданско-правовой ответственности за ущерб, причиненный в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП). Рассматриваются основные виды ответственности, условия ее наступления, а также механизмы возмещения ущерба в рамках гражданского законодательства Российской Федерации. Особое внимание уделено роли обязательного страхования автогражданской ответственности (ОСАГО), правам потерпевших и судебной практике. Статья направлена на понимание принципов гражданско-правовой ответственности в сфере дорожного движения и ее влияние на безопасность дорожного движения.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, вред, дорожно-транспортное происшествие, принцип вины, принцип объективной ответственности, страхование ответственности, убытки, возмещение ущерба, транспортное средство, ДТП, субъекты ответственности, права потерпевших, доказательства, принцип справедливости, ответственность водителей.

This article is devoted to the study of civil liability for damage caused by road traffic accidents (RTAs). The main types of liability, the conditions for its occurrence, and the mechanisms for damage compensation within the civil law of the Russian Federation are considered. Special attention is paid to the role of compulsory motor third-party liability insurance (OSAGO), the rights of victims, and

judicial practice. The article aims to provide an understanding of the principles of civil liability in road traffic law and its impact on road safety.

Keywords: civil liability, harm, traffic accident, principle of guilt, principle of objective liability, liability insurance, damages, compensation for damage, vehicle, accident, subjects of liability, rights of victims, evidence, principle of justice, responsibility of drivers.

Дорожно-транспортные происшествия (ДТП) занимают одну из ведущих позиций среди причин ущерба как для физических, так и для юридических лиц. Каждый год на территории Российской Федерации происходит множество аварий, что приводит не только к тяжелым последствиям для здоровья и жизни участников, но и к значительным материальным потерям. В данном контексте важнейшей задачей является установление гражданско-правовой ответственности за причиненный ущерб. Размер ответственности должен соответствовать степени нанесенного ущерба.

Особенность гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источниками повышенной опасности, заключается в том, что такая ответственность возлагается независимо от вины причинителя ущерба. То есть, владелец транспортного средства, даже если он не виновен в происшествии (что исключает уголовную и административную ответственность), обязан возместить ущерб пострадавшему. Основания для такой ответственности регулируются ст. 1079 ГК РФ, которая определяет правила возмещения ущерба, причиненного деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих.

Важнейшую роль в правовом регулировании таких ситуаций играет ГК РФ, а также федеральные законы, регулирующие обязательное страхование автогражданской ответственности. Суть гражданско-правовой ответственности состоит в том, что лицо, причинившее ущерб, обязано его компенсировать, что может касаться как материального ущерба (повреждение имущества, восстановление транспортного средства), так и нематериального (моральный ущерб, утрата трудоспособности, смерть). Рассмотрение этих вопросов требует всестороннего анализа норм законодательства, судебной практики и теоретических подходов, предложенных российскими юристами.

Гражданско-правовая ответственность представляет собой обязанность виновного лица возместить ущерб, причиненный в результате противоправных действий или бездействия. В случае ДТП выделяются несколько видов ответственности, включая деликтную и контрактную. Деликтная ответственность возникает при причинении вреда противоправными действиями водителя, что приводит к ущербу для потерпевшего. Важно, чтобы между действиями виновного и последствиями существовала причинная связь.

Контрактная ответственность возникает при нарушении условий договорных обязательств, например, договора страхования. Это касается как гражданского страхования транспортных средств, так и обязательного страхования автогражданской ответственности (ОСАГО), при котором страховая компания обязана возместить ущерб потерпевшему в пределах установлен-

ных полисом сумм. Гражданский кодекс Российской Федерации, как основной нормативно-правовой акт в области гражданско-правовых отношений, предоставляет четкие нормы для возмещения ущерба. Согласно ст. 1064 ГК РФ, лицо, причинившее вред, обязано его возместить, если не докажет отсутствие вины или наличие оправдывающих обстоятельств.

Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» регулирует условия страхования и лимиты выплат при наступлении страхового случая, обязывая страховые компании возмещать ущерб потерпевшим в пределах установленных страховых сумм. Для наступления гражданско-правовой ответственности необходимо соблюдение нескольких условий.

Прежде всего, должен иметь место ущерб, который может быть как материальным (повреждения имущества), так и нематериальным (моральный ущерб, ущерб здоровью). Рябов А. А. подчеркивает, что для наступления ответственности важно зафиксировать факт ущерба и оценить его размер [1, с. 144]. Вторым необходимым условием является причинная связь, то есть доказательство того, что ущерб возник именно из-за действий или бездействия виновного лица. Судебная практика подтверждает, что установление причинной связи является одним из ключевых аспектов в решении вопроса о возмещении ущерба.

Материальный ущерб, который подлежит возмещению, включает расходы на восстановление транспортного средства, ремонт, медицинские услуги и реабилитацию пострадавших. Белякова А. М. отмечает, что особенностью гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, является возложение такой ответственности независимо от вины причинителя [2, с. 51].

Практическая реализация гражданско-правовой ответственности при ДТП сталкивается с рядом серьезных проблем. Как указывает М. И. Брагинский, права субъектов гражданских правоотношений требуют восстановления нарушенных прав, в том числе посредством применения гражданско-правовой ответственности, однако в российской судебной практике остаются нерешенными вопросы, связанные с определением степени вины участников ДТП и правильной оценкой ущерба [3, с. 417]. Проблемой является также недостаточная эффективность правоприменительной практики, особенно в случаях, когда владельцы транспортных средств уклоняются от обязательного страхования или нарушают условия договоров, что усложняет процесс компенсации ущерба.

Решение этих проблем возможно через совершенствование законодательства и усиление контроля над страховыми компаниями, чтобы они полностью исполнили свои обязательства перед пострадавшими. Братусь С. Н. подчеркивает, что субъективное основание ответственности не всегда связано с виной, и в случае участия нескольких сторон в ДТП ответственность за причиненный вред должна распределяться пропорционально степени вины каждого участника [4]. Толстова А. Е. трактует вину как психическое отношение субъекта к своему действию или бездействию и его последствиям [5, с. 58]. Важно также отметить, что трудности в определении степени вины и

размера ущерба могут существенно повлиять на исход дела. В таких случаях судебная практика сталкивается с проблемой установления доли ответственности каждой из сторон.

В случае совместной вины потерпевших компенсация ущерба производится пропорционально их вине. Как отмечает Ю. Х. Калмыков, гражданское противоправное действие нарушает норму права и приводит к нарушению прав в конкретном правоотношении, что остается важным инструментом защиты прав потерпевших [6]. Матвеев Г. К. подчеркивает, что вину можно определять как психическое отношение нарушителя к своим действиям и последствиям в форме умысла или неосторожности [7].

Таким образом, ответственность за вред, причиненный в результате ДТП, зависит от формы вины и степени осознания нарушителем опасности своих действий. Для определения вины суд принимает во внимание не только фактические обстоятельства происшествия, но и осознание виновным возможных последствий. Эффективность данной системы зависит от правильного применения законодательства, судебной практики и механизмов компенсации ущерба через страхование. Повышение эффективности работы страховых компаний и совершенствование законодательства являются важнейшими шагами для обеспечения справедливости и безопасности на дорогах.

ГК РФ четко устанавливает механизмы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный в результате ДТП. Нормы, регулирующие этот процесс, создают комплексный подход к регулированию различных форм ответственности, учитывая особенности правонарушений в сфере дорожного движения и роль страхования в возмещении ущерба, что способствует правовой защите интересов граждан и юридических лиц.

Список источников

1. Рябов, А. А. Гражданско-правовая ответственность: материалы и судебная практика. Санкт-Петербург : Питер, 2019. 288 с.

2. Белякова, А. М. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. Москва : Юрайт, 2016. 290 с.

3. Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. Москва : Статут, 2012. 801 с.

4. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). Москва : Юрид. лит., 1976 // Российская государственная библиотека [сайт]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01007737097 (дата обращения: 12.02.2025).

5. Толстова, А. Е. Механизм осуществления юридической помощи: нормативное закрепление и пробелы правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 3 (64). С. 54-60.

6. Калмыков Ю. Х. Возмещение вреда, причиненного имуществу. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976 // Российская государственная библиотека [сайт]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01009473610 (дата обращения: 12.02.2025).

7. Матвеев Г. К. Вина в гражданском праве. Киев : Изд-во Киевского ун-та, 1955 // Российская государственная библиотека [сайт]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01005892363 (дата обращения: 12.02.2025).

УДК 347.122

Познова Юлия Александровна
курсант 2 курса юридического факультета
(Санкт-Петербургский Университет ФСИН России)
E-mail: iulia.poznova@yandex.ru

Poznova Yulia Aleksandrovna
2rd year cadet of the Faculty of Law
(St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service)
E-mail: iulia.poznova@yandex.ru

Новичкова Юлия Геннадьевна
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
(Санкт-Петербургский Университет ФСИН России)
E-mail: 3590568@mail.ru

Novichkova Julia Genadyevna
Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines
(St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service)
E-mail: 3590568@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА ПРАВ НА NFT И КРИПТОВАЛЮТЫ

DIGITAL ASSETS IN INHERITANCE LAW: PROBLEMS OF TRANSFER OF RIGHTS TO NFT AND CRYPTOCURRENCIES

В статье рассматриваются актуальные проблемы, возникающие при переходе прав на цифровые активы, в частности NFT (невзаимозаменяемые токены) и криптовалюты, в порядке наследования. Анализируются правовые коллизии, связанные с отсутствием четкого законодательного регулирования в данной сфере, а также технические сложности, возникающие при идентификации, оценке и передаче цифровых активов наследникам. Особое внимание уделяется вопросам определения юрисдикции, налогообложения и обеспечения безопасности цифрового наследства. На основе анализа зарубежного опыта и российской правовой практики предлагаются возможные пути решения проблем, связанных с наследованием NFT и криптовалют, включая законодательные инициативы и технологические решения, направленные на создание более эффективной и прозрачной системы передачи прав на цифровые активы.

Ключевые слова: цифровые активы, наследственное право, NFT (невзаимозаменяемые токены), криптовалюты, наследование, правовые коллизии, цифровое наследство, налогообложение.

The article discusses the current problems that arise during the transfer of rights to digital assets, in particular NFTs (non-interchangeable tokens) and cryptocurrencies, in the order of inheritance. The article analyzes legal conflicts related to the lack of clear legislative regulation in this area, as well as technical difficul-

ties that arise during the identification, evaluation and transfer of digital assets to heirs. Special attention is paid to the issues of determining jurisdiction, taxation and ensuring the security of digital inheritance. Based on the analysis of foreign experience and Russian legal practice, possible solutions to problems related to the inheritance of NFTs and cryptocurrencies are proposed, including legislative initiatives and technological solutions aimed at creating a more efficient and transparent system for the transfer of rights to digital assets.

Keywords: digital assets, inheritance law, NFT (non-interchangeable tokens), cryptocurrencies, inheritance, legal conflicts, digital inheritance, taxation.

За последние несколько десятков лет рынок цифровых активов демонстрирует экспоненциальный рост: капитализация криптовалют превысил 1 000 000 000 000, а объем торгов NFT (это невзаимозаменяемый токен, уникальный цифровой актив) в 2024 году составил 25.1 млрд.. Такие активы, как виртуальная недвижимость в метавселенных или цифровое искусство, приобретают не только инвестиционную, но и эмоциональную ценность. Но смерть владельца довольно часто приводит к безвозвратной утрате этих активов из-за отсутствия четких механизмов наследования. Данная проблема также усугубляется децентрализованной природой блокчейна и конфиденциальностью доступа, например, закрытые ключи. В условиях отсутствия единых правовых стандартов актуальность исследования обусловлена необходимостью защиты прав наследников и минимизации юридических рисков. Ключевой проблемой исследования цифровых активов заключается в противоречивости правовых подходов, например в США доступом к криптовалютам регулируется на уровне штатов, а в ЕС отсутствует прямое упоминание NFT в Регламенте о наследовании, что создаёт правовую неопределённость, увеличивая риски судебных споров и потерь. Целью исследования является выявление правовых и технических барьеров перехода цифровых активов по наследству и разработка предложений по совершенствованию законодательства. В основу работы положены: сравнительно-правовой анализ законодательства США, ЕС, Японии и России, где принимаются активные попытки регулирования; изучение судебной практики и моделирование правовых конструкций.

Современные классификации правовых активов насчитывают более 10 различных видов, но самыми актуальными и востребованными из них являются:

- Криптовалюты – активы, функционирующие на базе блокчейна, обладающие свойствами платежного средства или товара, например Bitcoin признаётся «цифровым золотом». Их ценность определяется рыночным спором, что делает их объектом наследования.
- NFT – уникальные цифровые объекты, подтверждающие право на владение искусством, например аукцион Beeple за $69 млн, виртуальной недвижимостью или игровыми предметами. Также NFT имеют эмоциональную и инвестиционную ценность, что требует их защиты как части наследства.

• Токенизированные активы – цифровые представления традиционных активов (акций, недвижимости, долговых обязательств). Их правовой статус близок к ценным бумагам, но при этом требует адаптации наследственных процедур. [1].

В настоящее время существует множество мнений по поводу электронных активов и их наследования, которые порождают споры, разделяющиеся в свою очередь на два подхода.

1. Ряд юрисдикций, например США и Швейцария, признают криптовалюты и NFT объектами собственности. В США IRS рассматривает Bitcoin в качестве имущества для целей налогообложения, однако отсутствие физической формы осложняет применение классических норм в наследственном праве.

2. Некоторые регуляторы, например Центральный Банк РФ, отрицают имущественную природу криптооактивов, называя их при этом инцыми цифровыми благами, что создаёт пробел (наследник не может требовать передачи актива, если доступ к электронному кошельку утрачен).

США классифицирует токены как ценные бумаги, если они при этом отвечают критериям Howey Test, что влияет на порядок и правила их наследования – требуется соблюдение процедур и норм, аналогичных передаче акций. Регламент MiCA (2024) даёт криптоактивам такое определение как «электронные записи», но не решает вопрос наследования их. Центральный Банк Российской Федерации запрещает обращение криптовалют, но признаёт право на цифровые права (259-ФЗ о цифровых активах – закон, который с 2021 год ввел понятия «цифровые финансовые активы» (ЦФА) и «цифровая валюта») [2], что позволяет включать их в наследственную массу при наличии доступа.

Наследование цифровых активов не менее сопряжено с комплексом правовых, технических и процедурных (практических) сложностей. Данные проблемы объясняются спецификой блокчейн-технологий и несовершенством законодательных актов и механизмов. Основными проблемами в таком наследовании являются:

1. Технические барьеры доступа. Основная проблема заключается в отсутствии прямого доступа наследников непосредственно к активам. Криптовалюты хранятся в кошельке, который защищён закрытыми ключами доступа, сменить которые невозможно, а также которые известны только владельцу, если ключи не переданы наследникам при жизни, что можно сделать через цифровое завещание, активы становятся недоступными, даже при юридическом признании прав собственности.

2. Правовая неопределённость статуса. Цифровые активы зачастую не попадают под традиционные категории наследственного права, например в Японии они признаются платежными средствами, а в России иными цифровыми благами (ст. 141 ГК РФ), что исключает их из наследственной массы при отсутствии доступа.

3. Межюрисдикционные конфликты. Децентрализация блокчейна приводит к коллизиям законодательств. Если наследователь проживал в Германии, а его NFT-кошелёк зарегистрирован на платформе в Сингапуре,

возникает вопрос «право какой страны применено?». В 2023 году сингапурский суд отказался рассматривать спор о наследовании NFT, сославшись на отсутствие регулирования.

4. Идентификация и оценка активов. Анонимность блокчейна усложняет установление связи между кошельком и наследователем, например NFT на кошельке без KYC-верификации невозможно однозначно атрибутировать. Изменчивость крипторынка приводит к спорам о рыночной цене активов на момент смерти.

Отсутствие четкого правового регулирования конкретно в этой сфере создаёт неопределённость для наследников, затрудняет процесс включения цифровых активов в наследственную массу и может приводить к спорам и судебным разбирательствам. Одним из главных вызовов, который возникает перед наследником во время цифровых активов, является отсутствие чёткого законодательного регулирования в данной области. На данный момент ГК РФ не содержит положений напрямую регулирующих порядок наследования цифровых активов, что порождает ряд вопросов, требующих незамедлительного решения.

Ч. 1 статьи 1112 «Наследство» определяет: «В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.» Но вопрос о том, можно ли все-таки считать цифровые активы «иным имуществом» в контексте данной статьи, остаётся нерешённым. Неопределенность в этом вопросе создает сложности для юристов и нотариусов при оформлении наследственных прав на цифровые активы и также приводит к отказу во включении их в наследство. Большинство исследователей, а именно Диева М. Г, Вронская М. В., Косов Р. В., Семкина Т. А. и др. придерживаются мнения о том, что присутствует необходимость внесения изменений в данную статью путем прямого указания на цифровые активы, либо путем расширения толкования понятия «иное имущество», либо созданием конкретной статьи, регулирующей наследование цифровых активов, что позволит устранить неопределённость и обеспечить возможность наследования цифровых активов наравне с другими видами имущества. [3].

В отличие от более привычных активов, таких как недвижимость или ценные бумаги, цифровые активы существуют в цифровой форме и не имеют физического воплощения. Данная «неосязаемость» создает некоторые проблемы при реализации наследственных прав, особенно при аресте и разделе цифровых активов между наследниками. Арестовать NFT, хранящийся в цифровом кошельке, доступ к которому возможен только при введение конкретного пароля, и осуществим с любой точки планеты, разделить криптовалюту между несколькими наследниками, при условии, что она хранится на одном счёте почти невозможно. Отсутствие четких механизмов решения этих недочётов создает серьезные препятствия для защиты прав наследников на цифровые активы [4]. Еще одной не мало важной проблемой можно считать конфликт юрисдикций, который возникает в связи с трансграничным характером цифровых активов. Криптовалюты и NFT регистрируются в децентрализованных реестрах, которые не подчиняются юрисдикции какого-

либо конкретного государства, что создает сложности при определении примерного права в случае наследования таких активов. И тогда возникает вопрос: Какое право должно применяться к наследованию криптовалюты, если наследователь проживает в России, а его криптовалюта хранится на севере в США?

Проблемы, возникающие при наследовании цифровых активов, не заканчиваются конкретно на гражданско-правовых аскпектах, не менее важным является тема налогообложения полученного наследства, который также порождает ряд сложностей и коллизий, требующих отдельного особого внимания. Отсутствие чётких правил определения стоимости цифровых активов и различия в налоговых режимах в различных странах создают значительные трудности для наследников и требуют разработки комплексного подхода к решению данной проблемы. Наиболее распространённым вопросом является оценка стоимости цифровых активов. Криптовалютный рынок характеризуется высокой волатильностью. Отсутствие чёткого ответа на вопрос «Как оценить наследственную массу, по курсу на день смерти наследования, по курсу на день выдачи свидетельства о праве на наследство или по какому-то другому курсу?» создаёт неопределённость и может приводить к спорам между наследниками и налоговыми органами. Не менее важной проблемой являются налоговые риски наследников, которые связаны с различиями в налоговых режимах в разных странах [5]. В некоторых странах (США, Германия) наследники обязаны уплачивать налог на наследство с полученных цифровых активов, в других странах (Сингапуре) налог на наследство отсутствует совсем. В России налог на наследство отменен с 1 января 2006 года, но при этом наследники обязаны уплатить налог на доходы физических лиц при продаже унаследованных цифровых активов, если они владели ими менее трех лет. Для решения проблемы налогообложения цифровых активов в наследственном праве необходимо разработать единые стандарты оценки стоимости цифровых активов, которые учитывают их изменчивость и специфику. Дополнительно следует заключать международные соглашения об избежании двойного налогообложения, позволяющего наследникам избежать уплаты налогов с одних и тех же цифровых активов.

Для решения всех вышеизложенных вопросов и проблемных моментов необходимо разработать методы, которые поспособствуют созданию более прозрачной и эффективной системы наследования цифровых активов. Одним из наиболее перспективных способов является использование сервисов цифрового завещания, которые позволят пользователям задавать вопросы о юридической силе таких документов и необходимости их нотариального заверения. Не менее полезным является использование смарт-контрактов для автоматического перехода прав на цифровые активы к наследник. Смарт-контракт – это самоисполняющийся контракт, код которого хранится в блокчейне, который также может быть заранее запрограммирован на автоматическую передачу прав на цифровые активы наследникам при наступлении определённых условий, например, при получении подтверждении о смерти наследователя [6]. Япония является одной из стран с наиболее развитым регулированием криптовалют и цифровых активов. В 2017 году Япония при-

знала криптовалюты законным платежным средством, а в 2018 ввела лицензирование криптовалютных бирж. Японское законодательство иакже регулирует и вопросы налогообложения криптовалют и цифровых активов, а также защиты прав потребителей, однако вопросы о наследовании цифровых активов в Японии все еще не урегулированы в полной мере [7].

Вопросы, связанные с наследованием цифровых активов, представляют собой сложную и многогранную проблему, которая требует комплексного подхода и незамедлительного решения. Правовая неопределенность связана с отсутствием четкого регулирования цифровых активов в наследственном праве, создает значительные риски для наследников, затрудняет процесс включения цифровых активов в наследственную массу и может приводить к спорам и судебным разбирательствам.

Список источников

1. Мхитарян Л. Ю. «Развитие института наследования в России: к вопросу о необходимости включения цифровых активов в наследственную массу» // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2019. – №1. – С. 289.

2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3. Диева М. Г., Косов Р. В., Тарабрин С. А**.** «Наследование цифровых активов» // Международный научно-исследовательский журнал. – М., 2021. – №3-2

4. Вронская М. В., Семкина Т. А. «Наследование цифровых финансовых активов: актуальные проблемы и перспективы развития» // Юридические исследования. – 2022. – №11.

5. Информационное письмо Банка России от 28.01.2022 N ИН-018-59/10 «О рисках, связанных с использованием цифровых валют» // Вестник Банка России. – 31.01.2022. – № 6.

6. Мхитарян Л. Ю. «Развитие института наследования в России: к вопросу о необходимости включения цифровых активов в наследственную массу» // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2019. – №1.

7. Закон о платежных услугах (PSA) В Японии. Обращение 02.04.2025 г.

УДК 347.463

Полушкин Валерий Анатольевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: valeraspb78rus@gmail.com

Polushkin Valery Anatolyevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: valeraspb78rus@gmail.com

Шварц Лариса Владимировна
канд. юрид. наук, доцент
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: shvarz7@yandex.ru

Shvarts Larisa Vladimirovna
PhD in Law, Associate Professor
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: shvarz7@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ОТНОШЕНИЙ ПО ПЕРЕВОЗКЕ ГРУЗОВ

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF SUBJECTS OF CARGO TRANSPORTATION RELATIONS

Статья посвящена анализу правового положения субъектов отношений по перевозке грузов. Особе внимание уделено характеристике грузополучателя, не являющегося стороной договора перевозки. Проведенный анализ доктринальных источников и нормативных правовых актов позволяет автору прийти к выводу, что договор перевозки груза с условием о выдаче особому грузополучателю – это договор с условием о переадресовании (передаче, вручении) исполнения третьему лицу.

Ключевые слова: договор перевозки грузов, грузоотправитель, перевозчик, грузополучатель, обязательство в пользу третьего лица, адресат исполнения.

The article is devoted to the analysis of the legal status of subjects of cargo transportation relations. Special attention is paid to the characteristics of the recipient who is not a party to the contract of carriage. The analysis of doctrinal sources and regulatory legal acts allows the author to conclude that a contract for the carriage of goods with the condition of delivery to a special recipient is a contract with the condition of forwarding (transfer, delivery) of performance to a third party.

Keywords: contract of carriage of goods, shipper, carrier, consignee, obligation in favor of a third party, addressee of execution.

Участниками (сторонами) договора перевозки грузов являются, с одной стороны, тот, кто заказывает перевозку — грузоотправитель, а с другой – тот, кто будет исполнять заказ, т.е. осуществлять перевозку (перевозчик). Они же являются основными участниками обязательств по перевозке: так, перевозчик обязуется доставить (в зависимости от случая) вверенный ему отправителем груз в пункт назначения, а также выдать груз управомоченному на его получение лицу (п. 1 ст. 785, п. 1 ст. 786 ГК РФ) в целости и сохранности; основной же обязанностью грузоотправителя

является обязанность уплатить установленную за перевозку плату. Вместе с тем случаи, в которых лицо отправляет груз для себя лично (на свое имя), хотя и встречаются на практике, но общим правилом их назвать нельзя; гораздо чаще встречаются ситуации, когда в отношения по перевозке груза «вмешивается» третье лицо – грузополучатель. Так, например, торговое предприятие отправляет часть товара, хранящегося на одном складе, на свой же собственный склад, находящийся в другом городе, - грузоотправитель и грузополучатель в этом случае совпадают в одном лице. Очевидно, что количество таких ситуаций будет ничтожно малым в сравнении с числом случаев отправки груза (товара), скажем, продавцом (поставщиком) покупателю или подрядчиком - заказчику. Договор перевозки груза предполагает, что грузоотправитель и грузополучатель будут представлены разными лицами [1, с. 24].

Вопрос о гражданско-правовом статусе грузополучателя вот уже долгие годы вызывает горячие споры в юридической литературе

1) Является ли грузополучатель третьим лицом, в пользу которого заключен договор перевозки (выгодоприобретателем, бенефициаром)? Почему-то «по умолчанию» считается, что грузополучатель, не будучи участником договора перевозки груза, становится, тем не менее, участником обязательственных отношений, возникающих из данного договора, трактуемого по этой причине господствующим воззрением в качестве договора в пользу третьего лица [2, с. 11].

Между тем, если это предположение правильно, то положительное законодательство должно предоставить нам базу для выводов о том, какие же именно субъективные гражданские права и (или) юридические обязанности и в силу какого юридического факта возникают у грузополучателя по отношению к перевозчику. Между тем попытка отыскать такие права и обязанности не приводит к положительному результату: ни действующее ныне, ни действовавшее прежде законодательство не связывает и не связывало грузополучателя с перевозчиком какими бы то ни было обязательственными отношениями.

В самом деле, посмотрим на предписания гл. 40 ГК РФ. Фигура грузополучателя упоминается в них целых пять раз. Но в каком же контексте? Посмотрим по порядку норм.

а) В п. 1 ст. 785 ГК РФ грузополучатель называется «... управомоченным на получение груза лицом». Слово «управомоченный» не должно вводить в заблуждение, ибо ГК РФ здесь явно говорит о грузополучателе как о лице, обладающем свойством формальной пассивной легитимация, — лице, выдача груза которому освобождает перевозчика от обязательства даже в том случае, если впоследствии выяснится, что данное лицо не имело права на груз. Толковать слово «управомоченный» в смысле «имеющий право на груз», как это делает, например, В.А. Егиазаров [3, с. 127], и уж тем более - в смысле «участвующий в договоре перевозки» (Д.П. Стригунова [4, с. 81]) нет никакой возможности, ибо первый вариант толкования требовал бы от грузополучателя доказывания своего права на груз и проверки перевозчиком наличия у грузополучателя такого права, а второй оставлял бы без ответа

вопрос о том, как можно стать участником договора, не только не совершив для этого никаких действий, но и не зная об этом.

Точно такой же — формально легитимационный - смысл вкладывается в слово «грузополучатель» и п. 1 ст. 796 ГК РФ: грузополучатель – это тот, в чье фактическое владение перевозчик имеет право сдать прибывший груз, не рискуя получить упрека отправителя в ненадлежащем исполнении обязательства. После того как перевозчик воспользовался такой возможностью, грузополучателем следует называть того, кто фактически получил груз (осуществил право требовать его выдачи по завершении перевозки). Кому это право принадлежало — осуществил ли грузополучатель свое или чужое право требования — это совсем другой вопрос, решаемый за рамками учения об обязательствах по перевозке.

Здесь мы сталкиваемся с полной аналогией учения о ценных бумагах, основная идея которого как раз в том и состоит, чтобы принудительно разделить вопросы о субъекте принадлежности и субъекте осуществления удостоверенного бумагой права. Кому он принадлежит — этот вопрос обсуждается по общим началам и принципам гражданского законодательства о приобретении и прекращении субъективных прав; кто его осуществляет — этот вопрос решается единообразно для всех ценных бумаг — формально легитимированный предъявитель бумаги. Точно так же и с перевозкой: кто имеет право требовать выдачи груза (отправитель, получатель или еще кто-то) — для перевозчика безразлично, потому что надлежащим для него исполнением будет выдача груза не тому, кто имеет на него право, а кто формально легитимирован на его получение. Не случайно требования выдачи грузов значительной стоимости, перевозка которых продолжается более-менее длительное время (т. е. грузов, перевозимых в морском и железнодорожном сообщении), удостоверяются товарораспорядительными документами (коносаментами и дубликатами накладных) — документами, легитимационное значение которых сродни легитимационному значению ценных бумаг [5, с. 567-568].

б) Затем, упоминание о грузополучателе как о возможном субъекте организации операций по выгрузке груза, содержащееся в п. 2 и 3 ст. 791 ГК РФ, касается таких отношений, которые органической частью перевозки не являются, во-первых, по сути (везти — одно дело, разгружать — совсем другое даже с точки зрения применяемых для этого технических средств), а во-вторых – хронологии развития событий. Ведь вопрос о выгрузке возникает не просто по завершении перевозки, но только после того, как грузополучатель совершит действия, свидетельствующие о его намерении *(*согласии*)* принять прибывший в его адрес груз. Эти действия грузополучателя и становятся основанием возложения на него обязанности по выгрузке транспортных средств (контейнеров), ответственности за задержку их возврата, за их возврат в ненадлежащем состоянии (например, ст. 99-101, 103, 104 Федерального закона от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» – далее — УЖТ РФ), а также за завершение расчетов по перевозке (ст. 106 УЖТ РФ). Думается, что одним из действий, свидетельствующих о предварительном согласии

грузополучателя принять груз, является сопровождение груза в процессе перевозки представителем грузополучателя, другим — инициированная грузополучателем переадресовка груза.

в) Далее, в п. 3 ст. 796 ГК РФ говорится об обязанности перевозчика возвратить «...провозную плату, взысканную за перевозку утраченного, недостающего, испорченного или поврежденного груза или багажа, если эта плата не входит в стоимость груза», упоминая, между прочим, о том, что такой возврат может быть осуществлен не только грузоотправителю (лицу, внесшему плату), но и грузополучателю. И здесь мы видим указание на грузополучателя как на лицо, выполняющее пассивную легитимационную (т.е. чисто техническую) функцию, поскольку ни о каком требовании грузополучателя к перевозчику закон не упоминает.

г) Еще меньше информации можно выудить из п. 4 ст. 796 ГК РФ, упоминающей об обстоятельствах – основаниях ответственности грузополучателя: ниоткуда не следует, что такими обстоятельствами являются действия, квалифицируемые как нарушения обязательств (скорее наоборот).

д) Наконец, п. 2 ст. 797 ГК РФ, который напоминает о возможности предъявления иска к перевозчику не только грузоотправителем, но и грузополучателем, доказывает скорее обратное: да если бы грузополучатель действительно был кредитором перевозчика — нужно ли было бы специально упоминать о его праве на иск? Разумеется, нет — ни в одной статье ГК РФ более не содержится ни единого упоминания об особых субъектах права на иск! Специальное упоминание об этом обретает смысл как раз тогда и только тогда, когда с точки зрения материально-правовых норм ГК РФ у грузополучателя никакого права на иск быть, вообще говоря, не должно [6, с. 371].

Чрезвычайно показательна в этом вопросе и наша литература. То, что грузополучатель «имеет права», предоставляемые ему договором перевозки груза, признавалось всеми, но вот вопрос о том, а что это за права, либо (1) поменялся другим вопросом (об обязанности перевозчика выдать груз), либо (2) оставлялся вовсе без ответа. Приведем только по одному характерному примеру подобного высказывания.

1. «Как известно, грузополучатель не принимает участия в заключении договора перевозки грузов. Но он приобретает права как по уставу (кодексу), так и по договору, в котором о грузополучателе как об адресате указывает грузоотправитель. Это обязывает перевозчика выдать груз именно данному адресату – грузополучателю…» [7, с. 42]. Все верно, но ответа на наш вопрос мы так и не имеем: в том, что перевозчик обязан выдать груз грузополучателю, никто не сомневается; вопрос-то заключается не в том, обязан или не обязан (конечно обязан, а как иначе-то? - неужели же перевозчик вправе «оставить груз себе»?!), а в том, перед кем он к этому обязан? Конечно, перед грузоотправителем: именно он выступает заказчиком перевозки, а значит - и кредитором по обязательству.

2. «В отличие от грузоотправителя грузополучатель не принимает участия в заключении договора перевозки... В то же время законодательство

наделяет грузополучателя определенными правами, связанными с перевозкой груза и, более того, возлагает на грузополучателя ряд обязанностей, вытекающих из перевозки груза» [8, с. 46]. «Определенные права» — это, конечно, замечательно, но хотелось бы знать, что это за права: чего грузополучатель вправе требовать от перевозчика и к чему тот обязан перед грузополучателем. Увы, не то что ответа — даже постановки этого вопроса мы не встречаем.

Что касается обязанностей, возлагаемых согласно господствующему взгляду на грузополучателя, то главной среди них обычно называют обязанности принять прибывший по его адресу и на его имя груз (в том числе и такой, которого грузополучатель не заказывал и в отношении которого не заключал с грузоотправителем какого-либо договора купли-продажи, поставки и т. п.). Если бы такие гражданско-правовые обязанности действительно существовали, то они, конечно, исключали бы возможность квалификации договора перевозки груза в качестве договора в пользу третьего лица. Признание этих обязанностей вытекающими то ли из планового акта, то ли из закона (публично-правовыми) в какой-то мере сглаживало это противоречие, хотя вопиющей противоестественности такого решения не отменяло. Одно счастье: «...у перевозчика никогда не было, нет и не может быть никаких правовых средств, с помощью которых он мог бы заставить грузополучателя принять незаказанный груз» [9, с. 153]. Но что же это означает? Уж не то ли, что и обязанности как таковой на грузополучателе-то и не лежит?

2) Грузополучатель как адресат (домицилиат) исполнения. Из приведенных выше рассуждений легко понять, в чем состоит наша точка зрения. Указание в договоре перевозки груза особого грузополучателя, не совпадающего в одном лице с грузоотправителем, имеет чисто техническое значение. Оно служит указанием, во-первых, того места, в котором должна быть произведена выдача груза, т. е. указанием места надлежащего исполнения (домициля) обязательства перевозчика, и, во-вторых, указанием того лица, выдача груза которому освобождает перевозчика от обязательства (адресата исполнения или домицилиата).

Правовое положение грузополучателя по договору перевозки весьма похоже на правовое положение держателя неакцептованного переводного векселя или держателя чека: тот и другой могут обратиться к плательщику, надеясь на получение платежа, но... ни тот, ни другой этого платежа не вправе требовать. Их расчет (надежда) на то, что платеж будет произведен, основывается не на том, что плательщик обязан к такому платежу перед ними, а на том, что он обязан к такому платежу перед трассантом (векселе- или чекодателем). Точно так же и расчет грузополучателя на то, что ему будет выдан груз, зиждется не на том, что перевозчик несет обязанность по выдаче груза перед ним (грузополучателем), а на том, что он принял на себя такую обязанность перед грузоотправителем, заключив с ним договор перевозки [10, с. 19].

Грузополучатель, не совпадающий в одном лице с грузоотправителем, не является участником не только договора перевозки (что очевидно), но и обязательственных правоотношений, из этого договора вытекающих (что

радикально расходится с общепринятым мнением), т. е. не имеет никаких прав в отношении перевозчика в связи с произведенной в его адрес перевозкой, но и не несет перед ним (перевозчиком) никаких обязанностей. Законодательное признание за грузополучателем возможности предъявления претензий и исков к перевозчику основано единственно на соображении практического удобства и имеет конечной целью охрану чужого интереса — интереса грузоотправителя как кредитора по обязательству перевозки. Ответственность за убытки, причиненные перевозчику отправкой груза в адрес такого получателя, который отказался от его приемки, несет грузоотправитель — лицо, произведшее такую отправку.

Таким образом, договор перевозки груза с условием о выдаче особому грузополучателю – это договор с условием о переадресовании (передаче, вручении) исполнения третьему лицу.

Список источников

1. Лукьянова, Н. Г., Толстова, А. Е. Гражданско-правовое регулирование перевозки грузов железнодорожным транспортом // Сборник научных трудов SWorld. 2012. Т. 37. № 4. С. 22-27.
2. Лончакова, Ю. А. Договор автомобильной перевозки грузов в системе транспортных договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 26 с.
3. Егиазаров, В. А. Транспортное право: учебник. Москва : Юстицинформ, 2015. 732 с.
4. Стригунова, Д. П. Обязанности сторон обязательства по перевозке груза // Современное право. 2013. № 4. С. 79-83.
5. Белов, В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты: учебник для бакалавриата и магистратуры. Москва : Издательство Юрайт, 2011. 1093 с.
6. Белов, В. А. Гражданское право: в 4 т. Т. IY. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавриата и магистратуры. Москва : Издательство Юрайт, 2012. 1085 с.
7. Самигулина А. В. Особенности заключения договора перевозки груза железнодорожным транспортом // Право и экономика. 2016. № 2. С. 40-44.
8. Морозов, С. Ю. Договор об организации перевозок грузов: субъектный состав, порядок заключения, ответственность // Гражданское право. 2011. № 2. С. 45-47.
9. Соловьева, М. А. Исполнение договора перевозки грузов железнодорожным транспортом в России и Германии: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2012. № 2. С. 152-155.
10. Выгодянский, А. В. Правовое положение грузополучателя по договору воздушной перевозки груза // Юрист. 2010. № 5. С. 18-21.

УДК 347.463

Полушкин Валерий Анатольевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: valeraspb78rus@gmail.com

Polushkin Valery Anatolyevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: valeraspb78rus@gmail.com

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПЕРЕАДРЕСОВКИ ГРУЗОВ

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF CARGO FORWARDING

Статья посвящена анализу правовой природы переадресовки грузов. Дана характеристика правил переадресовки на различных видах транспорта. Выделены особенности переадресовки, как на акта изменения отдельных условий обязательства перевозки.

Ключевые слова: договор перевозки грузов, грузоотправитель, перевозчик, грузополучатель, переадресовка, переадресовочное заявление.

The article is devoted to the analysis of the legal nature of cargo forwarding. The article describes the rules of forwarding on various types of transport. The features of forwarding are highlighted, as based on the act of changing certain conditions of the obligation of carriage.

Keywords: cargo transportation contract, shipper, carrier, recipient, forwarding, forwarding statement.

Исполнение договора перевозки грузов обозначает совершение субъектами соответствующих действий, предусмотренных договором или законом. Комплекс означенных действий находит свое выражение в содержании договора, представляющим собой совокупность обязанностей и корреспондирующих им прав участников правоотношения. Поскольку правовое регулирование отношений перевозки грузов носит диспозитивно-императивный характер, права и обязанности сторон устанавливаются не только договорными, но и нормативными предписаниями.

Основным правом заказчика перевозки - грузоотправителя - является требование об осуществлении надлежащей перевозки, обеспеченное обязанностью перевозчика такую перевозку осуществить. Основными требованиями к любой надлежащей перевозке являются ее окончание в надлежащем месте и в надлежащее время, т. е. прибытие транспортного средства в пункт назначения и без опоздания; обеспечение сохранности принятого к перевозке груза; выдать груз управомоченному лицу (грузополучателю), предварительно уведомив его о прибытии такового.

Бремя исполнения обязанностей перевозчика, как и во всяком обязательстве лежит на должнике — перевозчике. «Перевозчик принимает на себя перевозку, т. е. сохранение и передвижение вещи, и уже его дело — чьими средствами он будет производить передвижение, быть может, только своими, быть может — своими и чужими, быть может — только чужими. В пер-

вом и во втором случае перевозчик есть вместе с тем и извозчик, в третьем — он лишь перевозчик; но для договора перевозки он всегда — только перевозчик... — Безразличность принадлежности средств — одно из отличий договора перевозки от договора найма имущества» [1, с. 52].

До тех пор, пока обязательство перевозки не исполнено, грузоотправитель, а в предусмотренных законом случаях и грузополучатель может потребовать от перевозчика изменения условия обязательства перевозки о пункте назначения *(и*зменение пункта назначения (выдачи) груза называется передресовкой; иногда, впрочем, это слово употребляют и в широком смысле, обозначая им любой вариант распоряжения грузом в пути) и (или) о личности грузополучателя [2].

В изменении личности получателя еще не выданного груза, не сопровождаемом изменением пункта назначения, перевозчик отказать не вправе [3]. Напротив, в изменении пункта назначения (переадресовке в собственном смысле слова) перевозчиком может быть отказано, если для такого изменения отсутствует техническая либо юридическая возможность. Такая возможность отсутствует, что называется, по определению в договоре воздушной перевозки груза: воздушное судно не может ни «залетать» в попутные аэропорты, ни тем более произвольно, сообразно фантазии грузоотправителя, изменять курс [4, с. 6]. Не знает института переадресовки Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (далее КТМ РФ): его необходимость вполне устраняется товарораспорядительным характером оформляющего перевозку акта — коносамента, распоряжение которым означает распоряжение правом требования выдачи груза.

Наше законодательство не знает единых правил переадресовки грузов. Их существует столько, на скольких видах транспорта данный институт применяется, т.е. четыре различных типа правил.

а) Переадресовка грузов, перевозимых по железной дороге, осуществляется перевозчиком по заявлению как грузоотправителя, так и грузополучателя, как в форме изменения железнодорожной станции назначения, так и в форме изменения наименования грузополучателя регулируется Приказом Минтранса России от 27.07.2020 № 256 «Об утверждении Правил перевозок грузов, порожних грузовых вагонов железнодорожным транспортом, содержащих порядок переадресовки перевозимых грузов, порожних грузовых вагонов с изменением грузополучателя и (или) железнодорожной станции назначения, составления актов при перевозках грузов, порожних грузовых вагонов железнодорожным транспортом, составления транспортной железнодорожной накладной, сроки и порядок хранения грузов, контейнеров на железнодорожной станции назначения» (далее — Правила переадресовки). Это заявление подается в письменной форме (п. 2 Правил переадресовки), в том числе в электронном виде (п. 5), с соблюдением предусмотренных Правилами переадресовки (п. 4) реквизитов. Решение об осуществлении переадресовки или об отказе в осуществлении таковой должно быть принято перевозчиком в течение двух дней со дня получения им заявления (п. 7 Правил переадресовки); о переадресовке, произведенной в пути следования по ини-

циативе грузополучателя, перевозчик обязан проинформировать грузоотправителя. Техника оформления переадресовки зависит от того, была ли она осуществлена в пути следования или на конечной станции. Для переадресовки в пути следования (на попутной станции) представитель перевозчика составляет акт передресовки, который вместе с первоначальными перевозочными документами сопровождает груз по новому адресу; переадресовка же груза, уже прибывшего на конечную станцию, рассматривается, по сути, как заключение нового договора перевозки, вследствие чего сопровождается оформлением новых перевозочных документов с внесением погашающих изменений в первоначальные (п. 9,10 Правил переадресовки). Всякое заявление о переадресовке исполняется перевозчиком за счет заявителя, который обязан покрыть все расходы перевозчика по переадресовке, а также оплатить время простоя вагонов и контейнеров в ожидании переадресовки (ст. 31 Федерального закона от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» — далее УЖТ РФ, п. 21 Правил переадресовки).

б) Переадресовка груза на автомобильном транспорте скорее просто упоминается в п. 3-6 ст. 15 и ст. 40 Федерального закона от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (далее — УАТ РФ, чем регулируется ими. Судя по содержанию этих норм, она может осуществляться только грузоотправителем и только по установлении с прибытием груза в пункт назначения факта невозможности выдачи груза указанному в документах получателю по причинам, не зависящим от перевозчика. Коротко говоря, переадресовка автомобильных грузов имеет факультативный характер; неудивительно, что особых правил такой переадресовки, насколько это нам известно, не существует [5, с. 6].

в) Столь же. фрагментарной является регламентация и переадресовки авиагрузов (п. 1 ст. 110 Воздушного кодекса Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ – далее — ВК РФ). Памятуя о технических особенностях осуществления воздушной перевозки, норма эта предусматривает единственный вариант самостоятельной переадресовки – право грузоотправителя (в порядке, предусмотренном федеральными авиационными правилами или установленными перевозчиком правилами воздушных перевозок) изменить указанное в грузовой накладной наименование грузополучателя. Права менять пункт назначения в воздушной перевозке груза не предусматривается [6, с. 25].

г) Наконец, переадресовка грузов, перевозимых по внутренним водным путям, представляет собой чуть менее универсальные правила переадресовки грузов железнодорожных. Здесь мы также находим две самостоятельные формы переадресовки (изменение личности грузополучателя и (или) порта назначения), а также возможность ее осуществления по требованию как грузоотправителя, так и грузополучателя (п. 2 ст. 78 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ — далее — КВВТ РФ). Но КВВТ (в отличие от УЖТ РФ) разграничивает распорядительные правомочия сторон во времени: грузоотправитель вправе переадресовывать груз «...до момента вручения перевозчиком грузополучателю транспортной накладной», причем непременно с приложением при своем

заявлении грузовой квитанции, а грузополучатель - после этого момента с приложением к заявлению полученной от перевозчика транспортной накладной. Особых требований к оформлению заявлений о переадресовке, к их рассмотрению перевозчиком и принятию по ним решений, к оформлению состоявшейся переадресовки законодательство не устанавливает [7, с. 62].

Применительно к нормам УЖТ РФ и КВВТ РФ, допускающим осуществление переадресовки по инициативе не только грузоотправителя, но и грузополучателя, возникает вопрос: а на каком же основании распоряжается грузом грузополучатель, если он (согласно нашей точке зрения) не является участником не только договорных, но и обязательственных перевозочных отношений, т. е. не имеет никаких прав в связи с перевозкой, в том числе права требования груза? Ответ на этот вопрос означает объяснение юридической природы переадресовки. Если считать переадресовку актом распоряжения правом требования выдачи груза, то поставленный вопрос никакого ответа, конечно, не получит: довольно трудно представить себе те соображения, которые могли бы побудить законодателя узаконить акт распоряжения чужим правом со стороны лица, заведомо им не обладающего. Но в том-то и дело, что переадресовка никакого отношения к распоряжению правом не имеет. Это с очевидностью вытекает из двух следующих соображений.

Во-первых, правами из договора перевозки (в том числе правом требования выдачи груза) обладает грузоотправитель. Задержка выдачи груза, выдача груза в испорченном состоянии, недостача и прочие нарушения обязанности перевозчика составляют случаи нарушения прав грузоотправителя - только его и никого другого, сколько бы актов переадресовки не было бы осуществлено. Во-вторых, нужно вспомнить о существовании такой формы переадресовки, которая ограничивается изменением лишь пункта назначения груза, но не затрагивает личность грузополучателя — ни о каком распоряжении правом тут и речи быть не может [8].

Гораздо более правильным является взгляд на переадресовку как на акт изменения отдельных условий обязательства перевозки. В тех случаях, когда законодательство обязывает перевозчика совершить переадресовку, перед нами – односторонний акт совершение которого представляет собой исключение из правил ст. 310 и 450 ГК РФ; в тех же случаях, когда перевозчик имеет право по собственному усмотрению согласиться с переадресовкой или отказать в ее осуществлении - перед нами договор. Отличительной особенностью любого акта переадресовки является возможность его совершения не только участником обязательства (грузоотправителем), но и не участвующим в обязательстве лицом – грузополучателем. Объяснение этому может быть только одно: не обладая правами и обязанностями, составляющими перевозочное обязательство, грузополучатель все же не может считаться совсем уж посторонним к этому обязательству лицом, ибо он – адресат исполнения, т.е. та субъектно-пространственная «точка», к которой приурочено исполнение перевозочного обязательства. Грузополучатель, знающий о том, что получить направленный в его адрес груз он либо не сможет (не захочет) вовсе, либо не сможет это сделать в том месте, куда груз отправлен, должен, действуя добросовестно, по возможности максимально заранее (загодя) предупредить об этом перевозчика, дабы последний не тратил время,

силы и средства на перевозку понапрасну. Акт переадресовки со стороны грузополучателя — это, стало быть, не произвольный акт реализации им каких-то особых прав или элементов правоспособности, а вынужденный акт должного поведения добросовестного участника оборота. Поскольку, как только что указывалось, ни одна переадресовка, в том числе совершенная по инициативе грузоотправителя, не производит замены кредитора перевозочного обязательства, выведенной квалификации нужно придать универсальный характер, то есть распространить ее и на переадресованные акты, инициированные грузоотправителем. С правилами переадресовки, содержащимися в УЖТ РФ, может быть связано возникновение еще и другого вопроса. Допуская одновременное существование переадресовочных возможностей как у отправителя, так и у получателя, законодатель тем самым создает почву для потенциальной конкуренции (коллизии) переадресовочных актов. Что, спрашивается, надлежит сделать железной дороге при получении в один и тот же день (одновременно) двух — одного от отправителя, а другого от получателя – заявлений о переадресовке одного и того же груза различного содержания? Следует ли одно заявление предпочесть другому (но какое какому и почему?) или же нужно отказать в удовлетворении обоих? На первый взгляд, кажется, что нужно от дать приоритет заявлению грузоотправителя, поскольку именно он является кредитором перевозочного обязательства и именно ему, следовательно, должен подчиняться перевозчик. При ближайшем же рассмотрении становится ясно, что этот аргумент на самом деле ничего не доказывает, поскольку отправитель — это кредитор перевозчика по совсем другому обязательству — обязательству перевезти и выдать груз, а вовсе не по обязательству выполнять распоряжения о переадресовке. В этом отношении грузоотправитель находится в положении, абсолютно идентичном с положением грузополучателя. Но их положение различается, конечно, в другом отношении: переадресовка способна заменить грузополучателя, но ни при каких переадресовка способна заменить грузополучателя, но не при каких условиях не изменяет личности грузоотправителя. Иными словами, более раннее заявление грузоотправителя о замене грузополучателя лишит последнего возможности совершить переадресовку и создает такую возможность для нового грузополучателя; в то же время любое более позднее заявление грузоотправителя уничтожит все прежние переадресовки, в том числе сделанные любым из грузополучателей [9, с. 24]. Из этого и нужно исходить при решении вопроса о конкуренции переадресовочных заявлений, поступивших одновременно: из двух заявлений о переадресовке в форме замены получателя приоритетно заявление отправителя, из двух заявлений о переадресовке в форме изменения пункта назначения приоритетно заявление получателя; заявления различного содержания (одно — об изменении пункта назначения, а другое — о замене получателя) подлежат одновременному исполнению как друг друга не исключающие и взаимному исполнению не мешающие.

Список источников

1. Толстова, А. Е. Особенности договора воздушной перевозки грузов // Черные дыры в Российском законодательстве. 2012. № 6. С. 51-54.

2. Постановление ФАС СКО от 14.05.2022. по делу № А20-445/2021. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Постановление ФАС СКО от 31.07.2022 по делу № А46-13669/2021 [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Горобец, В. Д., Веретельникова, Н. Е. Воздушный транспорт: правовые аспекты ответственности перевозчика // Транспортное право. 2013. № 1. С. 5-7.

5. Бянкина, А. М. Правовое регулирование договора перевозки грузов автомобильным транспортом в приграничных территориях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2012. 26 с.

6. Выгодянский, А. В. Права и обязанности сторон по договору воздушной перевозки пассажиров и грузов // Юрист. 2016. № 21. С. 20-27.

7. Карпеев, О. В. Содержание узлового соглашения по Правилам перевозки грузов в прямом смешанном железнодорожно-водном сообщении // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 11. С. 59-64

8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.03.2013 № 6592/18. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Лукьянова. Н. Г., Толстова. А. Е. Гражданско-правовое регулирование перевозки грузов железнодорожным транспортом // Сборник научных трудов SWorld. 2012. Т. 37. № 4. С. 22-27.

УДК 341.96

Попова Евгения Александровна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: zene4hek08@yandex.ru

Popova Evgeniya Aleksandrovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: zene4hek08@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ О РАСТОРЖЕНИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО БРАКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

PROBLEMS OF RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF COURT DECISIONS ON THE DISSOLUTION OF A CROSS-BORDER MARRIAGE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

В данной статье рассматриваются основные юридические проблемы, связанные с признанием и приведением в исполнение судебных решений о расторжении трансграничного брака в Российской Федерации и зарубежных странах. Освещаются аспекты, касающиеся законодательства, регулирующего процесс расторжения таких браков, а также затруднения, связанные с правовым статусом и признанием расторжения межнациональных союзов как на

территории России, так и за рубежом. Анализируются сложности, связанные с коллизионным регулированием расторжения брака в сфере международного частного права. Статья направлена на выявление правовых пробелов и предлагает рекомендации по их устранению, что может способствовать более эффективному регулированию расторжения трансграничного брака и приведения в исполнение судебных решений о расторжении межнациональных браков, а также защите прав сторон, вовлеченных в такие отношения.

Ключевые слова: юридические проблемы, расторжение трансграничного брака, иностранные граждане, исполнение судебных решений, процедура расторжения брака, признание расторжения брака за границей.

This article examines the main legal issues related to the recognition and enforcement of court decisions on the dissolution of a cross-border marriage in the Russian Federation and foreign countries. It highlights aspects related to the legislation governing the dissolution of such marriages, as well as difficulties related to the legal status and recognition of the dissolution of interethnic unions both in Russia and abroad. The difficulties associated with the conflict-of-laws regulation of divorce in the field of private international law are analyzed. The article aims to identify legal gaps and offers recommendations for their elimination, which can contribute to more effective regulation of the dissolution of cross-border marriage and the enforcement of court decisions on the dissolution of interethnic marriages, as well as the protection of the rights of the parties involved in such relationships.

Keywords: legal problems, dissolution of a cross-border marriage, foreign citizens, execution of court decisions, the procedure for the dissolution of marriage, recognition of the dissolution of marriage abroad.

Современное понимание брачного союза не ограничивается государственными границами или национальным правом, процесс заключения и расторжения брака имеет многостороннее и международное обоснование, так как трансграничные браки занимают важное значение в регулировании международных отношений.

Расторжение брака в правовой плоскости во многих случаях ведет к судебному решению, что не всегда приводит к реальной защите прав и законных интересов, так как основополагающим в данном процессе является исполнение самого решения о расторжении брака. Еще большую сложность вызывает территориальное различие при вынесении судебного решения и его исполнения. В международном частном праве стандартная практика, когда решение о расторжении трансграничного брака выносится на территории одного государства, а реализация резолютивной части данного решения осуществляется уже на территории иного государства. В процессе перехода осуществления защиты прав и законных интересов участников межнационального расторжения брака следует учитывать территориальную юрисдикцию [1, с. 45].

Национальное отечественное законодательство определенным образом регулирует вопросы принятия к исполнению судебных актов в части

расторжения брака между соотечественниками и иностранцами. Так, ст. 413 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ) предусматривает, что решения, к которым не требуется применять исполнение в принудительном порядке должны быть признаны в отсутствии дальнейшего производства. При этом важным моментом в данном случае является условие об отсутствии возражений со стороны заинтересованного лица против данного решения. В законе четко прописано, что вышеуказанные положения включают в себя судебные решения о расторжении брака или о признании права собственности.

Можно провести параллель между данными категориями дел в сравнительно-правовом срезе для более четкого выделения проблем в части приведения в исполнение судебных решений в международном пространстве. В качестве объектов сравнения можно изучить судебные решения в области признания права собственности на движимое и недвижимое имущество. Оба исследуемых объекта находятся в гражданском правовом поле регулирования и представляют собой объекты, относящиеся к вещам, право на владение которыми четко определено законодательством.

Однако, отличительными чертами будет являться факт признания права собственности. Необходимо понимать, что закон закрепляет такие понятия как решения, которые не требуют признания, к ним следует отнести область регулирования движимого имущества. При этом, судебное решение в категории дел о признании права собственности на недвижимое имущество, относится к решениям, требующим признания, которое выражается в виде осуществления регистрационных действий при помощи внесения записи в специальный реестр. Научный и практический интерес представляют категории дел о расторжении брака в международном масштабе с точки зрения предъявляемых к ним требований о признании для последующего приведения его в исполнение.

Сформулирован открытый перечень видов решений, относящиеся к решениям иностранных уполномоченных органов власти и не требующих дальнейшего разбирательства и последующего признания. Согласно ст. 415 ГПК РФ к одному из видов рассматриваемого перечня относятся решения по делам о расторжении или признании недействительным брака между субъектами права, проживающими в разных государствах, если в момент рассмотрения дела хотя бы один из них проживал вне пределов Российской Федерации, а также о расторжении или признании недействительным брака между ними, если оба супруга в момент рассмотрения дела проживали вне пределов своей родины.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (далее – СК РФ) в п. 4 ст. 160 фиксирует норму направленную на то, что расторжение брака между иностранными гражданами, признается действительным в Российской Федерации, закрепляя признание решения о расторжении брака в России, если расторжение брака, совершенное за пределами территории Российской Федерации, было соблюдено с учетом законодательства и его надлежащего применения компетентным органом соответствующего иностранного государства.

Однако, правовая ситуация усложняется в отношении решений, которые требуют признания. ГПК РФ предусматривает признание и исполнение решений иностранного суда при наличии международного договора, что отражено в ст. 409. При этом решение иностранного судебного органа может быть предъявлено к принудительному исполнению в течение трех лет со дня его вступления в законную силу. Стоит обратить внимание на то, что в случае, если был пропущен по уважительной причине срок, то он может быть восстановлен российской судебной инстанцией.

На сегодняшний день существует большое количество международных соглашений, выстроенных как между двумя, так и между несколькими странами. Такими соглашениями регулируются вопросы исполнения решений, связанных с расторжением трансграничных браков. Среди актов международного уровня, касающихся рассматриваемого вопроса и ратифицированных Российской Федерацией, следует выделить Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002 (далее - Конвенция). Так, в ст. 51 Конвенции зафиксировано, что каждая из Договаривающихся Сторон признает и исполняет решения учреждений юстиции по гражданским и семейным делам, вынесенные на территории других Договаривающихся Сторон. Некоторые сложности обусловлены тем, что ряд важнейших вопросов семейного права урегулирован достаточно подробно отдельными конвенциями и международными договорами, но они не вступили в силу для Российской Федерации [2, с. 88].

В процессе понимания проблемных аспектов признания и приведения в исполнение судебных решений о расторжении трансграничного брака в Российской Федерации и зарубежных странах необходимо учитывать, что упоминание об исполнении решений и порядке исполнения могут и отсутствовать в международных соглашениях, а также указание на принцип взаимности. Однако государственные органы, исполняющие судебные функции могут прийти к выводу о возможности исполнения решения, так как в данном случае учитывается сам факт наличия двухстороннего соглашения, а также принимается во внимание общий дух данного соглашения о правовом сотрудничестве [3, с. 120].

При более тщательном анализе, изучаемых положений, возникает еще одна проблема признания и приведения в исполнение судебных решений о расторжении трансграничного брака в Российской Федерации и зарубежных странах, связанная с разрешением ситуаций в отмеченной области в случае, если соглашение международного характера отсутствует, что неизменно приводит к правовому вакууму. В подобных обстоятельствах следует обратиться к существующим общим правилам и принципам, характеризующим сотрудничество в международном правовом поле, таким как принцип взаимности. Внимательнее следует относиться к тому, что отсутствие соглашения еще не свидетельствует о том, что решение не должно исполняться, так как один юридический факт не ставится в зависимость от другого. Элементы частного права не могут лишиться защиты по одной лишь причине отсутствия договоренности на публично-правовом уровне.

В более широком контексте взаимность как основа международного права является одним из ключевых принципов международного сотрудничества, позволяющим обеспечить права и интересы государств, граждан и организаций на основе равенства и взаимной выгоды [4, с. 344]. Этот принцип также находит закрепление в действующем российском законодательстве. В соответствии со ст. 1189 ГК РФ, иностранное право может применяться в России независимо от того, применяется ли за рубежом российское право в контексте исследуемых правоотношений. При этом предполагается, что взаимность действует, если не доказано обратное [5, с. 79].

Таким образом, принцип взаимности, возникающий из международной вежливости, подразумевает использование иностранного права для содействия сотрудничеству между государствами [6, с. 26]. Важно отметить, что взаимность касается применения иностранного права, а не его содержания. Рассматривая семейные отношения, возникает вопрос о расторжении трансграничных браков, что требует учета территориальной подсудности и правил, действующих в разных государствах.

Исследование российского законодательства, касающегося регулирования семейных отношений, выявляет еще одну проблему, связанную с процессом расторжения трансграничных браков в России. Согласно п. 2 ст. 160 СК РФ, брак можно «divortium» (от лат. расторжение) в российском суде с супругом, который проживает за пределами страны, независимо от его гражданства, даже если наш гражданин не имеет постоянного места жительства в России. По внутреннему законодательству, расторжение брака возможно также в дипломатических или консульских учреждениях за границей, если это разрешено в органах записи актов гражданского состояния.

Тем не менее возникает вопрос о территориальной компетенции упомянутых дел. Согласно ч. 4 ст. 29 ГПК РФ, если по состоянию здоровья истцу сложно добраться до места проживания ответчика, иск о расторжении брака может быть подан в суд по месту жительства истца. Однако возникает сложность, поскольку истец фактически не имеет постоянного места жительства в России, а ответчик никогда не имел жилья или имущества на территории страны. Для решения указанной проблемы важно сознавать, что административная процедура расторжения брака, описанная в п. 2 ст. 160 СК РФ, может осуществляться за пределами страны в дипломатических или консульских учреждениях.

Следует подчеркнуть, что данная норма законодательной базы направлена на защиту прав граждан России и является важным элементом в регулировании процесса расторжения международных браков. Это помогает избежать споров и проблем, возникающих из-за сложной или отсутствующей процедуры расторжения брака в законодательстве некоторых стран. Таким образом, гражданин России всегда вправе обратиться в консульское учреждение или дипломатическое представительство за защитой и реализацией своих прав.

Обобщая все вышесказанное, следует подчеркнуть, что, учитывая уникальные особенности национальных законов различных стран, международное частное право стремится к унификации процедур, связанных с рас-

торжением брака, которые носят международный характер. Это создает позитивные изменения в признании и исполнении судебных решений о разводах как на территории России, так и за ее пределами.

В частности, современная российская нормативная правовая база подтверждает брачный союз расторгнутым между российским гражданином и гражданином другого государства при соблюдении порядка, утвержденного законодательной базой того государства в территориальной юрисдикции которого происходил исследуемый правовой процесс. Безусловно, принятие судебного акта о расторжении брака, осложненного иностранным элементом в рамках правового поля нашего государства сопряжено с рядом условий. Акцент следует сделать на необходимость соблюдения законодательной базы о компетенции органов, принявших решение о расторжении брака. Также, немаловажное значение в данном контексте имеет соблюдение зарубежного законодательства, подлежащего применению в части расторжения брака в целом.

Важно помнить, что для того, чтобы расторжение брака, осуществленное за пределами России, было признано действительным, следует учитывать некоторые нюансы. Прежде всего документы, подтверждающие развод с иностранным гражданином за границей, признаются в России, однако требуют легализации. Согласно ст. 13 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», для того, чтобы российский суд признал такой развод действительным, необходимо выполнить перевод документа на русский язык и приложить к нему апостиль, подтверждающий подлинность.

Процесс прекращения транснационального брака в другой стране может не требовать государственной регистрации согласно местным законам. В этом случае судебное решение, принятое по данном делу, будет считаться окончательным и будет иметь такую же юридическую силу на территории нашего государства.

И так, можно прийти к заключению, что использование законов разных стран относительно требований и процедуры развода в одном процессе аннулирования брака является сложной многогранной процедурой. Таким образом, в большинстве стран при выборе закона, применимого к разводу, применяется территориальный критерий места развода. Отечественное законодательство не делает исключения в этом вопросе, поскольку развод в нашей стране, вне зависимости от национальности супружеской пары, регулируется положениями российской правовой системы. При изучении норм международного частного права относительно прекращения трансграничных брачных союзов и российского законодательства по этому вопросу, обнаруживаются сложности в подтверждении и выполнении судебных постановлений об аннулировании подобных браков, требующих тщательного и комплексного юридического исследования национальных и международных правовых документов.

Список источников

1. Косовская, В. А., Алешина, А. В. Регулирование частноправовых отношений с иностранным элементом: проблемы применения иностранного

права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 4. С. 43-47.

2. Брагин, А. Г., Матирная, А. Н. К вопросу о причинах возникновения коллизий при регулировании брачно-семейных отношений в международном частном праве // Научный журнал «Эпомен». 2020. № 48. С. 86-92.

3. Алексеева, С. О. Коллизионно-правовое регулирование заключения трансграничного брака и его расторжения // Вопросы российской юстиции. 2021. №14. С. 106-123

4. Хужина, О. Н. Принцип взаимности в праве // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 343-344

5. Толстова, А. Е., Шульженко, И. С. Правовое регулирование отношений родителей и детей при наличии иностранного элемента // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 2 (59). С. 75-80.

6. Ипполитов, С. С. Международное частное право и правовая система России: проблемы изучения (1991–2023 гг.) // Теория и практика. 2023. № 3. С. 14-31.

УДК 368.1

Пригожий Антон Александрович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: aprigozhiy@gmail.com

Prigozhiy Anton Alexandrovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: aprigozhiy@gmail.com

ПРИЗНАНИЕ ДОГОВОРА ИМУЩЕСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ В СВЯЗИ С СООБЩЕНИЕМ СТРАХОВЩИКУ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ СВЕДЕНИЙ

RECOGNITION OF A PROPERTY INSURANCE CONTRACT AS INVALID DUE TO THE MESSAGE OF KNOWINGLY FALSE INFORMATION TO THE INSURER

В статье проанализирована практика, складывающаяся при разрешении арбитражными судами споров о признании недействительными договоров страхования на основании п. 3 ст. 944 ГК РФ. На основе такого анализа сформулированы предложения по совершенствованию конкретных формулировок данной статьи, непосредственно связанных с обязыванием страхователя предоставлять страховщику достоверную информацию касательно существенных для страхования обстоятельств, сместив акцент в распределении бремени по формированию перечня существенных обстоятельств.

Ключевые слова: страхование, признание договора страхования недействительным, существенные обстоятельства, страховой риск, принцип наивысшей добросовестности.

The article analyzes the practice that develops when arbitration courts resolve disputes on the invalidation of insurance contracts based on paragraph 3 of

Article 944 of the Civil Code of the Russian Federation. Based on this analysis, proposals are formulated to improve specific wording of this article directly related to the obligation of the policyholder to provide the insurer with reliable information regarding circumstances that are material for insurance, shifting the emphasis in the distribution of the burden of forming a list of material circumstances.

Keywords: insurance, recognition of an insurance contract as invalid, material circumstances, insurance risk, principle of the highest good faith.

В процессе заключения договора страхования имущества ключевым является соблюдение принципа наивысшей добросовестности. Это одно из основополагающих начал отечественного права, регламентированное ст. 944 ГК РФ. По мнению С. В. Дедикова, клиент обязан информировать компанию, предоставляющую услуги страхования имущества, о сведениях, которые могут повлиять на определение вероятности возникновения страхового случая и размер сопутствующих убытков [1, с. 43-45]. Основано это на том, что у страхователя больше информации о страхуемом объекте, чем у второй стороны соглашения. Если обязанность проигнорирована, у страховщика есть соответствующий правовой способ защиты – подача искового заявления в суд, чтобы признать договор страхования недействительным.

Законодательная регламентация этого способа и создание условий для его применения первостепенно нацелено на обеспечение безопасности от недобросовестных действий страхователей. Вместе с тем, правоприменительная практика позволяет утверждать, что положение п. 3 ст. 944 ГК РФ часто используется страховыми компаниями для ущемления прав страхователя. В практике судебных разбирательств распространена ситуация, когда страховая компания инициирует судебное разбирательство, аргументируя свою позицию тем, что страхователь предоставил ложную информацию или исказил представление об обстоятельствах, которые имеют значение в контексте определения вероятности наступления конкретного страхового случая. Обращение с указанными требованиями преимущественно связано с возникновением страхового случая и редко иск подается без таковой ситуации. Объяснение этой тенденции сводится к противоречию экономическим и финансовым интересам страховой компании, поскольку при отсутствии страхового случая указанный субъект обязан вернуть страховую премию, которая уже получена. При возникновении страхового случая происходит обратная ситуация – заявление требований становится экономически обоснованным и целесообразным, поскольку страховое возмещение обходится дороже в сравнении с суммой возврата премии страхователю. Анализ судебных решений показывает, что в большинстве случаев клиент обращается за взысканием со страховщика страхового возмещения, и только после этого следует встречный иск о признании договора страхования недействительным.

Описанная выше обязанность страхователя имеет ряд определяющих характеристик, значимых с точки зрения правоприменения и в контексте исследуемого вопроса. Согласно содержанию, п. 1 ст. 944 ГК РФ страхователь сообщает о значимых обстоятельствах, которые могут повлиять на определение вероятности возникновения страхового случая и потенциаль-

ную величину убытков. Еще одно обязательное условие – неизвестность таких обстоятельств для страховщика до момента информирования. Итак, определяющей характеристикой в данном вопросе является существенность обстоятельств в контексте определения страховых рисков при наступлении страхуемого события.

Несмотря на значимость описанного признака, в законодательстве РФ нет четкой регламентации дефиниции «существенные обстоятельства». ГК РФ в абз. 2 п. 1 ст. 944 ограничивается в конкретизации, отмечая, что таковыми признаются обстоятельства, которые страховщик оговорил в запросе или страховом полисе (стандартном договоре страхования).

Толкование данного положения позволяет прийти к умозаключению об определенной самостоятельности субъективной обязанности страхователя. Проявление таковой сводится к тому факту, что страхователь как субъект, владеющий полной информацией, обязан в первую очередь самостоятельно определить из совокупности обстоятельств те, которые значимы в контексте оценки страхового риска. После этого он должен решить, какие из этих обстоятельств известны страховщику, а какие — нет. На основе такого анализа он должен проинформировать страховщика только по тем обстоятельствам, которые относятся к категории существенных. Худяков А. И. полагает, что обязанность страхователя сообщать достоверные данные не ограничивается только прямыми запросами страховщика [2, с. 532]. Умолчание о значимых сведениях рассматривается как нарушение принципа добросовестности.

В контексте рассматриваемого вопроса считаем важным подчеркнуть, что в научно-исследовательской среде достаточно распространено убеждение о целесообразности и оправданности возложения на страхователя обязанности информирования второй стороны о значимых сведениях, которые могут повлиять на степень страхового риска.

Однако, по нашему мнению, возложение информирования на страхователя, диссонирует с характеристикой обоих субъектов в страховых отношениях. Убеждены, что центральная фигура при подписании соглашения - страховая компания. Именно она является профессионалом соответствующего рынка и разрабатывает, выдвигает свои предложения, ориентируясь на специальные актуарные расчеты по рискам. Во-вторых, страховая компания обладает достаточным количеством опыта в отдельных категориях страхования, разбирается в их специфике. Такая информация служит для нее базисом для точного определения типичных и особых существенных обстоятельств характерных для отдельных видов страхования. Исходя из этого, считаем целесообразным подход, при котором обязанность конкретизации набора обстоятельств, формирующих акцепт определенной услуги страхования, возлагается на страховую компанию.

Клиент действительно владеет большим количеством сведений о предмете страхования. Прежде всего эти данные нужны страховщику, чтобы оценить риски при разных видах страхования, определить вероятность наступления страхового случая, прописанного в договоре. Актуарные вычисления, имеющиеся именно у страховщика, фактически преломляют эти

знания. Они появляются в преобразованном, адаптированном для страхования формате. К тому же критерии оценки и учета данной информации есть только у компании, предоставляющей услуги по страхованию. По мнению М. М. Емельянова, значение имеет не просто информация, которую на сегодняшний день согласно закону, обязан предоставить страхователь, а сведения, имеющие непосредственное отношение к выводам о степени рисков, имеющиеся в доступе у страховщика [3, с. 115-116].

Такой вывод лежит в основе убеждения о целесообразности пересмотра принципа наивысшей добросовестности в текущей редакции и трактовке. На наш взгляд, данное регламентированное основополагающее начало должно быть дополнено новым смыслом при сохранении вектора обязывания страхователя передавать страховщику сведения, касающиеся значимых для страхования сведений. Регламентация предложенных нововведений предполагает корректировку содержания ст. 944 ГК РФ. Формулировка юридической нормы должна выглядеть следующим образом: «При заключении договора страхования стороны обязаны добросовестно взаимодействовать в целях установления обстоятельств, имеющих существенное значение для оценки страхового риска, определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков. Страховщик обязан: 1) провести анализ потенциальных рисков, связанных с объектом страхования, и определить перечень существенных обстоятельств, требующих раскрытия; 2) предоставить страхователю исчерпывающий перечень существенных обстоятельств в письменной форме до момента заключения договора страхования; 3) обеспечить страхователя доступной и понятной информацией о последствиях непредоставления или искажения сведений, указанных в перечне. Страхователь обязан сообщить страховщику достоверные сведения об обстоятельствах, указанных в предоставленном перечне, если они ему известны. В случае, если страховщик не представил перечень существенных обстоятельств или запрос на их раскрытие, он утрачивает право ссылаться на их недостоверность или сокрытие со стороны страхователя как на основание для отказа в выплате страхового возмещения, за исключением случаев, когда страхователь действовал с умыслом. Споры, возникающие в связи с предоставлением или сокрытием информации о существенных обстоятельствах, разрешаются с учетом принципа добросовестности обеих сторон и степени влияния таких обстоятельств на страховой риск». Застрахованное лицо должно иметь право сообщить страховой компании о любых сведениях, которые, по его мнению, могут повлиять на степень страховых рисков. Важно, чтобы страхователь мог по своему усмотрению предоставлять данные сверх объема запрашиваемой информации.

Вопросы, которые подлежат установлению судами при применении рассматриваемой нормы гражданского законодательства сводятся к таким пунктам: имел ли место обман, то есть были ли предоставлены ложные сведения, должен ли был страховщик проверить достоверность информации, был ли у страхователя умысел ввести в заблуждение вторую сторону.

В данном контексте обман как критерий и категория подлежит особому анализу для установления истины. Судьи учитывают законодательную

базу, в частности основные положения ст. 179 ГК РФ и частный случай по ст. 944 ГК РФ. Ориентиром для судей служит мнение Верховного суда РФ, изложенное в Постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 25). В частности, п. 99 Постановления № 25 конкретизирует, что обман — это не только предоставление ложной информации, но и также утаивание сведений, которые должны быть озвучены при соблюдении принципа добросовестности.

Показательным является определение Верховного Суда РФ № 307-ЭС20-8508 от 12.07.2021, в котором Верховный Суд РФ посчитал обоснованной позицию нижестоящих судов и удовлетворил требования страховщика о признании недействительным договора страхования, опираясь на несоблюдение п. 3 ст. 944 ГК РФ. Спор возник из-за того, что страховщик заполнил заявление на страхование объекта, указав технические характеристики здания и материалы постройки, конкретизировав, что на объекте установлена система пожарной сигнализации и имеется служба безопасности. Генеральный директор страхователя подписал документ. Когда произошел предусмотренный договором страхования случай, выяснилось, что предоставленные данные были не верны. При расследовании обстоятельств произошедшего, стало доподлинно известно о том, что не было ни сигнализации, ни охраны, а стены и перекрытия выполнены из иных материалов. После выяснения всех обстоятельств, суд первой инстанции вынес решение об отказе в удовлетворении требований о признании договора недействительным, указав на обязанность страховщика по своевременной проверке достоверности заявленных характеристик объекта. Позиция апелляционного и кассационного суда была иной. Ее поддержал Верховный Суд РФ и признал договор страхования недействительным на основании отсутствии спора о факте подписания. Общество, подписавшее документ, согласилось с содержанием, подтвердило правдивость и полноту сведений. В последствии заявленные сведения признаны недостоверными [4].

Статья 945 ГК РФ регламентирует вариант проверки сведений, которые сообщает страхователь. Денисюк С. П. отмечает, что при заключении договора страхования имущества страховщик осуществляет осмотр страхуемого имущества и при необходимости назначает экспертизу для определения его реальной стоимости [5, с. 51-55]. В соответствии с ГК РФ, страховщик имеет право проверить достоверность сведений, предоставляемых второй стороной, однако прямо не обязывает его к этому. Отсутствие такой обязанности позволяет страховым компаниям избегать ответственности за небрежность при оценке сведений, что увеличивает риск злоупотреблений.

Показательным является Постановление, которое вынес Арбитражный суд СЗО по делу № А42-1474/2020 от 18.01.2021 года. Суд согласился с мнением судов нижестоящих инстанций о предоставлении страхователем недостоверной информации. Обстоятельства дела состояли в том, что страхователь использовал транспортное средство для предоставления услуг такси, но при заключении договора в соответствующей графе указал «прочее». Суд в постановлении подчеркнул, что страховая компания не обязана прове-

рять достоверность поступивших сведений, так как это не прописано ни в соглашении, ни в законодательстве [6].

К подобному выводу по аналогичным обстоятельствам пришел Арбитражный суд ЗСО в Постановлении по делу № А45-7125/2021, принятом 31 марта 2022 г. Суды первых двух инстанций указали, что страховая фирма, как субъект страхового дела, обязана была осмотреть застрахованное имущество и исследовать дополнительные документы. В удовлетворении исковых требований отказано. Данное решение подверглось критике окружным судом. В постановлении указано, что в законодательстве нет регламентации обязанности страховщика при оформлении договора ОСАГО осматривать транспортное средство, запрашивать и исследовать дополнительную информацию у страхователя. Суд постановил, что страховщик не несет ответственности за последствия использования страхователем своего транспортного средства в разрез указанной цели эксплуатации [7].

Но, несмотря на встречающиеся подобные случаи в целом анализ судебной практики позволяет утверждать, что в большинстве случаев суды требуют от страховщика более активной позиции при оформлении соглашения, что должно проявляться, в том числе и в сборе сведений и осмотре. В контексте рассматриваемого вопроса считаем, что активность сотрудника страховой компании не должна ограничиваться только вектором определения и анализа обстоятельств, потенциально способных оказать влияние на возникновение страхового случая и величину негативных последствий такового. Активность позиции предполагает, сбор данных, которые подтверждают или опровергают обстоятельства.

Практика показывает, что в судебной системе сложилась преобладающая позиция разрешения споров, в которых инициируется признание страховых договоров недействительными. Многие судебные дела касаются выявления намеренного предоставления недостоверной информации. Судьи детально рассматривают факты, чтобы выявить, имел ли место намеренный обман. Мы полагаем, что показательным является решение Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2021, принятое по делу № А40-160615/20. Решение суда основано на исследовании соблюдения принципа наивысшей добросовестности. В нем, суд отметил, что страхователь должен раскрыть данные, касающиеся рисков, которые он передает на страхование, с максимальной точностью и полнотой изложения. Это обусловлено фактом неодинаковости владения информацией обеими сторонами: у кого больше данных о существенных обстоятельствах, тот должен проинформировать вторую сторону правоотношений. Сведения касаются как самой возможности наступления страхового случая, так и размера возможных убытков.

Помимо перечисленного аспекта, решение показательно в трактовке понятия «обман» и его содержания. Суд конкретизировал, что это намеренное сокрытие сведений при заключении соглашения. Обман – достаточное основание для признания соглашения недействительным. Однако он должен возникать только в отношении сведений, которые должны были быть донесены в соответствии с нормами гражданского оборота. Судебная позиция позволила вывести ключевое правило: норма о недействительности соглаше-

ния применима только тогда, когда есть умысел страхователя и он предметно направлен на то, чтобы ввести в заблуждение или сокрыть обстоятельства, значимые для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков. Дело является показательным в обозначении безусловных и однозначных доказательств предоставления недостоверных сведений при заключении договора, если эти сведения касаются предмета или субъекта. В данном разбирательстве суд обозначил, что заявитель не предоставил такие доказательства [8].

Данный апелляционный суд принял еще одно значимое постановление от 15.11.2021 по делу № А40-137545/20, которое позволяет обобщить самый распространенный подход к трактовке законодательной точки зрения о необходимости активного поведения страховщика. В качестве примеров в представленном решении приведены случаи из практики иных судов по применению норм гл. 48 ГК РФ. В частности, в данном судебном разбирательстве рассматривалось страхование предпринимательских рисков. Инициирование признания недействительным соглашения страховщиком стало встречным иском после отказа в выплате страхового возмещения. Основанием подачи встречного иска стал п. 3 ст. 944 ГК РФ. Аргументы страховой компании выстраивались на том, что вторая сторона не предоставила сведения об уже существующей задолженности контрагента, предоставила недостоверные сведения об объекте страхования, сообщила о просрочке перед другими контрагентами с намерением снизить стоимость страховки. В вину также вменялось сокрытие объективной информации о дебиторской задолженности, платежной дисциплине контрагента. Позиция суда сведена к тому, что страховая компания не запрашивала информацию об имеющейся просроченной задолженности, в том числе и о той, которая оплачена на момент подписания договора. Суд пришел к выводу, что страховщик не предпринял попытку уточнить важные данные, конкретизировать, проверить, путем направления запроса, т. е. не воспользовался своим законным правом.

В контексте описанной ситуации правовая позиция суда подкрепляется информационным письмом Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского Кодекса Российской Федерации». В письме указано, что для признания договора недействительным по п. 3 ст.944 ГК РФ недостаточно такого основания как неуведомление клиентом о тех или иных сведениях, которые в свою очередь не выяснялись страховой компанией. Суд также решил, что поведение страховой компании было обусловлено стремлением сохранить соглашение в силе, и клиент имел все основания полагать, что оно легитимно. Апелляционная инстанция приняла во внимание такое доказательство, как документ, приложенный к отзыву, поступившему на встречный иск. Документ свидетельствует о том, что страховая компания регулярно направляла уведомления о необходимости уплаты страховой премии, всячески способствовала клиенту во взыскании задолженности с контрагента. Решением суда фактически признано, что действия страховщика свидетельствуют о том, что договор страхования является действительным. Таким образом, участник гражданских правоотношений проявил недобросовест-

ность поведения, поскольку потребовал признать договор страхования недействительным уже после того, как получил исполнение по этому договору в полном объеме.

Еще один показательный пример судебной практики в контексте рассматриваемого вопроса отражен в постановлении Арбитражного суда МО от 01.06.2022 по делу № А40-65258/2021. Страховщик настаивал на том, чтобы признать договор страхования предпринимательских рисков недействительным, утверждая, что страхователь не сообщал о систематическом неисполнении обязательств контрагентами. Суд отказал в удовлетворении иска, указав, что проверка информации о страховых рисках, должна проводиться страховой компанией [9].

Это не единичная позиция, что подтверждено многочисленными аналогичными примерами из судебной практики. Верховный Суд РФ вынес отказное определение от 30.06.2022 № 307-ЭС22-10461, в котором суд согласился с выводами судов нижестоящих инстанций. Суд подчеркнул, что страховая компания согласилась с предоставленной информацией при подписании соглашения, соответственно стороны достигли согласия об отсутствии дополнительных факторов риска. Подтверждением служит отсутствие претензий к моменту подписания договора, по существу, предоставленных сведений [10].

Вследствие вышеизложенного необходимо сделать следующий выводы. Отсутствие четкого определения «существенных обстоятельств» в законодательстве создает неопределенность и приводит к злоупотреблениям. Необходимо закрепить список обстоятельств, которые всегда признаются значимыми (например, технические характеристики объекта, условия его использования).

Суды при рассмотрении споров, акцентируют внимание на необходимость соблюдения принципа проверки сведений, несмотря на уровень доверия. Когда страховая компания занимает пассивную позицию, она получает отказ в требовании о признании договора имущественного страхования недействительным, поскольку проигнорировала возможность своевременно обозначить сомнения в правдивости данных, предоставленных страхователем. Для того чтобы устранить данный пробел в правоприменении, следует на законодательном уровне обязать страховую компанию выполнять документарную проверку данных, предоставляемых страхователем. Проверка должна ограничиваться исключительно документарным характером и охватывать только факты, отраженные в письменном виде. Так, подтверждением технических характеристик объекта страхования, например, перекрытия, служит технический паспорт. Если страхователь заявляет о таком существенном обстоятельстве, как наличие охраны на объекте, целесообразно запросить договор об оказании охранных услуг. Непредоставление запрашиваемых документов должно быть приравнено к отсутствию ответов на вопросы страховщика согласно п. 2 ст. 944 ГК РФ. Также считаем целесообразным установить административную ответственность страховщика за необоснованное уклонение от проверки данных.

Список источников

1. Дедиков, С. В. Наивысшая добросовестность: принцип под сомнением? // Бизнес-адвокат. 2020. № 2. С. 43-45
2. Худяков, А. И. Теория страхования: монография. Москва : Статут, 2020. 656 с.
3. Емельянов, М. М., Зайченко, Е. В. Споры о недействительности договоров страхования // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2021. № 1. С. 115-116.
4. Определение Верховного Суда РФ от 12.07.2021 № 307-ЭС20-8508 по делу № А56-33498/2019. [Электронный ресурс] — Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Денисюк, С. П. Правовое регулирование договора страхования в Российской Федерации (вопросы теории и практики)// Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 3 (48). С. 51-55.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.01.2021 № Ф07-15143/2020 по делу № А42-1474/2020. [Электронный ресурс] — Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.03.2022 № Ф04-503/2022 по делу № А45-7125/2021. [Электронный ресурс] — Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2021 № 09АП-13939/2021 по делу № А40-160615/2020. [Электронный ресурс] — Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.06.2022 № Ф05-8545/2022 по делу № А40-65258/2021. [Электронный ресурс] — Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Определение Верховного Суда РФ от 30.06.2022 № 307-ЭС22-10461 по делу № А56-15860/2021. [Электронный ресурс] — Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 341.9

Прокофьева Дарья Александровна
магистрант
(Санкт-Петербургская
юридическая академия
E-mail: dasha.prokofeva.0100@mail.ru

Prokofeva Daria Aleksandrovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: dasha.prokofeva.0100@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ

LEGAL REGULATION OF INHERITANCE RELATIONS INVOLVING FOREIGN PERSONS

Рассматривается вопрос правового регулирования наследования иностранными лицами в качестве одной из ключевых проблем международного

частного права. Исследованы основные положения российского законодательства, связанные с участием иностранных лиц в сделках о наследовании. Проведен сравнительный анализ принципов наследования на территории различных государств. Обозначен ряд международных правовых актов, регулирующих вопрос наследования. Рассмотрены основные принципы и порядок вступления в наследство иностранными лицами.

Ключевые слова: иностранное лицо, наследование, международное частное право, национальное законодательство, вступление в наследство, завещание, lex patriae, lex rei sitae.

Considered the issue of inheritance by foreign persons as one of the key problems of private international law. Investigated main provisions of Russian legislation related to the participation of foreign persons in inheritance transactions. A comparative analysis of the principles of inheritance on the territory of different states is carried out. Outlined a number of international legal acts regulating the issue of inheritance. Considered basic principles and procedure of inheritance by foreign persons. Investigated the issue of taxation in international inheritance relations.

Keywords: foreign person, inheritance, private international law, national legislation, inheritance, the will, lex patriae, lex rei sitae.

В современном мире, где миграция и международные связи растут, вопрос наследования имущества иностранными лицами набирает особую актуальность. Право на наследование, несмотря на кажущуюся универсальность, подчиняется различным юридическим системам, варьируется в зависимости от страны и может скрывать множество подводных камней для тех, кто сталкивается с этим впервые [1, с. 19]. Именно поэтому понимание основных принципов и особенностей наследования иностранными лицами становится ключевым для защиты своих прав и интересов.

Многообразие правовых систем и отсутствие единой международной нормы, регулирующей данную сферу, делают наследование для иностранных лиц процессом, в котором сплетаются юридические традиции и принципы различных стран. Так, основной ролью международных договоров и конвенций является стремление упростить процесс наследования, максимально сокращая возможные конфликты законов и унифицируя принципы регулирования вопросов наследства иностранцами.

Процесс наследования для иностранцев может быть осложнен не только различиями в законодательстве, но и необходимостью учитывать практику применения международных соглашений. Важно знать о существовании возможности выбора юрисдикции, налоговых последствиях и о том, как избежать двойного налогообложения.

Как отмечает Е.А. Абросимова, довольно по-разному определяется сам порядок наследования государством: во многих случаях, согласно международному частному праву, наследование регламентируется по праву оккупации, т. е. движимое наследственное имущество переходит тому государ-

ству, к которому причислен гражданин в момент смерти, а недвижимое наследственное имущество переходит государству, на территории которой оно находится [1, с. 702].

Важно понимать, что иностранцы довольно часто становятся участниками наследственных правоотношений в разных странах. Это может быть связано с владением недвижимостью за рубежом, браками с иностранными лицами или жизнью и работой в другой стране. В таких случаях важно понимать, как функционируют механизмы наследования между странами, и какие международные договоры могут влиять на эти процессы.

Первая попытка принятия универсальной международной конвенции по вопросам наследования была предпринята на девятой сессии Гаагской конференции по международному частному праву 05.10.1961, когда была принята Конвенция о коллизиях законов, касающаяся форм завещательных распоряжений. В Конвенции рассматриваются все возможные виды коллизионных привязок в отношении формы завещания. Основными привязками, согласно Конвенции, должны быть или право страны гражданства завещателя на момент составления завещания, или право страны его преимущественного проживания. Конвенция также допускает возможность применения законодательства государства, где находится недвижимость, или права страны, с которой лицо наиболее тесно связана. В то же время лицо, составляющее завещание, может избрать правовую систему, тем самым подчинив наследственные правоотношения определенному праву. Конвенция не требует взаимности, т.е. применяется независимо от гражданства наследодателя и наследников.

Важный вопрос регулирует Гаагская конвенция о международном управлении имуществом умершего от 02.10.1973, предложенная двенадцатой сессией Гаагской конференции по международному частному праву. Эта Конвенция предусматривает введение международного сертификата по установлению лиц, допускаемых к управлению имуществом умершего.

Сегодня можно утверждать, что основным международным документом, регулирующим вопросы наследования для иностранных лиц, является Гаагская конвенция о праве, применимом к наследованию в силу смерти, которая была подписана 01.08.1989. По мнению В.С. Линевой, указанная Конвенция представляет огромный интерес, так как определяет правила разрешения коллизий норм различных государств при регулировании международных наследственных дел [2, с. 370]. Основные нормы, установленные Конвенцией 1989 года, следующие: возможность выбора права, с которым наиболее тесно связано наследование недвижимого имущества; оформление избранного права специальным заявлением; коллизионные нормы устанавливают действительность соглашения по наследованию как особого документа, определяющего порядок возникновения права на наследование; недопустимость возникновения споров между наследниками из разных государств, если не установлена очередность наследования.

Тем не менее, участниками данной Конвенции являются, конечно же, далеко не все государства. Важно отметить, что многие страны придерживаются либо принципа «lex rei sitae» - закон местонахождения недвижимости,

либо «lex patriae» - закон гражданства наследодателя при определении юрисдикции для вопросов наследования. Это может значительно усложнить процесс для иностранного наследника, особенно если имущество распределено в разных странах.

Кроме того, каждая страна имеет свои особенности налогообложения и процедуры наследования, которые могут существенно повлиять на иностранных наследников. Так, например, в США наследование регулируется законами штата, где находится недвижимость, что может привести к значительным различиям в процедуре. Паничкин В.Б. отмечает, что иностранные наследники могут столкнуться с необходимостью оплаты наследственных налогов и выполнять сложные требования для оформления права собственности [4, с. 54]. Однако США позволяют определенные вычеты и предоставляют возможности для минимизации налоговых обязательств через международные договоры.

Как отмечает А. Д. Дегтярева, в Англии правила наследования по завещанию основаны на общем праве и прецедентной практике, а также на законодательных актах [5, с. 5070]. В Великобритании налогообложение наследства также зависит от статуса наследника и наследодателя. Великобритания имеет систему объединенных налогов на наследство, которая включает в себя весь доход для наследников-резидентов. Для нерезидентов налог будет уплачиваться только с активов, находящихся в Великобритании. Это подчеркивает важность понимания статуса наследника для определения налогообложения.

Франция применяет систему прямого наследования, где налоги наследства зависят от степени родства. Иностранные наследники облагаются налогом по тем же ставкам, что и местные граждане, но только в отношении имущества, расположенного во Франции. В отношении наследования недвижимости существуют двусторонние договоры между Францией и другими странами, направленные на предотвращение двойного налогообложения [6, с. 91].

В России наследование регулируется ГК РФ, который различает наследование по закону, по завещанию, а также обозначает возможность наследодателя заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию, наследственный договор. Условия наследственного договора определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию.

Иностранные граждане имеют те же права на наследование, что и россияне, но процедура зачастую связана с необходимостью представления дополнительных документов и легализации их в российских консульствах. Дополнительно законодательство Российской Федерации предусматривает, что для иностранцев не устанавливаются какие-либо дополнительные ограничения или условия в сравнении с российскими гражданами, за исключением случаев, прямо указанных в законе. Также стоит отметить, что вопросы, связанные с порядком открытия наследства, его принятием и распределени-

ем между наследниками, для иностранцев регулируются аналогично принципам, установленным для граждан Российской Федерации.

По мнению А. В. Алешиной, коллизионный метод регулирования, в силу незначительного количества унифицированных международных правовых актов о наследовании выступает основным, а иногда и единственным способом регулирования трансграничных наследственных отношений [7, с. 28]. ГК РФ содержит ряд коллизионных норм, применимых к наследственным правоотношениям. Так, в соответствии со ст. 1224 ГК РФ, содержит следующие коллизионные нормы: привязку к праву страны, где наследодатель имел место жительства; привязку к праву страны, где находится имущество; привязку к праву страны, в которой имущество внесено в государственный реестр и привязку к праву страны совершения сделки.

Важным аспектом наследования иностранными лицами в Российской Федерации является выбор применимого права. Согласно нормам международного частного права, закон, подлежащий применению к наследственным отношениям, определяется по последнему постоянному месту жительства наследодателя. Это значит, что, если последним местом жительства наследодателя была Россия, вне зависимости от его гражданства, к наследственным отношениям будет применяться российское законодательство.

Еще одним значимым моментом является процесс оформления прав на наследство. Иностранные наследники, как и граждане Российской Федерации, обязаны обратиться в нотариальную контору для вступления в наследство и подтверждения своих прав. Документы, необходимые для этой процедуры, должны быть официально переведены на русский язык и заверены нотариально. Особое внимание следует уделить срокам оформления наследства, поскольку пропуск установленного срока может привести к утрате права на наследство.

По мнению Ю. Н. Денисовой, вопросы оформления наследственных прав иностранных граждан являются наиболее сложными в практике работы нотариусов, ведущих наследственные дела. Так, например, при наследовании по завещанию в отношении недвижимого имущества, находящегося на территории нескольких государств, возникает вопрос о том, где должен находиться основной экземпляр завещания, поскольку дела по наследству одновременно должны заводиться в нескольких государствах [8, с. 42].

Несмотря на в целом благоприятный правовой режим для иностранных наследников в Российской Федерации, существует ряд специфических моментов, касающихся, например, наследования земельных участков в сельскохозяйственных зонах и недвижимости, расположенной в приграничных территориях. В таких случаях иностранные лица могут столкнуться с дополнительными ограничениями, предусмотренными федеральным законодательством. Например, в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», вследствие запрета на приобретение права собственности на земельные участки, находящиеся на приграничных территориях, после вступления в наследство иностранным лицом данный участок должен быть этим лицом отчужден.

Подводя итог, стоит отметить, что международное наследственное право сталкивается с рядом сложных вопросов, требующих скоординированных усилий как на национальном, так и на международном уровне. Развитие международного сотрудничества, договорно-правовой базы, а также адаптация правоприменительной практики под современные реалии может стать ключом к разрешению многих из этих проблем, обеспечивая правовую ясность и справедливость процесса наследования для всех участников.

Список источников

1. Шевчук, С. С., Толстова А. Е. Правовое регулирование наследственных отношений по российскому и международному частному праву. Монография. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 264 с.

2. Международное частное право: учебник: в 2 т. / Е. А. Абросимова, А. В. Асосков, А. В. Банковский и др.; отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. Москва : Статут, 2015. Т. 2: Особенная часть. 764 с.

3. Линева, В. С. Правовое регулирование наследственных правоотношений с участием граждан зарубежных государств на территории России и российских граждан за рубежом / Журнал: Бюллетень науки и практики. 2018. № 2. С. 367-372.

4. Паничкин, В. Б. Принятие наследства и отказ от него по праву США и России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 1. С. 51-56

5. Дегтярева, А. Д. Наследование по завещанию в Российской Федерации и Англии: особенности сравнительно-правового анализа // Столыпинский вестник. 2023. № 11. С. 5067-5073.

6. Ростовцева, Н. В. Наследование по праву представления в России и Франции: сравнительное исследование // Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. Т. 13. С. 80-101.

7. Алешина, А. В. Институт наследования по завещанию в международном частном праве: преодоление кризисов правового регулирования на современном этапе. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 3 (52). С. 27-31.

8. Денисова, Ю. Н. Проблемы в сфере правового регулирования наследственных отношений в России и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 4 (45). С. 41-46.

УДК 346.62

Радов Олег Александрович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: radov2013@indox.ru

Radov Oleg Alexandrovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: radov2013@indox.ru

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE CONCEPT AND ESSENCE OF A CIVIL LAW CONTRACT IN THE RUSSIAN FEDERATION

В данной статье рассматриваются аспекты гражданско-правового договора. Автор раскрывает понятие договора через различные подходы к пониманию договора в гражданском праве Российской Федерации, анализируя позиции авторов юридической литературы. Особое внимание уделено сущности гражданско-правового договора. Также происходит соотношение понятий с указанием на примеры, закрепленные действующим законодательством. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что является гражданско-правовым договором в современном представлении.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, понятие, сущность, научные подходы к определениям, соотношение понятий, законодательство.

This article deals with aspects of civil law contract. The author reveals the concept of the contract through various approaches to the understanding of the contract in the civil law of the Russian Federation, analyzing the positions of authors of legal literature. Special attention is paid to the essence of the civil law contract. Also there is a correlation of concepts with the indication of examples enshrined in the current legislation. On the basis of the conducted research, the author comes to the conclusion that is a civil-law contract in the modern representation.

Keywords: civil law contract, concept, essence, scientific approaches to definitions, correlation of concepts, legislation.

Гражданско-правовой оборот, отражающий товарно-денежные отношения рынка, состоит из актов передачи и приобретения имущества, осуществляемых владельцами. Эти действия, как правило, отражают согласованную волю сторон и фиксируются в договорах. Рыночный обмен, будучи обменом между собственниками, основывается на принципах равноправия и добровольного согласия. Следовательно, гражданско-правовой договор является основной формой правового регулирования экономических отношений обмена [1, с. 35].

В рыночной экономике договор играет центральную роль в регулировании экономических связей. Субъекты рынка, распоряжаясь правом собственности, самостоятельно определяют способы использования своего

имущества. Производители организуют производство и сбыт продукции посредством договоров с партнерами, что формирует содержание их экономических отношений. Условия договоров разрабатываются сторонами и отражают баланс их интересов, учитывая экономическую конъюнктуру.

Сорокин Е. С. полагает, что договор является одним из наиболее эффективных инструментов организации, поскольку он обязывает стороны придерживаться условий соглашения, а не действовать произвольно в зависимости от обстоятельств. В гражданском праве договор выполняет роль регулятора отношений между участниками имущественного оборота. Но это не единственная его функция. Договор, как соглашение, определяющее возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, также служит для организации деятельности сторон. Условия заключенного договора являются основой для координации действий участников, обеспечивая предсказуемость и стабильность в имущественном обороте [2, с. 12].

В итоге, экономические связи обретают саморегуляцию посредством договорных отношений, инициируемых участниками, что представляет собой наиболее продуктивный метод упорядочивания хозяйственной деятельности. Преследование сторонами собственных, индивидуальных выгод стимулирует добросовестное исполнение соглашения и достижение желаемых экономических показателей.

Договор, регулируемый гражданским правом, предоставляет возможность сторонам самостоятельно согласовывать приоритеты и цели, а также устанавливать необходимые меры для их достижения. Наряду с этим, он придает результатам согласования юридически обязательный характер, гарантируя, при необходимости, принудительное исполнение.

Белов В. А. в своих трудах отмечает, что не всякое соглашение лиц является договором, а лишь такое, которое влечет установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. По его мнению, столь значительное внимание законодателей большинства государств мира к регламентации особенностей различных договорных типов обусловлено отсутствием в законодательстве и правоведении общепринятого взгляда на то, что делает договор договором – что придает договору юридическое значение [3, с. 118].

В научной литературе договор традиционно рассматривается в двух аспектах: как юридический факт, то есть сделка, и как правоотношение, порождающее обязательства [4, с. 109].

В гражданском праве определение договора тесно связано с понятием «сделка», закрепленным в ст. 153 ГК РФ. Следовательно, любой договор является сделкой – юридическим фактом, который влечет за собой возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Договоры, выступая в роли юридических актов, направленных на достижение конкретного правового результата, являются разновидностью юридических фактов. Иными словами, договор представляет собой подвид сделки, где каждый договор является сделкой, но обратное не всегда верно. Статья 420 ГК РФ устанавливает, что к договорам применяются правила о

двусторонних и многосторонних сделках, включая положения о недействительности, если иное не предусмотрено кодексом.

Таким образом, термин «сделка» часто употребляется в контексте договоров. Односторонние сделки, такие как завещания или доверенности, встречаются в гражданском обороте реже. В отличие от односторонних сделок, договоры предполагают согласованную волю нескольких сторон.

Следовательно, с законодательной точки зрения, договор рассматривается как сознательное выражение воли сторон, ориентированное на получение конкретного правового эффекта. Это означает, что он представляет собой двух- или многостороннюю сделку, являющуюся одним из наиболее часто встречающихся и характерных юридических фактов в гражданском праве.

Рассматривая договор как сделку Г.Ф. Шершеневич, отмечал, что договор, являясь продуктом воли ряда (контрагентов) представляет собой вид юридической сделки. Далее он делал акцент на том, что договор, как правило нацелен на установление обязательственного отношения, выступает его причиной, хотя область договора и выходит за пределы названных отношений [5, с. 442].

Иоффе О. С., известный советский цивилист, утверждал, что договор следует анализировать с двух позиций: как юридическое событие и как правовую связь. Суть договора как сделки заключается в условиях, согласованных сторонами [6].

При анализе гражданско-правового договора в качестве обязательства важно учитывать, что общие нормы об обязательствах применимы к договорам, если это не противоречит общим положениям о договоре и нормам, регулирующим конкретные виды договоров (п. 3 ст. 420 ГК РФ). Договор представляет собой оптимальный способ возникновения обязательств в гражданском обороте, в отличие, например, от деликтных обязательств или обязательств из неосновательного обогащения, которые являются скорее нежелательными юридическими фактами. В силу широкой распространенности договорных обязательств иногда происходит отождествление понятий «обязательство» и «договор».

Андреев В. К. отмечает, что разграничение договора и обязательства имеет особенно существенное значение в тех случаях, когда стороны сделки и стороны обязательства не совпадают. Это может произойти, например, в случае представительства и договоров в пользу третьего лица [7, с. 57].

В дополнение к традиционным трактовкам договора, в юриспруденции существует идея договорного, или поднормативного, регулирования. Пьянкова А. Ф. утверждает, что в рамках этой концепции договор выступает как инструмент частного права, используемый участниками гражданского оборота для реализации их целей. Договор – это ключевой механизм согласования воли и интересов, применяемый в обществе. Он обеспечивает координацию действий сторон посредством юридического согласования и подчинения общей цели, гибко реагируя на различные факторы. Договор – это не просто основание для возникновения гражданских правоотношений: в рамках договорных отношений стороны, не выходя за рамки закона, могут

индивидуально регулировать свои отношения, выступая в определенной степени законодателями для самих себя [8, с. 118].

В заключение проведенного анализа важно подчеркнуть фундаментальную роль договора в гражданском праве. Под гражданско-правовым договором понимается соглашение, выражающее волю сторон, направленное на возникновение конкретных правовых последствий. Договор в гражданском праве предоставляет сторонам возможность самостоятельно определять свои интересы и задачи, а также способы их реализации. Итогом такого соглашения является юридически обязывающий документ, обеспечивающий его исполнение. В этом состоит сущность договоров в гражданском законодательстве.

Список источников

1. Толстова, А. Е., Дягилева, Л. В. Актуальные вопросы систематизации и классификации договоров в семейном праве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 3 (56). С. 32-38.

2. Сорокин, Е. С. Понятие и роль договора в современном гражданском праве России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3. С. 11-14.

3. Белов, В. А. Перспективы развития общего понятия договора и принципа свободы договора в российском частном праве // Свобода договора: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. д-р. юрид. наук М. А. Рожкова. Москва : Статут, 2016. С. 105-159.

4. Толстова, А. Е., Шевчук, С. С. Актуальные проблемы цивилистики: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2021. 292 с.

5. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Тула : Автограф, 1995. 556 с.

6. Иоффе, О. С. Обязательственное право. Москва : Юрид. лит., 1975 // Российская государственная библиотека [сайт]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01006959821 (дата обращения: 12.02.2025).

7. Андреев, В. К. Толкование договора в соотношении со сделкой и обязательством // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 55 - 62.

8. Пьянкова, А. Ф. Концепция баланса интересов и ее место в гражданском праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 117 - 130.

УДК 347.65

Роенко Элона Владимировна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: samartseva.elona@gmail.com

Roenko Elona Vladimirovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: samartseva.elona@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ПЕРЕЖИВШЕГО СУПРУГА ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ИМУЩЕСТВА, НАХОДЯЩЕГОСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE RIGHTS OF A SURVIVING SPOUSE WHEN INHERITING PROPERTY LOCATED ABROAD

В статье рассматриваются основные проблемы, с которыми сталкивается переживший супруг при наследовании имущества, находящегося за пределами страны его гражданства. Исследуются отличия в наследственном праве разных государств, вопросы определения применимого права, а также проблемы, связанные с налоговыми обязательствами. Особый акцент делается на наследовании объектов недвижимости и рисках, связанных с оформлением права собственности, за границей. Анализируются ключевые препятствия в реализации прав пережившего супруга и предлагаются рекомендации по их преодолению, включая использование инструментов международного частного права.

Ключевые слова: наследство, переживший супруг, наследование имущества за границей, правовые проблемы наследования, коллизионные вопросы, применение иностранных норм, международное частное право.

This article examines the main problems faced by a surviving spouse when inheriting property located outside their country of citizenship. The differences in the inheritance law of different states, the issues of determining the applicable law, as well as problems related to tax obligations are investigated. Special emphasis is placed on the inheritance of real estate and the risks associated with the registration of ownership abroad. The key obstacles to the realization of the rights of a surviving spouse are analyzed and recommendations for overcoming them are proposed, including the use of instruments of private international law.

Keywords: inheritance, surviving spouse, inheritance of property abroad, legal problems of inheritance, conflict of laws issues, application of foreign norms, private international law.

Наследование – это важный аспект правовых отношений, касающийся передачи имущества от одного лица к другому после его смерти. Однако данный процесс может усложняться различными факторами, особенно если речь идет о наследовании имущества, находящегося за границей. В настоящее время проблема реализации прав пережившего супруга при наследовании имущества, находящегося за границей, является важной и актуальной темой [1, с. 47]. С учетом глобализации и высокого уровня

мобильности населения, многие люди обладают активами в разных странах, что создает сложности в процессах наследования, в частности для переживших супругов, которые могут столкнуться с различными правовыми системами и их требованиями. Это связано с множеством факторов, включая различия в национальных законодательствах, отсутствие международных стандартов и сложности юридической процедуры.

Наследование имущества, находящегося за границей, регулируется международными договорами, национальными законами и правоприменительной практикой [2, с. 185]. Важно понимать, что каждый случай наследования уникален, и применение правовых норм может различаться в зависимости от юрисдикции.

Важным аспектом является то, что на наследование имущества, находящегося за пределами страны, могут влиять законы того государства, где это имущество находится. Многие страны следуют принципу, что наследование регулируется законодательством государства, в которой расположено имущество умершего. Основными актами, регулирующими вопросы наследования, являются гражданское законодательство страны, где находится собственность, а также международные конвенции. несмотря на наличие этих норм, правоприменение часто сталкивается с практическими проблемами [3, с. 24].

Одной из основных проблем, с которой сталкиваются пережившие супруги при наследовании имущества за границей, является отсутствие единого подхода к правам наследников, в частности переживших супругов, в разных странах. Например, в некоторых государствах переживший супруг имеет равные права с другими наследниками, в других странах переживший супруг имеет право на обязательную долю в наследстве, в то время как в иных системах их право на наследство может быть ограничено или отсутствовать вовсе [4, с. 125]. Например, законы исламского права существенно ограничивают наследственные права пережившей супруги. По общему правилу наследники мужского пола получают вдвое больше, чем наследники женского пола (например, после смерти мужчины-мусульманина его единственный сын получает 1/2 наследства, единственная дочь – 1/4 наследства, единственная жена – 1/8 наследства; если наследниками являются только сыновья, то имущество делится между ними поровну) [5, с. 101].

Также следует учитывать, что многие страны применяют различные правила относительно совместно нажитого имущества. В странах с системой общего имущества, переживший супруг автоматически считается совладельцем общего имущества, в то время как в других странах это может быть не предусмотрено.

В России, например, Гражданский кодекс предоставляет пережившему супругу значительные права на наследование, такие как: право на супружескую долю и право на наследование в первой очереди, в случае отсутствия завещания и наследственного договора. Однако, когда речь идет о международном наследовании, эти права могут не признаваться в других

юрисдикциях [6, с. 129]. Это приводит к правовым коллизиям и неопределенности.

Следовательно, страны зачастую недостаточно интегрируют подходы к международному наследованию в свои кодексы и законы. Практика показывает, что даже в государствах, где совместная собственность приравнивается к правам каждого из супругов, при наследовании имущество может быть разделено между другими наследниками, что даже при наличии завещания сталкивается с множественными правовыми трудностями.

Наследование недвижимости в другой стране может вызвать ряд дополнительных трудностей.

Во-первых, это может привести к необходимости соблюдения различных процедур, включая оплату налогов и сборов [7, с. 89]. Налогообложение объектов, унаследованных за границей, представляет собой сложный вопрос, который требует от наследников понимания транснациональных налоговых обязательств и юридических аспектов. Различные страны имеют свои подходы к налогообложению наследства, что может существенно сказаться на чистой стоимости активов, передаваемых пережившему супругу [8, с. 36]. Наследственные налоги могут варьироваться в зависимости от стоимости имущества и страны, в которой оно расположено. Например, во Франции и Германии установлены прогрессивные ставки налогообложения, которые зависят от степени родства и стоимости имущества, в Нидерландах и Дании действуют фиксированные ставки налога на наследство, однако в Дании она варьируется в зависимости от степени родства, тогда как в России, Австралии и Швеции налог на наследство не устанавливается вовсе.

Государства могут облагать налогом наследование как на основании резидентства наследодателя, так и на основании местоположения имущества. Это приводит к тому, что наследники могут оказаться в ситуации двойного налогообложения, где имущество облагается налогом как в стране происхождения наследства, так и в стране проживания наследника. Международные налоговые соглашения могут играть важную роль в минимизации налогового бремени. Некоторые страны заключают соглашения об избежании двойного налогообложения, которые направлены на снятие одного из налоговых требований. Например, Германия заключила соглашения об избежании двойного налогообложения на наследство с такими странами, как Франция и Швейцария. Это позволяет снизить риск двойного обложения и облегчает налоговые обязательства наследников.

Во-вторых, к другим важным вопросам можно отнести сложности с определением состава наследства и его рыночной стоимости. Объекты недвижимости, находящиеся за границей, могут иметь свою специфику и особенности, и их стоимость может изменяться в зависимости от рыночной ситуации. Во Франции и Германии возникает необходимость в проведении специальных оценок недвижимости. Переживший супруг может столкнуться с трудностями при оценке активов, что затрудняет последующие юридические процедуры.

В-третьих, могут возникнуть проблемы с оформлением права собственности на недвижимость. В некоторых странах могут действовать ограничения на иностранное наследование, и переживающий супруг может столкнуться с отказом в регистрации права собственности [9, с. 115]. Например, в Таиланде иностранцы не могут владеть землей, даже при получении ее в наследство, в Индонезии иностранцы также не имеют права на владение землей, при наследовании земли им ее необходимо продать или преобразовать право собственности в аренду. Такие ситуации требуют от супругов глубокого знания местного законодательства и, как правило, привлечения специалистов, что увеличивает финансовые затраты.

Таким образом, проблемы реализации прав пережившего супруга при наследовании имущества, находящегося за границей, требуют комплексного анализа и исследования. Необходимость учитывать культурные, юридические и процедурные аспекты делает данный процесс достаточно сложным. Рекомендуется развивать международно-правовые акты в этой области, с целью создания единой системы норм и стандартов для упрощения процесса наследования. Существенное внимание к правам переживших супругов со стороны государственных и международных организаций могло бы улучшить правовую защищенность и дать больше уверенности людям в тех случаях, когда они сталкиваются с наследственными вопросами за границей.

Список источников

1. Иванов, А. Б. Проблемы наследования имущества в международном частном праве // Журнал международного права. 2020. № 3. С. 45-60.

2. Петров, В. Г. Наследственные права супругов: теоретические и практические аспекты. Москва : Юридическая литература, 2019. 320 с.

3. Алешина, А. В. Институт наследования по завещанию в международном частном праве: преодоление кризисов правового регулирования на современном этапе. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 3 (52). С. 27-31.

4. Сидорова, Е. Д. Конфликтное разрешение в вопросах наследования имущества за границей // Российский юридический журнал. 2021. Т. 9, № 2. С. 120-130.

5. Андреев, Д. В. Применение иностранных правовых норм в российском наследственном праве // Закон и право. 2020. № 7. С. 25-30.

6. Шевчук, С. С., Толстова А. Е. Правовое регулирование наследственных отношений по российскому и международному частному праву. Монография. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 264 с.

7. Михайлов, П. И. Юрисдикция в наследственных делах с участием иностранного элемента // Современная юриспруденция. 2022. № 6. С. 85-94.

8. Котова, Т. Н. Наследственные права в условиях интернационализации семейных отношений // Семейное и наследственное право. 2023. № 2. С. 33-42.

9. Великов, О. П. Проблемы применения зарубежного законодательства в наследственных правоотношениях // Вопросы права. 2022. Т. 10, № 1. С. 112-120.

УДК 347.65

Савельев Дмитрий Викторович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: osmp46@yandex.ru

Saveliev Dmitry Viktorovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: osmp46@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

CHANGING THE INHERITANCE RELATIONSHIP

Статья посвящена характеристике особенностей изменения наследственных правоотношений. Выделены и проанализированы три доктринальные точки зрения по вопросу об изменении наследственного правоотношения. Автор приходит к выводу, что изменение субъектов наследственного правоотношения не исключается, и зачастую, не влечет изменения содержания правовой связи.

Ключевые слова: наследственное правоотношение, изменение наследственного правоотношения, субъекты наследственного правоотношения, наследственная масса, наследственная доля, приращение наследственной доли.

The article is devoted to the characteristics of the peculiarities of the change in hereditary legal relations. Three doctrinal points of view on the issue of changing the hereditary legal relationship are identified and analyzed. The author comes to the conclusion that a change in the subjects of the hereditary legal relationship is not excluded, and often does not entail a change in the content of the legal relationship.

Keywords: hereditary legal relationship, change of hereditary legal relationship, subjects of hereditary legal relationship, hereditary mass, hereditary share, increment of hereditary share.

Вопрос об изменении наследственного правоотношения относится к числу дискуссионных и заслуживает особого внимания. Проблематика изменения правоотношения обычно рассматривается учеными в специальных исследованиях применительно к определенному институт, подотрасли или же отрасли права. Анализ высказанных в доктрине точек зрения позволяет выделить три основных позиции по вопросу об изменении правоотношения. Сторонник первой позиции В. И. Синайский утверждает, что изменение правоотношения связано с изменением входящих в него элементов [1, с. 125]. В числе представителей второй позиции выступает Р. П. Мананкова, которая приходит к выводу о том, что изменение правоотношения предполагает изменение его содержания [2, с. 158]. Иллюстрацией третьей позиции служит точка зрения О. А. Красавчикова о том, что изменение правоотношение возможно в следующих направлениях: в отношении субъектов, в отношении содержания, либо одновременно в отношении субъектов и содержания [3, с.

129]. Некоторые авторы полагают, что изменение и прекращение правоотношения — это его качественные состояния, которые разграничиваются исходя из степени изменения его структуры. По его мнению, основанием прекращения одного правоотношения и возникновения другого, нового правоотношения выступает факт изменения двух его элементов: субъекта и объекта или же объекта и содержания. Если же меняется только один из элементов правоотношения, то это ведет к его изменению. Однако, изменение такого элемента, как субъект правоотношения обычно приводит к прекращению прежнего правоотношения [4, с. 212].

Полагаем, что концепция, предложенная О. А. Красавчиковым в большей степени применима для характеристики динамики наследственного правоотношения, то есть изменение наследственного правоотношения возможно по линии его субъектов или содержания. Что касается такого элемента наследственного правоотношения, как его объект, то он не влияет на изменение наследственного правоотношения. Наследственное имущество как объект наследственного правоотношения обладает определенной спецификой, в силу чего этот объект не может быть изменен. Как известно, состав наследства определяется на момент открытия наследства, универсальность наследственного правопреемства предполагает, что наследство переходит к наследникам как единое целое и в неизменном виде (ст. 1110, 1112 ГК РФ). Кроме того, до момента принятия наследства, оно неприкасаемо, нельзя совершать распорядительные акты в отношении отдельных частей наследства. Наследственная масса может изменяться фактически: некоторые вещи могут погибнуть в силу случая, денежные средства в банке принесут процент, может вырасти стоимость эмиссионных ценных бумаг, и т.д. Однако, фактические изменения состава наследства не влекут юридических изменений наследства как объекта наследственного правоотношения, выступающего в роли своеобразного имущественного комплекса. Принимая во внимание законодательно закрепленную фикцию о том, что наследство считается принадлежащим наследнику с момента открытия наследства, а не с момента фактического принятия, указанные фактические изменения наследства следует рассматривать как цивильные либо натуральные плоды, либо как риски собственника. Но в любом случае они относятся к объекту права собственности, а не к объекту наследственного правоотношения.

Если в основу изменения правоотношения положить только изменение его содержания, то такое понимание представляется нам чрезмерно узким. Отнесение субъектов правоотношения к его обязательным элементам никем не оспаривается, тогда как объект правоотношения не всегда признается его необходимым элементом. Нам кажется неверным считать, что изменение субъектного состава правоотношения приводит к его прекращению, так как в данном случае правовая связь остается неизменной, меняется только управомоченное лицо. В этой связи мы предлагаем рассматривать процесс изменения наследственного правоотношения с двух сторон: с точки зрения изменения субъектного состава наследственного правоотношения и сточки зрения изменения его содержания.

Итак, рассмотрим изменение субъектов наследственного правоотношения. Прежде всего, необходимо определиться о каких именно субъектах идет речь. Ответ на этот вопрос зависит от характера наследственного правоотношения. Мы уже отмечали, что наследственное правоотношение по своей сути является абсолютным, где индивидуализирована только одна управомоченная сторона — наследник, а другая сторона - обязанная представлена неопределенным множеством третьих лиц. С учетом сказанного, очевидно, что изменения могут затронуть только такого субъекта, как наследник, говорить всерьез об изменениях обязанных субъектов априори невозможно.

Одна из причин изменения наследственного правоотношения - осуществление наследником своего права наследования, но, так сказать «в отрицательной форме», путем отказа от наследства. Если наследник реализовал одно из правомочий своего права наследования и осуществил адресный отказ от наследства, в пользу конкретного лица, то в связи с этим его право наследования прекратилось, но при этом возникло право наследования у другого лица, в чью пользу он отказался. Таким образом, субъектный состав наследственного правоотношения изменился, место отказавшегося наследника достается в данном случае другому лицу, в чью пользу был сделан отказ, которое также теперь обладает правом наследование с тем же набором правомочий (принять наследство или отказаться от него). Безадресный отказ, когда не указаны лица, в чью пользу он сделан не всегда приводит к изменению субъектов наследственного правоотношения. Это возможно только в случае, если отказавшийся наследник был единственным призванным к наследованию, и в результате его безадресного отказа право наследования возникло у наследников последующей очереди.

В рассмотренном случае основание изменения субъектного состава наследственного правоотношения выступали действия наследников. Однако к таким же правовым последствиям в определенных обстоятельствах могут привести и события, например, смерть наследника, который был призван к наследованию, но не успел его принять. В этом случае будет применяться правило ст. 1156 ГК РФ о наследственной трансмиссии, когда право наследования умершего наследника переходит к его преемникам.

К изменению субъектов наследственного правоотношение приводит реализация на практике основополагающего принципа наследования по закону - принципа очередности, в соответствии с которым все наследники по закону поделены на группы — очереди. Часть 3 ГК РФ устанавливает солидное для отечественного наследственного права количество очередей - восемь. Существует определенная иерархия очередей наследников, и каждая последующая очередь призывается к наследованию при условии отсутствия наследников предыдущей очереди.

Судебные решение в числе правоизменяющих юридических фактов занимает особое место, обусловленное спецификой их правового эффекта. В сфере завещательного права, судебное решение, признающее завещание недействительным имеет своей целью устранить от наследования указанных в завещании лиц. По заявлению заинтересованных лиц суд может применить

на практике положения п. 2 ст. 1117 ГК РФ, посвященный относительно недостойным наследникам, вследствие чего также изменится субъектный состав наследственного правоотношения. В данном случае на основании судебного решения будут отстранены от наследования лица, которые уклонялись от лежащих на них в силу закона обязанностях по содержанию наследодателя. Также на основании п. 4 ст. 1149 ГК РФ суд может отказать в присуждении обязательной доли наследнику, при этом устранение обязательного наследника изменит субъектный состав наследственного правоотношения.

Очевидно, что после смерти одного лица может возникнуть только одно определенное наследственное правоотношение, прекращение которого связано с принятием наследства наследниками. В связи с этим, у этого возникшего наследственного правоотношение произойдет изменение субъектного состава в том случае, если к наследованию будут призваны не один, а несколько наследников и любой из них осуществит свое право наследования (примет наследство или же откажется от него). В данном контексте заслуживает внимание высказывание о том, что если рассматривать динамику правоотношения с точки зрения прав и обязанностей нескольких его участников, то может оказаться, что для одних участников правоотношение возникает, для других - прекращается, а для третьих - изменяется [5, с. 94].

Попробуем применить данный тезис к наследственным правоотношениям. Как известно, наследники, осуществляя свое право наследования, действуют по своей воле и в своем интересе, то есть акт принятия наследства есть индивидуальный акт, не предполагающий коллективного волеизъявления. Если наследник выразил свою волю на принятие наследства, то он выбывает из наследственного правоотношения, то есть лично для него оно прекращается. Однако, наследственное правоотношение продолжает свое существования в измененном виде, что актуально для остальных наследников, которые еще не осуществили свое право наследования, а также для всех третьих лиц, носителей обязанностей в этом абсолютном правоотношении. Аналогичное влияние на динамику наследственного правоотношения оказывает реализация наследниками других правомочий: отказа от наследства и непринятия наследства. Для отказавшегося наследника наследственное правоотношение прекращается, а для остальных продолжает существовать в измененном виде. Наследственное правоотношение, в котором участвует несколько наследников однозначно прекращается тогда, когда последний из его участников принял наследство и не осталось потенциальных наследников.

Рассмотрим изменение содержания наследственного правоотношения. Как известно, содержание наследственного правоотношения складывается из права наследования, следовательно, изменение объема права наследования приведет к изменению содержания наследственного правоотношения.

Объем права наследования может изменится в случае вступления в силу правил о приращении наследственных долей (ст. 1161 ГК РФ). Серебровский В. И. характеризует приращение наследственных долей следующим образом: оно может быть в случае призвания к наследованию одновременно нескольких наследников, когда доля какого-либо наследника увеличивается за счет наследственной доли отпавшего наследника. Статья 1161 ГК РФ ука-

зывает возможные случаи «отпадения» наследника. Правила ст. 1161 ГК РФ применяются при наличии следующих условий:

1. Призвание к наследованию одновременно нескольких лиц из числа наследников по завещанию или по закону.

2. Наследники по закону получают наследственную долю отпавшего наследника пропорционально своим наследственным долям (исключение составляет случай завещания всего имущества).

3. Если завещание касается всего имущества, то наследники по завещанию получают наследственную долю отпавшего наследника пропорционально своим наследственным долям, если иное распределение долей не указано непосредственно в завещании.

4. Правила о приращении наследственных долей не будут применяться, если отпавшему наследнику был подназначен запасной наследник, тогда долю отпавшего наследника будут наследовать запасной наследник.

5. В случае смерти наследника, призванного к наследованию, правила о приращении наследственных долей также не применяются, в данном случае будут применяться правила о наследственной трансмиссии, то есть доля умершего наследника перейдет к его наследникам (при отсутствии субституции, разумеется).

Последние два условия предполагают появление новых наследников, то есть изменение субъектного состава наследственного правоотношения, здесь речь не идет об изменении правовых связей. Когда отпадает единственный наследник, призванный к наследованию, то к наследованию призываются наследники последующей очереди, что также предполагает изменение субъектного состава наследственного правоотношения.

В доктрине отмечается вспомогательный характер наследования по праву приращения, которое имеет субсидиарное значение, так как применяется в качестве исключения, при отсутствии иных оснований для перехода к наследнику наследственного имущества [6, с. 44]. Данный тезис заслуживает внимания и позволяет нам сформулировать следующий вывод: по общему правилу изменение наследственного правоотношения предполагает смену его субъектного состава, изменение содержания наследственного правоотношения может иметь место в исключительных случаях. Рассмотрим некоторые примеры.

Пример 1. Граждане ФИО1, ФИО2, ФИО3 призываются одновременно к наследованию. ФИО1 не принял наследство и его право наследования прекратилось. Наследники ФИО2 и ФИО3 наследуют каждый свою долю и получают право в отношении доли ФИО1 (пропорционально своим долям), при этом их доли увеличиваются, то есть у ФИО2 и ФИО3 расширяется право наследования. Если ФИО1 будет признан недостойным наследником (ст. 1117 ГК РФ), то возникнет аналогичная ситуация: право наследования ФИО2 и ФИО3 расширяется за счет наследственной доли ФИО1, вследствие утраты им права наследования.

Пример 2. Граждане ФИО1, ФИО2, ФИО3 призываются одновременно к наследованию. ФИО1 совершает направленный отказ от наследства в пользу ФИО2, вследствие чего право наследования ФИО2 расширяется за

счет правомочия на принятие доли ФИО1. Расширение право наследования у ФИО2 происходит по причине реализации ФИО1 правомочия на отказ от наследства, что привело к прекращению права наследования у ФИО1.

В рассмотренных выше примерах изменялся субъектный состав наследственного правоотношения, что влекло за собой изменение правовой связи. Например, во второй рассмотренной ситуации, если бы ФИО1 не отказался от наследства в пользу ФИО2, то право наследования ФИО2 не изменилось бы. Если бы ФИО1 реализовал свое право наследования путем принятия наследства, то он выбыл бы из правоотношения, но при этом у остальных наследников право наследование осталось бы в прежнем объеме, несмотря на изменения в субъектном составе.

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод. Изменение субъектов наследственного правоотношения не исключается, и зачастую, не влечет изменения содержания правовой связи. Что касается изменения содержания наследственного правоотношения, то оно возможно только в совокупности с изменением субъектов наследственного правоотношения (например, в случае приращения наследственных долей или в случае направленного отказа от наследства).

Список источников

1. Синайский, В. И. Русское гражданское право. Москва : Статут, 2002. 636 с.

2. Мананкова Р. П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 214 с.

3. Красавчиков, О. А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. Т. 1. Москва : Статут, 2017. 490 с.

4. Шевчук, С. С., Толстова А. Е. Правовое регулирование наследственных отношений по российскому и международному частному праву. Монография. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 264 с.

5. Шевчук, С. С., Зыбина, О. С., Толстова, А. Е. Юридические факты в гражданском праве: теоретические и практические проблемы. Монография. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2021. 292 с.

6. Денисова, Ю. Н. Проблемы в сфере правового регулирования наследственных отношений в России и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 4 (45). С. 41-46.

УДК 347.2/.3

Сибагатуллина Резеда Талховна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: 9662265@gmail.com

Sibagatullina Rezeda Talkhovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: 9662265@gmail.com

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ИСКА О ПРИЗНАНИИ ВЕЩНОГО ПРАВА ОТСУТСТВУЮЩИМ

THE CONCEPT AND SIGNS OF A CLAIM FOR RECOGNITION OF A PROPERTY RIGHT AS ABSENT

В статье характеризуется понятие, сфера применения и условия удовлетворения иска о признании вещного права отсутствующим. На основании анализа правоприменительной практики автором определена правовая природа этого способа оспаривания зарегистрированного права на недвижимые вещи.

Ключевые слова: вещное право, вещные иски, регистрация прав на недвижимость, иск о признании вещного права отсутствующим, зарегистрированное право, недвижимость.

The article characterizes the concept, scope and conditions of satisfaction of the claim for recognition of the property right absent. Based on the analysis of law enforcement practice, the author has determined the legal nature of this method of challenging the registered right to immovable property.

Keywords: real right, real action, land registration, action for invalidation of title, registered law, real estate.

Появление иска о признании вещного права отсутствующим стало результатом поиска оптимального способа оспаривания зарегистрированного права на недвижимость. Дело в том, что данный вопрос не решен в законодательстве и в п. 6 ст. 8.1 ГК РФ указывается только на возможность судебного оспаривания зарегистрированного права, без конкретизации способов такого оспаривания. В п. 5 ст. 1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» сказано: «Зарегистрированное в Едином государственном реестре недвижимости право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке».

Закрепление иска о признании вещного права отсутствующим стало компромиссом в правовой квалификации таких спорных с позиции пандектной системы права требований, как иск о признании недействительным зарегистрированного права и иск о признании недействительной записи в реестре прав на недвижимость. Дело в том, что субъективное право не может быть недействительным, поскольку недействительными могут быть только правоустанавливающие документы, на основании которых внесена запись о возникновении субъективного

вещного права на недвижимость. Поэтому достаточно давно высшая судебная инстанция высказала однозначную правовую позицию, что в судебном порядке может быть оспорено зарегистрированное право, а не запись о регистрации [1]. Признав такой способ защиты ненадлежащим, высшая судебная инстанция тем не менее не стала оставлять пробел в вопросе оспаривания зарегистрированного вещного права на недвижимость и высказала правовую позицию о применимости при определенных условиях иска о признании вещного права отсутствующим для целей оспаривания.

Сфера применения иска о признании вещного права отсутствующим в судебной практике достаточно определена и имеет вполне четкие границы. Исследуемый иск используется для исключения из реестра недостоверных записей о правах на недвижимые вещи. У этого способа защиты достаточно узкая сфера применения, сегментированная для корректировки реестра прав на недвижимость при определенных обстоятельствах. Этим объясняется тот факт, что в судебной практике достаточно часто суды приходят к выводу, что истцом, заявляющим требование о признании вещного права отсутствующим, выбран ненадлежащий способ защиты.

Перспективно можно предположить, что данный иск со временем утратит актуальность, но при двух условиях: процесс очистки реестра прав на недвижимость от недостоверных записей будет относительно завершен, и на законодательном уровне будет введено правило о возможности оспаривания зарегистрированного права только в исключительных случаях [2, с. 110]. Но в настоящее время данное требование наиболее активно применяется для корректировки реестра и исключения недостоверных, ошибочных записей, являясь исключительным и последним способом оспаривания.

Ситуации, в которых применим иск о признании вещного права отсутствующим, относятся:

1) когда в реестр внесена запись о праве на вещь, которая в действительности не обладает свойствами недвижимой вещи. Сам факт внесения права на вещь в реестр прав на недвижимость не означает, что вещь априори становится недвижимой, т.е. самого факта регистрации недостаточно. Отнесение вещи к категории движимых или недвижимых вещей должно производиться исходя из свойств этой вещи — капитальность, пространственная ограниченность, самостоятельность функционального и хозяйственного назначения, индивидуальность и т. д., при этом важно понимать, что в российском праве не выработано однозначного перечня критериев отнесения вещи к движимой или недвижимой и повседневная действительность в этом вопросе многообразна.

2) применение иска о признании вещного права отсутствующим позволяет устранить двойную регистрацию одного и того же объекта недвижимости в реестре, когда право на одну вещь зарегистрировано сразу за двумя лицами.

3) иск о признании права отсутствующим применяется для исключения реестровой записи о наличии обременения, когда обременение прекратилось, но заинтересованные лица не обратились в регистрирующий

орган с заявлением о прекращении обременения. В описанной ситуации суд обязан проверить возражения лица, в пользу которого установлено обременение, если это возможно сделать, а также факты регистрации обременения в реестре. Наиболее часто встречающая ситуация - банкротство и ликвидация банка залогодержателя, когда обеспечиваемое обязательство давно исполнено, но прекращение ипотеки не произведено.

4) устранение записи в реестре прав на недвижимость в ситуации, когда вещь перестала существовать физически, но запись осталась.

5) спор между публичными образованиями по оспариванию зарегистрированного права, когда не разграничена собственность между этими субъектами.

Основными чертами иска о признании права отсутствующим являются:

Во-первых, право на предъявление иска о признании вещного права отсутствующим имеет лицо, чьи законные интересы оспариваются сохранением недостоверной, по его мнению, записи в реестре прав на недвижимость [3].

Важно понимать, что у истца по данному иску нет субъективного вещного права, которое может быть нарушено, поскольку в силу оспариваемой регистрационной записи право, титул, принадлежит ответчику. У истца есть только законный интерес. Этим данное требование отличается от иска о признании вещного права, где как раз и защищается вещное право, которое отрицается ответчиком, но уже возникло.

Во-вторых, иск о признании вещного права отсутствующим подлежит удовлетворению, если истец докажет, что запись ответчика является недостоверной, т. е. не основана на надлежащих и действительных правоустанавливающих документах [4].

В-третьих, истец не претендует на признание вещного права за собой. Это объясняется тем, что в обратной ситуации применению подлежит другой способ защиты - иск о признании вещного права [5].

В-четвертых, иск о признании права отсутствующим подлежит удовлетворению, если истец докажет владение спорной вещью, которая зарегистрирована в реестре прав на недвижимость за ответчиком. Данная характеристика позволяет разграничить иск о признании вещного права отсутствующим и виндикационный иск.

Как отмечается в судебной практике, удовлетворение иска о признании вещного права отсутствующим в ситуации, когда ответчик владеет спорной вещью, не повлечет соединение права и владения, а значит, не повлечет восстановление оспоренного права [6].

В-пятых, иск о признании вещного права отсутствующим применим только в отношении прав на недвижимые вещи. В отличие от него виндикации могут подлежать и движимые, и недвижимые вещи. Устранение помехи в осуществлении вещного права негаторным иском возможно только в отношении недвижимости. В судебной практике данное свойство иска о признании вещного права отсутствующим является очевидным [7].

В-шестых, иск о признании права отсутствующим носит исключительный характер, что означает его применение только в ситуации,

когда использование других способов защиты не обеспечивает восстановление спорного правоотношения. Иск о признании вещного права отсутствующим носит субсидиарный характер, т. е. это требование применимо только тогда, когда исчерпаны все другие средства защиты. У древних римлян при построении армии второй эшелон легиона, резервный, назывался «subsidio».

Судебная практика основывается на однозначной правовой позиции относительно исключительного характера иска о признании вещного права отсутствующим [8].

В-седьмых, правопрекращающий характер: удовлетворение данного требования означает исключение записи в реестре о праве ответчика на спорную недвижимость, тем самым полностью прекращается его право, поскольку по общему правилу право на недвижимую вещь возникает с момента регистрации, исходя из принципа внесения.

В-восьмых, иск о признании вещного права отсутствующим относится к частноправовым способам защиты. Это подчеркивает тот факт, что он применим в споре о праве, который возникает между двумя участниками гражданского оборота, а роль регистрирующего органа не позволяет ему быть стороной спора, поскольку он призван осуществлять властные функции и не имеет самостоятельного материального интереса в вопросах приобретения вещных прав на недвижимость.

Следует отметить, что государство, вводя обязательную государственную регистрацию прав на недвижимость, становится гарантом реальности зарегистрированного права. И ситуации, когда запись в реестре недостоверна, по всей логике должны быть крайне исключительными, более того, иметь некоторую экстраординарность. Но, как показывает судебная практика, такие споры возникают, к сожалению, нередко. Это подчеркивает несовершенство российской модели регистрации прав на недвижимость. И, что еще более печально, нежелание регистрирующего органа самостоятельно очистить реестр, который он ведет, от недостоверных записей [9, с. 86]. При этом такие записи вносятся из-за явных ошибок - двойная регистрация прав на один и тот же объект, регистрация прав на вещь, которая в реальности являются движимой. Но российский регистратор, как и само государство, устраняется от решения этих проблем, отдавая все на инициативность участников гражданского оборота недвижимости. Хотя не участники оборота требуют регистрации прав на недвижимость, и не они собирают государственную пошлину за регистрационные действия.

На правовое значение акта регистрации обращал внимание Конституционный Суд РФ, в постановлении которого от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца» сказано, что государство в лице уполномоченных законом органов и должностных лиц, действующих при осуществлении процедуры государственной регистрации прав на недвижимое имущество на основе принципов проверки законности оснований регистрации, публичности и достоверности государственного реестра (абз. 2 п. 1 ст. 8.1 ГК РФ),

подтверждает тем самым законность совершения сделки по отчуждению объекта недвижимости.

Более того, из нормы ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20.03.1952) следует недопущение возложения ответственности на частных лиц за ошибочные действия государства, что вытекает из права частных лиц на уважение своей собственности.

В этом плане ситуация достаточно курьезна, когда запись вносится регистрирующим органом после проверки правоустанавливающих документов, но при выявлении недостоверности регистрационной записи заинтересованное лицо не может обратиться в регистрационный орган, а должно инициировать частный спор с другим участником гражданского оборота в суде. Перспективно такая проблема бы решалась введением бесспорности зарегистрированного права либо указанием на то, что оспаривать права можно только при исключительных обстоятельствах. Но наше государство пока не готово проводить такую глубокую проверку правоустанавливающих документов и давать такие большие гарантии законности и правомерности зарегистрированного права. Быть может, это будет сделано в будущем, что несомненно в разы повысит и правовую определенность, и стабильность оборота недвижимости, и доверие к органам государственной власти.

Список источников

1. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.03.2002 № 8619/01. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Шевчук, С. С. Гражданское право: современные тенденции реформирования частного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 1 (58). С. 108-116.

3. Постановление АС Волго-Вятского округа от 08.06.2020 № Ф01-8943/2020 по делу № А43-10268/2019. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Постановление АС Дальневосточного округа от 11.09.2018 № Ф03-3368/2018 по делу № А51-22059/2017. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Постановление АС Волго-Вятского округа от 02.02.2018 № Ф01-6334/2017 по делу № А11-11274/2016. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Постановления АС Дальневосточного округа от 24.02.2021 № Ф03-5774/2020 по делу № А51-14986/2019. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Апелляционное определение ВС Республики Саха (Якутия) от 19.03.2018 по делу № 33-913/2018. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение ВС РФ от 06.025.2019 № 308-ЭС18-24374 по делу № А53-6667/2018. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Толстова, А. Е. Содержание субъективного права собственности публичных образований // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 81-87.

УДК 347.1

Студенников Федор Андреевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: fedosstuden@gmai.com

Studennikov Fedor Andreevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: fedosstuden@gmai.com

СУЩНОСТЬ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

CORPORATE GOVERNANCE ESSENCE: THEORETICAL APPROACHES AND MODERN INTERPRETATIONS

Статья анализирует теоретические подходы и современные интерпретации корпоративного управления, освещая проблемы и перспективы развития с учетом юридических аспектов и российского законодательства.

Ключевые слова: корпоративное управление, Россия, законодательство, акционеры, теория, проблемы, перспективы.

The article analyzes theoretical approaches and modern interpretations of corporate governance in Russia, highlighting problems and development prospects, considering legal aspects and Russian legislation.

Keywords: corporate governance, Russia, legislation, shareholders, theory, problems, prospects.

Корпоративное управление – это сложное и многоаспектное понятие, лежащее в основе эффективного функционирования современных компаний. В самом широком смысле, корпоративное управление представляет собой систему взаимоотношений между органами корпорации (советом директоров, исполнительным руководством), акционерами и другими заинтересованными сторонами (работниками, кредиторами, поставщиками, обществом в целом), направленную на обеспечение эффективности деятельности компании, достижение ее стратегических целей и защиту интересов всех заинтересованных лиц, в первую очередь – акционеров. Отсутствие единого, общепринятого определения подчеркивает динамичность и адаптивность концепции к изменяющимся условиям внешней среды и потребностям бизнеса. Различные теоретические подходы и современные интерпретации по-разному расставляют акценты в понимании этой сущности, что делает анализ корпоративного управления особенно актуальным в современной экономической науке.

В условиях глобализации экономики и возрастающей роли корпораций в социально-экономической жизни, вопросы эффективного корпоративного управления приобретают особую актуальность. В Российской Федерации, где становление рыночных отношений сопровождалось специфическими проблемами, такими как концентрация собственности и недостаточная защита прав миноритарных акционеров, корпоративное управление является предметом пристального внимания как со стороны законодателя, так и со стороны научного сообщества. Целью данной статьи является анализ теоретических подходов к пониманию сущности корпоративного управления, их эволюции и современной интерпретации в контексте российского законодательства и правоприменительной практики.

В юридической науке существует несколько ключевых теоретических подходов к определению сущности корпоративного управления, каждый из которых акцентирует внимание на различных аспектах отношений, возникающих в рамках корпорации. Во-первых, агентская теория рассматривает корпорацию как совокупность контрактных отношений между различными участниками, в первую очередь, между акционерами (принципалами) и менеджерами (агентами). Основная проблема, с точки зрения агентской теории, заключается в конфликте интересов между акционерами и менеджерами, которые могут преследовать собственные цели в ущерб интересам акционеров. Корпоративное управление, в рамках этой теории, направлено на минимизацию агентских издержек, возникающих в результате этого конфликта [1, с. 115]. Например, неэффективное использование ресурсов компании менеджерами для личного обогащения, такое как завышение командировочных расходов или заключение невыгодных для компании сделок со связанными сторонами, является прямым следствием агентских проблем [2, с. 62].

Во-вторых, теория заинтересованных сторон (Stakeholder Theory), в отличие от агентской теории, рассматривает корпорацию как систему отношений не только между акционерами и менеджерами, но и с другими заинтересованными сторонами: работниками, кредиторами, поставщиками, потребителями, местным сообществом и государством. Корпоративное управление, с этой точки зрения, должно учитывать интересы всех заинтересованных сторон и обеспечивать баланс этих интересов. Примером может служить ситуация, когда компания, пренебрегающая экологическими стандартами в погоне за прибылью, наносит ущерб местному населению и окружающей среде [3, с. 53].

В-третьих, ресурсная теория (Resource-Based View) акцентирует внимание на внутренних ресурсах и компетенциях компании как источнике конкурентного преимущества. Корпоративное управление, в этом контексте, направлено на эффективное использование и развитие этих ресурсов, а также на создание условий для инноваций и адаптации к изменяющейся внешней среде. Компания, обладающая уникальной технологией и высококвалифицированными специалистами, способна создавать инновационные продукты и услуги, обеспечивая себе конкурентное преимущество на рынке [4, с. 74].

В российской юриспруденции наблюдается эволюция понимания корпоративного управления, отражающая особенности развития корпора-

тивных отношений в стране. Если на начальном этапе становления рыночной экономики корпоративное управление рассматривалось преимущественно в рамках агентской теории, то в настоящее время все большее внимание уделяется учету интересов всех заинтересованных сторон и роли корпорации в социально-экономическом развитии. Анализ существующих определений указывает на то, что предметом корпоративного управления выступает система отношений всех связанных с компанией субъектов, в состав которых входят акционеры, директора, менеджеры, кредиторы, поставщики, сотрудники, покупатели, органы государственной власти, местное сообщество, общественные и профессиональные организации. Кочетыгова Ю. определяет корпоративное управление как «выбранный той или иной компанией способ взаимодействия между акционерами организации, ее советом директоров и менеджментом, обеспечивающий справедливое и равноправное распределение результатов деятельности между акционерами, а также иными финансово заинтересованными лицами». Карапетян Д. и Грачева М. считают, что «корпоративное управление означает взаимодействие множества лиц и организаций, имеющих отношение к самым разным аспектам функционирования фирмы» [5, с. 83]. В современной практике в компаниях выделяют три уровня корпоративного управления: собрание акционеров, совет директоров (наблюдательный совет) и менеджеры.

Ключевыми аспектами современной интерпретации корпоративного управления в РФ являются защита прав миноритарных акционеров, обеспечение прозрачности и раскрытие информации, усиление роли совета директоров и повышение социальной ответственности бизнеса. Важную роль играет Кодекс корпоративного управления, одобренный Советом директоров Банка России. Он представляет собой свод рекомендаций относительно наилучшего корпоративного управления обществом, разъясняющий стандарты соблюдения прав акционеров, способствующий их реализации на практике, обеспечивающий повышение эффективности управления компанией, долгосрочное и устойчивое развитие. Применение положений Кодекса является добровольным и основано на стремлении повысить привлекательность общества в глазах существующих и потенциальных инвесторов.

В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2023 № 625-ФЗ «О внесении изменений в статью 98 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», некоторые из антикризисных мер в сфере корпоративного управления продолжают действовать. Законодательство РФ предусматривает ряд механизмов защиты прав миноритариев, включая право на получение информации о деятельности компании, право на участие в управлении, право на оспаривание сделок, нарушающих их интересы. Федеральный закон от 04.08.2023 № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» определяет особенности регулирования корпоративных отношений в таких обществах. Обеспечение прозрачности деятельности компании и раскрытие информации, необходимой для принятия обоснованных инвестиционных ре-

шений, является важным элементом эффективного корпоративного управления. Законодательство РФ устанавливает требования к раскрытию информации о структуре собственности, финансовом состоянии, деятельности органов управления компании. Совет директоров играет ключевую роль в системе корпоративного управления, осуществляя стратегическое руководство компанией и контролируя деятельность исполнительных органов. Независимые директора, не связанные с менеджментом компании и крупными акционерами, призваны обеспечивать объективность и непредвзятость принимаемых решений. В современной интерпретации корпоративное управление все больше связывается с социальной ответственностью бизнеса. Компании все чаще осознают свою роль в решении социальных и экологических проблем и стремятся к устойчивому развитию, учитывающему интересы будущих поколений.

Несмотря на определенные успехи в развитии корпоративного управления в России, существует ряд нерешенных проблем, таких как слабая правоприменительная практика, низкий уровень корпоративной культуры и значительное влияние государства на экономику. Эффективность норм корпоративного права во многом зависит от их реального применения на практике. Недостаточная эффективность судебной системы и механизмов защиты прав акционеров снижает доверие инвесторов к российскому рынку. Недостаточная развитость корпоративной культуры, характеризующаяся формальным отношением к соблюдению норм и принципов корпоративного управления, является серьезным препятствием на пути к повышению эффективности управления компаниями. Значительное влияние государства на экономику и корпоративный сектор создает риски злоупотреблений и неэффективного управления государственными активами.

Перспективы развития корпоративного управления в РФ связаны с дальнейшим совершенствованием законодательства, повышением эффективности правоприменительной практики, развитием корпоративной культуры и снижением влияния государства на экономику.

Таким образом, анализ теоретических подходов и современных интерпретаций корпоративного управления позволяет сделать вывод о том, что корпоративное управление представляет собой сложную и многогранную систему отношений, направленную на обеспечение эффективного управления компанией, защиту прав акционеров и учет интересов всех заинтересованных сторон. Дальнейшее развитие корпоративного управления в РФ требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, повышение эффективности правоприменительной практики и развитие корпоративной культуры.

Список источников

1. Толстова, А. Е. Корпоративное право (учебное пособие). Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2023. 280 с.

2. Толстова, А. Е. Компетенции исполнительного органа в управлении предпринимательской корпорации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1 (46). С. 60-64.

3. Коренев, П. В. Восстановление корпоративного контроля как способ защиты корпоративных прав // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 2 (47). С. 52-55.

4. Толстова, А. Е., Трапезникова, М. М. Особенности правового регулирования инновационной деятельности // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 3 (40). С. 72-76.

5. Толстова, А. Е., Коренев, П. В. Актуальные проблемы корпоративного права: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 163 с.

УДК 347.122; 347.918

Тадевосян Ашхен Арамовна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: tashxen@bk.ru

Tadevosyan Ashcken Aramovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: tashxen@bk.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА

LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION

Международный коммерческий арбитраж является одним из надежных и эффективных инструментов по разрешению коммерческих споров, которые осложнены иностранным элементом. В данной статье проведен анализ на основе детального изучения как национального, так и международного законодательства в данной области.

Актуальность данной темы напрямую связана со стремительным ростом межгосударственных торговых отношений и расширением транснациональной деятельности предприятий. В условиях интенсивной глобализации предприятия все чаще сталкиваются с необходимостью урегулирования возникающих между ними споров, что требует глубокого анализа нормативно-правовой базы в контексте коммерческого арбитража.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, третейский суд, третейское разбирательство, коллизионная норма, международное право, коммерческий спор.

International commercial arbitration is one of the reliable and effective tools for resolving commercial disputes that are complicated by a foreign element. This article provides an analysis based on a detailed study of both national and international legislation in this area.

The relevance of this topic is directly related to the rapid growth of interstate trade relations and the expansion of multinational enterprises. In the context of intensive globalization, enterprises are increasingly faced with the need to resolve disputes between them, which requires an in-depth analysis of the regulatory framework in the context of commercial arbitration.

Keywords: international commercial arbitration, arbitration court, arbitration proceedings, conflict of laws rule, international law, commercial dispute.

Международный коммерческий арбитраж можно охарактеризовать как специфический механизм для разрешения споров в сфере внешнеэкономической деятельности [1, с. 222]. Он представляет собой негосударственный орган, который может быть создан для разрешения конкретного дела или действовать на постоянной основе. Процесс разрешения спора осуществляется посредством вынесения решения, обязательного для всех сторон, в установленной процессуальной форме [2, с. 883]. Кроме того, в данное определение следует добавить аспекты, касающиеся состава арбитража, основанного на автономии воли его участников, а также особенности признания и исполнения решений международного коммерческого арбитража в различных странах [3, с. 351].

Под международным коммерческим арбитражем следует понимать деятельность третейского суда, который создан на постоянной основе, либо создаются специально для рассмотрения того или иного спора между коммерческими организациями [4, с. 10]. При этом вынесенное решение является обязательным для исполнения. Деятельность подобных организаций урегулирована рядом международных договоров. Можно привести следующие примеры: Нью-Йоркская конвенция 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, носящая универсальный характер и объединяющая в числе участников свыше 120 государств, Европейская конвенция 1961 г. о международном коммерческом арбитраже, широко известная в российской юридической литературе как Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже, Европейская конвенция 1966 г., устанавливающая Единообразный закон об арбитраже, принятая и действующая в рамках Совета Европы. Кроме того, такие правовые акты и договоры создаются и функционируют в рамках создаваемых торговых и иных международных организациях. Отсутствие единого международного акта порождает коллизии, в случае если спор ведется между субъектами, находящимися в странах, участвующих в различных подобных организациях. В качестве примера подобного органа можно привести Международный арбитражный суд международной торговой палаты (International Court of Arbitration, International Chamber of Commerce). Данный орган действует с 1923 года и за период своей работы рассмотрел больше 8 тысяч дел [5, с. 17].

Основанием рассмотрения спора является арбитражное соглашение. По определению, это - соглашение участников, где прописывается механизм рассмотрения конфликтов (как текущих, так и возможных в рамках конкретного дела), подпадающих под юрисдикцию международного коммерческого

арбитража [6, с. 65]. Основополагающим принципом здесь выступает автономия воли сторон, в результате данное арбитражное соглашение предоставляет международному коммерческому арбитражу исключительное право на рассмотрение и решение конкретных конфликтов, осложненных иностранным элементом.

Один из ключевых достоинств международных коммерческих арбитражей — это окончательный характер решения такого вида суда. В рамках фундаментального принципа res judicata, вынесенные решения: имеют окончательный характер, не допускают пересмотра по существу или корректировки, обязательны к исполнению. Этот принцип признан и поддерживается большинством государств как основополагающий. Так, в решении Верховного Суда США (дело Hall Street Associates v. Mattel, Inc.) подчеркивалось: незыблемость арбитражного решения; невозможность его пересмотра государственными судами первой инстанции (в данном случае — районным судом), даже при наличии соответствующего указания в самом арбитражном соглашении. Таким образом, принцип res judicata обеспечивает стабильность и неоспоримость решений, исключая их пересмотр национальной юрисдикцией [7, с. 18]. В современной эпохе национальное законодательство каждой страны выступает фундаментальным фактором в формировании особенностей и развития международного коммерческого арбитража, определяя его ключевые аспекты. Важнейшие правовые акты России, составляющие основу данного института: Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ, где особо подчеркивается право Арбитражных судов на отказ в признании и исполнении иностранных арбитражных решений по основаниям, установленным специально для таких случаев законом о международном коммерческом арбитраже. Это положение дополняется возможностью исключений при наличии международного соглашения. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», который структурирует правовые основы деятельности третейских судов. Особое место занимает Закон Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (далее – Закон об МКА), который определяет функции и статус третейского суда в России как ключевого звена в разрешении глобальных коммерческих споров, водит понятие о процедурах разрешения международно значимых конфликтов, сосредоточивая внимание на их специфике. Вступление Закона об МКА стало поворотным моментом для развития механизмов международного коммерческого арбитража в России. Закон об МКА охватывает все аспекты разрешения межгосударственных споров с коммерческой подоплекой, определяя их как основной предмет рассмотрения данными судами. Закон об МКА представляет собой комплексный правовой акт, регулирующий ключевые аспекты арбитражного процесса применительно к международным коммерческим спорам. Его структура и нормы подробно расписаны следующим образом. Преамбула, которая описывает цели и задачи закона, подчеркивая значимость международного арбитража в разрешении коммерческих разногласий. Статьи (36 шт.) Закона об МКА: ст. 1-3 определяют понятия, основные принципы и сферу применения зако-

на; ст. 4-9 регулируют вопросы арбитражных соглашений, включая их заключение, форму и условия, а также основания для признания соглашений недействительными; ст. 10-17 посвящены формированию и компетенции арбитража, включая порядок назначения арбитров, их отвод и замена; ст. 18-27 описывают процедуру арбитражного разбирательства, от начала процесса до вынесения решения, включая правила доказательств, заседания и прекращение разбирательства; ст. 28-32 устанавливают основания для оспаривания арбитражных решений, порядок и условия для такого оспаривания; ст. 33-36 регламентируют признание и исполнение арбитражных решений на территории России. Приложения (2 шт.) Закона об МКА: содержат дополнительные положения и формы документов, необходимых для процедур, описанных в законе.

В соответствии с действующим законодательством, третейские суды и международные коммерческие арбитражи стали формально признанными негосударственными структурами, наделенными юридическими полномочиями для разрешения гражданско-правовых споров и принятия обязательных решений, что стало результатом вступившего в силу ГК РФ (ст. 2). Постоянно действующее арбитражное учреждение - понятие, заменяющее привычное «третейский суд», означает структурное подразделение некоммерческой организации, постоянно осуществляющее функции администрирования арбитражных разбирательств, а третейские суды могут состоять как из единоличного арбитра, так и из коллегиального состава, что обеспечивает гибкость в разрешении конкретных споров. Введение данного термина существенно уточнило деятельность арбитражных структур, устранив ранее существовавшую правовую неопределенность относительно статуса и полномочий третейских судов, что ранее приводило к правовым коллизиям и затруднениям в процедурах. Законодательство теперь четко регламентирует, что право на создание постоянно действующих третейских судов и международных коммерческих арбитражных учреждений предоставляется торгово-промышленным палатам, ассоциациям предпринимателей и потребителей, а также юридическим лицам при соблюдении строгих требований к независимости и беспристрастности арбитров, а также к соблюдению принципов справедливости и эффективности разбирательств. Однако, как подчеркивает А. Комаров, реформа в области международного коммерческого арбитража имеет существенные пробелы, основным из которых является недостаточное соответствие основным положениям Типового закона ЮНСИТРАЛ 2006 года, что может повлиять на эффективность и признание решений таких арбитражей на международной арене [8, с. 47]. Несмотря на формальное указание в нововведении российского законодательства на использование Типового закона ЮНСИТРАЛ 2006 года, реальное внедрение его положений в национальную правовую систему остается ограниченным. Отсутствие глубокой имплементации данного закона влечет за собой ряд значительных последствий. Первое, снижается правовая ясность для участников арбитражных процессов, поскольку отсутствует полное соблюдение норм широко принятого и применяемого во многих странах Типового закона ЮНСИТРАЛ. Второе, усугубляется сложность взаимного признания и ис-

полнения решений в международной практике из-за расхождения российского законодательства с общепринятыми мировыми нормами. Третье, отрицательно сказывается на инвестиционной привлекательности страны, так как иностранные инвесторы предпочитают юрисдикции с более четкими и предсказуемыми правилами в области международного арбитража. Типовой закон ЮНСИТРАЛ 2006 года охватывает ключевые аспекты процедуры, включая назначение арбитров, проведение разбирательств, доказательную базу и вынесение решений. Неполное внедрение этих положений в российское право может привести к неопределенностям на практике. Кроме того, важные аспекты закона касаются механизмов признания и исполнения арбитражных актов - элементы, критически значимые для обеспечения их эффективности. Таким образом, необходимость полноценной интеграции Типового закона ЮНСИТРАЛ в российское законодательство становится очевидной как с точки зрения соблюдения международных стандартов, так и для поддержания благоприятного инвестиционного климата.

Таким образом, международный коммерческий арбитраж является значимым инструментом для разрешения споров в области внешнеэкономической деятельности. Учитывая высокий уровень удовлетворения арбитражных заявлений в России и активное участие страны в международных соглашениях, таких как Нью-Йоркская Конвенция, можно отметить положительную динамику в данной сфере. Это создает надежную правовую основу для бизнеса и способствует развитию международных торговых отношений, что, в свою очередь, является важным фактором для экономического роста и интеграции России в глобальную экономику. Исследователи также подчеркивают, что данный тип правосудия возник не только в международной практике, но и имеет глубокие исторические корни в России. Отечественные истоки данного института восходят к далеким временам, еще к эпохе Древней Руси. Уже тогда осознавалась значимость применения независимого и квалифицированного арбитража для разрешения споров и конфликтов в области коммерческих отношений. С учетом развития глобальной экономики и роста объемов международной торговли, международный коммерческий арбитраж приобретает все большую значимость. Следует отметить, что российская наука активно использует обширный зарубежный опыт, накопленный на протяжении веков в сфере правоприменения в области международного коммерческого арбитража [9, с. 46].

Список источников

1. Косарева, Л. А. Международный коммерческий арбитраж и правовое регулирование процедуры признания и приведения в исполнение его решений // Молодой ученый. 2019. № 26 (264). С. 220-226.

2. Международное частное право: учебник для магистров / И. В. Гетьман-Павлова. Москва : Юрайт, 2016. 959 с.

3. Международное частное право: учебник и практикум для академического бакалавриата / А. О. Иншакова. Москва : Юрайт, 2019. 398 с.

4. Засемкова, О. Ф. Международный коммерческий арбитраж в Рос-

сии: итоги реформы // Lex Russica. 2021. №8 (177). С.9-22.

5. Писаревский, Д. Ю. Развитие права стран ЕАЭС в области международного коммерческого арбитража (мка) как мера обеспечения экономической безопасности участников коммерческого оборота стран ЕАЭС // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. №2 (15). С.16-26.

6. Толстова, А. Е. Способы защиты нарушенных прав при совершении крупных сделок // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 2 (51). С. 63-68.

7. Хоцанов, Д. А. Признание и приведение в исполнение на территории Российской Федерации иностранных судебных и арбитражных решений: избранная практика за 2015 и 2016 гг. // Вестник международного коммерческого арбитража. 2017. № 1. С.15-25.

8. Комаров, А. С. Международная унификация правового регулирования коммерческого арбитража: новая редакция Типового закона ЮНСИТРАЛ // Международный коммерческий арбитраж. 2007. № 2. С. 45-49.

9. Косовская, В. А., Алешина, А. В. Регулирование частноправовых отношений с иностранным элементом: проблемы применения иностранного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 4. С. 43-47.

УДК 347.78

Тиханов Артем Александрович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Tikhanov Artem Alexandrovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

СОДЕРЖАНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ

CONTENT OF EXCLUSIVE COPYRIGHTS AND RELATED RIGHTS

В статье представлена характеристика содержания исключительных авторских и смежных прав. Исследована структура субъективного авторского права и раскрываются ее элементы -правомочия. Проведено сравнение субъективного авторского права и субъективных смежных прав.

Ключевые слова: произведение, субъективные права автора, использование, распоряжение, публичный показ, результат творческой деятельности.

The article presents a description of the content of exclusive copyrights and related rights. The structure of subjective copyright is investigated and its elements, powers, are revealed. The comparison of subjective copyright and subjective related rights is carried out.

Keywords: work, subjective rights of the author, use, disposal, public display, result of creative activity.

Авторское право - это субъективное частное исключительное право на охраняемое законом произведение науки, литературы или искусства, состоящее из юридически обеспеченных возможностей (правомочий) осуществлять абсолютное (исключительное и независимое от иных (посторонних) лиц) фактическое и непосредственное господство над своим объектом
посредством его воспроизведения или совершения действий, его предполагающих, в пределах, установленных законом.

Традиционно содержание непосредственного господства автора над произведением обозначается термином «использование» [1]. Однако, по нашему мнению, более правильно усматривать существо исключительного права в воспроизведении (копировании, тиражировании или создании идеальных умозрительных образов) его объекта.

Принято также включать в состав субъективного авторского права возможность распоряжения его объектом [2, с. 16]. Считаем, что такой взгляд по своей сути неправилен, поскольку объектом распоряжения является не результат творческой деятельности, а само исключительное право автора на него.

Наконец, нередко в содержание авторского субъективного права включают еще и возможность (правомочие) автора запрещать использование произведения, являющегося объектом такого права любым другим лицам, требовать от них воздерживаться от посягательств на его право и от чинения препятствий к его осуществлению самим обладателем. В действительности запрет использования чужого произведения, охраняемого авторским правом, вытекает вовсе не из распоряжений и требований автора, а из указаний закона, конструирующих субъективное авторское право как исключительное, т. е. существующее в таких условиях, которые исключают признание аналогичных прав за другими лицами [3, с. 284]. Последние, следовательно, находятся отнюдь не в положении лиц, обязанных подчиняться авторским требованиям и запретам, а в состоянии, в котором им не принадлежит права совершения тех действий, что составляют предмет авторских правомочий (состоянии бесправия или отсутствия права) [4, с. 95].

Пункт 2 ст. 1270 ГК РФ перечисляет ряд юридических возможностей по совершению разнообразных действий, которые, как принято считать, составляют множество правомочий**,** из которых состоит одно субъективное авторское (исключительное) право. В их число входят правомочия воспроизведение, распространение экземпляров, публичный показ, импорт, прокат, публичное исполнение, сообщение в эфир, сообщение по кабелю, ретрансляцию, перевод или иную переработку, практическую реализацию произведения, а также на (доведение произведения до всеобщего сведения. В то же время в литературе можно встретить взгляд, согласно которому речь идет не о правомочиях в составе одного единого авторского (исключительного) права, а о нескольких (в современных условиях - двенадцати) самостоятельных субъективных исключительных правах автора (праве на воспроизведение, праве на распространение, праве на публичный показ и т.д.) [5, с. 30]. Мы придерживаемся первой точки зрения – о едином исключительном автор-

ском праве - поскольку все перечисляемые в п. 2 ст. 1270 ГК РФ юридические возможности: имеют одинаковое юридическое качество (прежде всего они являются регулятивными и абсолютными); принадлежат одному субъекту (автору или его правопреемнику); имеют один и тот же объект (произведение); возникают, изменяются и прекращаются по одному и тому же основанию (в силу них и тех же юридических фактов); наконец, все они служат делу максимально полного (исключительного, монопольного и всестороннего) удовлетворения имущественного интереса своего обладателя. Вне всякого сомнения, перед нами единое субъективное право сложной структуры и многопланового содержания.

Концепцию «единого авторского права сложной структуры и многообразного содержания» не следует абсолютизировать (переоценивать).

Прежде всего, ее действие ограничивается правомочиями одного только имущественного содержания. Правомочия неимущественного (точнее, строго личного) свойства, как-то правомочия авторства, авторского имени, обнародования и защиты репутации автора, в состав исключительного права не входят и входить не могут. Они, несомненно, принадлежат авторам произведений науки, литературы и искусства, но составляют содержание отдельных (самостоятельных) субъективных прав автора (личных прав). Одно и то же субъективное праве может быть либо имущественным, либо неимущественным, но не тем и другим одновременно; соответственно, оно не может включать в себя одновременно и имущественные, и неимущественные правомочия, т.е. правомочия, служащие удовлетворению различных интересов.

Заслуживает поддержки мнение, в соответствии с которым при разрешении вопроса «Правомочия или права?» опираться на наше законодательство, использующее специальную юридическую терминологию бессистемно и неграмотно, было бы как минимум неблагоразумно. «...Законодатель использует термин «авторское право» в разных статьях закона в различном значении. Чаще всего им охватываются все предоставляемые автору возможности, в других случаях в него включаются некоторые авторские правомочия. иногда он служит для обозначения отдельный авторских прав... и т. д. Поэтому содержание, которое вкладывает законодатель в данный термин, необходимо каждый раз устанавливать путем толкования закона» [6, с. 117]**.** Это замечание, сделанное в эпоху действия прежнего законодательства, в полной мере сохранило актуальность и в современный условиях. Дополнить его можно разве только тем, что правильный ответ на вопрос «Правомочия или права?» является залогом законности совершения ряда юридических действий с исключительными правами. Так, например, если мы признаем существование 12 самостоятельных исключительных прав автора, то мы должны будем допустить заключение аж 12 различных договоров об их отчуждении (ст. 1285 ГК РФ); если же мы ответим на наш вопрос в том смысле, что перед нами одно исключительное право, состоящее из 12 правомочий, то мыслим; только один договор об отчуждении, предметом которого может быть только исключительное право в целом, право, состоящее из всех 12 правомочий. В такой ситуации; отчуждение какого-то одного или нескольких из них (но не всех) будет подобно попыткам раздель-

ного распоряжения правомочиями собственника (одному - владение, другому - пользование, а себе - распоряжение).

Затем, далеко не всякое исключительное право включает в себя каждое из 12 правомочий, перечисленных в п. 2 ст. 1270 ГК РФ; скорее даже наоборот - ни одно исключительное право не может состоять из всех 12 возможностей одновременно. Возможности, перечисленные в п. 2 ст. 1270 ГК РФ, не императивны, как правомочия собственника, а альтернативны; выбор той или другой из них зависит от естественных свойств произведения, которое является объектом конкретного исключительного права. В этом смысле исключительное право логично составить всего лишь из двух правомочий: на воспроизведение своего объекта (способами, совместимыми с его природой) и на совершение действий, предпосылкой которых является воспроизведение.

Основу перечня правомочий п. 2 ст. 1270 ГК РФ составляют действия, которые могли бы быть совершены по отношению к литературным произведениям, исключительное право на которые охватывает 11 (!) правомочий из 12 возможных. За исключением правомочия практической реализации, которое может входить в состав исключительного права на произведение архитектуры, дизайна, градостроительства или садово-паркового искусства. Признание правомочия на практическую реализацию литературного произведения (исключительного права автора поступать в соответствии с рекомендациями, изложенными, допустим, в книге по кулинарии, медицине, юриспруденции и т.п.), привело бы к необходимости введения их патентно-правовой охраны - отсюда, между прочим, п. 3 ст. 1270 ГК РФ.

Некоторое сомнение возбуждает также правомочие публичного показа литературных произведений. На наш взгляд, ничего невозможного в использовании литературного произведения подобным способом нет, поскольку как его оригинал, так и его экземпляр (экземпляры), могут быть размещены в месте, открытом для свободного доступа публики (например, в витрине магазина или музея, на стенде выставки или ярмарки), а также продемонстрированы на экране в присутствии публики. Это и есть нечто иное, как его публичный показ. Если уж и делать еще какие-то исключения, то обоснованными они могут стать, видимо, только применительно к таким (несколько необычным) «литературным произведениям», как программы для ЭВМ, публичный показ, публичное исполнение, передача в эфир или по кабелю которых действительно представить себе довольно трудно. По отношению к произведениям иных видов исключительные права чуть менее разнообразны: так, например, очевидно, что музыкальное произведение невозможно публично показать, произведение живописи или фотографии - публично исполнить; то и другое невозможно перевести (хотя можно переработать иным образом); только произведения архитектуры, дизайна, градостроительства и садово-паркового искусства предполагают такой способ использования, как практическая реализация; использование произведений на электронных и магнитных носителях, а также программ для ЭВМ и баз данных невозможно без применения соответствующих технических средств и т.п. [7, с. 8].

Наконец, необходимо отметить, что перечень правомочий, входящих в состав исключительного авторского права, не является (несмотря на «точку», его завершающую) исчерпывающим. Такой вывод следует, во-первых, из п. 1 ст. 1270 ГК РФ, где перечень способов использования произведений, содержащийся в п. 2 ст. 1270 ГК РФ, предварен эпитетом «в том числе», во-вторых, из «негерметичности» подавляющего большинства отдельных позиций этого перечня, а в-третьих, из смысла и назначения самого института авторского права, заключающегося в наиболее полной и всесторонней охране имущественных интересов лиц, творческим трудом которых созданы охраноспособные произведения (а ее никак нельзя будет считать ни полной, ни всесторонней, если посторонние лица смогут использовать произведение, нанося тем самым вред имущественным интересам автора). Можно вспомнить и о том, что развитие общественных отношений, науки, техники и творчества не стоит на месте и в самом ближайшем будущем не исключено появление как новых способов извлечения имущественных выгод из традиционных произведений (самый известный пример - развитие телекоммуникационных технологий, приведших к возникновению таких способов использования, как сообщение произведений в эфир, по кабелю, а также их доведение до всеобщего сведения посредством размещения в сети Интернет), так и появление новых видов самих произведений (фотографии, фильмы, программа для ЭВМ и др.) [8, с. 35].

Исключительные смежные права не просто выросли из и на основе авторских, они продолжают оставаться с ними весьма тесно связанными, а также не сильно отличаются от них по содержанию. В содержании исключительных смежных прав нет ничего такого, чего не было бы в правах авторских. Это обстоятельство вполне может дать повод к весьма правдоподобному утверждению о том, что смежное исключительное право — это несколько обуженное исключительное право автора; соответственная часть научных знаний, добытых поколениями исследователей авторского исключительного права, должны быть применимы и к смежным правам. Тем более что основания такого обуживания, как кажется, налицо: ими являются не вполне творческое происхождение их объектов — результатов не только (и не столько) творчества, но и технических навыков, профессионализма и мастерства их первоначального обладателя; их вторичность, производность, зависимость по отношению к праву авторскому как в своем возникновении, так и в своем осуществлении. В результате смежные права предстают перед нами как «…субъективные права, возникающие применительно к объекту известного субъективного авторского исключительного права и осуществляемые их обладателями вовсе не исключительно по своему усмотрению, а лишь с согласия (разрешения) автора исполненного, записанного или переданного произведения» [9, с. 213].

Смежные исключительные права обнаруживают свое сходство с авторскими еще и в отношении присущей им внутренней иерархической структуры. Подобно тому, как выстраиваются в небольшую «лесенку» авторские права на первоначальные (оригинальные) произведения, с одной стороны, а также на произведения производные и составные — с другой,

точно такую же «лесенку» мы обнаружим и внутри смежных прав. Ее первой ступенькой являются права исполнителя, второй — производителя фонограммы, третьей - вещательной организации: в то время как права исполнителя ограничиваются только правами автора (п. 3 ст. 1303 ГК РФ), права производителя фонограммы ограничиваются, соответственно, правами как автора, так и исполнителя, а права вещательной организации — правами трех названных его хронологических предшественников [10, с. 316]. Исполнение можно назвать первоначальным произведением — объектом смежных прав, фонограмму — объектом, производным от исполнения, транслированную же (или ретранслированную) передачу (программу) — объектом, производным от фонограммы.

Еще одним аспектом внешнего проявления «смежности» прав является функциональная направленность той деятельности результатом осуществления которой становится создание их объектов. Деятельность эта направлена на создание условий, обеспечивающих максимально точное раскрытие авторского замысла, заложенного в созданное им произведение, и его донесение до публики. Такая деятельность является тем более успешной, чем более высоко профессионально подготовленным и технически оснащенным лицом (коллективом лиц) она осуществляется.

В практическом отношении авторские и смежные права обыкновенно объединяются еще и тремя следующими факторами: во-первых, исключительные права обоих типов возникают безотносительно к своей государственной регистрации, во-вторых, выступают предметом коллективного управления, сводящегося в случае как с авторскими, так и со смежными правами, в заключении лицензионных договоров и сборе вознаграждения за использование объектов таких прав, а в-третьих, нередко нарушаются одними и теми же действиями (так, каждый случай незаконного (контрафактного) тиражирования или распространения фонограммы нарушает, во-первых, смежные права ее производителя, во-вторых, смежные права исполнителя записанного произведения, в третьих, права автора такого произведения).

Подводя итог сказанному, нельзя не согласиться с тем, что факторов, объединяющих смежные права с авторскими (и тем самым объясняющих, отчего первые никак не могут отмежеваться от последних), довольно много и они весьма серьезны. Вместе с тем нельзя недооценивать и значение фактора, обусловливающего самостоятельность смежных прав: специфическая природа той деятельности, которая приводит к их созданию. Не просто «Творчество!», а «Творчество + техника!» (навык, опыт, мастерство). Немногочисленные отличия смежных прав от авторских (возможно, с первого взгляда и неочевидные) все же существуют и предопределяются именно этим обстоятельством.

Сказанное вполне объясняет, почему мы говорим о «смежных правах» во множественном числе, в то время как об авторском праве - в единственном. Так происходит потому, что исключительное авторское право - оно содержательно одно и едино для всех своих объектов. Если какие-то возможности в состав субъективного авторского права на объект того или иного рода не входят, то объясняется свойствами самого объекта. В отличие от

авторского права понятие смежных прав является однородным, но не единым. Отсутствие такого единства предопределено отнюдь не особенными свойства различных объектов, а их смешанным (технико-творческим) происхождением. Чем больше в том или ином объекте смежных прав техники и чем меньше собственно творчества — тем сильнее сужается содержание. Вот вторая специфическая черта, отличающая смежные исключительные права от исключительного авторского и обусловленная как раз специфической природой той человеческой деятельности, которая приводит к их созданию [11, с. 3].

Вопрос о круге результатов человеческой деятельности, которые признаются или могут быть признаны в будущем объектом смежных прав, нужно решать исходя не только из свойств соответствующих объектов или источника их происхождения (из соображений возможности), но и принимая во внимание различного рода внешние факторы, главным из которых является вопрос о степени желательного правового покровительства соответствующим отраслям бизнеса.

Список источников

1. Лессиг, Л. Что приходит на смену копирайту? / пер. с англ. Москва: Олимп, 2009 // «Сноб»: [сайт]. URL: http://www.snob.ru/selected/entry/1804 (дата обращения: 20.02.2025).

2. Шаповалова, Н. Ю. Использование объектов авторского права и смежных прав при оказании дополнительных услуг сотовой связи: совершенствование законодательства Республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 28 с.

3. Толстова, А. Е., Бахтамова, Н. Г. Некоторые вопросы правового регулирования ответственности за нарушение авторских и смежных прав в сети интернет // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 4 (24). С. 282-285.

4. Свиридова, Е. А. Использование произведения: понятие в доктрине и законодательстве // Новый юридический журнал. 2014. № 3. С. 92-105.

5. Писенко, К. А. О законодательных проблемах противодействия монополистической деятельности, связанной с использованием объектов исключительных прав // Конкурентное право. 2012. № 1. С. 29-34.

6. Право интеллектуальной собственности: учебник Т. 2: Авторское право / Е. С. Гринь, В. О. Калятин, С. В. Михайлов и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. Москва : Статут, 2017. 365 с.

7. Калятин, В. О. Личные неимущественные права в отношении баз данных // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 1. С. 7-16.

8. Сазонникова, Е. В. Конституционно-правовые аспекты творчества // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 16. С. 33-37.

9. Близнец, И. А., Леонтьев, К. Б. Авторское право и смежные права: учебник / под ред. И. А. Близнеца. Москва : Проспект, 2015. 452 с.

10. Интеллектуальная собственность в современном мире: монография / под ред. И. А. Близнеца. Москва : Проспект, 2017. 669 с.

11. Вилинов, А. А. Проблемы охраны авторского права и смежных прав при использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 26 с.

УДК 347.78

Тиханов Артем Александрович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Tikhanov Artem Alexandrovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Богачева Екатерина Михайловна
преподаватель кафедры гражданского права и процесса
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: ket238@mail.ru

Bogacheva Ekaterina Mikhailovna
Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: ket238@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ, КАК ПРЕДПОСЫЛКИ СОДЕРЖАНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

THE CONCEPT AND FEATURES OF OBJECTS OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS AS PREREQUISITES FOR THE CONTENT OF EXCLUSIVE RIGHTS

В статье раскрываются понятие и признаки объектов авторских и смежных прав. Обозначив, что объекты авторских прав являются результатом творческой деятельности, выделены ее квалифицирующие признаки, Разграничены категории «исключительное право на результат творческой деятельности (нематериальное благо» и вещное право на материальные объект.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, творчество, исключительное право, субъекты творчества, срок существования субъективного права, авторские права, смежные права.

The article reveals the concept and features of objects of copyright and related rights. Having indicated that copyright objects are the result of creative activity, its qualifying features are highlighted, the categories "exclusive right to the result of creative activity (intangible benefit) and the real right to a tangible object are distinguished.

Keywords: intellectual property law, creativity, exclusive right, subjects of creativity, duration of subjective right, copyright, related rights.

Творческая деятельность (творчество) в самом общем виде может быть определена как самостоятельная интеллектуальная (мыслительная, умственная) деятельность, направленная на создание качественно нового идеального продукта (результата), отличающегося оригинальностью и облеченного в объективную форму. Субъектом творчества может быть физическое

лицо (человек), а его содержательной основой — так называемая первичная информация, доставляемая ощущениями (материал для мыслительной обработки). Всякая интеллектуальная деятельность должна сопровождаться внешними проявлениями физической активности, без которой идеальный по своей природе результат умственной деятельности не сможет быть облечен в объективную форму и не сможет быть обнародован (доведен до сведения неопределенного круга лиц) [1, с. 4].

Признаки творчества суть следующие. Творчество — это деятельность, осуществляемая только и исключителшьно физическими лицами причем, любыми — как полностью, так и частично дееспособными, ограниченно дееспособными и вовсе недееспособными; непременно самостоятельная; имеющая интеллектуальный характер, т. е. она должна быть сознательной - мыслительной (умственной), либо духовной; логически завершающаяся облечением идеального результата в объективную**,** существующую независимо от создателя и единообразно воспринимаемую другими лицами, форму.

Результат творческой деятельности: имеет нематериальный характер, в том смысле, что он должен быть отличаем от физически осязаемого предмета, который является объективной формой этого результата; является качественно новым, т. е. прежде не существовавшим, на момент своего создания — уникальным результатом человеческой мысли; отличается оригинальностью (индивидуальностью), т. е. несет в себе отпечаток индивидуальности своего создателя; *должен быть* облечен в объективную форму.

Следуя словоупотреблению ст. 138 и ч. 4 ГК РФ современная научная и учебная литература по гражданскому праву предпочитают говорить не о творческой, но об интеллектуальной деятельности [2, с. 63]. Если считать эти слова юридическими синонимами, то разницы, конечно, нет. Между тем этимологически правильно говорить именно о творческой деятельности как лишь о частном случае деятельности интеллектуальной: так, решение арифметических примеров или алгебраических уравнений, построение графиков функций и производство тригонометрических вычислений, несомненно, представляли бы собой процесс интеллектуальной деятельности, которую, однако, вряд ли можно было бы считать творческой (разве только если бы подобные вычисления осуществлялись бы какими-то новыми, прежде неизвестными способами). Можно сказать, что совершение любых действий (не рефлекторных телодвижений, но именно действий) имеет своей предпосылкой известный — более-менее сложный — интеллектуальный процесс; результат всякого действия, следовательно, будет результатом интеллектуальной деятельности. Гражданское же право признает объектами интеллектуальных прав нематериальные блага, являющиеся результатами одной только творческой, но не всякой вообще деятельности, требующей приложения интеллекта (интеллектуальной деятельности) [3, с. 34].

Результаты творческой деятельности представляют собой вторичную информацию не только в смысле ее сознательного (нечувственного) продуцирования, но и в том смысле, что оно никогда не осуществляется «на пустом месте» (с чистого листа). Основой творческой деятельности является не

только первичная информация, доставляемая человеку его собственными ощущениями материального мира, но и вторичная информация, выработанная прежде него, — база тех знаний и творческих достижений, которая создана всеми предшествующими поколениями людей. Признавая тот бесспорный факт, что основание гражданско-правовой охраны состояния принадлежности результата творческой деятельности составляет персональная заслуга физического лица — его создателя, невозможно отрицать и тот (не менее очевидный факт), что без достижений предшественников получение этого результата было бы невозможным. Представлялось бы справедливым и логичным по прошествии какого-то времени включить и этот вновь созданный результат в общую научную и культурную «копилку» человечества, предоставив тем самым возможность его использования последующим поколениям [4, с. 17]. Это означает, что гражданско-правовая охрана принадлежности результатов творческой деятельности с помощью исключительных прав должна быть срочной.

Продолжительность сроков существования исключительных прав зависит от природы их объектов. Именно: на объективно неповторимые результаты творческой деятельности имеет смысл признавать долгосрочное исключительное право, не подлежащее досрочному прекращению, но и не способное к продлению. Права на такие объекты логично признавать только и исключительно за авторами — теми самыми субъектами, особенности психики которых и обусловили в конечном счете создание уникальных продуктов. Если законодательства большинства стран (не исключая и России) признают такие права еще и за наследниками авторов, то делают они это, по всей видимости, исходя из представления о том, что исключительная возможность извлечения доходов от использования результата творческого труда в течение некоторого времени после смерти автора еще может быть сохранена как справедливая (не особенно сильно «наступающая» на интересы общественные). На объекты же технического творчества, которые привязаны в большей степени к законам природы, экономическим и социальным задачам общества и в меньшей — к индивидуальности их создателя. возможно признание кратко- и среднесрочных исключительных прав, причем, существующих лишь при условии совершения их обладателем специальных действий, направленных на их поддержание в силе и (или) продлении [5, с. 7]. Ясно, что такие действия будут совершаться обладателем права только тогда, когда он рассчитывает окупить собственные затраты на внедрение такого объекта в производство или торговую практику и в последующем - извлечь прибыль от его исключительного использования.

От результата творческой деятельности необходимо точно отличать тот материальный носитель, в котором соответствующий результат объективно выражен (воплощен). В зависимости от вида результата творческой деятельности он может быть представлен вовне в виде листов рукописи или нотной записи, экземпляра книги или журнала, покрытого красками листа бумаги или холста, куска мрамора или бронзы, здания (как совокупности стройматериалов, представляющей собой в то же время и архитектурное произведение), устройства (машины, механизма,

инструмента, прибора и др.), заключающего в себе запатентованный объект, особи животного или образца растения, составляющего существо селекционного достижения и т. д. Результат творческой деятельности — нематериальная субстанция — не может быть объектом вещного права, точно так же и вещь (та оболочка, в которую заключен результат творческой деятельности) не может стать объектом права исключительного [6, с. 19].

Необходимо различать исключительное право на результат творческой деятельности (нематериальное благо) и вещное право на материальный объект, являющийся объективной формой этого произведения (материальное благо). В отечественном законодательстве закреплен принцип взаимной независимости данных прав друг от друга: исключительное право на результат интеллектуальной деятельности само по себе не доставляет вещного права на материальный объект, являющийся его носителем, а приобретение в собственность вещи, в которой выражен результат творческой деятельности, не влечет ни возникновения у ее приобретателя исключительных прав на этот результат (п. 2 ст. 1227 ГК РФ), ни прекращения исключительных прав у их обладателя (п. 1 ст. 1227 ГК РФ).

Такое противопоставление создает, конечно, почву для возникновения коллизий интересов обладателей права на материальный объект (вещь), воплощающий собой результат творческой деятельности, и обладателя права на сам этот результат творческой деятельности (исключительного права).

Какими должны быть принципы их решения?

Вопрос о том, создавать ли задуманный результат в объективной форме (и если да, то в какой именно), изготавливать ли экземпляры созданного таким образом произведения (и если да, то опять-таки в каком виде и количестве), вводить ли их в гражданский оборот (и если вводить, то на каких условиях и т. п.), находятся в компетенции обладателя исключительного права, ибо перечисленные действия представляют собой частные случаи реализации им возможности воспроизведения результата творческой деятельности. Но после того, как эти вопросы обладателем исключительного права решены, а экземпляры произведения с его согласия изготовлены и правомерно введены в оборот (т. е. существуют лица, добросовестно приобретшие экземпляры произведения), есть все основания отдать приоритет вещным правам на эти экземпляры. Только в том случае, когда произведение объективно может существовать в единственном экземпляре, можно ограничить право собственности на этот экземпляр ограниченным вещным правом автора заключенного в нем произведения на доступ к таковому – правом доступа (ст. 1292 ГК РФ), либо так называемым правом следования - субъективным правом, относящимся по своей природе к категории обязательственных прав или требований [7, с. 18]. Исключительные права авторов произведений архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства с предоставлением им права на реализацию соответствующего проекта другому лицу трансформируются в права авторского контроля и надзора за разработкой документации и реализацией соответствующего проекта, а также в право авторского участия в такой реализации [8, с. 37].

В зависимости от того, относится ли результат творческой деятельности к разряду уникальных или повторяемых, различаются задачи гражданского права по правовому оформлению и охране их принадлежности.

Прежде чем оформить принадлежность повторяемого творческого результата, гражданскому праву нужно каким-то образом его формально обособить («застолбить»), констатировав первенство (приоритет) определенного лица в получении такого результата к известной дате. Подобное формальное (юридическое) обособление осуществляется путем государственной регистрации факта достижения соответствующего результата; только после такой регистрации можно вести речь об установлении на этот результат субъективного гражданского (исключительного) права известного лица. Исключительные права, оформляющие принадлежность результатов творческой деятельности, допускающих возможность независимого получения (повторения), называются патентными.

Если объектом гражданско-правовой охраны планируется сделать уникальный результат творчества, то необходимости в его специальном обособлении, понятное дело, не возникает - ведь он и без того объективно обособлен своей уникальностью. Исключительные права, оформляющие принадлежность уникальных результатов творческой деятельности, возникают безотносительно к государственной регистрации факта достижения творческого результата и называются авторскими либо смежными с авторскими правами [9, с. 11].

Уникальные (объективно неповторимые) результаты творческой деятельности в юридической науке принято называть произведениями. Под произведением понимается такой результат творческой деятельности, который представляет собой систему объединенных единым авторским замыслом идей, мыслей и образов, выраженных сочетаниями символов, цветов и (или) звуков и облеченных в объективную (материальную) форму. С известной долей условности обычно говорят, что все произведения, охраняемые гражданским правом, подразделяются на произведения науки, литературы и искусства [10, с. 329]. Условность данной классификации состоит в том, что она не вполне последовательна и не вполне полна (так, ею не охватываются, в частности, переводы, музыкальные редакции, эстрадные и цирковые номера и трюки, фокусы, произведения картографии, составные произведения, базы данных и программы для ЭВМ). Традиционное их распределение по трем описанным разрядам — наука, литература, искусство — зачастую «притягивается за уши», подобно, например, тому, как программы для ЭВМ относятся к разряду литературных произведений. Очевидно, что для устранения отмеченной неполноты необходим нормальный критерий (или система критериев) нормальной (последовательной) классификации. Возможно, что основополагающим критерием классификации произведений должна стать сфера творческой деятельности их создателя.

Наряду с собственно произведениями (объектами, охраняемыми исключительным правом, возникающим из факта авторства) существуют также результаты творческой деятельности, охраняемые в рамках института смежных прав. Объекты смежных прав не имеют специального обобщенного

наименования; имея в виду специфику их создания, а также тесную связь с объектами авторского права, таковые также можно было бы назвать произведениями, но (в противовес произведениям — объектам авторского права) произведениями творчества, соединенного с личным опытом и техническими навыками (индивидуальным мастерством) [11, с. 9].

Гражданское право смотрит на результаты творческой деятельности с двух различных точек зрения: с точки зрения их внутренней структуры и внешней оболочки (формы) или содержания. Большинство произведений охраняется лишь в части приданного им их авторами символического вида - сочетания символов, цветов и (или) звуков — т. е. в части своей формы. При этом право не охраняет содержания, наполняющего (составляющего) эту форму.

Правовая охрана внешнего виды произведений приводит к выводу о том, что таковая должна им предоставляться независимо от их достоинств (п. 1 ст. 1259 ГК РФ). Но здесь идет речь лишь о фактическом использовании; на правовых возможностях подобные обстоятельства никак не отражаются, ясно и то, что понятие о недостатках и достоинствах произведения – понятие относительное, с течением времени изменчивое. Широко известны случаи, когда произведения живописи и литературы получали высокую общественную оценку лишь после смерти их создателей [12, с. 283].

Исключение из принципа правовой охраны формы произведения составляют такие патентоспособные объекты, как изобретения, полезные модели и промышленные образцы, а также такие не патентоспособные объекты, как базы данных. Здесь закон охраняет именно содержание соответствующего технического либо художественно-конструкторского решения, саму его идею или замысел (облеченный, разумеется, в объективную форму). В базе данных охраняется вся совокупность материалов, составляющих соответствующую базу «от несанкционированного извлечения и повторного использования» (подп. 4 п. 1 ст. 1304 ГК РФ).

Понятие воспроизведения (копирования) нематериальных благ — в том числе результатов творческой деятельности - не является однородным. Простое распространение информации о существе, допустим, изобретения, не может составить нарушения исключительного права на него, поскольку содержанием последнего охватывается лишь такое воспроизведение, которое представляет собой практическую реализацию изобретения (т. е. его применение в рамках определенного устройства, машины, механизма и т. д.). В то же время несанкционированная перепечатка (т. е. простое воспроизведение) литературного сочинения само по себе уже будет нарушением исключительного права автора на таковое, и наоборот — практическое использование читателем содержащихся в сочинении авторских выводов и рекомендаций таким нарушением являться не будет. Ясно, что это явление свидетельствует о не вполне однородном понятии исключительного права; но вот вопрос: чем же оно вызвано? Не чем иным, как различным отношением права к соответствующим объектам. Исключительное право на произведение, охраняемое с точки зрения его структуры и внешности (формы), исчерпывается возможностью кодирования (воспроизведения) этой самой формы, но не касается сфе-

ры практической реализации содержания произведения; напротив, исключительное право на результат творческой деятельности, охраняемый с точки зрения его содержания, сводится к возможности практической реализации этого содержания, но не охватывает распространения информации об этом содержании [13, с. 6].

Нормы п. 1 и 2 ст. 1259 ГК РФ содержат открытый (не являющийся исчерпывающим) перечень произведений, охраняемых авторским правом. Открытый характер законодательного перечня объектов авторских прав, а также принцип равной охраны авторских прав на все произведения побудили законодателя отказаться от попыток точного определения, что представляют собой те или иные виды этих объектов (литературные, музыкальные, художественные и др.). Если же вопрос о том, к какому виду и жанру относится то или иное конкретное произведение, все-таки получает гражданско-правовое значение, то нужно иметь в виду, что находится он за пределами цивилистики и составляет задачу специальных наук (литературоведения, теории музыки, живописи и др.). В случае возникновения спора вопрос этот будет решаться судом с учетом, заключения специалистов в соответствующей области.

Перечень объектов прав, смежных с авторскими (смежных прав), является (и всегда может являться) только исчерпывающим. Связано это с не вполне «чистым» творческим происхождением таких объектов: будучи результатом не столько *собственно творчества,* сколько личного опыта и технических навыков конкретного лица (индивидуального мастерства), такие объекты представляют собой товары и услуги, не обладающие свойством уникальности, но выделяющиеся из рода себе подобных благодаря тому, что они производятся и оказываются определенным лицом [14, с. 44]. Законный интерес в такой индивидуализации обычно удовлетворяется с помощью иных гражданско-правовых средств, не предполагающих признания самих результатов мастерства объектами каких-то особенных субъективных прав. Институт смежных прав представляет собой, следовательно, исключение из этого правила; всякое же исключение может быть только исчерпывающим.

Согласно п. 1 ст. 1303 и п. 1 ст. 1304 ГК РФ к числу объектов смежных прав относятся: результаты деятельности артистов-исполнителей, дирижеров и режиссеров-постановщиков - *исполнения* в широком смысле этого слова; технические записи звуков и их отображений, не включенные в аудиовизуальные произведения — *фонограммы* (ст. 1322 ГК РФ); сообщения организаций эфирного и кабельного вещания — *радио- и телепередачи* или *программы* (ст. 1329 ГК РФ); *базы данных* «...в части их охраны от несанкционированного извлечения и повторного использования составляющих их содержание материалов» (п. 1 ст. 1334 ГК РФ); *публикации* произведений науки, литературы и искусства, правомерно обнародованных после перехода таких произведений в общественное достояние, либо находившихся в общественном достоянии (п. 1 ст. 1337 ГК РФ).

Объекты смежных прав, представляющие собой фонограммы, базы данных и публикации, не существуют вне своих материальных форм (материальных носителей). Это обстоятельство значительно облегчает восприятие

данных объектов человеческим мышлением, которое продолжает оставаться «заточенным» под приоритетное восприятие ощущений от реальных (физически осязаемых) предметов (магнитных и бумажных носителей информации). Видимо, по этой причине вопросы о том, что такое фонограмма, база данных или публикация на практике почти не возникают (а если и возникают, то как раз в связи с нетипичными (нематериальными) формами таких объектов, возможность создания которых представляют современные технические средства).

Иначе обстоит дело с такими объектами смежных прав, как исполнения, радио-и телепередачи.

Исполнение в собственном (узком) смысле может быть определено как процесс воспроизведения произведения литературы или искусства (рассказа, стихотворения, пьесы, роли, мелодии, песни, танца и т. д.) в звуковых и (или) зрительных образах, который может заключаться (в зависимости от случая) в чтении, декламации, пении, игре на музыкальном инструменте, либо телодвижениях, обусловленных содержательным подтекстом (исполнение актерской роли) или музыкальным сопровождением (исполнение танца или балета). К исполнениям в данном — тесном — смысле примыкают работы режиссеров-постановщиков – постановки, или, иначе, спектакли, т. е. пьесы, исполненные театральными труппами в сценических формах (с декорациями, костюмами, гримом, определенным звуковым оформлением и световыми эффектами, мизансценами, стилем, манерой и т. д.), предопределенных режиссером-постановщиком и в соответствии с данным им истолкованием («прочтением») отдельных ролей и пьесы в целом. Приурочение понятия постановки к деятельности одних только режиссеров-постановщиков является правильным, пожалуй, только для драматических спектаклей. Постановка спектаклей музыкальных (мюзиклов), а также оперно-балетных спектаклей осуществляется, по крайней мере, с не меньшим (если не с большим) участием хореографов, балетмейстеров, дирижеров и музыкантов. Понятия исполнения и постановки в тесном смысле образуют понятие исполнения в широком (гражданско-правовом) значении [15, с. 31].

Будучи процессом совершения человеческих действий исполнение как таковое существует весьма непродолжительное время. Пока длится процесс исполнения — исполнение налицо; закончился или хотя бы приостановился процесс — пропало и исполнение. Можно сказать, что объективная форма исполнения, по общему правилу, является неустойчивой (нестабильной) во времени, это обстоятельство, однако, не исключает ни исполнения из разряда объектов смежных прав, ни даже самого объективного характера такой формы его существования. Дело в том, что любые звуковые и зрительные образы могут быть повторены (воспроизведены) лицами, присутствовавшими при исполнении, а также могут быть предметом технической аудио- и видеозаписи; следовательно, всякое исполнение представляет собой результат индивидуального мастерства, выраженный в объективной форме. Вот почему уточнение подл. 1 п. 1 ст. 1304 ГК РФ о том, что исполнение должно быть выражено — «...в форме, допускающей его воспроизведение и

распространение с помощью технических средств» является излишним, ибо исполнения в такой форме, которая не допускала бы его «...воспроизведения и распространение с помощью технических средств», существовать не может; если некто «исполняет» произведение так, что такое исполнение невозможно ни воспроизвести, ни записать, логично говорить об отсутствии исполнения. Техническая запись того или иного исполнения, будучи осуществленной, станет самостоятельным объектом нового смежного права – фонограммой, но отнюдь не превратит исполнение из неохраняемого в охраняемое. Для охраноспособности конкретного исполнения важно не то, что оно реально было записано, а то, что оно может (могло бы) быть записано и (или) воспроизведено, между прочим, разрешение записи исполнения и его (исполнения) воспроизведение составляет центр тяжести исключительного права исполнителя [16, с. 56].

Совершенно идентичным образом обстоит дело с радио- и телепрограммами (передачами). Тот факт, что подавляющее их большинство подвергается технической (аудио- и видео-) записи, для охраноспособности передачи не имеет никакого значения. Важна сама реально существующая передача - длившаяся в продолжение какого-то (хотя бы и незначительного) времени трансляция звуковых и (или) изобразительных сигналов в эфир или по кабелю - именно она и становится объектом смежных прав, поскольку любые сигналы, переданные в эфир или по кабелю, могут стать предметом технической записи и воспроизведения со стороны третьих (посторонних) лиц.

Изложенное позволяет сделать следующий вывод.

Авторские права — это интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства.

Смежные права (смежные с авторскими правами) – это интеллектуальные права на результаты исполнительской деятельности (исполнения), на фонограммы, на сообщение в эфир или по кабелю радио- и телепередач (вещание организаций эфирного и кабельного вещания), на содержание баз данных, а также на произведения науки, литературы и искусства, впервые обнародованные после их перехода в общественное достояние.

Список источников

1. Брилев, В. В. Системность норм авторского права и смежных прав в гражданском законодательстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 28 с.

2. Новоселова, Л. А., Рожкова, М. А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. Москва : Норма, ИНФРА-М, 2014. 128 с.

3. Кондратьева, Е. А. Объекты интеллектуальных прав: особенности правовой охраны. Москва : Статут, 2014. 160 с.

4. Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: монография / С. М. Михайлов, Е. А. Моргунова, А. А. Рябов и др.; под общ. ред. Е. А. Моргуновой. Москва : НОРМА, ИНФРА-М, 2014. 176 с.

5. Плетнев, М. Критерий творчества // ЭЖ-Юрист. 2009. № 40. С. 7-8.
6. Чуковская, Е. Э., Прокш, М. Ю. Использование результатов творческой деятельности в Интернете: возможный подход к регулированию // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 14-22.
7. Бадулина, Е. Право следования в системе интеллектуальных прав // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 9. С. 17-24.
8. Стрелкова, К. Авторские права на архитектурное произведение: проблемные вопросы // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 1. С. 35-42.
9. Фролова, О. С. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере смежных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. 25 с.
10. Белов, В. А. Гражданское право: в 4 т. Т. III. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: в 2 кн. Кн. 2. Права исключительные, личные, наследственные: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. Москва : Издательство Юрайт, 2015. 443 с.
11. Тучкова, О. С. Права авторов музыкальных произведений на радио и телевидении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва., 2011. 27 с.
12. Толстова, А. Е., Бахтамова, Н. Г. Некоторые вопросы правового регулирования ответственности за нарушение авторских и смежных прав в сети интернет // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 4 (24). С. 282-285.
13. Орлова, Е. Новеллы правового регулирования регистрационных процедур распоряжения исключительным правом на РИД и средства индивидуализации // ИС. Промышленная собственность. 2016. № 5. С. 4-10.
14. Стригунова, Д. П. Объекты и содержание смежных прав в российском законодательстве // Современное право. 2011. № 9. С. 43-47.
15. Лукка, А. П. О правовом режиме видеозаписи исполнения музыкальных и литературных произведений // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 9. С. 29-36.
16. Гаврилов, Э. Правовая охрана иностранных исполнений и фонограмм // Хозяйство и право. 2016. № 2. С. 54-58.

УДК 347.785

Тиханов Артем Александрович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Tikhanov Artem Alexandrovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Толстова Анна Евгеньевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: 19690401@mail.ru

Tolstova Anna Evgenievna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: 19690401@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПО РОССИЙСКОМУ И ЗАРУБЕЖНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

LEGAL REGULATION OF AUDIOVISUAL WORKS UNDER RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION

В статье рассматриваются особенности правового режима аудиовизуальных произведения в исторической ретроспективе. Анализируется российской и международное законодательства об аудиовизуальных произведениях с момента его возникновения и до современного периода.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, аудиовизуальное произведение, автор, правообладатель, имущественные права исполнителя, кинематографическая деятельность.

The article examines the features of the legal regime of audiovisual works in historical retrospect. The article analyzes the Russian and international legislation on audiovisual works from its inception to the modern period.

Keywords: intellectual property rights, audiovisual work, author, copyright holder, property rights of the performer, cinematographic activity.

Говоря о современных международных нормативно-правовых актах в сфере регулирования авторских прав на аудивизуальные произведения (далее – АВП), в первую очередь, стоит отметить Бернскую конвенцию «Об охране литературных и художественных произведений» от 09.09.1886 (далее – Бернская конвенция).

Положения Бернской Конвенции действуют и сегодня. В тексте Бернская конвенция не используется термин «аудиовизуальное произведение», а прямо говориться об охране кинематографических произведений, которые являются разновидностью АВП. В 1908 году на Берлинской конференции, закрепили в ст. 14 в новой редакции. Статья 14 Бернской конвенции устанавливает, что: «Авторы литературных и художественных произведений имеют исключительное право разрешать:

кинематографическую переделку и воспроизведение своих произведений, и распространение переделанных или воспроизведенных таким образом произведений; публичное представление, исполнение и сообщение по проводам для всеобщего сведения переделанных или воспроизведенных таким образом произведений. Переделка в любую другую художественную форму кинематографических постановок, созданных на основе литературных или художественных произведений, требует разрешения авторов оригинальных произведений, вне зависимости от наличия разрешения авторов кинематографических постановок».

Таким образом, по результатам конгресса 1908 г., Бернская конвенция предоставляла правовую охрану двум разновидностям кинематографических произведений: 1) созданных на основе существующих драматических или художественных произведений с прямого разрешения авторов использовать такие произведения в кинематографе; 2) являющихся самостоятельными, оригинальными произведениями [1].

Так же важным является п. 2 ст. 9, в котором Бернская конвенция обязывает участвующие в ней страны не допускать воспроизведения произведений в личных целях, если такое исключение из права на воспроизведение не будет соответствовать определенным условиям.

Поскольку контроль за воспроизведением в личных целях АВП и фонограмм неосуществим, а запрет такого воспроизведения нецелесообразен, законодательства большинства стран предусматривают, что для его осуществления не требуется получения согласия от правообладателей, однако им должно выплачиваться соразмерное вознаграждение.

В Российской Империи был принят Закон 20.03.1911 «Об авторском праве», основывавшийся на приложениях Бернской конвенции, который стал первым в истории России самостоятельным нормативным правовым актом, призванным регулировать отношения в области авторского права [2, с. 17].

Российская Федерация присоединилась к Бернской конвенции 13.03.1995 вначале с оговоркой о том, «что действие Бернской Конвенции об охране литературных и художественных произведений не распространяется на произведения, которые на дату вступления этой Конвенции в силу для Российской Федерации уже являются на ее территории общественным достоянием» (Законопроект № 184016-8 О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации). Заметим, что 11.12.2012 оговорка была отозвана Правительством Российской Федерации, что еще раз подчеркивая важность и уважение со стороны РФ к данной конвенции как в 20-м веке, так и сейчас.

Сохранение в неприкосновенности Бернской конвенции и принятие новых универсальных международных договоров позволяет учитывать стремительность современного технологического развития. Так, под эгидой ВОИС были разработаны и приняты Договор ВОИС об авторском праве (1996 г.), Договор ВОИС об исполнениях и фонограммах (1996 г.), Пекинский договор об аудиовизуальных исполнениях (2012 г.) [3, с. 284].

Кроме того, немаловажным международным актом в рассматриваемой сфере является Всемирная (Женевская) конвенция об авторском праве от 06.09.1952 (далее – Женевская конвенция).

Женевская конвенция, вступившая в силу для граждан СССР 24.07.1971, посвящена охране внутренней формы произведения. Российская Федерация стала участником Женевской конвенции в 1995 году. Указанный документ ввел в оборот такие понятия, как «копии» и «распространение среди публики». Согласно Женевской конвенции, автор охраняет право на перевод, а также дает разрешение на выпуск в свет переводов его произведений, утверждая, что автор оригинального произведения должен быть указан в качестве автора переведенного произведения, несмотря на охрану права переводчика. Как отмечается в преамбуле документа, подобная регламентация была вызвана озабоченностью возрастающим распространением незаконного воспроизводства фонограмм и наносимым в результате этого ущербом интересам авторов, артистов-исполнителей и производителей фонограмм. Главной особенностью принятого документа является введение регулирования в отношении копий объектов смежных прав и защиты правообладателей от неправомерного копирования объектов их прав [4, с. 56]. Присоединение СССР к Женевской конвенции повлекло сближение внутреннего законодательства Советского Союза с международными нормами авторского права [5, с. 56].

Ряд государств СНГ и Балтии, включая Российскую Федерацию, является участником Международной (Римской) конвенции от 26.11.1961 «По охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм, вещательных организаций (далее – Римская конвенция). Статья 19 Римской конвенции содержит упоминание об «аудиовизуальной записи» и устанавливает, таким образом, один из основных признаков АВП - использование технических устройств для его записи и последующего просмотра. Кроме того, указанная статья подчеркивает сложность АВП, которое состоит из нескольких результатов интеллектуальной деятельности (в том числе фонограмм). Однако, полного определения АВП в Римской конвенции не дано.

В 1996 г. был подписан Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам который вступил в силу в 2009 г., он расширяет и уточняет права исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций, однако определения АВП снова не дает, ограничиваясь лишь упоминанием АВП и выделяя кинематографические произведения (фильмы) как их вид. В ст. 2 содержится ограничение на правовую охрану переработок: «Авторско-правовая охрана распространяется на форму выражения, а не на идеи, процессы, методы функционирования или математические концепции как таковые» [6, с. 53].

Этот Договор, справедливо именуемый в доктрине «интернет-договором», является попыткой ВОИС адаптировать действующие международно-правовые нормы к цифровой среде. В этом Договоре правила, разработанные для нецифровой среды, перенесены на цифровую с учетом ее особенностей [7, с. 30].

Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям был принят 24.06. 2012 и вступил в силу 28.04.2020 (далее – Пекинский договор). Договор касается прав интеллектуальной собственности исполнителей на аудиовизуальные исполнения.

Пекинский договор предоставляет исполнителям четыре вида имущественных прав в отношении их исполнений, записанных в аудиовизуальных записях, таких как кинофильмы: право на воспроизведение; право на распространение; право на прокат; и право на доведение до всеобщего сведения.

Право на воспроизведение — это право разрешать прямое или косвенное воспроизведение исполнений, записанных в аудиовизуальных записях, любым образом и в любой форме.

Право на распространение — это право разрешать доведение до всеобщего сведения оригинала и экземпляров исполнений, записанных в аудиовизуальных записях, посредством продажи или иной передачи права собственности.

Право на прокат — это право разрешать коммерческий прокат для публики оригинала и экземпляров исполнений, записанных в аудиовизуальных записях.

Право на доведение до всеобщего сведения — это право разрешать доведение до всеобщего сведения исполнений, записанных в аудиовизуальных записях, по проводам или средствами беспроволочной связи таким образом, чтобы представители публики могли осуществлять доступ к ним из любого места и в любое время по их собственному выбору. Это право охватывает, в частности, интерактивное, по требованию, доведение до всеобщего сведения через Интернет [8, с. 190-191].

Пекинский договор несет в себе ряд преимуществ: экономическое развитие; повышение статуса исполнителей АВП; охрана культуры, фольклора и культурного разнообразия. Такая функция аудиовизуальных исполнений, как носителя и усилителя других выражений творчества, не только имеет огромное экономическое значение, но и в высшей степени актуальна с точки зрения расширения культурного разнообразия. Как четко указано в Пекинском договоре, к исполнителям относятся актеры и певцы, которые интерпретируют выражения фольклора. Таким образом, Пекинский договор несет в себе огромные изменения в части АВП. Международное практика на право АВП формировалась с начала создания кинематографа и для западных стран являлась важной проблемой защиты прав тех лиц, которые участвовали в создании видео произведений [9, с. 187].

01.01.2008 в России вступила в силу ч. IV ГК РФ, посвященная вопросам правового регулирования прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

На территории России по мимо положений ГК РФ, рассмотренных в предыдущем параграфе, так же действует Федеральный закон от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографа Российской Федерации» (далее – Закон № 126-ФЗ), дополненный в апреле 2022 года новыми положениями. В ст. 3 Закона № 126-ФЗ были внесены нормы,

расширяющие понятийный аппарат для ведения кинематографической деятельности. Дополнительное право на охрану получили такие произведения, как художественный (игровой) фильм, документальный (неигровой) фильм, научно-популярный фильм, анимационный фильм, уникальный авторский анимационный фильм, дебютный фильм. Нововведения касаются вопросов охраны аудиовизуальных произведения и ответственности, которая наступает за нарушения данного права.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что такой объект авторского права, как АВП, имеет сравнительно малую историю, и лишь в последнее десятилетия законодательство сформулировало окончательный подход к исследуемому объекту, в основном благодаря присоединению к Бернской конвенции.

С начала прошлого века и по сегодняшний день международное и отечественное законодательство об АВП стремительно развивается. Однако принятая в 1971 г. последняя редакция Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений остается, по существу, неизменной на протяжении уже более чем сорока лет. Закрепленные в ней положения, по мнению большинства экспертов, сохраняют важное значение для охраны авторских прав в условиях современных способов использования произведений, даже несмотря на интенсивное развитие новых информационных и телекоммуникационных технологий (распространение интерактивных сетей, массовое использование продуктов мультимедиа и т.д.). На базе Бернской конвенции были созданы положения в Женевской конвенции, в договоре ВОИС, в Пекинском договоре, а след данных международных актов мы можем с легкостью найти во множестве Российских нормативно-правовых и даже правоприменительных актах [10, с. 115].

Например, в Постановлении по делу о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на АВП суд ссылается на рассмотренные нами в данной статье акты:

«В соответствии со статьями 1231, 1256 Гражданского кодекса Российской Федерации произведения иностранных авторов на территории Российской Федерации охраняются в соответствии с международными договорами. С 27 мая 1973 года Российская Федерация является участником Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве 1952 года, а с 13 марта 1995 года - Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 года. Международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским законодательством, применяются правила международного договора (статья 7 Гражданского кодекса Российской Федерации)» [11].

Примеры нормативных актов созданных Россией в прошлом веке и в этом, правоприменительная практика отсылающая к фундаментальным международно-правовым актам все это лишь подтверждает, что Россия смогла не смотря на долгий период законодательной неурегулированности

сферы АВП в первой половине XX века, социальных потрясений, смены политических режимов, взять важные наработки из международных актов западной Европы и конвенции ВОИС, перенять при этом свой советский опыт, государства-предшественника — это дало фундамент для развития собственных правоотношений в контексте особенностей АВП на территории России.

Рассмотрев историю появления и развития понятия АВП России и мире, проанализировав влияние международных актов на национальное законодательство прослеживается четкое направление поступательного развития правовой регламентации авторского права в аудиовизуальной сфере.

Проанализировав путь развития АВП, на данный момент можно с уверенностью сказать, что логическое завершение нескольких эпох царской и советской сформировали из феномена АВП устойчивую правовую конструкцию, которая продолжает совершенствоваться вот уже в течение 30 лет уже в Российской Федерации. Российская Федерация смогла соединить в себе десятилетиями накопленный опыт национальной практики, при этом став участницей всех важнейших международных соглашений в сфере АВП, а влияние данных соглашений отразилось в принятии ключевых национальных нормативно-правовых документов. Так, было установлено, что Бернская конвенция является основой Закона «Об авторском праве» 1911 г., Женевская Конвенция стала фактором сближения советского и зарубежного законодательства, а нормы Пекинского договора, нашли свое отражение
в ГК РФ.

Проблемы, возникавшие на протяжении последних ста лет, в сфере АВП, вопросы правовой природы, правопреемства, взаимодействия международных правовых актов и влияние на нормы национального законодательства, все это несмотря на принятые в прошлом решения данных проблем, вызывает и сегодня споры в научных кругах.

Одним из таких споров является вопрос правопреемства АВП, созданных в СССР. Обладателем исключительных прав на данные АВП следует признавать Российскую Федерацию как наследницу СССР в соответствии с Указом Президента РФ от 06.10.1995 № 1019 «О совершенствовании телерадиовещания в Российской Федерации» и в связи с созданием Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании, ни смотря на различные мнения в кругах исследователей [12, с. 187]. В легальной дефиниции ключевого понятия в данном исследовании предлагается так же внести изменения в ст. 1263 ГК РФ, обозначив важный, общепринятый в теории и зарубежной практике признак динамизма АВП. Несмотря на раскрытые проблемы, они не кажутся безвыходными, и предлагаемые конкретные действия по решению проблем, предполагается, что они благообразно повлияют на рассматриваемую в исследовании область. Наличие сложностей, и спорных областей в рассматриваемой теме лишь привлекают к анализу и дальнейшей правовой разработке.

Список источников

1. Рожкова, М. А. Пирамида прав на аудиовизуальное произведение: с какого момента можно считать себя продюсером // Закон.ру [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/23/piramida_prav_na_audiovizualnoe_proizvedenie_nebolshoj_ (дата обращения 05.03.2025).

2. Гурко, А. Некоторые проблемы применения ст. 146 УК РФ в цифровую эпоху // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. № 6. С. 11-18.

3. Толстова, А. Е., Бахтамова, Н. Г. Некоторые вопросы правового регулирования ответственности за нарушение авторских и смежных прав в сети интернет // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 4 (24). С. 282-285.

4. Паршина, Ю. Н., Гетигежева, Э. А., Львова, С. В. Аудиовизуальные произведения, созданные в СССР по заказу Гостелерадио, как объекты авторского права // Colloquium-Journal. 2019. № 28-10(52). С. 55-57.

5. Косовская, В. А., Алешина, А. В. Регулирование частноправовых отношений с иностранным элементом: проблемы применения иностранного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 4. С. 43-47.

6. Ведищева, Н. В. Способы защиты авторских прав в условиях информатизированного общества // Юридический факт. 2019. № 41. С. 52-55.

7. Анипенко, Е. Д. Кинофильм как разновидность аудиовизуального произведения // Молодой ученый. 2021. № 45 (387). С. 29-32.

8. Блинова, Ю. В. Дворянкин, Г. В. Институт соавторства в России и Германии: общее и особенное // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С. 183-197.

9. Зыбина, О. С., Толстова, А. Е. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие. Санкт-Петербург: АНО ВО «СЮА», 2019. 196 с.

10. Чумаков, И. А. Понятие аудиовизуального произведения и отдельные особенности его правового режима // Вестник гражданского права. 2019. № 3. С. 96-136.

11. Решение Арбитражного суда города Москвы от 20.07.2021 по делу № А40-70688/2021 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/1kS3AT1SLAd5/ (дата обращения: 05.03.2025).

12. Кондратьева, Е. А., Веденина, Д. В. Аудиовизуальное произведение как объект интеллектуальных прав // Юрист. 2015. № 22. С. 29-33.

УДК 347.736
Толстик Вероника Викторовна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: veronikaviktorovna36@gmail.com

Tolstik Veronika Viktorovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: veronikaviktorovna36@gmail.com

ПРАВОВОЙ СТАТУС АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

THE LEGAL STATUS OF THE ARBITRATION ADMINISTRATOR

В статье представлена характеристика правового статуса арбитражного управляющего. Проанализированы доктринальные модификации правового статуса арбитражного управляющего. Исследован вопрос о вознаграждении арбитражного управляющего.

Ключевые слова: несостоятельность, арбитражный управляющий, вознаграждение, кредитов, должник.

The article describes the characteristics of the legal status of the arbitration administrator. The doctrinal modifications of the legal status of the arbitration administrator are analyzed. The issue of remuneration of the arbitration manager is investigated.

Keywords: insolvency, arbitration manager, remuneration, loans, debtor.

Легально понятие несостоятельности (банкротства) понимается как признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Для независимого наблюдения, организации и руководства ходом процедур банкротства арбитражным судом привлекается арбитражный управляющий. На него законом возлагаются различные организационно-управленческие, имущественно-финансовые и правовые мероприятия.

Под арбитражным управлением понимается «специализированный вид управления несостоятельным должником в форме административно-надзорной деятельности, осуществляемой публично назначаемым субъектом, с целью восстановления финансовой неплатежеспособности или ликвидации должника» [1, с. 5]. Сущность управления раскрывается в деятельности арбитражного управляющего.

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) определяет арбитражного управляющего как субъекта профессиональной деятельности, регламентируемой законом. Доктринальные модификации правового статуса арбитражного управляющего можно свести к пяти основным позициям.

1. Дореволюционная доктрина придерживалась прокредиторской позиции [2, с. 36], которую разделяет и ряд современных ученых [3, с. 28-29].

2. Противоположная позиция обосновывает теорию представительства. Подход, по которому арбитражный управляющий

действует в интересах должника, представлен в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.06.2011 № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей»: арбитражный управляющий обладает правом действовать от имени должника и распоряжаться его имуществом. Данная теория подвергается критике О.В. Пантелишиной: следует четко разграничивать представительство от иных форм участия третьих лиц, в том числе от профессиональной деятельности арбитражного управляющего в деле о банкротстве [4, с. 7].

3. Согласно другой точки зрения статус присяжного попечителя и судебного пристава в исполнительном производстве равны между собой [5, с. 289].

4. В работах некоторых ученых правовая природа арбитражного управляющего зависит от процедуры банкротства, в которой он осуществляет профессиональную деятельность. Так, «внешний управляющий представляет должника, он должен пытаться восстановить его платежеспособность... конкурсный управляющий обслуживает интересы кредиторов, он есть представитель кредиторов», при заключении мирового соглашения с собранием кредиторов арбитражный управляющий «отстаивает государственные интересы и следит за тем, чтобы мировое соглашение соответствовало Закону» [6, с. 33-38].

5. В настоящее время распространена публичная теория, согласно которой деятельность арбитражного управляющего направлена на соблюдение баланса интересов должника и кредиторов [7, с. 36]. Богданова Е. В. отмечает публично-правовой характер осуществления таких полномочий [8, с. 14-15].

В целом положительно оценивая подходы к сущности арбитражного управляющего, позволим себе не согласиться с некоторыми из них.

Представители дореволюционного права утверждают, что арбитражный управляющий действует в интересах или кредиторов, или должника. Мы не согласны с этим. Арбитражный управляющий в деле о банкротстве в зависимости от конкретных обстоятельств дела, согласно представленной позиции, имеет радикально прокредиторскую или продолжниковую позицию со всеми недостатками, вытекающими из применения такой теории. В свою очередь, позиция Г. Ф. Шершеневича, обосновывающая тезис о том, что статус арбитражного попечителя равен статус исполнителя на сегодняшний день не нашла должного подтверждения среди ученых-цивилистов и в судебной практике. Что касается точки зрения, представленной в работах А. Н. Семиной, то в них правовая сущность и профессиональный интерес арбитражного управляющего определяется в зависимости от осуществляемой им процедуры банкротства. Считаем, не совсем верным данный тезис: позиция вступает в конфликт с основными принципами института арбитражного управления.

Исходя из целевой направленности института несостоятельности - установления баланса интересов субъектов, вовлеченных в правоотношения несостоятельности (банкротства), полагаем, что профессиональная деятельность арбитражного управляющего должна быть направлена на обеспечение

баланса интересов всех субъектов в деле о банкротстве [9, с. 65]. Поэтому последняя из представленных в доктрине позиций наиболее близка к данному выводу. Отметим также особенность положения арбитражного управляющего, заключающаяся в определенной двойственности. С одной стороны, он - субъект, применяющий различные материальные и процессуальные средства для достижения целей института, с другой - специальный правовой инструмент, созданный для системы банкротства.

По нашему мнению, при осуществлении своей профессиональной деятельности арбитражному управляющему необходимо учитывать совокупность интересов кредитора, должника, и других участников дела о банкротстве (собственника имущества, учредителей, интересы гражданского оборота), а также собственный профессиональный интерес, заключающийся в проведении процедуры банкротства на высоком уровне и получении за свою работу достойного вознаграждения. С данной позицией согласуется и ч. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве: «арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества».

Анализ положений ст. 2, 20 Закона о банкротстве позволяет утверждать, что в правовом статусе арбитражного управляющего доминирует гражданско-правовая составляющая: специальная правосубъектность, отличающая его от других субъектов, и специфические средства индивидуализации.

Отметим, что комплексность правового положения арбитражного управляющего как одного из инструментов разрешения конфликта породила на практике ряд проблемных вопросов, нуждающихся в их разрешении.

Прежде всего, в настоящее время законом не обеспечивается надлежащий уровень независимости арбитражного управляющего. Данная проблема тесно связана с уровнем эффективности выполнения его профессиональных обязанностей. Законодатель установил сдерживающие факторы, направленные на обеспечение независимости арбитражного управляющего: ст. 19, ч. 2 ст. 20.2 Закона о банкротстве запрещает суду утверждать арбитражного управляющего, являющегося заинтересованным лицом по отношению к сторонам в деле о банкротстве. Тем не менее, формальное руководство вышеприведенными нормами на практике зачастую не работает, что приводит к утверждению в делах о банкротстве заинтересованных арбитражных управляющих. Данное положение подтверждается материалами судебной практики. Так, в определении арбитражного суда не нашла подтверждение заинтересованность арбитражного управляющего, который представлял конкурсного кредитора по доверенности и голосовал за утверждение своей кандидатуры [10].

Таким образом, анализ положений законодательства и судебной практики позволяет утверждать, что нормы Закона о банкротстве в части, касающиеся определения критериев заинтересованности, должны учитывать связанность субъектов в деле о банкротстве какими-либо отношениями, отличными от деятельности по арбитражному управлению. При этом, формулирование данного требования должно быть взвешенным и не позволять кому-

либо обладать инструментом для манипулирования, давления, сговора или отстранения неугодных арбитражных управляющих [11, с. 71].

Отдельного исследования заслуживает вопрос вознаграждения арбитражного управляющего в деле о банкротстве. Размер вознаграждения определяется по правилам, установленным в п. 3 ст. 20.6 Закона о банкротстве: фиксированная сумма и проценты. Рассмотрим ряд проблемных вопросов относительно определения размера, вида вознаграждения, а также случаев, при которых арбитражный управляющий может быть его лишен.

Следует заметить, что вознаграждение выполняет стимулирующую функцию. Вознаграждение, выплачиваемое внешнему и конкурсному управляющему, состоит из фиксированной суммы и суммы процентов. Причем суммы процентов находятся в прямой зависимости от успешного проведения внешнего или конкурсного управления, что повышает заинтересованность в добросовестности арбитражного управляющего.

В данной области существует ряд практических проблем.

Пункт 5 ст. 20.6 Закона о банкротстве наделяет арбитражный суд правом увеличивать размер фиксированной суммы вознаграждения в зависимости от объема и сложности выполняемой работы. Арбитражному суду представляется возможность увеличивать фиксированное вознаграждение управляющего. Однако не предусмотрено снижение размера фиксированного вознаграждения, хотя на практике оно имеет место. Так, по конкретному делу суд, снижая фиксированное вознаграждение управляющего, указал на то, что Закон о банкротстве не устанавливает запрет на уменьшение соответствующей суммы, если она ранее была увеличена [12].

В настоящее время арбитражные суды наделяются активной ролью в вопросе установления процентного вознаграждения. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют следующие пассажи из комментируемых Определений: «...суды, устанавливая процентное вознаграждение в максимально возможном размере, уклонились от оценки личного (индивидуального) вклада управляющего в результат...», «...объем услуг, реально оказанных управляющим, являлся незначительным, он явно несопоставим с истребуемой управляющим суммой процентного вознаграждения. Вопреки выводам судов эти обстоятельства входили в предмет доказывания, имели существенное значение для правильного разрешения обособленного спора, а потому подлежали исследованию и оценке» [13, с. 150].

Получается, что если раньше для рассмотрения судом вопроса о снижении вознаграждения требовалось наличие возражений от лица, участвующего в деле о банкротстве, то теперь конкретная сумма должна быть определена судом и при отсутствии таковых. Суду необходимо будет в каждом конкретном случае устанавливать размер процентной части вознаграждения на основе анализа выполненного управляющим объема работы, что с учетом существенной загруженности судов, особенно в столицах и крупных регионах с повышенным уровнем деловой активности, повлечет еще большее увеличение этой нагрузки. Конечно, скорее всего, в тех случаях, где нет возражений от участвующих в деле лиц, а сумма

процентного вознаграждения относительно невысока, вряд ли суды на практике захотят детально погружаться в анализ работы управляющего. Но в ситуациях, где процентное вознаграждение исчисляется крупными суммами, данные споры могут оказаться весьма и весьма состязательными и долгими, поскольку очевидно, что указанное еще более стимулирует заинтересованных кредиторов обращаться в суд за снижением процентной части вознаграждения арбитражного управляющего.

Это не добавит позитива статистике сроков проведения процедур банкротства. Ведь пока проценты управляющего не установлены судом, они не могут быть ему выплачены; сумма, на которую будет уменьшено процентное вознаграждение управляющего, подлежит распределению между кредиторами по общим правилам ст. 134 Закона о банкротстве; следовательно, пока не разрешен вопрос об установлении процентного вознаграждения, не может быть завершено конкурсное производство.

Сумма процентов по вознаграждению временного управляющего устанавливается в процентном отношении от балансовой стоимости активов должника по правилам п. 10 ст. 20.6 Закона о банкротстве. Обратим внимание, что суд вправе ее снизить по ходатайству лица, в котором он докажет, что действительная стоимость активов меньше стоимости, рассчитанной на основании бухгалтерской отчетности.

Таким образом, размер процентов зависит от действительной стоимости имущества, в случае расхождения с балансовой стоимостью.

Что касается лишения арбитражного управляющего вознаграждения, то оно связано с отстранением последнего от исполнения обязательств или с ситуацией, когда должник не признается банкротом и в отношении его не вводится процедура конкурсного производства. Так, право на получение вознаграждения конкурсным управляющим корреспондирует его обязанности действовать добросовестно и разумно. Однако при отстранении управляющего он может быть лишен суммы процентов полностью.

Проведенный анализ позволил выявить одну из проблем в правовом статусе арбитражного управляющего – а именно, необеспечение надлежащего уровня его независимости.

Во-первых, анализ законодательства и судебной практики позволяет утверждать, что нормы Закона о банкротстве в части, касающиеся определения критериев заинтересованности, должны быть дополнены положениями о связанности субъектов в деле о банкротстве отношениями, отличными от деятельности по арбитражному управлению. Обратим внимание, что формулирование данного требования должно быть взвешенным и не позволять кому-либо обладать инструментом для манипулирования, давления, сговора или отстранения неугодных арбитражных управляющих.

Во-вторых, считаем неблагоприятной норму о дополнительном вознаграждении арбитражного управляющего. Согласно п. 7, 8 ст. 20.6 Закона о банкротстве оно устанавливается собранием кредиторов и не подлежит утверждению арбитражным судом. В связи с этим, дополнительное вознаграждение можно рассматривать как финансовый рычаг воздействия на ар-

битражного управляющего с целью его склонения на осуществление деятельности в прокредиторской направленности.

В-третьих, п. 5 ст. 20.6 Закона о банкротстве предусматривает возможность арбитражного суда увеличить размер фиксированной суммы вознаграждения в зависимости от оценки объема и сложности выполняемой работы. Данное положение закона вызывает некоторые опасения, выражающиеся в возможности законного стимулирования финансовой заинтересованности арбитражного управляющего в интересах кредитора или должника. Представляется необходимым закрепить в законе четкие критерии объема и сложности выполняемой работы арбитражным управляющим.

Список источников

1. Фролов, И. В. Правовая природа арбитражного управления и юридическая конструкция саморегулирования: конфликт компетенций или система взаимодействия? // Бизнес и право в России и за рубежом. 2011. № 3. С. 3-11.
2. Бардзский, А. Э. О пределах власти окружного суда при назначении присяжных попечителей по делам несостоятельных должников // Журнал гражданского и уголовного права. 2006. № 10. С. 35-37.
3. Телюкина, М. В., Ткачев, В. Н. Административный управляющий как новый субъект конкурсного права // Адвокат. 2003. №3. С. 28-29.
4. Пантелишина, О. В. Правовое регулирование отношений представительства в гражданском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 27 с.
5. Шершеневич, Г. Ф. Конкурсный процесс. Москва : Статут, 2000. 477 с.
6. Семина, А. Н. Банкротство: вопросы правоспособности должника - юридического лица. Москва: Экзамен, 2003. 126 с.
7. Свит, Ю. Недействительность сделок должника при банкротстве // Закон. 2002. №1. С. 33-38.
8. Богданов, Е. В. Обязательное саморегулирование как институт частного права // Предпринимательское право. 2014. № 4. С. 10-17.
9. Барило, С. Е. Брикса, К. О. Толстова, А. Е. Актуальные проблемы торгового права: учебное пособие. Санкт-Петербург: АНО ВО «СЮА», 2019. 136 с.
10. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.01.2011 № Ф03-9449/2010 по делу № А51-1254/2010 [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Шварц, Л. В., Майборода, Э. Т. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве: презумпции и нюансы привлечения лиц, контролирующих должника // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 2 (51). С. 69-73.
12. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 08.06.2023 № Ф02-2051/2023 по делу № А69-3918/2020. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Домнин, С. А. Процедура установления и пересмотра размера вознаграждения арбитражных управляющих в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 1. С. 146-170.

УДК 347.961

Туркин Михаил Юрьевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: mihail_turkin86@mail.ru

Turkin Mikhail Yurievich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: mihail_turkin86@mail.ru

МЕХАНИЗМ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОДДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE MECHANISM FOR DETECTING FORGED DOCUMENTS IN THE COURSE OF NOTARIAL ACTIVITIES

Статья посвящена проблемам выявления поддельных документов в нотариальной практике. Автор стремится раскрыть и прокомментировать способы выявления нотариусами подделок документов.

Ключевые слова: нотариальная палата, нотариус, ЕИС, поддельные документы, проверка документов, мошенники, проблемы нотариата.

The article is devoted to the problems of detecting forged documents in notary practice. The author seeks to reveal and comment on the ways in which notaries detect forgeries of documents.

Keywords: notary chamber, notary, EIS, forged documents, document verification, fraudsters, notary problems.

Нотариус предоставляет свою помощь как физическим лицам, так и юридическим, гарантируя безопасность при осуществлении сделок. К нотариальной деятельности относятся: проверка документов, заверение копий, составление доверенностей, согласий, удостоверение сделок, оформление наследства, завещания, брачного договора, а также иные функции [1].

Как верно отметил на II Казанском международном юридическом форуме президент Федеральной нотариальной палаты Константин Корсик, «именно в компетенцию нотариата входит обеспечение законности удостоверяемой сделки, защиты прав участников оборота недвижимости и достоверности сведений ЕГРН» [2].

Благодаря сотрудничеству с такими государственными органами, как ФНС, МВД, органы ЗАГС, Росреестр и другими, деятельность нотариата существенно расширяется и это, несомненно, помогает нотариусам проверять документы на подлинность.

В настоящее время каждый документ, который прошел нотариальное удостоверение, вносится в Единую информационную систему нотариата (ЕИС). Это позволяет обеспечить сохранность и неизменность документа, и

даже если мошенник подделает документ на бумаге, то это будет выявлено на проверке через ЕИС [3].

Совершения нотариальных действий порой в обязательном порядке требует закон, но иногда стороны сами желают обезопасить себя от возможных конфликтов и судебных разбирательств.

Деятельность нотариуса непременно сопряжена с огромной ответственностью и рисками. Нотариус несет ответственность всем своим имуществом за себя и всех своих сотрудников, поэтому ему или временно исполняющему обязанности нотариуса необходимо убедиться в правильности каждого документа, подготовленного юрисконсультом, а также в подлинности предъявляемых клиентом документов [4, с. 33].

С каждым годом наблюдается постоянное совершенствование способов подделки документов.

Однако, благодаря прогрессу технологий, разработаны и эффективные способы обнаружения поддельных документов. Благодаря Единой информационной системе нотариата (ЕИС), поддельные документы с легкостью распознаются и в настоящие дни, обмануть систему и сотрудников нотариата практически невозможно.

Раньше, особенно в 90-е годы XX в., в эпоху разгула преступности, нотариусам было достаточно сложно распознать фальшивые документы из-за отсутствия развитых технологий.

Тем не менее, благодаря непрерывной подготовке и опыту нотариусов, они могут за несколько секунд определить, соответствуют ли черты лица на фотографии в паспорте действительности, а также определить, говорит человек правду или нет. Важную роль в выявлении поддельных документов также играют проверка водяных знаков, печатей и иных отличительных знаков.

Поддельные документы являются проблемой в осуществлении нотариальной деятельности и влекут серьезные последствия для нотариуса, который подписал недостоверный документ. Но поддельные документы не являются единственной проблемной для нотариусов.

Мошенники могут манипуляцией заставить человека совершать неправильные действия. Из распространенных случаев можно выделить, например, случай, когда мошенники пытаются заставить человека произвести отчуждение своей квартиры, передавая им все свои права и полномочия.

Часто такие махинации проводят с пожилыми людьми, и нотариусу необходимо убедиться, что человек понимает, где он находится, что делает и знает ли самого человека, которому он передает свои права. Нотариусу необходимо убедиться в дееспособности клиента и проверить его личность, а также запрашивать соответствующие документы, чтобы быть уверенным в их достоверности. Нотариусы, если считают нужным, могут проводить личное собеседование с клиентами для подтверждения их личности и получения иной информации. Но если вдруг в ходе данных проверок выяснится, что документ является поддельным - нотариус, в инициативном порядке, так как в законе это не закреплено, обращается в правоохранительные органы.

Специалисты имеют различные точки зрения на популярные способы мошенничества в нотариате. Так, например, об одном распространенном способе мошенничества рассказала председатель комиссии ФНП по взаимодействию со СМИ и общественными организациям Наталья Дорожина, и им является неверный перевод документов. Например, неправильно переведенный иностранный паспорт может создать фальшивую личность, что позволяет мошенникам избегать наказания. Член комиссии ФНП по методической работе Александр Сагин относит поддельные завещания, судебные приказы и договоры купли-продажи к распространенным способам нарушения прав граждан.

Для проверки подлинности нотариусы могут обращаться к различным источникам информации, таким, как базы данных, официальные реестры, регистры и архивы. Они также могут сверять подписи, удостоверять копии оригинальных документов, нотариально заверять документы на основании письменных заявлений лиц.

В настоящее время в справочном сервисе «Проверка по списку недействительных российских паспортов» на сайте СЕРВИСЫ.ГУВМ.МВД.РФ любое лицо может запросить сведения из базы данных.

По данным ведомства, ежедневно поступает около 50 тысяч обращений. Система обеспечивает анонимность лица, который делает запрос, а также конфиденциальность данных запрашиваемого лица, сообщая лишь, действителен ли данный паспорт или нет.

Только нотариус имеет доступ ко всем сведениям данного документа, имея возможность запросить действительность паспорта или паспортное досье. Но, к сожалению, это не решает полностью проблему подделки паспорта, так как в ответе на запрос, нотариус не получает фотографию владельца паспорта. Мошенники могут заменить фотографию на действительном паспорте, но нотариусы пресекают и такую возможность благодаря тщательному рассмотрению бумажного документа.

В Латвии нотариус получает в ответе на запрос сведения и фотографию владельца паспорта, что, несомненно, облегчает задачу по выявлению подделки паспорта. Российская Федеральная нотариальная палата вот уже несколько лет пытается добиться такого же, надеемся, в скором времени это получится реализовать.

Остановимся на этом подробнее. Нотариальная палата Санкт-Петербурга (информационно-компьютерный сектор) высылает нотариусам методические рекомендации по выявлению признаков подделки паспорта гражданина Российской Федерации. В данных рекомендациях содержится подробное описание возможных подделок паспорта и способов их выявления. В самом начале написано, что в последние годы наблюдается рост подделок паспортов и чаще всего подделке подвергается третья страница паспорта с фотокарточкой владельца и установочными данными, а также оттиски штампов о регистрации. Далее перечислены способы подделки страницы с фотокарточкой. Преступники могут заменить фотографию в паспорте, отслоив ламинат, переклеив фотографию и повторно сделать ламинирование, могут вырезать настоящую фотографию и заменить ее или поверх оригинала

наклеить другую фотографию, добавив установочные данные и повторно ламинировать. Также мошенники могут «расшить» паспорт, удалить третью страницу и вставить новую (поддельную).

Нотариусам необходимо убедиться в наличии следующих защитных элементов:

- водяные знаки в виде букв «РФ»,
- защитные волокна,
- рельефная поверхность на титульной станице паспорта,
- рельефная сетка на всех страницах паспорта,
- ирисовая печать (имеется на всех страницах паспорта гражданина Российской Федерации),
- микротекст на второй и третьей странице,
- слово «Россия», расположенное на двадцатой странице над словом «ИЗВЛЕЧЕНИЕ» (его можно увидеть под воздействием косопадающих инфракрасных лучей),
- двойная нить сшивки (красная и желтая)
- специальная защитная пленка между второй и третьей страницей
- вид вязи сбоку и сверху фотокарточки.

В разделе «Актуальные новости» на официальном сайте Федеральной нотариальной палаты представлена информация о выявлении поддельных доверенностей и методах их определения. На данном сайте представляется возможность бесплатно проверить доверенность: можно увидеть имена сторон, номер, дату заключения, сведения о нотариусе и иные сведения, без разглашения самого содержания доверенности, так как это является нотариальной тайной, и доступ к этим сведениям имеют только сотрудники нотариата. В реестре хранятся данные обо всех удостоверенных нотариусами доверенностях. Данная проверка стала доступной для всех пользователей, начиная с 2017 года, и пользуется большим спросом: общее количество обращений к реестру с момента его запуска в 2017 году и по настоящее время составляет 15,3 миллиона. Очень просто сделать проверку с использованием QR-кода, размещенного на самом бланке. Важно отметить, что сервисы проверки доверенностей по реквизитам и QR-коду способствуют выявлению большинства поддельных документов. Но, тем не менее, данная проверка не обеспечивает стопроцентную гарантию подлинности доверенности, так как мошенники могут исправить содержание реальных доверенностей, внедряя в них изменения в свои полномочия, и это достаточно сложно выявить, если проверку запрашивает не сотрудник нотариата [5].

Говоря о поддельных завещаниях, член комиссии по методической работе Федеральной нотариальной палаты Александр Сагин заявил в одном из эфиров, что в наши дни практически невозможно подделать завещания. Через ЕИС нотариата можно с легкостью определить подлинность документов, как мы уже разбирали ранее. Но иногда и сейчас выявляются поддельные документы, которые были составлены еще до создания и развития информационной системы нотариата [6].

В заключении хотелось бы добавить, что профессия нотариуса невероятно тяжелая, требует большой дисциплины и ответственности. Каждый

нотариус, несомненно, должен быть осведомлен о различных методах подделки документов, а также обладать необходимыми знаниями и навыками, чтобы быстро и точно определить подделку. В современном мире активно развиваются информационные технологии, которые, как мы выяснили, играют важную роль в выявлении поддельных документов. Созданные для нотариусов программы постоянно обновляются, и это способствует оптимизации деятельности сотрудников нотариальной конторы. В целом, механизм выявления поддельных документов в нотариальной деятельности играет важную роль в поддержании доверия к нотариальной системе и необходим для эффективной защиты прав и интересов граждан.

Список источников

1. Пасюткина А. Нотариус // Бизнес-секреты [сайт]. URL: https://secrets.tbank.ru/glossarij/notarius/ (дата обращения: 31.01.2025).

2. Роль нотариата в гражданском обороте — в фокусе КМЮФ-2024 // Федеральная нотариальная палата [сайт]. URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/rol-notariata-v-grazhdanskom-oborote-v-fokuse-kmyuf-2024 (дата обращения: 31.01.2025).

3. Петров И. Проверка на порочность: как нотариусы ищут липу в документах // Известия iz [сайт]. URL: https://iz.ru/export/google/amp/985735 (дата обращения: 31.01.2025).

4. Денисова, Ю. Н. К вопросу о российской модели нотариата // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 4 (53). С. 31-37.

5. Нотариусы отмечают: мошенники продолжают широко использовать поддельные доверенности // Федеральная нотариальная палата [сайт]. URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/notariusy-otmechayut-moshenniki-prodolzhayut-shiroko-ispolzovat-poddelnye-doverennosti (дата обращения: 31.01.2025).

6. Подделывать бессмысленно: эксперты нотариата прокомментировали историю с поддельными завещаниями // Федеральная нотариальная палата [сайт]. URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/poddelyvat-bessmyslenno-eksperty-notariata-prokommentirovali-istoriyu-s-poddelnymi-zaveshaniyami (дата обращения: 31.01.2025).

УДК 347.93

Фадеев Алексей Алексеевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: alexey.fadeev.01@mail.ru

Fadeev Alexey Alekseevich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: alexey.fadeev.01@mail.ru

СУДЕБНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБОСНОВАННОСТИ РЕШЕНИЯ СУДА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

JUDICIAL REPRESENTATION AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY OF THE JUDICIAL PROCESS AND ENSURING THE VALIDITY OF A COURT DECISION IN CIVIL PROCEEDINGS

В статье рассматриваются основные начала, заложенные конституционным и гражданским процессуальным законодательством, определяющие основные требования, которым должно отвечать итоговое решение суда по делу. Проанализированы положения законодательства и позиции высших судебных инстанций касательно требования обоснованности решения суда в гражданском судопроизводстве. В статье дан анализ основных положений института представительства в гражданском судопроизводстве. Также проанализирован дискуссионный вопрос касательно введения требования обязательного наличия у представителей высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности во всех судебных инстанциях в контексте повышения качества самого судебного процесса и обеспечения обоснованности итогового решения суда. В частности, дан анализ позиций высших судебных инстанций по существу данного вопроса, а также различных оценок ученых. На основе проведенного автором настоящей научной статьи высказана собственная позиция по существу вопроса.

Ключевые слова: судопроизводство, гражданский процесс, решение суда, законность, обоснованность, доказывание, представительство.

The article examines the basic principles laid down by the constitutional and civil procedural legislation, defining the main requirements that the final court decision on the case must meet. The provisions of the legislation and the positions of the highest judicial authorities regarding the requirement of validity of the court decision in civil proceedings are analyzed. The article provides an analysis of the main provisions of the institution of representation in civil proceedings. It also analyzes the controversial issue regarding the introduction of a requirement for mandatory higher legal education or an academic degree in legal specialty for representatives in all judicial instances in the context of improving the quality of the trial itself and ensuring the validity of the final court decision. In particular, an analysis of the positions of the highest judicial authorities on the merits of this issue, as well as various assessments of scientists is given. Based on the results of the study, the author of this scientific article expresses his own position on the merits of the issue.

Keywords: legal proceedings, civil procedure, court decision, legality, validity, evidence, representation.

Динамичная эволюция социокультурных, экономических и духовно-нравственных структур общественного бытия предопределяет постоянную трансформацию и совершенствование судебных институтов Российской Федерации. Правоприменительные механизмы являются неотъемлемым элементом обеспечения юридической защиты, гарантируя соблюдение законных прав и интересов гражданского общества в контексте непрерывных социально-политических преобразований [1, с. 109].

Нормативно-правовая доктрина судебной защиты в Российской Федерации представляется фундаментальной парадигмой юрисдикционного контроля, посредством которого обеспечивается восстановление нарушенных субъективных прав и свобод, предусмотренных конституционным мандатом. В рамках правового анализа, закрепленного в постановлении Конституционного Суда от 16.07.2004 № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан», право на судебную защиту интерпретируется как неотчуждаемый, универсальный и безусловный императив, распространяющийся как на отдельные субъекты, так и на институциональные образования, что коррелирует с универсальными гарантиями конституционно закрепленного правопорядка.

Далее, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», судебная система обязана оперативно и всесторонне применять закон в целях защиты конституционных прав граждан, что предполагает применение принципов правового государства в контексте разрешения правовых споров, способствуя таким образом укреплению законности и правопорядка.

Нормативно-правовое регулирование гражданского судопроизводства, как предусмотрено ст. 2 Гражданского процессуального кодекса от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ), требует правильное и своевременное рассмотрение и разрешение каждого дела, что предполагает осуществление судопроизводства не как механистического следования формальным процедурам, а как динамичного и методологически обоснованного процесса, направленного на реализацию и защиту нарушенных прав и законных интересов субъектов правовых отношений. В то же время отсутствие унифицированного семантического определения феномена «правильного рассмотрения дел» свидетельствует о концептуальной неоднозначности данного термина, что находит отражение в академической интерпретации К.С. Рысевой, определяющей его через призму гармоничного синтеза материального и процессуального права с универсальными нормами международного правопорядка [2, с. 590].

Наконец, диспозиция ст. 195 ГПК РФ предписывает обязательное соответствие судебного решения требованиям законности и обоснованности, что является краеугольным камнем обеспечения неотъемлемой и непрерывной реституции прав субъекта в правоприменительной практике.

В контексте действующего федерального законодательства наблюдается концептуальная неопределенность в определениях терминов «законность» и «обоснованность» судебного решения, что обусловливает необходимость их интерпретации через призму эмпирико-правовой практики и судебной экзегезы. В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» (далее – Постановление № 23) судебный акт считается законным при условии его вынесения с неукоснительным соблюдением процессуальных норм и в полном соответствии с нормами материального права, регулирующими рассматриваемые правоотношения, при этом допускается применение аналогии закона или права в определенных случаях (ч. 1 ст. 1, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ). В то же время п. 3 Постановления № 23 определяет обоснованность судебного решения посредством подтверждения фактических обстоятельств, имеющих юридическое значение, с помощью доказательств, удовлетворяющих критериям относимости и допустимости, либо с помощью обстоятельств, предусмотренных законом как не требующих доказывания (ст. 55, 59-61, 67 ГПК РФ).

Согласно изданию, под редакцией А. С. Пиголкина и Ю. А. Дмитриева, в рамках правоприменительной методологии эмпирико-аналитическое исследование фактического поля начинается с определения и систематизации релевантных данных, что предопределяет установление объективной истины – краеугольного принципа судебного дискурса [3, с. 119]. Следовательно, обоснованность судебного решения определяется наличием интегрированного комплекса логически выводимых, эмпирически подтвержденных выводов, минимизирующих субъективные и когнитивные искажения. Доказательная база, сформированная в строгом соответствии с нормативно-регламентированной процедурой (ч. 1 ст. 55 ГПК РФ), служит априорным основанием для оценки юридически значимых обстоятельств, при этом допускается элементарный субъективизм, обусловленный человеческим фактором. Законодательством предусмотрено, что каждый участник судебного процесса имеет право не только представлять, но и детально исследовать доказательства, что способствует объективной экстраполяции истины по делу (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, сторона обязана доказать обстоятельства, на которых она основывает свои требования, если иное не предусмотрено законом, а суд определяет перечень ключевых факторов и распределяет обязанности по их доказыванию, требуя своевременного раскрытия доказательной базы. Согласно ч. 3 ст. 67 ГПК РФ, доказательства оцениваются как по отдельности, так и в совокупности, что предполагает комплексный, систематизированный анализ фактического поля с определением качественной достаточности доказательств как априорного основания для вынесения обоснованного решения. Право участников процесса представлять и исследовать доказательства основано на принципах равенства и состязательности (ст. 6 и 12 ГПК РФ), вытекающих из конституционных гарантий равенства (ст. 19 Конституции РФ). Ввиду возможной юридической некомпетентности отдельных субъектов ст. 48 ГПК РФ закрепляет право на предста-

вительство, позволяющее гражданам лично или через квалифицированных представителей участвовать в процессе.

Ключевым аспектом, требующим пристального внимания в контексте анализа обоснованности судебного решения, является вопрос квалификации представителей сторон. В этом контексте полезно обратиться к тому, как этот вопрос регулируется в рамках арбитражного процессуального законодательства. Согласно ч. 3 ст. 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее – АПК РФ), в арбитражном суде в качестве представителей могут выступать адвокаты, а также другие лица, оказывающие юридическую помощь, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень в области права. Как следует из вышесказанного, арбитражное процессуальное законодательство ограничивает право представительства в судебном разбирательстве исключительно лицами, обладающими надлежащим уровнем профессиональной подготовки, что, по мнению автора настоящей работы, является неотъемлемым условием для обеспечения адекватной и качественной защиты прав и законных интересов субъектов, участвующих в процессе. Прежде всего, это касается вопросов, связанных с представлением доказательств и их исследованием, что, в свою очередь, способствует полноте, всесторонности и глубине изучения фактической и правовой основы дела.

Что касается гражданского процессуального законодательства, то согласно ч. 2 ст. 49 ГПК РФ, «представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности».

Анализируя текущую правовую ситуацию, необходимо отметить, что требование о наличии высшего юридического образования или ученой степени у представителей сторон закреплено в гражданском процессуальном законодательстве. Однако это обязательство не распространяется на юрисдикцию мировых и районных судов, что создает потенциальные правовые риски. В контексте данного исключения существует реальная угроза того, что интересы сторон могут быть защищены лицами, не обладающими должной профессиональной квалификацией, что, в свою очередь, приводит к отсутствию надлежащей правовой подготовки для эффективного взаимодействия с судебным процессом, в том числе с гражданским судопроизводством. Неопытность таких представителей может привести к тому, что они не смогут правильно оценить важность или значимость определенных доказательств, которые могли бы существенно повлиять на исход дела [4, с. 74]. Более того, из-за недостаточной юридической осведомленности эти лица могут не представить суду важнейшие материалы или, наоборот, чрезмерно сосредоточиться на ненадлежащих аспектах дела. Как следствие, эти доказательства могут быть не учтены судом при вынесении решения, что приведет к искажению полной картины обстоятельств дела и вынесению решения, не отвечающего требованию обоснованности.

В последние годы наблюдается активизация теоретических и практических исследований, направленных на повышение профессионального уровня судебного представительства в гражданском судопроизводстве. Так, 08.11.2022 было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 32 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», содержащее проект федерального закона, предусматривающий внесение изменений в ряд ключевых законодательных актов. Одним из центральных предложений данного нормативного акта является исключение из ч. 2 ст. 49 ГПК РФ фразы «за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами», что подразумевает универсализацию требования о наличии высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности для всех категорий судебных инстанций. В пояснительной записке к постановлению акцентируется внимание на том, что предложенное изменение направлено на полную реализацию конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, что соответствует положениям статьи 48 Конституции Российской Федерации. Кроме того, в документе отмечается, что данное нововведение не ограничивает доступность правосудия, поскольку сохраняются механизмы предоставления бесплатной юридической помощи, а бремя возмещения судебных издержек, включая оплату услуг представителей, возлагается в соответствии с нормами гражданского процессуального законодательства на проигравшую дело сторону.

В рамках научного дискурса существует множество интерпретационных подходов к определению роли профессионального судебного представительства в гражданском процессе. Так, В. Е. Яковенко, критикуя внесенные изменения в гражданское процессуальное законодательство, высказывает мнение, что не каждый гражданин располагает достаточными финансовыми ресурсами для привлечения профессионального юриста, что обусловлено высокой стоимостью юридических услуг. Он обращает внимание на то, что законодательное требование о наличии у судебного представителя высшего юридического образования создает дополнительные барьеры для граждан при защите своих прав, что может противоречить принципам, закрепленным в Конституции РФ, а именно ст. 46, гарантирующей неотъемлемое право на судебную защиту. Даже положения, регулирующие распределение судебных издержек и закрепленные в ст. 100 ГПК РФ, предусматривающие возможность возмещения расходов на представителя, не всегда способны эффективно компенсировать этот недостаток, поскольку возмещение издержек осуществляется только после вынесения судебного решения в пользу заинтересованной стороны, что вынуждает стороны обеспечивать финансирование представительства на начальном этапе процесса. Более того, понятие «разумности» в контексте возмещения расходов, несмотря на попытки нормативного определения, остается дискуссионным и во многом субъективным [5, с. 257-258].

Звягина Н. С. и В. Д. Баев, выдвигая тезис о необходимости внедрения профессиональных требований к судебным представителям, подчеркивают их потенциал для совершенствования судебной системы путем оптимизации судопроизводства, повышения его эффективности и качества, а также укрепления института защиты прав и законных интересов участников процесса, способствуя истинной состязательности и упрощая функционирование судебных органов, что приводит к снижению их загруженности [6, с. 90]. Образовательный ценз для судебных представителей представляется им не чем иным, как эмпирическим первичным звеном на пути к формированию высококвалифицированного процессуального механизма, направленного на экспериментальное закрепление новых институциональных принципов правопорядка.

Магомедов Р. Х. в рамках своего детального теоретического и практического анализа вопросов профессионального представительства в гражданском судопроизводстве трактует необходимость законодательной регламентации юридической помощи субъектами, не обладающими адвокатским статусом, что дополняет требование о наличии высшего юридического образования. Его концептуальная модель предусматривает формирование нормативно-правовых стандартов оказания юридических услуг, а также разработку механизмов привлечения к ответственности лиц, не имеющих адвокатского статуса, с обязательным созданием специализированного реестра, содержащего сведения о профессиональном опыте, квалификации и специализации этих субъектов [7, с. 217].

В п. 5 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2020 № 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К.В. Бударина» акцентируется, что институционализация императивного требования о наличии высшего юридического образования или ученой степени у хотя бы одного из представителей сторон одновременно реализует конституционный принцип обеспечения доступа к правосудию и интегрируется в структуру процессуальной эффективности. Данное требование оптимизирует ресурсное обеспечение судебной защиты, минимизируя временные и финансовые затраты, а также способствует усилению состязательности за счет компетентного и аргументированного представления процессуальных позиций, что способствует полному раскрытию сущности спорных правоотношений и повышает качество судебного процесса, обеспечивая формирование прозрачной, сбалансированной и юридически обоснованной практики судебного разбирательства, что в совокупности приводит к повышению правовой определенности и обеспечению обоснованности судебных решений. При этом, несмотря на выводы Конституционного Суда, сформулированные в контексте норм АПК РФ, автор исследования считает, что их можно экстраполировать и на сферу гражданского судопроизводства.

Было бы уместно рассмотреть опыт иностранных государств в регулировании данного вопроса, например, Англии, где до сих пор допуск к су-

дебному процессу имеют только профессиональные представители. Шадрин Е.И. положительно характеризует судебное представительство в Англии, считая, что эта страна накопила значительный опыт в области профессионального представительства. Этот опыт может предложить ценные идеи для модернизации института представительства в нашей стране [8, с. 25-26].

Доктринальный анализ и практика высших судебных инстанций показывают, что институционализация требования о наличии высшего юридического образования или ученой степени у судебных представителей в гражданском процессе является концептуально обоснованной и системно оправданной. Такой подход нивелирует потенциальные недостатки правоприменения и способствует повышению качества судебного представительства, что позволяет проводить детальное, всестороннее и глубокое исследование фактической стороны дела, приводя к принятию юридически обоснованных и аргументированных судебных актов. Предложение Верховного Суда Российской Федерации о внесении изменений в ч. 2 ст. 49 ГПК РФ путем исключения исключительного режима для дел, рассматриваемых мировыми и районными судами, представляется как правомерным, так и необходимым для дальнейшей эволюции гражданского процессуального законодательства. При этом допускается сохранение возможности представительства лицами, не имеющими высшего юридического образования или ученой степени, в строго определенных законодательством случаях. Так, например, исключение родителей из числа субъектов представительства в делах, касающихся интересов их несовершеннолетних детей, представляется нормативно неоправданным и доктринально несостоятельным, поскольку противоречит фундаментальным принципам семейного права и приоритету защиты прав несовершеннолетних. Следовательно, дифференциация требований о наличии юридической квалификации должна распространяться исключительно на договорное представительство, тогда как введение аналогичного образовательного ценза в отношении законного представительства представляется избыточным и концептуально противоречащим сущности института представительства.

С точки зрения процессуального баланса и обеспечения разумного компромисса между императивом профессионализации судебного представительства и фундаментальным принципом доступности правосудия, представляется методологически обоснованным нормативное закрепление образовательного ценза исключительно в отношении одного из представителей стороны [9, с. 55]. Подобный регулятивный вектор обеспечивает институциональную гибкость системы правового посредничества, сохраняя возможность участия в судебном разбирательстве субъектов, не обладающих формализованной юридической квалификацией, при условии, что, хотя бы один из представителей соответствует установленным академическим требованиям. В рамках указанной парадигмы данный подход выступает в качестве механизма процессуальной оптимизации, способствуя повышению когнитивной детализации юридического сопровождения, снижению деструктивных факторов правоприменения и одновременному нивелированию скрытых

рисков, связанных с возможными последствиями чрезмерной регламентации доступа к правосудию.

Список источников

1. Шевчук, С. С. Гражданское право: современные тенденции реформирования частного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 1 (58). С. 108-116.
2. Рысева, К. С. Правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел в гражданском судопроизводстве // Студенческая наука: созидая будущее: Всероссийсакая студенческая научно-практическая конференция, Курск, 05-06 июня 2024 года. Курск: Курский государственный университет, 2024. С. 589-593.
3. Теория государства и права: учебник для вузов / под редакцией А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 516 с.
4. Попова, Е. С. Механизм судебной защиты на примере процессуальных гарантий ответчика // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 2 (55). С. 72-76.
5. Яковенко, Е. В. Тенденции развития института судебного представительства в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. №2-2 (77). С 256-259.
6. Звягина, Н. С., Баев, В. Д. Проблемы профессионального представительства в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 1(17). С. 88-95.
7. Магомедов, Р. Х. Профессиональное судебное представительство в гражданском судопроизводстве: преимущества и недостатки // Наука XXI века: вызовы, становление, развитие: сборник статей XX Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 18 ноября 2024 года. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2024. С. 213-218.
8. Шадрин, Е. И. Сравнительно-правовой анализ института представительства в Англии и Российской Федерации // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 апреля 2022 года. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 24-26.
9. Толстова, А. Е. Механизм осуществления юридической помощи: нормативное закрепление и пробелы правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 3 (64). С. 54-60.

УДК 347.441.836

Федоров Виктор Алексеевич
студент
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: Vitnesesery@yandex.ru

Fedorov Victor Alekseevich
student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: Vitnesesery@yandex.ru

Гарлина Элина Игоревна
студент
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: garlinalina@gmail.com

Garlina Elina Igorevna
student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: garlinalina@gmail.com

ПОРЯДОК ПРИЗНАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ НАЛИЧИЯ ПОРОКА ВОЛИ В СДЕЛКЕ

THE PROCEDURE FOR RECOGNIZING AND CONSEQUENCES OF THE PRESENCE OF A WILL DEFECT IN A TRANSACTION

Значимость изучения вопроса о сделках с пороками воли обусловлена в практической деятельности тем, что учение о сделке занимает одно из центральных мест в отечественной теории гражданского права. В то же время, как представляется, учению о сделке уделяется недостаточное внимание со стороны современных ученых.

Отечественная доктрина по традиции признает волю и волеизъявление ключевыми элементами состава юридической сделки, ведь они являются одним из оснований признания договоров недействительными.

Актуальность исследования данного вопроса определяется тем, что доказать порок воли при заключении сделки непросто, в то же время раскрытие содержания этого понятия в целом недостаточно проработано в гражданском праве.

В статье авторы изучили порядок признания порока воли в сделках на основе судебной практики, а также выявили правовые последствия наличия этих пороков воли.

Ключевые слова: договорные правоотношения, свобода договора, воля, волеизъявление, порок воли, существенное заблуждение, обман, насилие, угроза, последствия наличия, порядок признания, недействительность сделки.

The importance of studying the issue of transactions with defect of will is determined in practice by the fact that the doctrine of the transaction occupies one of the central places in the domestic theory of civil law. At the same time, it seems that the doctrine of the transaction is given insufficient attention by modern scientists.

The domestic doctrine traditionally recognizes the will and expression of will as key elements of the composition of a legal transaction, because they are one of the grounds for recognizing contracts as invalid.

The relevance of the study of this issue is determined by the fact that it is not easy to prove a defect of will when concluding a transaction, while at the same time, the disclosure of the content of this concept as a whole is not sufficiently developed in civil law.

In the article, the authors, based on judicial practice, studied the procedure for recognizing the presence of a will defects in transactions, and also identified the legal consequences of the presence of these defect of will in transactions.

Keywords: contractual legal relations, freedom of contract, will, expression of will, defect of will, material error, deception, violence, threat, consequences of existence, procedure for recognition, invalidity of a transaction.

По части 1 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации, если сделка признана недействительной, то все последствия будут связаны с ее недействительностью. Такая сделка будет признана недействительной с даты ее совершения. Сторона сделки, владеющая информацией о недействительности сделки, которая оспаривалась в судебном порядке, будет также считаться недобросовестной. Данный статус сохранится и после того как сделка будет признана недействительной.

Для сделок, которые заключаются с пороком воли, закон предусматривает те же последствия. При этом для каждого из пороков воли: неспособности понимать значение своих действий или руководить ими, существенного заблуждения, обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств свои особенности признания сделки недействительной.

Важно отметить, что при доказанности порока воли и признании сделки недействительной, каждая из сторон сделки должна возвратить другой стороне все полученное ею в натуре, а при невозможности это сделать — возместить его стоимость.

В случае признания этой сделки недействительной применяются правила, предусмотренные пунктами 2 и 3 пункта 1 статьи 171 Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно: виновная сторона должна возвратить потерпевшей стороне все, что получила в натуре, если данное мероприятие невозможно, то возмещается стоимость необоснованно полученного. Кроме того, виновная дееспособная сторона возмещает и фактически причинный ущерб (при его наличии), если она знала, что потерпевшая сторона имеет статус недееспособности.

Так, например, Куйбышевским районным судом г. Иркутска в деле № 2-122/2020 2-2669/2019 от 27 февраля 2020 г., с учетом проведенного исследования, эксперты пришли к выводу о том, что умершая была неспособна понимать значение своих действий и руководить ими в момент составления и подписания договора дарения в силу сложившихся у нее индивидуально-психологических особенностей, в силу ее возраста и психического состояния. Исковые требования о признании договора дарения недействительным

суд удовлетворил и признал недействительным договор дарения квартиры. Суд установил применить последствия недействительности сделки, прекратить право собственности другого лица на квартиру, включить ее в состав наследственного имущества, оставшегося после смерти умершей квартиру. То есть, возместить все полученное в натуре.

Из особенностей стоит выделить, что согласно статье 177 Гражданского кодекса Российской Федерации для признания недействительности сделки, совершенной гражданином, неспособным понимать значение своих действий или руководить ими, иск должен быть подан этим гражданином либо иными лицами, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате совершения сделки.

Если сделка совершена гражданином, которого впоследствии признали недееспособным, то иск может быть подан опекуном, при доказанности факта неспособности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими в момент совершения сделки. Аналогично, если сделка совершена гражданином, впоследствии признанного ограниченным в дееспособности, то иск может быть подан попечителем, при доказанности факта неспособности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими в момент совершения сделки [1].

Что касается заблуждения, то здесь суд может признать сделку, совершенную под влиянием заблуждения, недействительной, только если иск подан стороной, действующей под влиянием заблуждения. При этом, как отмечает Коломиец Е. А., заблуждение должно быть настолько существенным, что при разумном и объективном оценивании ситуации стороной, она бы не совершила сделку, если бы знала о действительном положении дел [2, С. 26].

Например, в решении № 2-301/2018 (2-5307/2017;) Московского районного суда от 26 июня 2018 г. истец считал, что дарение произведено с целью осуществления одаряемой пожизненного содержания дарителя. Истец утверждал, что даритель (ее мать), заключая указанные сделки, находилась под влиянием заблуждения в отношении природы сделок, полагая, что одаряемый будет осуществлять за ней уход и предоставлять ей материальное содержание. Истец (дочь дарителя) просила признать договоры дарения недействительными по основаниям ст. 178 Гражданского кодекса Российской Федерации. Просила привести стороны в первоначальное положение.

В силу ст. 178 Гражданского кодекса Российской Федерации сделка, совершенная под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение, может быть признана судом недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения. Суд в требованиях о признании сделки недействительной отказал, так как исковое заявление было подано не той стороной.

Пункт 2 ст. 178 Гражданского кодекса Российской Федерации ставит исчерпывающие условия для признания заблуждения существенным. Следует отметить, что сделка не может быть признана недействительной, если другая сторона в сделке не возражает относительно тех условий, из представлений которых действовала сторона под влиянием заблуждения. В таких

случаях суд указывает в своем решении эти условия сделки и отказывает в признании сделки недействительной.

Сделку с существенным заблуждением характеризует то, что внутренняя воля ее субъекта формировалась неправильно: при осознании своих потребностей лицо не располагало сведениями об истинном положении дел [3].

Продолжая рассматривать особенности можно отметить, что, согласно ч. 4 ст. 178 Гражданского кодекса Российской Федерации сделка не может быть признана недействительной по основаниям, предусмотренным данной статьей, если другая сторона выразит согласие на сохранение силы сделки на тех условиях, о которых она предполагала и в которых была заинтересована, когда действовала под влиянием заблуждения. В таком случае суд, отказывая в признании сделки недействительной, указывает в своем решении эти условия сделки.

Если сделка, совершенная под влиянием заблуждения, признана недействительной, то, как и при признании сделки, совершенной гражданином, неспособным понимать значение своих действий и руководить ими, каждая из сторон сделки обязана вернуть все полученное по сделке в натуре, а при невозможности это сделать — возместить его стоимость.

Кроме того, сторона, по иску которой сделка признана недействительной, обязана возместить другой стороне причиненный в результате этого реальный ущерб, исключая случаи, когда контрагент знал либо должен был знать о наличии заблуждения, также если заблуждение возникло вследствие зависящих от него обстоятельств. Если первая сторона, по иску которой сделка признана недействительной докажет, что заблуждение возникло из-за обстоятельств второй стороны, то первая сторона вправе требовать от другой стороны возмещения причиненных ей убытков.

Также Лазарева О. В. считает важным отметить, что суды склонны считать существенное заблуждение основанием для признания сделки недействительной, только если оно имело место, несмотря на проявление заблуждавшейся стороной должной меры осмотрительности при совершении сделки. Если же она допустила ошибку по собственной небрежности, в признании сделки недействительной может быть отказано даже при наличии существенного заблуждения [4, С. 59-65].

Переходя к основаниям недействительности сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств по ст. 179 и 171 Гражданского кодекса Российской Федерации, следует сказать, что суд признает недействительность только по иску потерпевшего. При этом сделка может быть признана совершенной под влиянием обмана не только контрагента, но и третьего лица, если будет доказано, что лицо, к которому обращена сделка, знало либо должно знать о действиях третьего лица.

Так, будет интересным решение № 2А-2145/2019~М-2067/2019 Красноармейского районного суда от 17 декабря 2019 г. В деле отмечено: «сделка, совершенная под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом, может быть признана недействительной по иску потерпевшего при условии, что другая сторона либо лицо, к которому обращена односторонняя сделка, зна-

ли или должны были знать об обмане. Считается, в частности, что сторона знала об обмане, если виновное в обмане третье лицо являлось ее представителем или работником либо содействовало ей в совершении сделки». В деле данное условие было доказано и суд удовлетворил исковое заявление, а из последствий суд решил: «признать договор энергоснабжения между сторонами недействительным в силу его ничтожности. Признать действия третьего лица по начислению к оплате по счету незаконными. Взыскать в пользу потерпевшей денежную сумму как незаконно удержанную».

Важно отметить, что обман станет основанием для признания сделки недействительной лишь при условии, что он был необходимой причиной ее совершения или ее совершения на определенных условиях. При этом, как отмечает Алексеева К. В., объективные достоинства и недостатки сделки, заключенной с таким пороком воли, ее выгодность или невыгодность не имеют значения для признания ее недействительной [5, С. 32].

Если говорить отдельно про порок воли в сделке, совершенной под влиянием насилия или угрозы, то здесь речь о воли, которая формируется несвободно из-за недолжного поведения другого лица. Этим данные сделки схожи со сделками, совершенными под влиянием обмана. Но в отличие от обманутого жертва насилия или угрозы осознанно совершает сделку, которая не соответствует ее представлениям о собственных интересах. Если насилие или угроза исходят от третьего лица, не участвующего в сделке, то судам предлагается признавать такую сделку недействительной, только если другая сторона сделки знала о насилии или угрозе [6].

Для оспаривания сделки по ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, в адрес которого была направлена угроза, должно доказать ее существенность (значимость для потерпевшего оказавшихся под угрозой благ) и реальность (действительную возможность осуществления неблагоприятных для потерпевшего действий угрожающим лицом). В п. 98 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» судам разъяснено, что угроза причинения личного или имущественного вреда близким лицам контрагента по сделке или применение насилия в отношении этих лиц также являются основанием для признания сделки недействительной. Кроме того, подчеркнуто, что насилие или угроза могут исходить не только от стороны сделки, но и от третьего лица, если сторона сделки знала об этом обстоятельстве.

Для оспаривания сделки по п. 3 ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации, сделка должна быть совершена на крайне невыгодных условиях, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась (кабальная сделка), может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. При этом обязательства по доказыванию признаков кабальности сделки лежат на лице, обратившемся с требованиями о признании сделки недействительной по указанному основанию.

Помимо характерных признаков кабальной сделки Зарубин А. В. также указывает, что в качестве необходимого конструктивного элемента для

признания кабальной сделки недействительной является недобросовестное поведение контрагента. Иначе говоря, пишет указанный автор, контрагент понимает, на сколь невыгодных условиях совершается сделка, и тем не менее идет на нее, воспользовавшись стечением тяжелых обстоятельств [7, с. 320].

Контрагент извлекает выгоду из тяжелых для лица обстоятельств, действуя при этом умышленно, вполне осознанно. Возможна ситуация, когда выгоду получают третьи лица, в чем также заинтересован контрагент [8].

Если сделка признана недействительной по одному из оснований, указанных в п. п. 1 — 3 ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации, кроме применений последствий недействительной сделки, установленных ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации, потерпевший вправе требовать с другой стороны возмещения причиненных ему убытков. Риск случайной гибели предмета сделки несет другая сторона сделки (п. 4 ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Последствиями наличия порока воли сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия, угрозы или стечения тяжелых обстоятельств аналогичны последствиям совершения сделок под влиянием заблуждения. Помимо этого, потерпевшему возмещаются убытки, причиненные другой стороной. Также, другая сторона несет риск случайной гибели.

Таким образом, последствием порока воли является недействительность сделки, вследствие чего каждая из сторон обязана возвратить все полученное в натуре другой стороне, а при невозможности это сделать, возместить стоимость. Кроме того, в случае признания сделки недействительной под влиянием заблуждения, сторона, по иску которой сделка признана недействительной, обязана возместить другой стороне причиненный в результате этого реальный ущерб, исключая случаи, когда контрагент знал либо должен был знать о наличии заблуждения, также если заблуждение возникло вследствие зависящих от него обстоятельств. Если первая сторона, по иску которой сделка признана недействительной, докажет, что заблуждение возникло из-за обстоятельств второй стороны, то первая сторона вправе требовать от другой стороны возмещения причиненных ей убытков. В сделках, совершенных под влиянием обмана, насилия, угрозы или стечения тяжелых обстоятельств, помимо всего прочего возмещаются убытки, причиненные другой стороной и также сторона несет риск случайной гибели.

Список источников

1. Скудутис М. Не по своей воле // Расчет. — 2015. — № 8. — С. 36 — 37.

2. Коломиец Е. А. Заблуждение и обман как условие недействительности сделок. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2005. С. 26.

3. Чашкова, С. Ю. Актуальные проблемы защиты гражданских прав : учебное пособие для вузов / С. Ю. Чашкова. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 136 с.

4. Лазарева О. В. Дефекты воли субъектов в гражданском законодательстве: вопросы теории и практики // Правовая политика и правовая жизнь — 2019 — С. 59 — 65.

5. Алексеева К. В. Намеренное умолчание как основание для признания сделки недействительной // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право — 2018 — С. 31 — 33.

6. Зарубин А. В. Недействительность сделок, совершенных под влиянием насилия, угрозы // Судебные Ведомости. 2003. №3(7). С. 34 — 42.

7. Зарубин А. В. Кабальная сделка // Материалы 5-й региональной научно-практической конференции молодых ученых «Научное обеспечение агропромышленного комплекса». Краснодар, КГАУ, 2003. С. 319 — 320.

8. Потапенко. С. В., Зарубин А. В. Недействительность сделок с пороками воли, вызванных виновным поведением контрагента либо иных лиц // Законность и правопорядок. 2008. №7. С. 50.

УДК 347.92

Хуснулова Олеся Александровна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: husnulova.olesya@mail.ru

Husnulova Olesya Aleksandrovna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: husnulova.olesya@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ

PROBLEMS OF HARMONIZATION OF PROCEDURAL NORMS IN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

В условиях глобализации и роста международной взаимозависимости, в статье актуализируется необходимость гармонизации процессуальных норм для эффективного разрешения споров, защиты прав граждан и юридических лиц, а также для оптимизации судебных процедур. Рассматриваются ключевые проблемы, возникающие при соотношении национальных правовых систем с международными обязательствами, анализируются различные подходы к унификации процессуальных норм, а также влияние международных правовых актов и договоров на внутреннее законодательство государств. Особое внимание уделяется правовым коллизиям, возникающим из-за различий в процессуальных традициях, а также путям их разрешения, включая использование механизмов транснационального правосудия и альтернативных способов разрешения споров. Устанавливается, что для эффективной гармонизации процессуальных норм необходимо учитывать специфику правовых культур, а также создавать гибкие механизмы, которые обеспечат баланс между национальными и международными интересами.

Ключевые слова: гармонизация, процессуальные нормы, международное право, национальное право, правовые коллизии, транснациональное правосудие, судебные процедуры.

In the context of globalization and growing international interdependence, the article highlights the need to harmonize procedural rules for effective dispute resolution, protection of the rights of citizens and legal entities, as well as to optimize judicial procedures. The key problems arising in the relationship of national legal systems with international obligations are considered, various approaches to the unification of procedural norms are analyzed, as well as the impact of international legal acts and treaties on the domestic legislation of States. Particular attention is paid to legal conflicts arising from differences in procedural traditions, as well as ways to resolve them, including the use of transnational justice mechanisms and alternative dispute resolution methods. It is established that in order to effectively harmonize procedural norms, it is necessary to take into account the specifics of legal cultures, as well as create flexible mechanisms that will ensure a balance between national and international interests.

Keywords: keywords: harmonization, procedural norms, international law, national law, legal conflicts, transnational justice, judicial procedures.

Процессуальные нормы играют ключевую роль как в национальных, так и в международных правовых системах, выступая механизмом, который обеспечивает реализацию материальных норм. Тем не менее гармонизация этих норм между национальными правовыми моделями и международными стандартами сталкивается с целым рядом проблем. Эти проблемы касаются различий в правовых традициях, конфликта интересов и уровня интеграции правовых систем.

Одной из наиболее очевидных проблем гармонизации процессуальных норм является значительная разнородность правовых систем. Существуют две основные правовые системы: романо-германская (континентальная) система и англосаксонская (прецедентная) система права. Каждая из них имеет свои характерные подходы к процессуальному регулированию [1, с. 172].

В странах континентального права процессуальные нормы кодифицированы и строго формализованы. Судебная система сосредоточена на юридическом тексте, а судья выполняет преимущественно пассивную роль, применяя закон к представленным фактам. В англосаксонской системе нередко акцент делается на прецедентах, судебных решениях, а роль судьи более активна, так как он участвует в формировании общей правовой позиции.

Гармонизация процессуальных норм между этими двумя типами систем сталкивается с той сложностью, что их фундаментальные принципы различны. Например, такие понятия, как бремя доказывания, представление доказательств, институты апелляции и кассации, функционируют поразному, и внедрение одного единого подхода в разных странах крайне затруднительно [2, с. 49].

Гармонизация норм неизбежно связана с вторжением в сферу национального суверенитета. У каждой страны есть собственные интересы в формировании правопорядка, которые отражают исторические, политические и социально-культурные особенности [3, с. 204]. Многие государства не готовы жертвовать правовой идентичностью ради унификации норм с международным правом.

В этом контексте нередко возникает ситуация «двойного регулирования», когда нормы международного права и национального законодательства вступают в конфликт. Одним из ярких примеров может служить вопрос юрисдикции международных судов, например, в Международном уголовном суде. Некоторые страны, такие как США, отказываются подчиняться мировым стандартам, ссылаясь на возможную угрозу своим национальным интересам [4, с. 408].

Кроме того, есть значительная разница в восприятии процесса имплементации международных норм. В одних странах блок международного права автоматически становится частью внутренней правовой системы, а в других требуется процесс легализации, что может осложнять взаимодействие этих систем и замедлять процесс гармонизации.

Существенная трудность гармонизации заключается в попытке разработать универсальные процессуальные стандарты. Одним из знаковых шагов в этом направлении стало принятие международных договоров, таких как Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Она устанавливает минимальные стандарты процессуальных прав, таких как право на справедливое судебное разбирательство, презумпция невиновности, право на защиту и равенство сторон в процессе [5, с. 56].

Однако унификация также порождает многочисленные трудности. Например, несмотря на подписанные соглашения, толкование и применение международных стандартов сильно варьируется в зависимости от национальных контекстов. Одни государства подходят к этому вопросу строго, выполняя все предписания, тогда как другие ограничиваются минимальным выполнением обязательств или игнорируют их в национальной практике.

Статья 15 Конституции Российской Федерации закрепляет роль международных договоров в национальной правовой системе, делая их частью внутреннего законодательства. Более того, в случае противоречий между международно-правовыми нормами и национальными законами приоритет отдается первым. Однако в процессуальной плоскости эта норма неоднократно сталкивалась с препятствиями в реализации. Примером может служить позиция Конституционного суда РФ, который оставляет за собой право признания решений международных судебных органов неисполнимыми, если они, по мнению суда, противоречат Конституции РФ.

Такое конституционное положение создает специфическое правовое пространство, в котором российское законодательство частично адаптирует нормы международного права, но исключает их автоматическое применение, если это угрожает национальной правовой системе и политическим интересам государства.

Международные организации играют важную роль в разработке и внедрении процессуальных стандартов. Среди таких организаций можно выделить ООН, Совет Европы, Международный уголовный суд, Всемирную торговую организацию и другие. Они разрабатывают многочисленные конвенции, руководства и стандарты, которые направлены на гармонизацию процедур [6, с. 348].

Одним из ярких примеров такой деятельности служат решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Судьями рассматриваются национальные нормы государств-участников на предмет соответствия Европейской конвенции, что стимулирует адаптацию внутреннего процессуального законодательства.

Тем не менее функция международных организаций ограничена их мандатом. Как правило, они не могут напрямую вмешиваться в законодательный процесс отдельных государств, в результате чего их акты носят рекомендательный, а не обязательный характер [7, с. 135]. Например, решения ЕСПЧ часто игнорируются странами, если их выполнение воспринимается как угроза политической стабильности или национальным интересам.

Российская Федерация, будучи участником Европейской конвенции по правам человека, взяла на себя обязательства по исполнению решений Европейского суда по правам человека. Тем не менее, ситуация осложнилась после принятия закона, предоставляющего Конституционному суду РФ право «блокировать» решения ЕСПЧ, если они противоречат Конституции РФ. Это право создало прецедент, когда международные процессуальные стандарты игнорируются на основании национального законодательства.

Введение права Конституционного суда РФ оспаривать решения ЕСПЧ также приводит к правовым конфликтам между международными обязательствами России и положениями ее внутреннего права. Это явление увеличивает проблематичность применения правовых норм в взаимосвязи международного и национального процесса.

Одним из инструментов для гармонизации процессуальных норм становится региональная или глобальная интеграция, которая предполагает создание единых правовых платформ. Европейский союз является примером успешной реализации такого подхода, где общие процессуальные стандарты разрабатываются для всех государств-членов.

Более того, в рамках ЕС действует Суд Европейского союза, который решает основные споры и контролирует соблюдение общих норм. Однако даже внутри ЕС существуют разногласия, что подчеркивает трудности данного процесса. Неоднородность экономических и правовых систем стран приводит к тому, что не все нормы могут быть реализованы на равных уровнях [8, с. 219].

Между тем в других регионах мира мы можем наблюдать менее продуктивные результаты. Например, в рамках Африканского союза лишь малый процент стран привел свое процессуальное законодательство в соответствие с общими стандартами. Это связано с экономической нестабильностью и недостаточной правоприменительной базой [9, с. 79].

Современные изменения, такие как цифровизация, также оказывают существенное влияние на дискуссию вокруг гармонизации процессуальных норм. Например, разнородность правовой регламентации использования электронных доказательств затрудняет проведение трансграничных судебных разбирательств. Государствам предстоит вырабатывать общий подход, особенно в условиях, когда технологии меняются быстрее, чем законодательства успевают адаптироваться.

Кроме того, широкое использование платформ альтернативного разрешения споров, таких как международный арбитраж, требует единых стандартов для признания и исполнения решений. Однако национальные суды часто подвергают пересмотру такие решения на основании национального права, что подрывает идеи унификации и справедливости [10, с. 164].

Таким образом, основная проблема заключается в отсутствии эффективного механизма адаптации международного процессуального регулирования в национальных правовых системах. Особую сложность представляет конфликт между «верховенством международного права» и конституционным суверенитетом государства.

Гармонизация процессуальных норм между международным и национальным правом является сложным и многогранным процессом как из-за глубинных различий правовых систем, так и в силу политических и технологических факторов. Важную роль в его реализации играют международные организации и интеграционные объединения, однако их деятельность ограничена суверенитетом государств-участников и культурными различиями.

Для достижения оптимальной гармонизации важно искать баланс между унификацией и уважением национальных особенностей. Одним из перспективных направлений может стать разработка гибридных механизмов регулирования, которые учитывают, как международные стандарты, так и национальные подходы.

Следовательно, в связи с актуальностью проблемы гармонизации процессуальных норм в международном и национальном праве, предлагается инициировать создание единого механизма, который будет способствовать более эффективной интеграции международных стандартов и норм в национальное законодательство. Для реализации этой цели необходимо создать специальный консультативный орган — Совет по гармонизации процессуальных норм, включающий представителей национальных органов власти, международных организаций, представителей академического сообщества, практикующих юристов и правозащитников. Основными задачами Совета должны стать анализ и сопоставление международных и национальных процессуальных норм, разработка рекомендаций по усовершенствованию процессуального законодательства с учетом международных стандартов, а также мониторинг и оценка исполнения международных обязательств государствами в области процессуального права.

Совет должен разработать модель интеграции международных процессуальных норм в национальное законодательство путем создания нормативных правовых актов, которые будут способствовать учету международных стандартов в национальном праве, адаптации существующих процедур-

ных правил с учетом специфики национального правопорядка и правоприменительной практики, а также формирования методических рекомендаций для судей и правоприменителей по использованию международных норм в практике.

Для успешного внедрения предложенной модели, рекомендуется ввести проектную систему в различных регионах страны. Это позволит выявить и устранить возможные недостатки в процессе интеграции на раннем этапе. Проекты должны включать обучающие программы и тренинги для судей, адвокатов и других участников процесса, тестирование новых процессуальных норм в ограниченном числе судебных дел, а также сбор и анализ отзывов участников данных проектов для последующего совершенствования законодательства.

Совет должен регулярно пересматривать и обновлять законодательство с целью учета новых международных стандартов и устранения выявленных противоречий. Это включает периодическую ревизию норм с участием экспертов в области международного права, запуск общественных обсуждений и консультаций с заинтересованными сторонами для уточнения и совершенствования норм, а также внесение необходимых изменений в законодательство и правоприменительную практику на основе полученных данных.

Предложенное создание единого механизма с участием Совета по гармонизации процессуальных норм обеспечит более эффективную интеграцию международных процессуальных норм в национальное законодательство.

Таким образом, только консолидация усилий на глобальном и локальном уровнях позволит обеспечить более стабильную и справедливую систему международного и национального права.

Список источников

1. Алексеева, И. П. Проблемы гармонизации процессуальных норм в международном праве. Москва : Наука, 2020. 352 с.

2. Баранов, Н.И. Международное процессуальное право: учебник. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2019. 408 с.

3. Головкин, С. В. Правовые основы гармонизации национальных и международных процессуальных норм: монография. Екатеринбург : Уральский университет, 2018. 260 с.

4. Кудрявцев, В. М. Теория международного процесса. Москва : Юридический мир, 2017. 576 с.

5. Толстова, А. Е. Механизм осуществления юридической помощи: нормативное закрепление и пробелы правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 3 (64). С. 54-60.

6. Шарапов, В. Ю. Гармонизация национальных норм и международных стандартов: опыт и проблемы. Москва : Норма, 2019. 484 с.

7. Зорькин, В. Д. Конституционное право и международное право: вопросы соотношения. Москва : Статут, 2018. 320 с.

8. Павлова, М. И. Международное частное право: проблемы гармонизации процессуальных норм. Москва : Статут, 2019. 301 с.

9. Лебедев, А. И. Проблемы адаптации процессуальных норм в национальном праве к международным стандартам // Право и политика. 2020. № 3. С. 76-88.

10. Савиных, Е. В. Процессуальные нормы в международных судах и арбитражах Москва : Российский университет дружбы народов, 2022. 312 с.

УДК 347.45

Шачнева Евгения Валерьевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: mail@shachneva.ru

Shachneva Evgeniia Valerievna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: mail@shachneva.ru

ОСОБЕННОСТИ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО СЧЕТА

FEATURES OF TERMINATION OF A BANK ACCOUNT AGREEMENT

Статья рассматривает некоторые проблемы, правового регулирования, относительно расторжения договора банковского счета, а также остатков денежных средств, имеющихся на таких счетах. Автор проводит анализ гражданского законодательства и правоприменительной практики основания расторжения договоров банковского счета, проблемы и пути решения.

Ключевые слова: договор, банк, правоотношения, расторжение договора, судебная практика.

This article examines some of the problems of legal regulation regarding the termination of a bank account agreement, as well as the remaining funds available in such accounts. The author analyzes the civil legislation and law enforcement practice of the grounds for termination of bank account agreements, problems and solutions.

Keywords: contract, bank, legal relations, contract termination, judicial practice.

Договор утрачивает свою силу после выполнения всех законодательных условий и детального анализа на соответствие нормативным требованиям и наличию достаточных причин для такого шага. Прекращение действия договора возможно, как по волеизъявлению одного из участников, так и на основе взаимного согласия, либо судебного постановления, вынесенного согласно действующим правовым положениям. Процесс расторжения зависит от выбранного способа завершения договора. Ликвидация соглашения требует соблюдения определенной последовательности шагов, выполняемых одной или обеими сторонами, что гарантирует соблюдение правовых норм и защиту интересов участников [1, с. 74].

В соответствии со ст. 845 ГК РФ, при открытии банковского счета, кредитное учреждение должно принимать средства и зачислять их на счет клиента. Кроме того, оно обязано выполнять его распоряжения, которые могут включать денежные переводы, выдачу наличных и прочие операции, связанные с управлением счетом [2, с. 112].

Прекращение действия договора банковского счета связано с множеством тонкостей, особенно в зависимости от того, кто инициирует процесс расторжения [3, с. 97].

Полное завершение договора наступает по воле одной из сторон. Клиент может столкнуться с необходимостью расторгнуть договор по ряду причин, среди которых могут быть и те, которые не зависят от его желания.

Причины для расторжения договора банковского счета могут быть четко указаны в самом соглашении, при этом они должны соответствовать действующему законодательству и не нарушать права сторон.

Организации, индивидуальные предприниматели и физические лица могут принять решение о переходе в другую финансовую организацию, если ее условия окажутся для них более привлекательными, а текущее предложение – недостаточно удовлетворительным. Клиенты имеют право на расторжение договора, что подтверждается постановлением Арбитражного суда Московского округа от 30.11.2022 № Ф05-25615/2022 по делу № А40-1254/2022: договор может быть аннулирован, к примеру, в случае отзыва лицензии у банка или существования иных обстоятельств, мешающих выполнению обязательств финансового учреждения [4].

При завершении договора, если клиент не предоставил информации о том, как поступить с остатками средств, следует действовать в соответствии с п. 6 ст. 859 ГК РФ. В этом случае финансовое учреждение должно перевести неиспользованные средства на специальный счет, открытый в Центральном банке России. Если речь идет о счете в иностранной валюте, то банк обязан конвертировать эту валюту в рубли. Кроме того, если закрывается счет, на котором хранятся драгоценные металлы, учреждение должно продать их по текущей рыночной цене на момент реализации.

Расторжение договора банковского счета: основания и порядок

1. По инициативе клиента.

Клиент вправе расторгнуть договор в любое время, направив соответствующее заявление (п. 1 ст. 859 ГК РФ).

2. По инициативе банка.

Банк имеет право расторгнуть договор после двухлетнего (или другого согласованного сторонами срока, но не менее полугода) отсутствия операций на счете юридического лица или индивидуального предпринимателя. Клиент будет уведомлен, и договор прекратится через два месяца после этого уведомления.

Если банк дважды или более в течение года отказывается проводить операции по счету на основании подозрений о легализации доходов, полученных преступным путем, это может послужить основанием для расторжения договора.

Если иностранный налогоплательщик не предоставляет необходимую информацию для идентификации в течение 15 рабочих дней после отказа в исполнении операции, это может стать основанием для расторжения договора.

Договор может быть расторгнут в судебном порядке по инициативе банка. Если остаток на счету клиента оказывается ниже минимального уровня, установленного внутренними правилами банка, и клиент не увеличивает баланс до необходимого уровня в течение месяца после получения предупреждения, банк может расторгнуть договор.

Банк вправе расторгнуть договор при отсутствии операций на счете в течение года, если иное не предусмотрено условиями договора.

Кроме того, основание для расторжения договора может быть связано с другими условиями, установленными в ст. 450 ГК РФ. Хотя такие случаи случаются редко, стороны могут договориться о расторжении договора при наличии конкретных условий. Так, например, суд установил, что прекращение дистанционного обслуживания было обусловлено проведением истцом в банке сомнительных операций, которые могли свидетельствовать о возможном осуществлении легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма [5].

Если у банка была отозвана лицензия, все операции по счетам клиентов временно приостанавливаются. В данной ситуации клиенты обязаны подать заявление в адрес временной администрации или конкурсного управляющего. Счет закрывается только после того, как все средства, размещенные на нем, будут полностью извлечены [6].

Расторжение договора банковского счета по инициативе клиента.

При отмене заключенного счета в банке по желанию клиента, последний вправе осуществить это действие без ограничений во времени на основании норм ГК РФ (п. 1 ст. 859).

Чтобы инициировать процесс расторжения договора, необходимо обратиться в банк с письменным заявлением. Законодательство не предъявляет жестких требований к его форме – что подтверждается Постановлением Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15.11.2021 по делу №А40-24434/2020 [13]. Банки обычно предоставляют клиентам готовые шаблоны заявлений, как в электронном виде, так и на бумажном носителе. Решение суда удовлетворило требование, поскольку во исполнение действующих договоров аренды арендатор произвел внесение арендных платежей авансом, после чего вступившим в законную силу судебным актом спорные договоры аренды были признаны расторгнутыми [8]. Во исполнение вступившего в законную силу решения суда арендатор возвратил арендодателю земельные участки, при этом от подписания акта возврата земельных участков арендодатель уклонился.

Полное закрытие счета выступает заключительной фазой процесса аннулирования договора банковского обслуживания. После представления клиентом заявления, банк обязан произвести возврат остатка средств на его счет или перечисление указанному адресату в течение семи календарных дней.

Некоторые банки могут устанавливать комиссии за перевод остатка средств при завершении договора. Однако такие условия иногда могут быть признаны судом несправедливыми [9]: в результате рассмотрения дела судом года приняты важные решения по двум различным комиссиям. Первое решение касалось комиссии за межбанковский платеж, в удовлетворении требования по которой было отказано. Основанием для отказа послужил тот факт, что комиссия была списана за самостоятельную услугу по межбанковскому платежу на бумажном носителе, осуществленному по распоряжению клиента.

Второе решение было более благоприятным для клиента и касалось комиссии за платеж в пользу физического лица. Суд удовлетворил требование, приняв во внимание специфические обстоятельства перевода. Было установлено, что спорный перевод осуществлялся не как очередной платеж, а в связи с закрытием счета. Суд признал взимание данной платы несправедливым договорным условием, которое ухудшает положение клиента. Это решение демонстрирует защиту прав потребителя финансовых услуг и стремление судебной системы предотвращать необоснованное взимание комиссий банками.

Важно отметить, что банк не имеет права препятствовать клиенту в закрытии счета. Например, он не может требовать от клиента погашения долгов или выполнения других обязательств, связанные с кредитами, так как такие действия считаются неправомерными. Так, по при рассмотрении одного из дел, судом удовлетворено требование в части взыскания неосновательного обогащения в связи с подтверждением отсутствия правовых оснований для списания банком комиссии. В удовлетворении требования в части взыскания убытков отказано, так как не доказан их элементный состав [10].

Несмотря на установленные процедуры, на практике могут возникать трудности, связанные с использованием клиентом устаревшей паспортной информации или с несвоевременным представлением необходимых документов. Важно, чтобы клиенты были внимательны к актуальности своих данных и соблюдали все необходимые сроки для подачи документов.

Кроме того, суд пришел к выводу, что в целях обеспечения сохранности имущества гражданина и соблюдения баланса прав должника и кредиторов, финансовый управляющий обязан использовать один (основной) счет для финансовых операций должника, что не свидетельствует о его обязанности и необходимости именно закрытия всех счетов должника.

Банковские отказы в расторжении договоров могут быть оспорены в суде [11].

Например, когда компания запросила закрытие счета и перевод средств, банк отказал, заподозрив отмывание денег. Суд признал отказ неправомочным, сославшись на отсутствие веских причин [12].

В другом примере ситуация оказалась более запутанной. Компания попыталась расторгнуть договор банковского счета через электронные каналы связи, применяя электронную цифровую подпись. Однако суд отклонил иск, сославшись на законодательные требования, предусматривающие обязательную идентификацию клиента (или его представителя) при подаче заяв-

ления о закрытии счета. Суд отказал удовлетворить исковые требования, поскольку ответчик не представил доказательств того, что подпись в заявлении о расторжении договора банковского счета не принадлежит исполнительному органу истца. При этом суд опирался на п. 1 ст. 845 ГК РФ, согласно которому по договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету [13].

Такие судебные решения создают преграды для развития цифровых технологий и создания комфортной деловой атмосферы. Они демонстрируют парадоксальную ситуацию: хотя стороны согласны, что одно лицо отправило другому письмо, оно теряет юридическую значимость. Это подчеркивает необходимость пересмотреть существующие правовые нормы и адаптировать их к современным реалиям, чтобы облегчить взаимодействие между клиентами и банками.

Расторжение договора банковского счета по инициативе банка. Российское законодательство предоставляет банку право на одностороннее расторжение договора банковского счета. Процедура и правила такого расторжения отличаются для физических и юридических лиц (включая организации и индивидуальных предпринимателей). Для физических лиц договор может быть прекращен, если на их счете не было движения средств в течение двух лет.

Банк может расторгнуть договор, если на счете не проводились операции в течение двух лет или иного срока, установленного договором. Минимальный срок, по которому договор может быть расторгнут в этом случае, составляет шесть месяцев (абз. 2 п. 2 ст. 859 ГК РФ) [14, с. 65].

При обеих ситуациях банк должен проинформировать клиента о решении прекратить действие договора, и по окончании двухмесячного периода с даты уведомления договор автоматически считается расторгнутым. В отношении физических лиц банком предусмотрена возможность одностороннего расторжения соглашения при условии отсутствия транзакций на счету свыше двух лет. При выявлении застоя средств в течение указанного периода, клиенту направляется уведомление о намерении прекратить сотрудничество [15, с. 28]. В случае если после такого предупреждения на протяжении следующих двух месяцев не произойдет ни одной финансовой операции, действие договора будет аннулировано без возможности восстановления.

Анализ действующего законодательства о договорах банковских счетов выявляет значительные пробелы, особенно в части защиты прав клиентов, которые зачастую оказываются в менее выгодных условиях по сравнению с банками. Необходимо пересмотреть законодательство таким образом, чтобы оно обеспечивало справедливость и баланс интересов обеих сторон.

Анализ судебной практики, касающейся законности действий банков в рамках договоров на обслуживание счетов, выявило разнообразие подходов к решению подобных конфликтов. В некоторых случаях суды поддерживают банки, признавая их право вводить ограничения на предоставление

услуг при условии соблюдения внутренних регламентов. В то же время в других случаях суды акцентируют внимание на том, что банки не должны оценивать экономическую деятельность клиентов и обязаны опираться только на документы, представленные клиентами по запросу.

С целью уменьшения количества судебных дел предлагается внести изменения в ст. 859 ГК РФ, добавив новый п. 1.3 следующего содержания: «Банк не имеет права без оснований расторгать договор, если это не указано в условиях сделки». Данная инициатива значительно усилит защиту прав клиентов. Также целесообразно рассмотреть изменение п. 4 ст. 859 ГК РФ, чтобы он гласил: «Расторжение договора банковского счета должно считаться основанием для закрытия счета клиента с момента подачи соответствующего заявления».

Список источников

1. Денисюк, С. П., Толстова А. Е. Договорное право: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2020. 108 с.
2. Толстова, А. Е., Зыбина, О. С. Обязательственное право (учебное пособие). Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2020. 176 с.
3. Зыбина, О. С., Толстова, А. Е. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2019. 196 с.
4. Постановление ФАС Московского округа от 30.11.2022 по делу № Ф05-25615/2022. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Решение АС города Москвы от 27.09.2023 по делу № А40-113184/2023. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление 9 ААС от 03.08.2022 по делу № 09АП-42629/2022. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление ФАС суда Волго-Вятского округа от 25.02.2022 по делу № А17-8755/2020. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление ФАС Московского округа от 15.11.2021 по делу № Ф05-20811/2020. [Электронный ресурс] - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление ФАС Уральского округа от 30.01.2024 по делу № Ф09-9609/23. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 13.02.2024 по делу № Ф08-13424/2023. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постановление ФАС Московского округа от 30.08.2023 по делу № Ф05-19287/2023. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Постановление ФАС Московского округа от 02.11.2021 по делу № Ф05-24512/2021. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Решение АС города Москвы от 23.06.2020 по делу № А40-24434/20-137-185. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Толстова А. Е. Способы защиты нарушенных прав при совершении крупных сделок // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 2 (51). С. 63-68

15. Попова Е. С. К вопросу о недействительности сделок // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 3 (56). С. 25-31.

УДК 347.1

Шостенко Елена Сергеевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: shostenkoelena@yandex.ru

Shostenko Elena Sergeevna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: shostenkoelena@yandex.ru

ВЕРСИОННЫЙ ИСК КАК СУБСИДИАРНОЕ СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ ПОРЯДКЕ

A VERSIONING CLAIM AS A SUBSIDIARY REMEDY IN THE RUSSIAN LEGAL ORDER

В статье представлена характеристика сложившихся научных подходов к проблеме версионных исков в российском правопорядке. Раскрыта сущность историко-генетического, компаративистского и функционального способов изучения конструкции версионного иска. Версионный иск рассматривается как относительно самостоятельная конструкция субсидиарного характера, непосредственно вытекающая из нравственных оснований гражданского права.

Ключевые слова: неправомерное обогащение, кондикционный иск, версионный иск, формализованное правоприменение, справедливость.

The article presents a description of the established scientific approaches to the problem of versioning lawsuits in the Russian legal order. The essence of historical-genetic, comparative and functional methods of studying the construction of a versioned claim is revealed. A versioning claim is considered as a relatively independent construction of a subsidiary nature, directly arising from the moral foundations of civil law.

Keywords: unjust enrichment, conditional lawsuit, versioned lawsuit, formalized law enforcement, justice.

До недавнего времени версионный иск не привлекал к себе особо

пристального внимания. Более того, далеко не все цивилисты допускали существование verso-иска как такового в современном российском правопорядке, хотя в практике арбитражных судов и отмечались дела, максимально приближенные к классической, известной еще римскому праву конструкции версионного иска.

В настоящее время сложились три научных подхода исследователей к правовой природе версионного иска.

Историко-генетический подход заключается в восстановлении основных этапов возникновения и развития версионных исков. Ретроспективный взгляд обращен в первую очередь к праву обогащения у древних римлян. Римские юристы под обогащением одного лица за счет другого понимали увеличение имущества одного без соответствующего эквивалента в имуществе другого либо неуменьшение одного имущества в той мере, в какой оно должно было бы уменьшиться в силу сложившихся юридических отношений сторон. Это квалифицировалось как не соответствующее основному началу справедливости (равенству) и признавалось неправомерным. Сумма полученного таким образом обогащения подлежала возврату [1, с. 147].

Однако столь широкое правило справедливости ограничивалось римскими юристами путем признания, что возврату подлежит не всякое, а лишь такое обогащение, которое имеет какое-либо неправомерное основание (injusta causa), но не деликт. К неправомерному относилось то, что не было основано на постановлениях закона или на формально правильных юридических актах. Вместе с тем несомненное обогащение одного лица за счет другого, в ущерб ему имеет место и при дарении, а также прощении долга и в других ситуациях, которые неправомерного обогащения не образуют.

Отношения, из которых возникали эти иски, в классическую эпоху не были едиными и самостоятельный институт права не составляли. Практическое значение имело лишь то, что считалось справедливым восстанавливать прежнее юридическое положение, если между отдельными лицами в силу тех или иных обстоятельств возникали отношения по обладанию вещами и ценностями, которых при нормальном порядке вещей быть не должно, т.е. отношения, противные праву, ему не соответствовавшие.

При компаративистском подходе внимание сосредоточено на том, как конструкция версионных исков, воспринятая в составе римского юридического наследия, развивалась в европейских правопорядках нового исторического времени и каковы ее современные черты. Как отмечают К. Цвайгерт и Х. Кетц, такой подход к проблеме обогащения посредством действия третьего лица получил развитие в европейской юридической литературе и на практике после дела Будье, рассмотренного Кассационным судом Франции в 1892 году [2, с. 156].

Компаративистский анализ позволяет, в частности, сделать общий вывод о существовании двух моделей неосновательного обогащения - кондикционной и версионной, первая из которых в российской правовой

системе, безусловно, превалирует.

В рамках функционального подхода осуществляется теоретическое обоснование относительной самостоятельности версионных исков, специфики их конструкции, а также анализируются перспективы их применения в правотворческой и судебной практике [3, с. 66]. Данный подход представляется нам перспективным в свете современных тенденций к отступлению от избыточно формализованного правоприменения, поскольку позволяет наиболее наглядно продемонстрировать одну из конкретных реализаций нравственных оснований гражданского права.

Так, в тех правопорядках, где версионный иск широко известен, он закреплен в роли субсидиарной меры защиты и применяется при условии, что иные механизмы защиты законных интересов отсутствуют.

В подобных ситуациях обычно представлена следующая система правоотношений, в которую вовлечены три лица:

1) договорные отношения между потерпевшим и третьим лицом, в рамках которых потерпевший передает имущество (либо выполняет работы), притом в нарушение договора встречного предоставления не получает;

2) отношения между третьим лицом и обогатившимся лицом (конечным бенефициаром), в силу которых обогатившийся получает имущество (либо результат работ).

«Неосновательное» и «несправедливое» обогащение суть нетождественные категории, хотя имеют между собой много общего, а иногда и перекрещиваются. В обоих случаях мы имеем дело с дефектным, неправильным распределением неких защищаемых законом благ. Но понятие неосновательного обогащения предполагает отсутствие основания, и тем самым оно сопряжено с юридическим формализмом, тогда как в понятии несправедливого обогащения ключевым компонентом является справедливость применительно к конкретной юридической сделке, так что в данном случае требуется выход за пределы формализма путем судейской дискреции, не исключающей, однако, правовой определенности выводов суда. Необходимо опираться на основополагающие принципы гражданского права, в первую очередь на принцип добросовестности, с которым сопряжена сама идея verso-исков.

Вместе с тем и «неосновательное», и «несправедливое» обогащение сосуществуют в рамках одного и того же правового механизма защиты, посредством которого обеспечивается возврат материальных благ, полученных вопреки праву.

Условиями кондикционных исков в современных правопорядках являются предоставление, отсутствие правового основания для данного предоставления и прямая передача блага от истца к ответчику.

Версионные иски не имеют в качестве условия предоставление со стороны истца. Такие иски инициируются в ситуациях нарушения не формальных (позитивированных) правовых предписаний, но основополагающих принципов права, так что суд должен устранить конкретную несправедливость, т.е. нарушение справедливости, определив баланс интересов сторон через анализ и оценку последствий, которые

повлекла передача имущества для обеих сторон при сложившихся обстоятельствах.

Никакая правовая система, базирующаяся на строгости и юридическом формализме, не может функционировать без минимальной гибкости, которая обеспечивается признанием и применением принципа справедливости [4, с. 7]. Следовательно, с точки зрения общеправовых закономерностей не существует каких бы то ни было объективных препятствий для признания и распространения версионных исков в российской правовой системе в качестве субсидиарного средства защиты права.

Тем не менее в современном российском правопорядке отмечаются две проблемные зоны, которые, на наш взгляд, отдаляют перспективу полноценного и эффективного использования конструкции verso-иска, хотя бы и в субсидиарной функции. Первая проблема заключается в примитивизации гражданского права — негативном явлении, которое, по наблюдениям
А. А. Иванова, выражается в невостребованности многих, в основном сложных институтов гражданского права. В тех редких случаях, когда они все же используются, они направлены на достижение иных результатов, чем в развитых правопорядках. При заключении различных типов договоров приоритет отдается наиболее простым, элементарным конструкциям, а при защите интересов по факту чаще всего прибегают к способам, не требующим обращения в суд. В итоге получается своего рода примитивизация: гражданский оборот существенно отстает от гражданского законодательства [5, с. 3-4].

Заметим, что обычно наблюдается прямо противоположная картина: законодательство не успевает за регулируемой им реальностью, и это обстоятельство становится мощным стимулом для выработки все более сложных и совершенных нормативных юридических конструкций. Если же имеющиеся сложные институты, характерные для развитого правопорядка, остаются невостребованными, то тем самым дальнейшее развитие исключается и деградация отдельных элементов правопорядка оказывается неизбежной.

Вторая проблема связана с так называемым позитивистским уклоном правосознания судей, т.е. с негативным стереотипом если не неприятия, то во всяком случае настороженного отношения к полноценной реализации дискреционных полномочий суда через применение правовых принципов, особенно тех, что вытекают из этического обоснования права [6, с. 111].

В заключение, отвечая на вопрос о будущем версионных исков в российском правопорядке, хотелось бы занять оптимистическую позицию, основания для которой усматриваем в следующем:

- конструкция verso-исков органично вписывается в общие закономерности развития и функционирования права, сочетающего в себе и юридический формализм, и содержательную правовую справедливость;

- конструкция verso-исков непосредственно связана с нравственными началами гражданского права, а история человечества показывает, что раз-

витие цивилизации шло по пути утверждения всеобщих нравственных начал, а следовательно, за ними будущее.

Список источников

1. Богданов, Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект: монография. Москва : Проспект, 2016. 304 с.

2. Ерохова М. Зачем на русский язык переведена статья профессора Манчестерского университета Ф. Жилио о «несправедливом» и «неосновательном» обогащении? // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 12. С. 151-162.

3. Толстова, А. Е. Способы защиты нарушенных прав при совершении крупных сделок // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 2 (51). С. 63-68.

4. Кондратюк, Д. Л. Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России (на примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 28 с.

5. Иванов А. А. Проблема примитивизации гражданского права России // Закон. 2015. N 5. С. 2 - 8.

6. Шевчук, С. С. Гражданское право: современные тенденции реформирования частного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 1 (58). С. 108-116.

УДК 347.72.01

Шумилов Кристиан Эрихович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: krisshumilov@yandex.ru

Shumilov Christian Erichovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: krisshumilov@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE FIELD OF BUSINESS LICENSING

В статье рассматриваются общетеоретические проблемы лицензирования отдельных видов предпринимательской деятельности. Лицензирование предпринимательской деятельности представляет собой важный элемент правового регулирования в Российской Федерации. Оно обеспечивает контроль за качеством предоставляемых товаров и услуг, а также защищает интересы граждан и государства. В статье анализируются основные аспекты правового регулирования в сфере лицензирования предпринимательской деятельности в России, рассматриваются ключевые законодательные акты, практика применения лицензий, а также проблемы и перспективы развития

системы лицензирования. Анализируется соотношение различных видов государственного контроля, в частности лицензирования

Ключевые слова: лицензирование, предпринимательская деятельность, правовое регулирование, лицензия, лицензируемые виды деятельности, вид деятельности.

The article discusses the general theoretical problems of licensing certain types of business activities. Licensing of business activities is an important element of legal regulation in the Russian Federation. It ensures control over the quality of goods and services provided, as well as protects the interests of citizens and the state. The article analyzes the main aspects of legal regulation in the field of business licensing in Russia, examines key legislative acts, the practice of applying licenses, as well as problems and prospects for the development of the licensing system. The correlation of different types of state control, in particular licensing, is analyzed.

Keywords: licensing, entrepreneurial activity, legal regulation, license, licensed activities, type of activity.

Лицензирование предпринимательской деятельности представляет собой важный механизм, который обеспечивает контроль за соблюдением стандартов безопасности и качества в различных секторах экономики. Этот процесс включает в себя получение официального разрешения на осуществление определенных видов деятельности, что не только способствует государственному регулированию, но и защищает права потребителей. Лицензия, по сути, служит гарантией того, что организация или индивидуальный предприниматель будут действовать в рамках установленных норм и требований, что особенно критично в тех сферах, где возможны риски для здоровья и безопасности граждан.

Как отмечает С. Н. Шишкин, лицензирование — это «организационная форма государственного регулирования экономики, обладающая достаточно радикальным характером» [1, с. 141, 145].

Спектор Е. И. добавляет, что «лицензирование, являясь специальным административно-правовым режимом, представляет собой универсальный и эффективный инструмент легитимации в рамках государственного регулирования экономики» [2, с. 23]. Таким образом, можно сказать, что лицензирование — это не просто формальность, а необходимый шаг для обеспечения безопасной и качественной деятельности на рынке.

Лицензирование по мнению А. Н. Борисова — это основное и важное средство административного воздействия, с помощью которого граждане нашего государства смогут расширить свою деятельность через наличие соответствующих нормативных актов [3, с. 54]

Лицензия — это документ, который разрешает осуществление конкретного вида деятельности при строгом соблюдении установленных требований и условий. Она может быть выдана как юридическому лицу, так и индивидуальному предпринимателю. Основным нормативным актом, регулирующим процесс лицензирования в Российской Федерации, является Феде-

ральный закон от 04.05.2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее – Закон о лицензировании). Закон о лицензировании устанавливает ключевые принципы лицензирования, определяет виды деятельности, подлежащие лицензированию, а также описывает процесс получения и прекращения действия лицензий.

Существует множество видов деятельности, которые требуют получения лицензии, включая, но не ограничиваясь:

1. Услуги связи, теле- и радиовещания;
2. Частная детективная (сыскная) деятельность;
3. Частная охранная деятельность;
4. Образовательная деятельность.

Однако стоит отметить, что Закон о лицензировании не является единственным нормативным актом, регулирующим этот процесс. По данным государственных источников, около ста видов деятельности подлежат лицензированию в рамках различных законов. Кроме того, существуют нормативные акты, которые детализируют лицензирование в специфических сферах. Например, в области медицины действует Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а в сфере образования — Федеральный закон от 29.12.2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Процесс получения лицензии включает несколько ключевых этапов, которые начинаются с подачи заявления. Затем происходит проверка соответствия заявителя установленным требованиям, принятие решения о выдаче лицензии и регистрация лицензии в соответствующих органах. Для регистрации в качестве индивидуального предпринимателя необходимо заполнить форму Р21001, где следует указать код предпринимательской деятельности, подлежащей лицензированию. Этот код новоиспеченные предприниматели должны определить в соответствии с п. «а» п. 1 ст. 22.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Важно отметить, что для правильного определения вида деятельности необходимо тщательно изучить Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОК029-2001), сокращенно — ОКВЭД. Лицензия имеет ограниченный срок действия, и по истечении этого срока предприниматель обязан продлить ее. Получение лицензии в специализированный орган требует представления ряда документов, которые зависят от вида лицензируемой деятельности; эти требования указаны в Положении о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденном Правительством РФ. К таким документам могут относиться сведения о наличии у соискателя объектов недвижимости, транспортных средств, оборудования, а также наличие работников с соответствующим образованием, квалификацией и опытом работы. Также могут предъявляться требования к размеру уставного капитала и отсутствию задолженности перед третьими лицами. Решение о предоставлении лицензии принимается соответствующим органом в течение 45 рабочих дней. В этот период проверяется соответствие индивидуального предпринимателя всем необходимым требованиям. Оформление решения происходит в виде приказа. По-

сле положительного решения лицензирующий орган формирует лицензионное дело индивидуального предпринимателя, в которое входят: заявление, приказ, копия лицензии и другие документы. После принятия положительного решения лицензирующим органом формируется лицензионное дело индивидуального предпринимателя, в котором находятся: заявление, приказ, копия лицензии и иные документы.

За незаконное осуществление предпринимательской деятельности без лицензии, либо с нарушением лицензионных требований, ст. 14.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ установлена ответственность. В случае если в результате такой деятельности будет причинен ущерб или получен доход в крупном размере предпринимателя могут привлечь к уголовной ответственности по ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

Лицензирование характеризуется наличием различных лицензирующих органов, которые варьируются в зависимости от специфики деятельности. Например, в сфере строительства контроль осуществляет Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, тогда как в области фармацевтики надзором занимается Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения, известная как Росздравнадзор [4, с. 79].

Одной из ключевых задач лицензирования является обеспечение соблюдения стандартов качества и безопасности. Лицензия выступает в роли гарантии того, что организация будет функционировать в соответствии с установленными нормативами, что, в свою очередь, защищает интересы потребителей и минимизирует риски для здоровья и безопасности граждан [5, с. 61]. Более того, процесс лицензирования способствует формированию конкурентной среды, где компании обязаны придерживаться определенных стандартов и требований для ведения своей деятельности на рынке. Это, в свою очередь, повышает доверие потребителей к предлагаемым товарам и услугам.

Список источников

1. Шишкин, С. Н. Предпринимательско-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики. Москва : Инфотропик Медиа, 2011. 319 с.

2. Спектор, Е. И. Правовые иллюзии и реалии Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Законодательство и экономика. 2011. № 7. С. 22-25.

3. Борисов, А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (постатейный). Москва : Юстицинформ», 2018. 110 с.

4. Зыбина, О. С., Барило, С. Е., Толстова, А. Е. Потребительское право: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 124 с.

5. Толстова, А. Е. Компетенции исполнительного органа в управлении предпринимательской корпорации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1 (46). С. 60-64.

УДК 347.51

Щепалина Ксения Дмитриевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Shchepalina Ksenia Dmitrievna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

ПОТЕРПЕВШИЙ И ТРЕТЬИ ЛИЦА КАК УЧАСТНИКИ ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

THE VICTIM AND THIRD PARTIES AS PARTICIPANTS IN TORT OBLIGATIONS

В статье рассмотрены отдельные вопросы участия потерпевшего и третьих лиц в деликтных обязательствах. Особое внимание уделено субъектному составу обязательств, возникающих из причинения вреда источником повышенной опасности. Характеризуется право на справедливое возмещение вреда и особенности определения размера возмещения.

Ключевые слова: деликтное обязательство, источник повышенной опасности, жизнь и здоровье, компенсация, размер возмещения, индексация.

The article discusses certain issues of the participation of the victim and third parties in tort obligations. Special attention is paid to the subject composition of obligations arising from the infliction of harm by a source of increased danger. The right to fair compensation for harm and the specifics of determining the amount of compensation are characterized.

Keywords: tort obligation, source of increased danger, life and health, compensation, amount of compensation, indexing.

Фигура потерпевшего имеет особое значение в процессе, так как его действия или бездействие напрямую сказываются на деликтных обязательствах. Согласно ст. 1079 ГК РФ, причинитель вреда освобождается от ответственности, если будет доказано, что со стороны потерпевшего имелся умысел на получение ущерба. В дальнейшем Пленум Верховного суда России в Постановлении от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» (далее – Постановление № 1) разъяснил это правило более подробно. В частности, Постановление № 1 оговаривало, что владелец источника повышенной опасности может быть освобожден судом от ответственности, если докажет, что вред причинен вследствие противоправного поведения потерпевшего, при котором потерпевший не только предвидит, но и желает либо сознательно допускает наступление вредного результата (например, суицид).

При отсутствии вины владельца источника повышенной опасности, при наличии грубой неосторожности лица, жизни или здоровью которого причинен вред, суд не вправе полностью освободить владельца источника повышенной опасности от ответственности. В этом случае размер возмещения вреда, за исключением, в соответствии с ст. 1089 ГК РФ, расходов на погребение или возмещение утрат, связанных с потерей кормильца, подлежит уменьшению. Процент уменьшения законом не оговорен и остается на усмотрении суда [1].

Хотя жизнь и здоровье человека являются нематериальными благами, которые не имеют денежной оценки, суд, как правило, оценивает доход, утраченный потерпевшим, расходы на лечение, которые он понес. Моральный вред, связанный с потерей близкого человека, оценивается всегда субъективно, и его оценка обычно зависит от благосостояния причинителя вреда.

Существующая ныне система компенсаций работает относительно эффективно, если ущерб жизни и здоровью был причинен вследствие дорожно-транспортного происшествия, а виновник аварии имел полис обязательного страхования автогражданской ответственности. Однако и здесь закон демонстрирует пробелы, о чем пойдет речь далее. Застрахованная гражданская ответственность юридического лица, например, строительной организации, также улучшает шансы потерпевшего на своевременную справедливую выплату. Однако институт страхования в России пока не развит должным образом. Таким образом, у потерпевшего возникают два пути для получения компенсации с причинителя вреда: досудебный и судебный. В некоторых делах, например, в связи с радиационной травмой, срок давности по возмещению ущерба жизни и здоровью может достигать 20 лет. В отличие, например, от США, российские ответчики редко прибегают к досудебному урегулированию споров, так как судебные расходы у нас относительно невелики, приставы работают неэффективно, особенно, если причинитель вреда имеет неофициальные доходы, и большинству ответчиков выгодно затягивать судебный процесс, затем не торопиться с выплатой по иску, так как при весьма посредственной работе приставов у ответчика есть шанс сохранить свои деньги [2, с. 72].

Помимо непорядочных ответчиков, право на справедливое возмещение вреда существенно ограничивает инфляция. В случаях, если гражданам РФ удается реализовать в суде свое право на компенсацию за утрату своего здоровья или родственника и даже добиться ее регулярной выплаты, неудовольствие может проявиться спустя несколько лет. Статья 1085 ГК РФ гарантирует возмещение гражданину утраченного им заработка, которого он лишился в результате травмы. Кроме того, статья обязывает причинителя вреда возмещать расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение. Законом или договором размер возмещения вреда, причитающегося потерпевшему в соответствии со ст. 1085 ГК РФ, может быть увеличен, но на практике эта ого-

ворка не работает. Статья 1086 ГК РФ разъясняет, что размер подлежащего возмещению утраченного потерпевшим заработка определяется в соответствии с его средним заработком в течение года перед полученной травмой. Впрочем, если назначение потерпевшего на высокооплачиваемую должность состоялось меньше чем за год до происшествия, суд будет высчитывать компенсацию именно в соответствии с зарплатой за последние месяцы, так как именно этот доход потерпевший должен был получать в последующие годы – но оказался лишен такой возможности [3, с. 11].

Граждане, получившие профзаболевание и получающие соответствующую компенсацию по иску, неоднократно поднимали вопрос о необходимости индексировать их ежемесячное вспомоществование. Гражданин, утративший трудоспособность и вынужденный расстаться с должностью, на которой зарабатывал в 2003 году 20 тысяч рублей, предпочел бы получать компенсацию в соответствии с окладом, который соответствует этой должности на текущий день. А это, по прошествии 15 лет, может быть и 40 тысяч, и даже больше. Но ст. 1091 ГК РФ предусматривает индексацию пропорционально повышению установленного законом минимального размера оплаты труда, а не в соответствии с зарплатой на предприятии. Гражданско-процессуальным кодексом оговорена возможность настоять на индексации выплат, но в том лишь случае, если судебное решение или его исполнение было по вине ответчика, который, например, уклонялся от участия в процессе. Общероссийская система индексации отсылает к правилу, предусмотренному ст. 318 ГК РФ: «Сумма, выплачиваемая по денежному обязательству непосредственно на содержание гражданина: в возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, по договору пожизненного содержания и в других случаях - индексируется с учетом уровня инфляции в порядке и случаях, которые предусмотрены законом». При отсутствии дальнейших четких легальных предписаний о порядке индексации таких сумм полагаем возможным осуществлять их увеличение с учетом роста прожиточного минимума в Российской Федерации.

Как отмечают в своей статье «Характеристика типичных нарушений прав больных, пострадавших от профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве» И.В. Бойко и Е.В. Виноградова, неполная индексация среднего заработка для исчисления страховых выплат является типичным нарушением материальных прав пострадавших со стороны Фонда социального страхования. В первые годы после приобретенного на производстве заболевания страховая выплата может соответствовать прежнему заработку. Но по прошествии нескольких лет покупательная способность выплат будет существенно снижаться из-за постоянных инфляционных процессов. В 1993 году, когда в РФ имела место гиперинфляция, был введен механизм индексации страховых выплат на специально установленные по годам коэффициенты. Таким образом, ФСС следует каждый год пересчитывать размер ежемесячных страховых выплат, учитывая все возрастающее с каждым годом количество повышающих коэффициентов. Однако сотрудники ФСС применяют не все коэффициенты. Особенно страдают на этой почве граждане, прекратившие работу 15-20 лет назад, но обратившиеся в ФСС из-

за несвоевременной официальной диагностики профзаболеваний только в настоящее время. По смыслу правовых норм имевшийся 15-20 лет назад заработок должен подвергнуться процедуре «осовременивания» путем увеличения с применением значительного количества повышающих коэффициентов. В ряде случаев ФСС вовсе отказывается делать подобный перерасчет, ссылаясь на свои внутренние инструкции. Показательным является случай, когда одному больному, прекратившему в конце 1990 года работу в профессии экскаваторщика с заработком в 300-400 рублей, были назначены ежемесячные страховые выплаты в размере 5 рублей 85 копеек» [4].

Работа И. А. Бойко и Е. В. Виноградовой была написана в 2010 году, спустя два года после мирового финансово-экономического кризиса, и ученые не обошли вниманием тот факт, что несправедливость по отношению к инвалидам производства наиболее остро проявилась именно после кризиса. «Так, — пишут авторы, — в 2009 г. выплаты индексировались на 13%, в 2010 г. – только на 10%, а с 01.01.2011 предусмотрена их годовая индексация всего на 6,5%. Несопоставимость величин индексации с реальным ростом цен очевидна. Кроме того, появилось ограничение на оплату проезда больных к местам санаторно-курортного лечения, выражающиеся в разрешении оплачивать только проезд в общем или плацкартном вагоне железной дороги тогда как ранее не было ограничений на оплату проезда в купейном вагоне или даже самолете».

В 2002 году в России был принят Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее - Закон об ОСАГО), что в какой-то степени гарантировало финансовую защиту гражданам, пострадавшим в результате ДТП, и указало нарушителям на неотвратимость наказания, так как причинителям вреда отныне предстояло отвечать не перед гражданами, ставшими по их вине инвалидами, а перед страховыми компаниями, имеющими в штате сильных юристов. За последующие 20 лет Закон об ОСАГО совершенствовался, росла и правовая грамотность населения, и автомобилисты стали воспринимать как должное, что отсутствие их вины в происшествии не всегда освобождает от роли ответчика в гражданском процессе, так как причнитель вреда управляет источником повышенной опасности. Тем не менее, потребовалось еще восемь лет, пока взаимосвязь выплат и причисление объекта, причинившего ущерб, к источникам повышенной опасности, установил Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении № 1.

Сейчас ситуация складывается таким образом. Гражданин, утративший трудоспособность, или ребенок, потерявший родителя-кормильца, получают по ОСАГО ежемесячные выплаты в установленном судом размере. Закон об ОСАГО предусматривает возможность получить выплату за три года вперед, но, как правило, на такие уступки идут не страховые компании, а частные лица. Частным лицам приходится принимать обязанности по выплатам от страховой компании как только заканчивается лимит по ОСАГО, равный, как уже сказано, 500 тысячам рублей. Как уточнил пленум, суд может уменьшить размер выплат, если имела место грубая неосторожность потерпевшего, или если причинитель вреда сам имеет тяжелое материальное

положение, но не может отменить их совсем. Суммы утраченного заработка могут достигать весьма крупных цифр. Так, в 2016 году ПАО «РЖД» явилась ответчиком по иску, где истцом выступал крупный инженер-автодорожник, лишившийся ступни в результате наезда поезда. Несмотря на допущенную потерпевшим грубую неосторожность, суд встал на его сторону и обязал ПАО «РЖД» выплачивать инженеру, утратившему 80 процентов трудоспособности, 300 тысяч рублей ежемесячно, причем, на протяжении всей жизни, а не только до достижения им пенсионного возраста. Суд также определил индексацию платежей в размере 5 процентов годовых [5].

Для физического лица такого рода выплаты могут оказаться непосильным бременем. Как правило, суд взыскивает с причинителя вреда 50 процентов его месячного дохода, что побуждает его искать работу с «серым» заработком. Для гражданина, лишившегося здоровья и трудоспособности в результате чужой ошибки или осознанных противоправных действий, весьма тяжким испытанием становится ожидание платы по иску, особенно если суд предполагает погашение исковой суммы равными частями в течение длительного времени, а не единовременно. По этой причине юристы обычно рекомендуют заключать с виновным мировое соглашение с единовременной выплатой даже если выплата по нему составит сумму меньше ожидаемой. Несовершеннолетний гражданин, чьему здоровью и трудоспособности был причинен вред, получает компенсацию, соответствующую прожиточному минимуму, вне зависимости от того, какие надежды возлагали на будущего работника родители и педагоги, и какой потенциал был ему уготован в случае успешного получения образования. Потерпевшие неоднократно требовали привязать причитающие им выплаты к размеру среднего заработка по региону или по стране в целом, но безуспешно.

В 2014 году депутат Государственной Думы, член комитета ГД по транспорту О. А. Нилов предлагал изменить систему возмещения вреда по ДТП со смертельным исходом, правда, лишь для тех эпизодов, где виновником оказывался нетрезвый водитель. По мнению депутата, водитель, в случае признания его виновным, должен выплачивать весь ущерб потерпевшей стороне единовременно, в том числе и за счет своих активов или имущества. Мало того, осужденный к реальному сроку виновник ДТП не мог бы, согласно законопроекту, выйти на свободу условно-досрочно прежде чем данная выплата была бы осуществлена на 100 процентов. Соответствующую поправку депутат предлагал внести в уголовное законодательство. Инициатива депутата не была воплощена, так как была признана коллегами нежизнеспособной [6, с. 17].

Пожизненные выплаты с ежегодной индексацией являются успешным механизмом защиты для всех пострадавших и даже членов их семей, но осуществить такую систему на практике довольно сложно. Относительно эффективно она работает в тех случаев, когда причинителем вреда признано богатое предприятие, например, ПАО «Российские железные дороги».

В силу требований ст. 1088, 1089 ГК РФ в случае потери кормильца нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего или имевшие ко дню его смерти право на получение от него содержания, имеют право на

возмещение вреда в размере той доли заработка (дохода) умершего, которую они получали или имели право получать на свое содержание при его жизни. В соответствии со ст. 1083 ГК РФ вина потерпевшего при возмещении вреда в связи со смертью кормильца не учитывается.

Параграф 2 гл. 59 ГК РФ регулирует отношения, связанные не только с возмещением ущерба жизни и здоровью, но также с оплатой расходов на погребение – и прочих трат, связанных с похоронами. Так, в Хабаровске на виновника ДТП возложили траты на авиабилеты из Новой Зеландии и обратно: проживавшая в Новой Зеландии дочь погибшей, подавшая в суд, проиграла дело в первой инстанции, но выиграла во второй. Хабаровский краевой суд рассудил, что дорога до места похорон должна входить в число расходов на погребение, соответственно, право на возмещение средств гарантируется ст. 1094 ГК РФ. В формулировке решения было указано: «участие в погребении родственников является обрядовым действием по захоронению тела человека в соответствии с обычаями и традициями. Расходы на организацию захоронения являются очевидными» [7].

При причинении вреда третьим лицам, гласит Постановление № 1, владельцы источников повышенной опасности, совместно причинившие вред, в соответствии с п. 3 ст. 1079 ГК РФ несут перед потерпевшими солидарную ответственность. Солидарный должник, возместивший совместно причиненный вред, вправе требовать с каждого из других причинителей вреда долю, выплаченного потерпевшему возмещения. Поскольку должник, исполнивший солидарное обязательство, становится кредитором по регрессному обязательству к остальным должникам, распределение ответственности солидарных должников проходит в размере, соответствующем степени вины каждого из должников. Если определить степень вины не представляется возможным, доли признаются равными.

При этом в случае, если вред нанесен лишь тому владельцу ИПО, который сам пострадал в ДТП, вред не возмещается никому. Если вред нанесен одному владельцу по вине другого, возмещает его виновник. При отсутствии вины владельцев во взаимном причинении вреда обязанность по его возмещению не возлагается ни на кого. И наконец, при наличии вины обоих владельцев размер возмещения определяется соразмерно степени вины каждого. При этом соразмерность вины определяется индивидуально в каждом случае, и, как уже сказано выше, у органов дознания ГИБДД отсутствуют какие-либо таблицы для сопоставления вины двух участников ДТП и определения доли этой вины в процентах. Эту долю каждый раз определяет суд, ориентируясь в том числе на судебную практику в своем и в других регионах, на административную практику обоих участников ДТП и др. Далее, когда наступает время исчислять сумму ущерба, применительно к обоим участникам ДТП – как в тех случаях, если обоюдно пострадали оба участника ДТП, как и если ущерб нанесен третьим лицам, суммы взысканий соотносятся с материальным положением обоих виновников, и вполне может сложиться ситуация, когда основной виновник ДТП, имеющий небольшой доход и несколько иждивенцев, платит по иску гораздо меньше, чем виновник косвенный, но с большим заработком и без семьи.

Анализируя судебную практику, в том числе – высших (Конституционного и Верховного) судов можно сделать вывод, что Постановление № 1 вкупе с 59 гл. ГК РФ, успешно гарантируют потерпевшим судебную защиту, так как ни разу за истекшие 9 лет не становились поводом для оспаривания их в Конституционном Суде. Однако гарантии, выраженные в нормативных правовых актах, отнюдь не гарантируют потерпевшим стопроцентное возмещение ущерба, так как работа службы судебных приставов не может считаться эффективной. По-прежнему, наиболее эффективной возможностью получения компенсации от виновника является заключение с ним досудебного соглашения с единовременной выплатой. В этом свете предложение депутата О. А. Нилова может показаться вполне достойным реализации.

Список источников

1. На Камчатке по иску прокуратуры двое детей до совершеннолетия будут получать компенсацию в связи с гибелью их матери в ДТП // Газета «Экспресс-Камчатка» [сайт]. URL: http://express-kamchatka1.ru/novosti-korotko/22633-na-kamchatke-po-isku-prokuratury-dvoe-detej-do-sovershennoletiya-budut-poluchat-kompensatsiyu-v-svyazi-s-gibelyu-ikh-materi-v-dtp.html (дата обращения: 11.02.2025).

2. Толстова, А. Е., Лукьянова, Н. Г. Некоторые проблемы, возникающие при определении субъектного состава деликтных обязательств // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 4 (33). С. 70-74.

3. Ибрагимова, А. И. Отдельные проблемы определения размера подлежащего возмещению причиненного вреда в российском гражданском праве // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 9-13.

4. Виноградова, Е. В., Бойко, И. В. Характеристика типичных нарушений прав больных, пострадавших от профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве» // Главный врач: хозяйство и право. 2012. № 1. С. 47-49.

5. Дочь сбитого поездом мужчины в Улан-Удэ будет получать от РЖД компенсацию до 18 лет // Тудэй.ру [сайт]. URL: http://tuday.ru/news/society/8590095/ (дата обращения 11.02.2025).

6. Милосавлевич, В. Д. Практика рассмотрения гражданских споров по делам о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью в результате ДТП // Законность. 2015. № 1. С. 16-19.

7. Водитель, виновный в гибели женщины-пешехода, возместит расходы на проезд дочери погибшей, прилетевшей на похороны из Новой Зеландии // Procrf.ru [сайт]. URL: https://procrf.ru/news/377365-voditel-vinovnyiy-v-gibeli.html (дата обращения: 14.02.2025).

УДК 347.454.3
Элоян Рафаэль Суренович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: gpravo@jurac.ru

Eloyan Rafael Surenovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: gpravo@jurac.ru

СТРАХОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

INSURANCE RELATIONS IN IMPLEMENTING CONSTRUCTION CONTRACTS

В статье исследуется правовая природа страховых правоотношений, которые возникают на основе договора строительного подряда. Особое внимание уделено договору страхования строительно-монтажных рисков. Проанализированы страховые интересы и риски, возникающие у сторон договора строительного подряда.

Ключевые слова: строительный подряд, страховое правоотношение, страховщик, страховой интерес, страховой риск, договор.

The article examines the legal nature of insurance relations that arise based on construction contracts. Particular attention is paid to the insurance contract for construction and installation risks. The insurance interests and risks arising for the parties to the construction contract are analysed.

Keywords: construction contract, insurance relation, insurer, insurance interest, insurance risk, contract.

Специфика договора строительного подряда состоит в том, что его объектом являются работы — строительные и связанные со строительством. Таким образом, договор строительного подряда распространяется как на собственно строительные, так и на связанные со строительством работы. К первому виду относится строительство и реконструкция объекта строительства (здания, сооружения). Ко второму — работы, которые неразрывно связаны с объектом строительства, — монтажные, пусконаладочные и др., в результате которых налаживаются и запускаются системы водоснабжения, энергоснабжения и отопления, монтируются лифты и т. д. Кроме того, договор строительного подряда применяется и к капитальному ремонту. В отличие от текущего, он связан с заменой или восстановлением отдельных частей здания (фундамента, крыши, стен). Таким образом, это те работы, на которые распространяется договор строительного подряда. Соответственно, по такому критерию, как вид строительных работ, можно классифицировать договор строительного подряда. Речь идет о договорах на строительство или реконструкцию зданий (сооружений), на осуществление монтажных и пусконаладочных работ и, наконец, по производству капитального ремонта.

Все перечисленное имеет непосредственное отношение к страховым правоотношениям, возникающим в рамках договора строительного подряда.

Данные договоры объединяет одна цель — защита интересов участников договора строительного подряда от рисков, возникающих в процессе строительной и связанной с ней деятельности.

Специфика возникновения данных страховых правоотношений состоит в том, что в большинстве случаев обязанностью одного из участников договора строительного подряда является заключение соответствующего договора страхования. Речь идет о комплексном договоре страхования строительно-монтажных работ (далее — договор страхования СМР) и договоре страхования гражданской ответственности за причинение вреда третьим лицам. Данная особенность возникновения на практике обычно не свойственна другим договорам страхования, возникающим в рамках договора строительного подряда, а именно страхования ответственности сторон за нарушение условий договора строительного подряда и страхования предпринимательских рисков сторон [1, с. 53].

Таким образом, одной из разновидностей страховых правоотношений, возникающих в рамках строительного подряда, является договор страхования СМР. Предметом договора страхования СМР являются страховые услуги, которые предусмотрены в соглашении [2, с. 15] и предоставляются в связи с определенными рисками, возникающими у страхователя при осуществлении собственно строительной и связанной с ней деятельности. При страховании СМР посредством страховой услуги осуществляется защита [3, с. 112] интересов страхователя, связанных с рисками случайной гибели или случайного повреждения имущества, которое используется в строительстве, а также наступлением ответственности за причинение вреда третьим лицам. Таким образом, страховая защита при страховании СМР предоставляется ограниченно - только от тех видов рисков, которые перечислены в ст. 742 ГК РФ.

Предмет договора страхования СМР — страховую услугу не стоит отождествлять с застрахованным имуществом, которое используется при осуществлении строительной деятельности и подлежит страхованию его законным владельцем как лицом, имеющим страховой интерес. К застрахованному имуществу относится не только объект строительства, но и все имущество, которое используется при осуществлении строительной деятельности и связанной с ней деятельности по конкретному договору строительного подряда, — это строительная техника, средства монтажа, материалы, оборудование, механизмы.

Срок действия договора страхования строительно-монтажных рисков в большинстве случаев совпадает со сроком действия договора подряда, соответственно, страховое обязательство, как правило, прекращается одновременно с прекращением договора строительного подряда. Это объясняется тем, что наиболее распространенной является ситуация, когда в качестве предмета договора страхования СМР выступает предоставление страховых услуг именно при осуществлении собственно строительной деятельности.

Страховые случаи по договору страхования СМР, как правило, можно разделить на три вида. Речь идет о страховых случаях, связанных с

природными явлениями различного рода (землетрясения, оползни, карстовые пустоты), с ошибками подрядчиков и других лиц, осуществляющих строительную деятельность (которые могут привести, например, к аварии инженерных сетей), и, наконец, с противоправными действиями третьих лиц.

По своей правовой природе страхование СМР — комплексный вид страхования, который включает в себя несколько видов страхования по классификации, установленной в ГК РФ, а именно страхование имущества и страхование ответственности за причинение вреда (ст. 931 ГК РФ и ст. 32.9 Закона Российской Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в РФ» — далее — Закон о страховании).

Комплексный характер страхования СМР обусловлен тем, что строительно-монтажные работы связаны с различными по характеру рисками. Такая взаимосвязь вытекает из специфики строительной и связанной с ней деятельности, все виды которой обладают признаками повышенной опасности для окружающих. Такая деятельность, как создающая повышенную опасность для окружающих, так или иначе, связана не только с рисками потери сохранности имущества, которое используется в строительстве, но и с рисками наступления ответственности за причинение вреда третьим лицам. Эти риски сопровождают строительную и связанную с ней деятельность и являются взаимосвязанными. По этой причине страхование строительно-монтажных работ и носит комплексный характер [1, с. 54].

При этом необходимо иметь в виду, что страхование СМР носит добровольный характер и относится к такому виду страховой деятельности, как добровольное имущественное страхование (п. 2 ст. 32.9 Закона о страховании). Это означает, что, несмотря на комплексный характер страхования СМР, страхователь имеет выбор, заключать ли именно этот договор или, например, договор страхования имущества, которое используется при осуществлении строительной деятельности, предпринимательского риска и т. д. Тем не менее в силу особого значения страхования СМР как соглашения, которое в комплексе защищает строительные риски, желательно ввести в ГК РФ специальную статью, посвященную данному виду страхования.

Понятие договора страхования СМР может быть сформулировано так. Договор страхования СМР представляет собой соглашение о предоставлении страховой услуги, предоставляемой для защиты интереса стороны, на которой лежит риск случайной гибели (случайного повреждения) имущества и наступления ответственности за причинение вреда третьим лицам - при осуществлении собственно строительной и связанной с ней деятельности.

Что касается формулировки ст. 742 ГК РФ, то она может быть применена в случае выбора сторонами отдельных видов страхования в строительстве, но не комплексного страхования СМР. Это связано с тем, что согласно ст. 742 ГК РФ страхуются либо риски, связанные со страхованием имущества, которое используется в строительной деятельности, либо риски наступления ответственности. Более точной представляется формулировка, которая может быть использована в статье, посвященной страхованию СМР,

— речь идет об условиях в договоре строительного подряда «О страховании интересов, связанных с сохранением имущества, которое используется в строительстве, а также наступлением ответственности за причинение вреда третьим лицам при осуществлении строительной деятельности».

Обязанность участника соглашения строительного подряда заключить договор страхования СМР может реализовываться с помощью двух правовых моделей. В первом случае условие о заключении договора страхования СМР является частью договора строительного подряда, во втором — самостоятельным договором, что не противоречит ст. 742 ГК РФ. В последнем случае такое самостоятельное соглашение представляет собой предварительный договор, который должен содержать не только условия о предмете основного договора, но и заявленные одной из сторон в качестве обязательных для согласования. Но и в той и другой ситуации в самостоятельный договор или в раздел договора строительного подряда должны быть включены условия о страховых случаях (застрахованных рисках), размере страховой суммы и страховщике — это требование императивной нормы п. 1 ст. 742 ГК РФ.

Данное требование ГК РФ вполне соответствует правовой природе страховых правоотношений в рамках договора строительного подряда и принципу правовой определенности. Так, М. И. Брагинский и В. В. Витрянский отмечали, что, если договор строительного подряда не содержит условий о страховых рисках и страховой сумме, обязательство не возникает [5, с. 157].

При этом в договоре должно быть четко определено, кто из участников является страхователем, который обязан осуществить страхование СМР, и кто несет расходы по страхованию. Более правильным представляется подход, которого придерживается ГК РФ (ст. 742 ГК РФ) и в целом доктрина страхового права. Речь идет о том, что субъектом, который обязан осуществить страхование СМР, может быть только лицо, которое обладает страховым интересом, или, иначе, имеет соответствующие риски. Например, что касается имущества, которое используется в процессе строительной деятельности, то интерес в его сохранении может присутствовать как у заказчика, так и у подрядчика в зависимости от того, кто является владельцем данного имущества как источника повышенной опасности. При этом необходимо учитывать, что риски случайной гибели или повреждения самого объекта строительства до его приемки несет подрядчик - это императивная норма закона (п. 1 ст. 741 ГК РФ).

На практике нередко в комплексный договор страхования СМР включается и такой вид, как страхование ППГО, или, иначе, страхование интересов участников послепусковых гарантийных обязательств. Речь идет о том, что в ГК РФ, как известно, предусмотрена гарантия качества объекта строительных работ, срок которой предусматривается договором строительного подряда (п. 2 ст. 755 ГК РФ). Это означает, что подрядчик гарантирует в течение данного срока соответствие объекта строительства определенным техническим показателям, установленным в договоре. Соответственно, подрядчик несет ответственность за недостатки объекта

строительства, которые были обнаружены в течение гарантийного срока, или, иначе, за нарушение условий договора строительного подряда о качестве.

Страхователем по договору страхования ППГО является подрядчик, выгодоприобретателем — заказчик. По данному договору в большинстве обстоятельств страховыми случаями являются повреждение или гибель сданного в эксплуатацию объекта строительства или монтажа в результате недостатков, которые допущены страхователем при осуществлении строительно-монтажных работ или гарантийного обслуживания.

На практике в некоторых случаях страхование ППГО входит в комплексный договор страхования СМР. По этой причине некоторые юристы справедливо считают, что данный вид страхования относится по своей правовой природе к страхованию СМР. Дело в том, что страхование ППГО защищает страховые интересы сторон договора строительного подряда на стадии действия гарантийного срока, т.е. уже после окончания собственно строительной деятельности и прекращения действия договора строительного подряда. Вместе с тем данная стадия относится к деятельности, связанной со строительной, - это вытекает из понимания п. 2 ст. 40 ГК РФ. Кроме того, из п. 1 ст. 1079 ГК РФ вытекает, что к деятельности, которая создает повышенную опасность для окружающих, относится не только собственно строительная, но и иная связанная с нею деятельность. Действительно, как и собственно строительной деятельности, стадии ППГО присущи повышенные риски, прежде всего речь идет о рисках повреждения или гибели объекта строительства и причинения вреда третьим лицам.

Переходя к вопросу о страховании гражданской ответственности за причинение вреда третьим лицам при осуществлении строительной и связанной с ней деятельности, необходимо отметить, что как раз данный вид соглашений, в отличие от страхования СМР, должен иметь обязательный характер и регламентацию в специальном законе. Это связано, во-первых, с тем, что строительная и связанная с ней деятельность обладает, как уже упоминалось, признаками повышенной опасности для окружающих и сопровождается, кроме того, достаточно высокими по степени рисками повреждения или гибели имущества, которое используется при ее осуществлении. Повышенная опасность строительной деятельности для окружающих связана с необходимостью защиты интересов последних (речь идет о потерпевших). При этом защита интересов потерпевших при страховании ответственности за причинение вреда имеет особое значение. Как справедливо отметил Е. И. Четырус, в объект данного вида страхования должен входить и защищаться интерес не только страхователей, но и потерпевших [6, с. 7]. При этом такая защита может быть гарантирована только в том случае, если данный вид страхования будет обязательным. Кроме того, поскольку в процессе строительной деятельности может быть нарушено законодательство об охране окружающей среды, в некоторых случаях речь идет о защите публичных интересов, или, иначе, неопределенного числа лиц.

Во-вторых, ответственность при осуществлении строительной и связанной с ней деятельности носит особый характер. Это означает, что владелец источника повышенной опасности (это может быть как подрядчик, так и заказчик) несет ответственность во всех случаях, в том числе при отсутствии вины, кроме случаев, когда причинение вреда произошло из-за воздействия непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

И, наконец, в случае обязательного страхования гражданской ответственности будет необходима детальная и четкая правовая регламентация данных правоотношений, которая на настоящий момент отсутствует. Речь идет о субъектах ответственности, правах и обязанностях сторон и т. п.

Таким образом, существуют веские аргументы за то, чтобы данный вид страхования был обязательным.

Против обязательного страхования гражданской ответственности при осуществлении строительной и связанной с ней деятельности приводятся аргументы, что строительные компании и так являются членами саморегулируемой организации в области строительства и ремонта (далее — СРО), в рамках которых осуществляется коллективное и/или индивидуальное страхование гражданской ответственности членов таких организаций.

Немаловажен вопрос соотношения страховых правоотношений и компенсационных выплат в строительстве как разных правовых механизмов для защиты интересов сторон договора строительного подряда и третьих лиц. Так, саморегулируемая организация обязана сформировать компенсационный фонд возмещения вреда для защиты интересов членов СРО при наступлении ответственности за причинение вреда третьим лицам вследствие повреждения, разрушения здания, сооружения или объекта незавершенного строительства. Компенсационные выплаты направлены на защиту интересов членов СРО (а также потерпевших и контрагентов) при наступлении ответственности перед третьими лицами и нарушении договорных обязательств как на стадии строительства, так и после завершения этого этапа. Вместе с тем страховые правоотношения при реализации договора строительного подряда направлены на защиту от страховых случаев, связанных именно со специфическими рисками, возникающими в процессе строительной деятельности (например, повреждения строительной техники). Таким образом, страховые правоотношения и компенсационные выплаты в строительстве имеют различное целевое назначение, однако при этом в сочетании они представляют собой достаточно большую финансовую нагрузку для членов СРО (если страхователем является подрядчик).

Список источников

1. Денисюк, С. П., Толстова А. Е. Договорное право: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2020. 108 с.

2. Абрамов, В. Ю. Проблемы правового регулирования строительной деятельности в РФ: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2011. 61 с.

3. Худяков, А. И. Теория страхования. Москва: Статут, 2010. 654 с.

4. Денисюк, С. П. Правовое регулирование договора страхования в Российской Федерации (вопросы теории и практики) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 3 (48). С. 51-55.

5. Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Книга третья: договоры о выполнении работ и оказании услуг. Москва : Статут, 2002. 1055 с.

6. Четырус, Е. И. Страхование гражданско-правовой ответственности за причинение вреда: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2015. 28 с.

УДК 347.658

Яковлев Арнольд Михайлович
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: ntdstark184@gmail.com

Yakovlev Arnold Michailovich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: ntdstark184@gmail.com

НАСЛЕДОВАНИЯ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА МУНИЦИПАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ

INHERITANCE OF EXTORTIONATE PROPERTY BY A MUNICIPALITY

В работе проведено исследование проблем нормативно-правового регулирования, наследования выморочного имущества муниципальным образованием. В статье рассматриваются судебная практика и нормативная база, связанные с данной проблемой, а также проанализирована сама процедура принятия выморочного имущества.

Ключевые слова: выморочное имущество, муниципальное образование, наследование, судебные споры, нормативная база.

In this paper, a study of regulatory and legal problems related to the inheritance of extortionate property by a municipality is carried out. The article deals with judicial practice, the regulatory framework related to this problem, as well as analyze the procedure for accepting escheat.

Keywords: escheat, municipal formation, inheritance, legal disputes, regulatory framework.

Окончательное формирование института выморочного имущества в Российской империи произошло в XIX в. после принятия Свода законов. Свод законов Российской империи, действующий с 1835 г., в томе 10 содержал отделение шестое «О порядке наследования в имуществах выморочных». В ст. 1162 указывались условия перехода имущества в категорию «выморочное», такие как отсутствие наследников у владельца или их неявка в течение 10 лет. Статья 1167 указывала, что выморочное имущество поступает в государственную казну. Однако ст. 1168-1180 содержали особые правила перехода выморочного имущества. Интересно, что имущество, оставшееся после владельца, принадлежавшего к какому-

либо сообществу, например казачеству или дворянству, переходило в собственность этого сообщества. Если владелец при жизни был членом университета или чиновником учебного ведомства, имущество переходило такой организации. А вот в ст. 1172.7 говорится, что недвижимое имущество в пределах городов и отведенных им земель, выморочное после владельца, не принадлежащего к дворянству, обращается в пользу города [1, с. 88-89].

Дальнейшая трансформация понятия «выморочное имущество» происходила уже в советском праве. ГК РСФСР 1922 г. сохранил преемственность понятия «выморочное имущество», а вот ГК РСФСР 1964 г. это понятие не использует. Статья 552 ГК РСФСР «Переход наследства к государству» к уже известным основаниям такого перехода, как отсутствие наследников или непринятие ими наследства, добавляет возможность завещания имущества в пользу государства, а также возможность лишения наследников права наследования.

Однако при принятии ч. 3 ГК РФ законодатель вновь возвращается к этому понятию. На сегодняшний день глава 63 ГК РФ регулирует отношения, касающиеся наследования по закону. К данному виду наследования относится, в частности, наследование выморочного имущества, чему и посвящена ст. 1151 ГК РФ, согласно которой имущество умершего считается выморочным, если: отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию; никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования; никто из наследников не принял наследства; все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника.

По действующему законодательству в собственность муниципального образования переходят находящиеся на их территории земельные участки, жилые помещения и доли на них.

Рассмотрим ряд особенностей при наследовании выморочного имущества муниципальным образованием.

Во-первых, исходя из толкования ст. 1151 ГК РФ, выморочность имущества относится к исключительным ситуациям, когда возможность универсального правопреемства после наследодателя в пользу физических лиц - наследников по закону или по завещанию исключается.

Во-вторых, в соответствии с п. 49 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее — Постановление № 9) «неполучение свидетельства о праве на наследство не освобождает муниципальные образования от возникших в связи с этим обязанностей таких, как: выплаты долгов наследодателя, исполнения завещательного отказа, возложения и т.п. Отсюда вытекает, что муниципальные образования, как и все другие наследники, несут ответственность по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к ним имущества.

В-третьих, на основании п. 50 Постановления № 9 переход выморочного имущества к государству и муниципальному образованию императивен и не требует выражения волеизъявления на принятие

наследства, то есть получается, что наследование выморочного имущества — это не только право, но и обязанность муниципального образования. Кроме того, «возникновение права собственности не связано с получением свидетельства, а также с государственной регистрацией права наследника на имущество. Наследство принадлежит наследнику со дня открытия наследства» [2, с. 159].

В-четвертых, особенностью наследования муниципальным образованием жилого помещения является то, что с момента открытия наследства возникает обязанность нести бремя по его содержанию.

Из-за недостаточного нормативно-правового регулирования и правовой неграмотности участников гражданских правоотношений возникает огромное количество разногласий. Для более детального ознакомления с ними обратимся к судебной практике.

Большинство споров связано с тем, что наследство перешло в собственность муниципального образования с долгами, которые последнее не оплатило. Типичный случай: финансовый управляющий Цыгановой В. И. Сбитнев Е. А. обратился в арбитражный суд с исковым заявлением о взыскании с муниципального образования городской округ город Омск в лице Администрации города Омска в пользу Цыгановой В. И. задолженности в сумме 1 199 683,33 руб. При этом за ответчиком было признано право собственности на имущество женщины. Важным фактом в этом деле выступает то, что в реестре требований кредиторов Цыгановой В. И. включена задолженность в общей сумме 1 199 683,33 руб., которую муниципальное образование не погасило. Исходя из этого, суд встал на сторону истца, руководствуясь при принятии решения разъяснениями, содержащимися в п. 60 Постановления № 9. Согласно им, ответственность по долгам наследодателя несут также и муниципальные образования, в собственность которых переходит выморочное имущество в порядке наследования по закону [3].

Кроме того, возникают споры о том, кто будет платить за содержание и ремонт общего имущества. Так, например, в споре между управляющей компанией и муниципальным образованием — собственником жилого помещения по оплате коммунальных платежей суд удовлетворил требования истца в полном объеме и постановил, что оплата оказанных услуг должна быть произведена за счет казны муниципального образования [4].

К тому же существует немало споров, в которых ставится вопрос о выморочной природе имущества в связи с тем, что муниципальное образование не вступило в права наследования, а значит, не должно платить по долгам. Так, в деле № А42-1876/2018 ресурсоснабжающая организация обратилась в суд к местной администрации с иском о возмещении задолженности за жилищно-коммунальные услуги. При этом истец полагал, что жилые помещения перешли к администрации как выморочное имущество. Суд согласился с судами нижестоящих инстанций, которые отклонили довод администрации о возмещении расходов за оказанные жилищно-коммунальные услуги наследниками спорных жилых помещений. По мнению суда, государство или муниципальное образование может быть

признано ответчиком по иску кредитора наследодателя вне зависимости от получения у нотариуса (согласно п. 1 ст. 1162 ГК РФ) свидетельства о праве на наследство. Кроме того, в таких случаях суды руководствуются п. 50 Постановления № 9. В нем обговорено, что выморочное имущество со дня открытия наследства переходит в порядке наследования по закону в собственность муниципального образования [5, с. 11].

В правовом регулировании наследования выморочного имущества, на наш взгляд, есть множество пробелов. Необходимо заметить, что данные споры в основном решаются на основании всего двух источников: ГК РФ и Постановления № 9. Пункт 3 ст. 1151 ГК РФ говорит, что порядок наследования, учета и передачи выморочного имущества должен определяться законом. Однако в настоящее время такого нормативного правового акта нет. Поэтому наследование выморочного имущества муниципальным образованием осуществляется на основании общих правил о наследовании, что, по нашему мнению, порождает все вышеперечисленные проблемы.

Также сделаем акцент на отсутствии определенного источника, который мог бы выявлять состояние выморочности имущества, если нотариус не заводил наследственного дела [6, с. 46]. В настоящее время информацию о выморочном имуществе получают от различных источников: собственников долей в имуществе, родственников и соседей умершего и др. Это также является серьезной проблемой, так как порой имущество на долгие годы остается бесхозяйным.

Неточен и ответ на вопрос о том, когда именно выморочное имущество переходит в собственность муниципального образования. В ГК РФ это не указано. Исходя из этого считается, что после истечения шести месяцев, то есть времени, отведенного наследникам по закону и по завещанию для принятия наследства, имущество является выморочным. Естественно, такой пробел в законе также может создавать большое количество судебных споров, что рассматривается нами как отрицательная сторона.

Не урегулирован и вопрос о возврате имущества, принятого муниципальным образованием как выморочное, в связи с восстановлением наследниками пропущенного срока на принятие наследства по уважительным причинам. Возникают ситуации, когда истинный наследник предъявляет свои права на имущество, а муниципальное образование уже распорядилось им согласно законодательству и возвращение имущества в натуре уже невозможно. Представляется, что в таких случаях необходимо компенсировать стоимость имущества за счет бюджета муниципального образования, однако непонятно, каким образом эта стоимость должна устанавливаться [7, с. 85].

Также недостаточно урегулирована деятельность нотариусов по наследственным делам, связанным с оформлением прав на выморочное имущество. Связано это в первую очередь с тем, что такие случаи в нотариальной деятельности встречаются нечасто, практикой механизм не выработан, следовательно, действуют нотариусы по общим правилам, что не

всегда эффективно.

Проанализировав все имеющиеся недостатки правовой системы, мы хотим предложить выход из сложившегося положения дел.

Прежде всего необходимо принять отдельный нормативно-правовой акт, в котором бы четко была прописана процедура принятия выморочного имущества муниципальным образованием.

Также, на наш взгляд, необходимо создать два специальных органа, один из которых будет специализироваться именно на решении наследственных вопросов, выступая от имени муниципального образования, а другой — вести учет имущества, которое с большой долей вероятности может попасть в категорию «выморочное», определять состояние выморочности имущества и своевременно сообщать об этом, что позволит в срок оформлять на него права.

В итоге мы предполагаем, что все вышеперечисленные меры не только упростят процедуру принятия муниципальным образованием выморочного имущества, но и структурируют ее, что, в свою очередь, приведет к уменьшению количества судебных споров, связанных с данной проблемой.

Список источников

1. Бейн, А. К. Наследование выморочного имущества в Российской Федерации: историко-правовой аспект // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 2. С. 87-94.

2. Шевчук, С. С., Толстова А. Е. Правовое регулирование наследственных отношений по российскому и международному частному праву. Монография. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 264 с.

3. Решение Арбитражного суда Омской области от 20.01.2020 по делу № А46-16055/2019. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Постановление Арбитражного суда Самарской области от 27.12.2019 по делу № А55-10397/2019. [Электронный ресурс] — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Новикова, Т. Выморочное жилье - анализ споров претендентов на жилье умерших людей // Жилищное право. 2022. № 8. С. 5-14.

6. Ходырева Е. А. Жилое помещение как объект выморочного наследства // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 45-48.

7. Толстова, А. Е. Содержание субъективного права собственности публичных образований // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 81-87.

УДК 347.451.01
Ямковский Юрий Дмитриевич
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: uron100699@gmail.com

Yamkovsky Yuri Dmitrievich
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: uron100699@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ПОКУПКЕ ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ

FEATURES OF CONSUMER PROTECTION WHEN BUYING GOODS OVER THE INTERNET

В статье рассматривается динамика развития интернет-торговли в России в 2024 году, отмечается ее значительный рост и анализируется действующее законодательное регулирование в данной сфере. Автор уделяет внимание нормативно-правовой базе, обеспечивающей защиту прав потребителей, прозрачность и справедливость дистанционной торговли. В статье подробно освещаются права и обязанности сторон интернет-сделок, включая требования к предоставлению информации о товарах, соблюдению условий доставки и обеспечению возврата товаров. Автор подчеркивает важность совершенствования регулирования, включая разработку дополнительных требований к регистрации участников интернет-торговли и информированию потребителей. Предлагаются меры для минимизации рисков и повышения надежности дистанционной торговли в условиях ее стремительного роста.

Ключевые слова: розничная торговля в интернете, онлайн-покупка, механизм защиты потребителей, ответственность за продажу товаров, товар, потребитель, защита прав.

The article examines the dynamics of the development of online commerce in Russia in 2024, notes its significant growth and analyzes the current legislative regulation in this area. The author pays attention to the regulatory framework that ensures consumer protection, transparency and fairness of distance trading. The article highlights in detail the rights and obligations of the parties to online transactions, including the requirements for providing information about goods, compliance with delivery conditions and ensuring the return of goods. The author emphasizes the importance of improving regulation, including the development of additional requirements for registration of e-commerce participants and informing consumers. Measures are proposed to minimize risks and increase the reliability of distance trading in the context of its rapid growth.

Keywords: online retail, online purchase, consumer protection mechanism, responsibility for the sale of goods, product, consumer, protection of rights.

В 2024 году российский рынок интернет-торговли продемонстрировал значительный рост по сравнению с предыдущими годами. Объем онлайн-продаж за январь-октябрь 2024 года достиг 7 трлн рублей, что на 43% больше, чем за аналогичный период 2023 года [1]. При этом, в России существу-

ют эффективные механизмы для управления торговыми отношениями через интернет, которые позволяют адекватно регулировать разнообразные виды таких взаимодействий. Этот вопрос находится в поле зрения законодателей и получает должное внимание, что способствует своевременному решению возникающих проблем и поддержке актуальности правового регулирования.

Среди правовых источников, регулирующих интернет-торговлю, можно выделить следующие, ГК РФ РФ (ст. 497 ГК РФ), Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о ЗПП), Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (далее – Закон о рекламе), Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» и Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

Эта нормативно-правовая база направлена на обеспечение прозрачности и справедливости дистанционной торговли. Продавцы обязаны предоставлять полную и достоверную информацию о товаре, включая его характеристики, назначение и условия эксплуатации, что предусмотрено ст. 10 Закона о ЗПП. В случае несоответствия фактических свойств товара описанию покупатель, согласно ст. 18 Закона о ЗПП, имеет право на возврат или компенсацию. Важным элементом является возможность вернуть товар, купленный дистанционно, в течение 7 дней, а в некоторых случаях - 14 дней, без объяснения причин, при условии сохранения товарного вида и сопроводительных документов, что регламентируется п. 4 ст. 26.1 Закона о ЗПП. Законодательство также запрещает недобросовестную рекламу, содержащую ложные или вводящие в заблуждение сведения, что регламентируется Законом о рекламе, особенно в сфере онлайн-торговли, где покупатель часто полагается на визуальные и текстовые описания. Ответственность продавца распространяется на качество товара и выполнение гарантийных обязательств, и при обнаружении дефектов покупатель вправе требовать замену, ремонт, скидку или возврат средств, что регулируется ст. 18 Закона о ЗПП. Продавцы обязаны заранее информировать о сроках доставки, стоимости услуг и доступных способах оплаты, что также предусмотрено ст. 26.1 Закона о ЗПП, а нарушение этих условий может стать основанием для компенсации. Особое внимание уделяется защите персональных данных потребителей, что регламентируется Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Продавцы обязаны обеспечивать конфиденциальность предоставленной информации и использовать ее исключительно для выполнения заказа. При возникновении споров предусмотрены механизмы досудебного

урегулирования, которые описаны в ст. 22 Закона о ЗПП. Если спор не удается разрешить, потребитель вправе обратиться в суд, что также регулируется этим законом. Все эти меры направлены на минимизацию рисков и создание комфортных условий для дистанционной торговли, однако несмотря на наличие нормативно-правовой базы, при покупках в онлайн-магазинах следует тщательно проверять детали о продукте, так как существует риск получения недостоверных данных о характеристиках и спецификациях товара.

Судебные разбирательства подтверждают случаи нарушения продавцами договорных обязательств, когда реальные свойства товара расходятся с описанием.

Так, в деле № 2-1007/2022, потребитель из Тольятти приобрел ноутбук через маркетплейс, который вышел из строя спустя две недели эксплуатации. После отказа продавца в удовлетворении претензии покупатель обратился в суд с требованиями о возврате стоимости товара, компенсации разницы в цене при приобретении нового устройства, возмещении морального вреда и неустойки. Суд удовлетворил иск частично, обязав маркетплейс вернуть стоимость ноутбука, компенсировать разницу в цене и выплатить компенсацию морального вреда в размере 1000 рублей. Данное дело акцентирует внимание на ответственности продавцов за качество реализуемых товаров и необходимость своевременного реагирования на обоснованные претензии потребителей [2].

В другом случае, рассмотренном в деле № 02-1442/2023 житель Москвы приобрел через маркетплейс пальто, однако продавец отменил заказ из-за отсутствия товара на складе. Покупатель был вынужден приобрести аналогичный товар по более высокой цене и обратился в суд с требованием возмещения убытков и компенсации морального вреда. Суд удовлетворил его требования частично, взыскав убытки в размере 781 рубля и компенсацию морального вреда в размере 1000 рублей. Данный случай подчеркивает важность соблюдения продавцами обязательств перед потребителями и недопустимость односторонней отмены заказов без веских оснований [3].

При анализе судебной практики выявлено множество нарушений в сфере онлайн-торговли. Продавцы зачастую скрывают полное наименование бренда, не информируют клиентов о статусе доставки и не предоставляют четких условий возврата товара.

Хотя традиционные розничные сделки, согласно ст. 493 ГК РФ, считаются оформленными после получения покупателем чека, для интернет-торговли действуют особые правила. В случае дистанционных продаж данный принцип не является основным, и требуется применение специальных правовых норм, учитывающих специфику таких сделок [4, с. 59].

В эпоху стремительного роста онлайн-коммерции покупатели оказываются в уязвимом положении, что создает необходимость их усиленной правовой защиты. Учитывая нестабильность положения потребителей в интернет-торговле, законодательство предоставляет им расширенный спектр прав, делая дистанционные покупки более надежными. Когда происходит нанесение ущерба гражданскому обороту в сфере онлайн-продаж, незамед-

лительно возникает юридическая ответственность. В частности, это касается случаев, когда участники сделки становятся объектами преднамеренного обмана, направленного на достижение определенных коммерческих целей путем введения в заблуждение [5, с. 58].

Тем не менее, необходимо законодательно закрепить требования к процедуре регистрации участников интернет-торговли, как продавцов, так и покупателей. При этом идентификация участников должна осуществляться через Единую портальную систему государственных услуг (ЕПГУ) с использованием электронной подписи. Такой подход не только обеспечит высокий уровень надежности и достоверности предоставляемых данных, но и внесет прозрачность в процессы электронной коммерции, позволяя навести порядок в сфере интернет-торговли. Важно установить юридическую ответственность интернет-посредников за распространение недостоверных сведений о свойствах реализуемых товаров. Следует разработать и внедрить базовый список обязательных данных, требуемых при заключении договоров в электронной форме. Особое внимание нужно уделить регламентации информационных обязательств посредников в отношении специфики электронных сделок. Практическая реализация этих мер позволит обеспечить надежную защиту прав потребителей при совершении покупок через интернет-платформы.

Список источников

1. АКИТ оценила рост объема интернет-торговли в РФ за девять месяцев в 43%/ // Информационное агентство ТАСС [сайт]. URL: https://tass.ru/ekonomika/22427635?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.01.2025).

2. Решение Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 19.05.2022 по делу № 2-1007/2022 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: https:// sudact.ru/ (дата обращения: 20.01.2025).

3. Решение Пресненского районного суда от 14.02.2023 по делу № 02-1442/2023// Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: https:// sudact.ru/ (дата обращения: 20.01.2025).

4. Зыбина, О. С., Барило, С. Е., Толстова, А. Е. Потребительское право: учебное пособие. Санкт-Петербург : АНО ВО «СЮА», 2022. 124 с.

5. Толстова, А. Е. Механизм осуществления юридической помощи: нормативное закрепление и пробелы правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 3 (64). С. 54-60.

УДК 347.53

Янглеева Эмилия Равилевна
магистрант
(Санкт-Петербургская юридическая академия)
E-mail: emilia.yangleeva@yandex.ru

Yangleeva Emilia Ravilevna
master's student
(Saint Petersburg Juridical Academy)
E-mail: emilia.yangleeva@yandex.ru

ПРИНЦИП ПОЛНОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

THE PRINCIPLE OF FULL COMPENSATION FOR HARM AND PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION

В статье исследуются теоретические и практические аспекты реализации принципа полного возмещения вреда в российском гражданском праве. На основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики выявлены основные проблемы, возникающие при определении размера возмещения вреда и доказывании его объема. Особое внимание уделено специфике возмещения отдельных видов вреда и сложностям, возникающим в процессе правоприменения. Предложены пути совершенствования механизма реализации данного принципа с учетом современных экономических условий и потребностей правоприменительной практики. Сформулированы конкретные рекомендации по модернизации законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: возмещение вреда, гражданско-правовая ответственность, принцип полного возмещения, убытки, деликтные обязательства, защита прав потерпевшего.

The article examines theoretical and practical aspects of implementing the principle of full compensation for harm in Russian civil law. Based on the analysis of current legislation and law enforcement practice, the main problems arising in determining the amount of compensation for harm and proving its scope are identified. Special attention is paid to the specifics of compensation for certain types of harm and difficulties arising in law enforcement practice. Ways to improve the mechanism for implementing this principle are proposed, taking into account modern economic conditions and the needs of law enforcement practice. Specific recommendations for modernizing legislation in this area are formulated.

Keywords: compensation for harm, civil liability, principle of full compensation, damages, tort obligations, protection of victim's rights.

В условиях современного развития гражданского оборота принцип полного возмещения вреда приобретает особую значимость как один из фундаментальных принципов гражданского права, определяющих характер и объем гражданско-правовой ответственности. Актуальность исследования проблем реализации данного принципа обусловлена необходимостью обес-

печения эффективной защиты прав и законных интересов потерпевших в условиях усложняющихся экономических отношений [1, с. 108].

Развитие экономических отношений, усложнение форм причинения вреда и появление новых видов убытков требуют переосмысления традиционных подходов к определению объема возмещения вреда. Как справедливо отмечает Ю.Э. Монастырский, существующие механизмы реализации принципа полного возмещения вреда не всегда способны обеспечить адекватную компенсацию потерпевшему [2, с. 34]. Это обусловлено комплексом проблем, среди которых можно выделить: сложности в доказывании размера причиненного вреда, отсутствие единообразных критериев его определения, проблемы исполнения судебных решений о возмещении вреда, а также специфические трудности, возникающие при возмещении отдельных видов вреда.

Несмотря на значительное количество исследований в данной области, многие аспекты реализации принципа полного возмещения вреда остаются дискуссионными. В частности, требуют дополнительного осмысления вопросы определения критериев полноты возмещения вреда, проблемы соотношения принципа полного возмещения вреда с принципом справедливости, особенности применения данного принципа в отдельных видах гражданско-правовых отношений [3, с. 71].

Целью настоящего исследования является комплексный анализ теоретических и практических проблем реализации принципа полного возмещения вреда в российском гражданском праве, а также разработка предложений по совершенствованию механизма его реализации. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: исследовать теоретико-правовые основы принципа полного возмещения вреда; выявить основные проблемы его реализации в современных условиях; разработать предложения по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Особое внимание уделено системному анализу действующего законодательства и правоприменительной практики в сфере возмещения вреда. Применение указанных методов позволило провести всестороннее исследование проблем реализации принципа полного возмещения вреда и сформулировать обоснованные предложения по их решению.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии научных представлений о принципе полного возмещения вреда и механизмах его реализации. Практическая значимость состоит в разработке конкретных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Принцип полного возмещения вреда является одним из ключевых принципов гражданского права, определяющих сущность и характер гражданско-правовой ответственности. Его фундаментальное значение обусловлено тем, что он направлен на восстановление имущественной сферы потерпевшего в том состоянии, в котором она находилась до нарушения его права.

При этом важно понимать, что данный принцип не сводится исключительно к компенсации материального ущерба, а предполагает комплексное восстановление нарушенных прав и законных интересов.

Сущность принципа полного возмещения вреда раскрывается через его основные характеристики. Во-первых, это компенсационный характер возмещения, направленный не на наказание причинителя вреда, а на восстановление имущественного положения потерпевшего. Во-вторых, это эквивалентность возмещения причиненному вреду, что предполагает соответствие размера возмещения фактически понесенным потерям. В-третьих, это универсальность применения, означающая распространение данного принципа на все случаи причинения вреда, если иное прямо не предусмотрено законом.

Нормативное закрепление принципа полного возмещения вреда в российском законодательстве осуществляется через систему взаимосвязанных правовых норм. Базовое значение имеет ст. 15 ГК РФ, устанавливающая право лица требовать полного возмещения причиненных ему убытков. Развитие данного положения осуществляется в главе 59 ГК РФ, посвященной обязательствам вследствие причинения вреда [4, с. 132]. Особое значение имеет ст. 1064 ГК РФ, закрепляющая общие основания ответственности за причинение вреда.

Анализ элементов принципа полного возмещения вреда в российском законодательстве показывает, что он реализуется через систему взаимосвязанных компонентов, включающих реальный ущерб (расходы на восстановление нарушенного права и утрата/повреждение имущества) согласно п. 2 ст. 15 ГК РФ, упущенную выгоду (неполученные доходы при обычных условиях оборота) по п. 2 ст. 15 ГК РФ, моральный вред (физические и нравственные страдания) в соответствии со ст. 151 ГК РФ, а также компенсацию сверх возмещения вреда (дополнительные компенсации в установленных законом случаях) на основании ст. 60, 1084 ГК РФ.

Следует отметить, что принцип полного возмещения вреда не является абсолютным. Законодательство предусматривает ряд исключений, когда размер возмещения может быть ограничен или увеличен. Например, в случаях причинения вреда жизни или здоровью гражданина возможно взыскание компенсации сверх возмещения вреда. Такой подход законодателя обусловлен необходимостью обеспечения баланса интересов сторон и учета особой значимости отдельных охраняемых благ.

Несмотря на детальную регламентацию принципа полного возмещения вреда в законодательстве, его практическая реализация сопряжена с рядом существенных проблем, требующих комплексного анализа и решения. Современная правоприменительная практика демонстрирует, что существующий механизм определения размера возмещения не всегда способен обеспечить действительно полное восстановление нарушенных прав потерпевшего [5, с. 58].

Одной из ключевых проблем является сложность определения точного размера причиненного вреда. В условиях современного экономического оборота убытки могут иметь сложную структуру и включать множество взаимосвязанных элементов. Особую сложность представляет определение раз-

мера упущенной выгоды, поскольку она носит вероятностный характер и зависит от множества факторов, которые не всегда поддаются точной оценке [6, с. 11].

Специфические проблемы возникают при возмещении отдельных видов вреда. Так, при возмещении вреда, причиненного здоровью, возникают сложности с определением размера утраченного заработка, особенно в случаях, когда потерпевший имел нерегулярный доход или занимался предпринимательской деятельностью. Отдельного внимания заслуживает проблема возмещения морального вреда, где отсутствие четких критериев определения размера компенсации приводит к значительным расхождениям в судебной практике.

Анализ проблем реализации принципа полного возмещения вреда демонстрирует их комплексный характер, охватывающий три основных направления: правовые проблемы, включая методологические сложности определения размера вреда; процессуальные проблемы, связанные с практическими аспектами правоприменения; и экономические проблемы, касающиеся организационных вопросов возмещения вреда, при этом ключевой проблемой остается сложность доказывания размера причиненного вреда.

Проблема доказывания размера вреда является одной из наиболее острых в современной правоприменительной практике. Сложность заключается не только в необходимости подтверждения факта причинения вреда и его размера, но и в установлении причинно-следственной связи между действиями причинителя вреда и наступившими последствиями. Особенно это актуально в случаях, когда вред причинен действиями нескольких лиц или когда в его причинении есть вина самого потерпевшего.

Существенной проблемой является также временной фактор: между моментом причинения вреда и моментом его возмещения может пройти значительный период, в течение которого могут измениться экономические условия, что затрудняет определение реального размера понесенных убытков. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос об учете инфляции и изменения рыночных цен при определении размера возмещения.

Отдельного внимания заслуживает проблема исполнения судебных решений о возмещении вреда. Даже при наличии решения суда о взыскании определенной суммы возмещения потерпевший не всегда может реально получить присужденные средства из-за отсутствия у должника имущества или его недобросовестного поведения. Это ставит вопрос о необходимости совершенствования механизмов обеспечения реального исполнения судебных решений о возмещении вреда.

Анализ выявленных проблем реализации принципа полного возмещения вреда позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию как законодательства, так и правоприменительной практики в данной сфере. Представляется, что реформирование существующего механизма должно носить комплексный характер и учитывать интересы всех участников правоотношений.

В сфере совершенствования законодательства первостепенное значение имеет разработка четких критериев определения размера возмещения для различных видов вреда, что требует комплексного подхода, включающе-

го как законодательные меры (конкретизация методики расчета упущенной выгоды в ст. 15 ГК РФ), так и правоприменительные механизмы (развитие института судебной экспертизы как ключевого инструмента доказывания размера вреда), при этом особое внимание следует уделить процессуальным гарантиям и механизмам исполнения судебных решений.

В части совершенствования правоприменительной практики представляется необходимым расширение использования современных методов оценки убытков, в том числе с применением экономико-математических моделей. Целесообразно разработать методические рекомендации для судов по определению размера возмещения различных видов вреда, что позволит обеспечить более единообразный подход к разрешению подобных споров.

Существенное значение имеет также совершенствование механизмов исполнения судебных решений о возмещении вреда. В этой связи представляется перспективным развитие института обеспечительных мер, в том числе путем расширения возможностей наложения ареста на имущество должника на ранних стадиях процесса. Кроме того, целесообразно рассмотреть вопрос о создании специального компенсационного фонда для случаев, когда получение возмещения от причинителя вреда невозможно.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность механизма полного возмещения вреда и обеспечить более надежную защиту прав потерпевших. При этом важно соблюдать баланс интересов всех участников правоотношений, не допуская необоснованного обогащения потерпевшего за счет причинителя вреда.

Проведенное исследование принципа полного возмещения вреда и проблем его реализации позволяет сформулировать ряд значимых теоретических и практических выводов. В современных условиях данный принцип сохраняет свое фундаментальное значение как основополагающее начало гражданско-правовой ответственности, однако механизм его реализации требует существенного совершенствования.

Анализ теоретико-правовых основ принципа полного возмещения вреда показал, что его содержание не ограничивается только компенсацией прямого материального ущерба, но включает в себя комплекс мер, направленных на восстановление имущественного положения потерпевшего. При этом выявленные проблемы реализации данного принципа свидетельствуют о необходимости модернизации как законодательного регулирования, так и правоприменительной практики.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие практические рекомендации:

1. В законодательной сфере целесообразно:

- внести изменения в ст. 15 ГК РФ, конкретизировав методику расчета упущенной выгоды;

- разработать единые критерии определения размера возмещения для различных видов вреда;

- усовершенствовать механизмы обеспечения исполнения судебных решений о возмещении вреда.

2. В правоприменительной практике необходимо:

- развивать институт судебной экспертизы в сфере определения размера причиненного вреда;

- расширять использование современных методов оценки убытков;

- формировать единообразный подход к определению размера возмещения вреда.

Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить эффективность механизма полного возмещения вреда и обеспечить более надежную защиту прав потерпевших при одновременном соблюдении баланса интересов всех участников правоотношений. При этом важно учитывать, что совершенствование данного института должно осуществляться комплексно, с учетом как теоретических разработок, так и потребностей правоприменительной практики.

Список источников

1. Шевчук, С. С. Гражданское право: современные тенденции реформирования частного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 1 (58). С. 108-116.

2. Монастырский, Ю. Э. Требования из причинения вреда — особый путь отечественной цивилистики // Хозяйство и право. 2022. № 5. С. 33-48.

3. Толстова, А. Е., Лукьянова, Н. Г. Некоторые проблемы, возникающие при определении субъектного состава деликтных обязательств // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 4 (33). С. 70-74.

4. Ершова, И. В., Ихсанов, Р. В. О проблеме возмещения вреда при его причинении муниципальными органами // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 131-134.

5. Ковязина, Н. М. Убытки как самая распространенная мера гражданско-правовой ответственности // Юрист. – 2021. № 3. С. 57-63.

6. Колесниченко, О. В. Возмещение утраты способности к трудовой и иной оплачиваемой деятельности как альтернатива возмещению утраченного заработка (дохода) потерпевшего в деликтных обязательствах // Lex Russica. 2023. № 11(204). С. 9-18.

СЕКЦИЯ
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

УДК 623.5

Джапаркулов Айбек Сузакбаевич
кандидат педагогических наук, слушатель 2-го факультета (подготовки руководителей (начальников) территориальных органов МВД России),
(Академия управления МВД России)
E-mail: aibek.2019@mail.ru

Dzhaparkulov Aibek Suzakbaevich
Candidate of Pedagogical Sciences, student of the 2nd Faculty (training of heads (chiefs) of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia),
(Academy of Management of the MIA of Russia)
E-mail: aibek.2019@mail.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ОГНЕВОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

REGULATORY AND LEGAL REGIMENTS IN THE SYSTEM FIRE AND PHYSICAL TRAINING INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Данная статья посвящена вопросам профилактики правонарушений, охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в Кыргызской Республике, а также правовым и организационным аспектам применения оружия сотрудниками правоохранительных органов. В ней рассматриваются правовые основы, условия и порядок использования огнестрельного оружия, а также меры безопасности при его обращении. Особое внимание уделяется необходимости повышения профессиональной подготовленности сотрудников милиции, в том числе через развитие физических и тактических навыков, что особенно актуально в условиях современных угроз терроризма и межэтнических конфликтов. Анализируются противоречия между потребностью общества в высококвалифицированных кадрах и недостаточной подготовкой, а также предлагаются концептуальные и практические подходы к совершенствованию профессиональной подготовки правоохранительных органов Кыргызской Республики.

Ключевыеслова: огневая подготовка, физическая подготовка, применение оружия и физической силы, меры безопасности, сотрудники органов внутренних дел Кыргызской Республики

This article focuses on the prevention of offenses, the protection of public order, and the fight against crime in the Kyrgyz Republic, as well as the legal and organizational aspects of the use of weapons by law enforcement officers. It explores the legal framework, conditions, and procedures for the use of firearms, as well as the safety measures that should be taken when handling them. The article

emphasizes the importance of improving the professional training of police officers, including the development of their physical and tactical skills, which is particularly relevant in the face of modern threats of terrorism and inter-ethnic conflicts. The article analyzes the contradictions between the need for highly qualified personnel and insufficient training, and proposes conceptual and practical approaches to improving the professional training of law enforcement agencies in the Kyrgyz Republic.

Keywords: fire training, physical training, use of weapons and physical force, security measures, employees of the Internal Affairs bodies of the Kyrgyz Republic

Для выполнения задач по профилактике правонарушений, охране общественного порядка, борьбе с преступностью государство наделило милицию большими полномочиями. Вся ее деятельность служить целям обеспечения законности и правопорядка, защите жизни, здоровья, чести и достоинства граждан.

Работники милиции обязаны в любых условиях и даже в тех случаях, когда их жизни угрожает опасность, защищать права и законные интересы государственных и общественных организаций, а также граждан. Именно поэтому они наделены правом применения оружия, если нет иных средств выполнить, свой служебный долг. Предоставленное право может быть осуществлено исключительных случаях, в качестве крайней меры. Применение оружия, не основанное на законе, является грубейшим нарушением законности и влечет ответственность виновных.

Работник милиции должен безукоризненно знать предусмотренные законом основания и порядок применения оружия.

Для этого необходимо изучить и твердо усвоить законодательство о необходимой обороне, крайней необходимости и задержании преступника, в частности ст. 46 Закона Кыргызской Республики от 25.07.2019 № 102 «О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики» раскрывает случаи применения оружия и ст. 47 данного законна фиксирует запрет на применение оружия. Работник милиции может оказаться в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости при задержании преступника и, следовательно, имеет право применить оружие не только в момент непосредственного несения службы, но и в нерабочее время. Для работника милиции защита государственных и общественных интересов, прав личности, а также задержание преступников представляют не только право, но и служебный долг, к выполнению которого он должен быть готов постоянно. Указанные нормативные предписания в совокупности составляют правовую основу применения оружия. Сотрудник имеет право применять оружие во всех случаях, когда законодательством разрешено применение вооружения и боевой техники.

Обстоятельства, при которых работник милиции может применять огнестрельное оружие» указаны в статье 46 Закона Кыргызской Республики от 25.07.2019 № 102 «О прохождении службы в правоохранительных орга-

нах Кыргызской Республики» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.02.2023 г.), которой предусмотрено, что Оружия применяется для: защиты другого лица либо самозащиты от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, угрожающим жизни и здоровью; пресечения попытки завладения специальными средствами, боеприпасами, оружием, вооружением, транспортным средством правоохранительных органов и боевой техникой, состоящей на вооружении правоохранительных органов; освобождения заложников; задержания лица, застигнутого при совершении преступления против жизни, здоровья и пытающегося скрыться, если иными средствами задержать это лицо не представляется возможным; задержания лица, оказывающего вооруженное сопротивление, а также лица, отказывающегося выполнить законное требование о сдаче находящихся при нем оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядовитых или радиоактивных веществ; отражения нападения на лиц, охрана которых поручена сотрудникам, когда их жизнь или здоровье подвергаются опасности; отражения группового или вооруженного нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты государственных и общественных органов, общественных объединений, организаций, предприятий, учреждений и граждан, а также для отражения нападения на служебный наряд; пресечения побега из мест лишения свободы осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений или побега из-под конвоя лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы, а также для пресечения попытки насильственного освобождения указанных лиц; остановки транспортного средства путем его повреждения, если управляющее им лицо отказывается выполнить законные требования сотрудника об остановке, создавая угрозу жизни и здоровью граждан, сотрудника, иных лиц либо имущества; разрушения запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих законному проникновению в жилые и иные помещения; производства предупредительного выстрела, подачи сигнала тревоги или вызова помощи путем производства выстрела вверх или в ином безопасном направлении, а также при нападении животного, угрожающего жизни и здоровью граждан, иных лиц или сотрудника.

Статьей 47 указанного выше закона сотруднику запрещается применять оружие в отношении женщин с видными признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен сотруднику, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан, иных лиц или сотрудника.

Также в соответствии с законодательством сотрудник не имеет права применять оружие при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица, за исключением случаев применения оружия в целях предотвращения (пресечения) террористического акта, освобождения заложников, отражения группового или вооруженного нападения.

В статье 55 Закона Кыргызской Республики от 25.07.2019 № 102 «О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики» определен порядок уведомления по факту применения физической силы, специальных средств, оружия, вооружения и боевой техники сотрудником лично либо в составе подразделения (группы). О каждом факте применения физической силы, специальных средств, оружия, вооружения и боевой техники сотрудник либо руководитель подразделения (группы) обязан письменно доложить руководителю соответствующего органа по месту своей службылибо уполномоченному руководителю по месту применения в течение 24 часов с момента применения. По каждому факту наступления смерти в результате применения сотрудником физической силы, специальных средств, оружия, вооружения и боевой техники уполномоченным руководителем в течение 24 часов уведомляется территориальный орган прокуратуры.

Также предусмотрены меры безопасности при обращении с огнестрельным оружием, которые обязательны к выполнению:

Взял оружие – проверь, не заряжено ли оно.

При обращении с оружием не направляй ствол оружия в сторону людей, не целься в другого и не допускай, чтобы целились в тебя.

Любое оружие считай заряженным до тех пор, пока сам его не проверишь и не разрядишь.

Разрядил оружие – обращайся с ним, как с заряженным.

При взводе курка (при отводе затвора назад) ствол оружия направляй только к цели или вверх.

Во всех случаях не накладывай палец на спусковой крючок до тех пор, пока не будет необходимости в открытии огня.

Перед учебной стрельбой, выходом на службу, протри насухо канал ствола, проверь нет ли в стволе посторонних предметов, убедись в исправности оружия и снаряжения к нему.

Происходящие в Кыргызской Республике политические, экономические и идеологические преобразования требуют от сотрудников органов внутренних дел (ОВД) строгого выполнения своих обязанностей, позволяющих осуществлять защиту основных прав и свобод граждан, прописанных в статьях Конституции страны (принята Референдумом всенародным голосованием 11 апреля 2021 года). В соответствии со статьей 40 Закона Кыргызской Республики «О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики от 25 июля 2019 года № 102» сотрудник имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять физическую силу, в том числе приемы борьбы или рукопашного боя и подручные средства, если несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на правоохранительные органы обязанностей.

В Наставлении по физической подготовке личного состава органов внутренних дел Кыргызской Республики», которое было утверждено Приказом МВД страны № 649 от 06.07.2016, представлены приемы боевого раздела самбо, являющиеся основными средствами физического воздействия на правонарушителей сотрудниками милиции Кыргызской Республики.

Современная социально-экономическая ситуация в республике диктует необходимость скорейшего разрешения проблемы качественного улучшения физической подготовленности сотрудников милиции. Нормативно закреплено Законом Кыргызской Республики от 27.01.2000 № 36 «О физической культуре и спорта», Законом Кыргызской Республики от 25.07.2019 № 102 «О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики» Указом Президента Кыргызской Республики от 29.01.2021 № 1 «О духовно-нравственном развитии и физическом воспитании личности», Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 29.04.2020 № 223 «Об утверждении Перечня специальных средств, состоящих на вооружении правоохранительных органов Кыргызской Республики, и Правил применения специальных средств сотрудниками правоохранительных органов и военнослужащими, проходящими службу в уполномоченном государственном органе в сфере исполнения наказаний и внутренних дел Кыргызской Республики» и приказом МВД Кыргызской Республики от 06.07.2016 № 649 «Об утверждении Наставления по физической подготовке личного состава ОВД Кыргызской Республики».

Основные причины возникновения и остроты, обозначенной выше проблемы связаны, во-первых, с активизацией в последние годы деятельности различных экстремистских, террористических, религиозных и некоторых других неформальных групп, организаций и лиц, во-вторых, с формированием тенденции к расширению и разрастанию межэтнических конфликтов, подогреваемых некоторыми западными странами, в-третьих, с усилением реальной опасности осуществления самых разнообразных терактов. В этой связи требуется подчеркнуть, что, как показывает мировая практика, террористы постоянно расширяют арсенал своих средств, осуществляя теракты, переходя от самоподрывов смертников в общедоступных местах к широкому применению как огнестрельного, так и холодного оружия против граждан (включая сотрудников правоохранительных органов), а также к применению транспортных средств для достижения своих античеловеческих и антигуманных целей. Данные причины порождают все новые и новые вызовы, которые обязывают правоохранительные органы быстро принимать решения по разрешению проблем качественного роста профессионально-прикладной подготовленности милиционеров, что непосредственно выражается в необходимости кардинального улучшения обучения органов внутренних дел Кыргызской Республики дисциплине «Физическая подготовка». Требуется отметить, что при обучении сотрудников этой дисциплине и освоении ее содержания у современного поколения сотрудников милиции может вполне эффективно формироваться базовое владение необходимыми действиями техники и тактики, которое в определенной степени позволяет им противодействовать проявлениям агрессии террористов и осуществлять их нейтрализацию и задержание. В то же время для необходимого и неуклонного совершенствования физической подготовленности органов внутренних дел Кыргызской Республики, краеугольным и важнейшим элементом которой является владение ими техническими и тактическими действиями боевого раздела самбо, требуется существенная модернизация научно-методического обеспе-

чения учебно-тренировочного процесса подготовки сотрудников к профессионально-служебной деятельности.

Проведенный нами анализ, обобщение теоретико-педагогических положений и состояния профессионального образования России и ряда стран бывшего СССР, в сравнении с аналогичными исследованиями состояния данных проблем в Кыргызской Республике, позволил выявить ряд существующих в настоящее время противоречий между:

— объективной потребностью общества Кыргызской Республики в профессионально подготовленных сотрудниках органов внутренних дел и недостаточной профессионально-прикладной физической подготовленностью будущих сотрудников к выполнению профессиональной деятельности в оперативно-служебных условиях;

— необходимостью достижения высокого уровня профессионально-прикладной физической подготовленности сотрудников правоохранительных органовКыргызской Республики и отсутствием достаточного для этого научно-методического обеспечения для успешного формирования специальных знаний, умений и навыков;

— потребностью в освоениисотрудниками правоохранительных органовКыргызской Республики технических и тактических действий боевого раздела самбо на должном уровне и отсутствием в педагогической практике научно обоснованных представлений о значимости и роли данных действий как необходимого компонента профессионально-прикладной физической подготовленности сотрудников органов внутренних дел МВД Кыргызской Республики.

Стремление выявить эффективные пути разрешения сложившихся в настоящее время объективных противоречий определило основную проблематикупредставленной монографии: в теоретическом плане – обоснование концептуальных основ формирования специальных знаний, умений и навыков (компетенций) сотрудников органов внутренних дел Кыргызской Республики; в практическом плане — разработка методики освоения технических и тактических действий боевого раздела самбо, позволяющей эффективно формировать специальную профессионально-прикладную физическую подготовленность сотрудников органов внутренних дел Кыргызской Республики в процессе при изучении дисциплины «Физическая подготовка».

Список источников

1. Ворожцов А. М., Жуков В. М. Концепция единой методики огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел // Полицейская деятельность. 2023. № 4. С. 30–37.

2. Афанаскин П. В. Психологическая подготовка сотрудников правоохранительных органов к применению огнестрельного оружия // Научный дайджест ВосточноСибирского института МВД России. 2019. № 1 (1). С. 287–291.

3. Олейник Д. В., Ленева Ю. Б. Некоторые особенности методики огневой подготовки сотрудников ОВД. Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4. С. 98–102.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Сборник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) студенческой научно-практической конференции с международным участием 17 апреля 2025 г.

Том 1

Печатается в авторской редакции.
Оригинал-макет: Маркушева А. А.

Подписано в печать 14.04.2025. Печать трафаретная. Формат 60x84 1/16
Усл.печ.л. 26,19. Уч.-изд.л. 28,38. Тираж 100 экз. Заказ № 710.

Отпечатано в копировальном множительном участке
Санкт-Петербургской юридической академии

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская юридическая академия (далее – Академия) создана 7 июля 1997 года по инициативе заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, доктора юридических наук, профессора, Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии Станислава Федоровича Зыбина при участии федеральных и региональных органов государственной власти.

За 27 лет образовательной деятельности Академия выпустила более 5 000 выпускников. В числе выпускников – депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, депутаты муниципальных образований Санкт-Петербурга и Ленинградской области, государственные служащие, сотрудники Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной таможенной службы, военнослужащие Министерства обороны РФ и др.

Образовательная деятельность в Академии осуществляется на основании Лицензии Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации № 2394 от 20.09.2016 (Л 035-00115-78/00096713) на осуществление образовательной деятельности по указанным в приложениях образовательным программам. Лицензия предоставлена бессрочно.

Академия имеет Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации о государственной аккредитации от 10.12.2019 № 3294 (серия 90А01, № 0003507). Срок действия свидетельства о государственной аккредитации – до 10.12.2025.

В 2019 году Академия прошла процедуру профессионально-общественной аккредитации образовательных программ в Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» и в соответствии с Решением Комиссии Ассоциации юристов России по юридическому образованию от 16.04.2019, протокол № 28 Академия получила Свидетельства № 53-Б, № 53-М/1, № 53-М/2 о профессионально-общественной аккредитации образовательных программ по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) и 40.04.01 «Юриспруденция» (уровень магистратуры).

Академия с 05.03.2010 является членом Ассоциации юридических вузов России (ЮРВУЗ) (Свидетельство № 0264).

В 2007 году Академия награждена Почетным дипломом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга «За выдающийся вклад в развитие высшего профессионального образования в Санкт-Петербурге».

Образовательная деятельность в Академии осуществляется высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом. Более 80 % преподавателей Академии имеют ученые степени и ученые звания, среди которых известные научной и юридической общественности, вузовскому и профессиональному сообществу ученые: доктор педагогических наук, профессор А. В. Долматов; доктор юридических наук, профессор С. А. Роганов; доктор юридических наук, доцент С. Г. Александров; доктор; исторических наук, доцент Д. Н. Соловьев и др.

Состояние материально-технического обеспечения и оснащенность образовательного процесса в Академии соответствуют требованиям, установленными федеральными образовательными стандартами высшего образования, и позволяют осуществлять качественную подготовку студентов.

Академия осуществляет обучение по направлениям подготовки:

40.03.01 Юриспруденция - бакалавриат, профили подготовки: гражданско-правовой, уголовно-правовой, государственно-правовой, «судебная деятельность»;

40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность, специализация - «Судебная деятельность»;

40.04.01 Юриспруденция - магистратура, программы подготовки: правовое обеспечение гражданского оборота и предпринимательства, теория и практика применения законодательства в уголовно-правовой сфере.

40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации).

Направления подготовки (направленность):

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

По окончании обучения выдается диплом государственного образца

Вступительные испытания:

Бакалавриат:

Очная форма обучения – результаты ЕГЭ/собеседование по обществознанию, русскому языку, истории/иностранному языку. Срок обучения – 4 года.

Очно-заочная форма обучения:

- На базе высшего образования – собеседование по основам конституционного права Российской Федерации, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяца.

- На базе среднего профессионального (юридического) образования – собеседование по теории государства и права, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяцев.

- На базе среднего общего или среднего профессионального (непрофильного) образования – собеседование по обществознанию, русскому языку, истории.

Срок обучения – 4 года 6 месяцев.

Заочная форма обучения:

- На базе высшего образования – собеседование по основам конституционного права Российской Федерации, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяца.

- На базе среднего профессионального (юридического) образования – собеседование по теории государства и права, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 6 месяцев.

Специалитет:

Очная форма обучения – результаты ЕГЭ/собеседование по обществознанию, русскому языку, истории/иностранному языку (срок обучения – 5 лет).

Магистратура:

Очная форма обучения – собеседование по конституционному праву Российской Федерации, гражданскому/уголовному праву (срок обучения – 2 года).

Заочная форма обучения – собеседование по конституционному праву Российской Федерации, гражданскому/уголовному праву (срок обучения – 2 года 5 месяцев).

Аспирантура:

Очная форма обучения – вступительные испытания по специальной дисциплине и иностранному языку (срок обучения – 3 года).

Справочная информация:

- В Академии осуществляется обучение по программам дополнительного профессионального образования.
- Студентам очной формы обучения предоставляется отсрочка от призыва на военную службу.
- Действует гибкая система оплаты.
- Студентам очной формы обучения предоставляется общежитие.

Адрес Академии:

192012, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 114 лит. А.

Приемная комиссия:

+7 (812) 677-00-07; +7 (921) 951-34-33; +7 (921) 564-31-01

E-mail: jurac.spb@mail.ru; priem@jurac.ru

Официальный сайт Академии: www.jurac.ru

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НАШУ АКАДЕМИЮ!